



ИНСТИТУТ  
ЭКОНОМИКИ  
КарНЦ РАН

# ПРИГРАНИЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ РОССИИ:

ГЕОЭКОНОМИКА  
КОММУНИКАЦИИ  
СТРАТЕГИЯ

Федеральный исследовательский центр  
«Карельский научный центр Российской академии наук»  
Институт экономики КарНЦ РАН

**ПРИГРАНИЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ РОССИИ:  
ГЕОЭКОНОМИКА, КОММУНИКАЦИИ, СТРАТЕГИЯ**

Петрозаводск  
2018

УДК 332.1+338.2  
ББК 65.04  
П75

**Коллектив авторов:**

д.э.н. О.В. Толстогузов, д.э.н. П.В. Дружинин, к.э.н. В.В. Каргинова-Губинова, д.э.н. Г.Б. Козырева, к.э.н. Н.Г. Колесников, к.э.н. Л.М. Кулакова, Т.В. Кухарева, д.э.н. Т.В. Морозова, д.п.н. М.А. Питухина, д.э.н. Ю.В. Савельев, к.э.н. С.В. Степанова, к.э.н. А.А. Шишкин, д.т.н. А.И. Шишкин, к.п.н. Е.А. Шлапеко, к.э.н. А.П. Щербак

**Рецензенты:**

д.э.н. А.Е. Курило, Институт экономики КарНЦ РАН;  
к.э.н. М.А. Каткова. Саратовский государственный технический университет им. Гагарина,  
Институт социального и производственного менеджмента (ИСПМ)

П75 **Приграничная периферия России: геоэкономика, коммуникации, стратегия** : коллективная монография / под ред. О.В. Толстогузова. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2018. – 241 с.  
ISBN 978-5-9274-0842-9

Основой коллективной монографии послужила научно-исследовательская работа, выполненная по госзаданию № АААА-А16-116122810228-6.

В коллективной монографии представлены геопространственная парадигма и методологический подход к проведению комплексной оценки экономико-пространственного развития приграничных регионов и к выработке их геоэкономической стратегии. Экономико-пространственное развитие приграничных регионов как геоэкономических объектов объясняется в рамках полицентрической модели центр-периферийных взаимодействий. Выявлены геоэкономические и социокультурные инварианты, осуществлена классификация системных факторов и рисков, определяющих характер влияния приграничного положения и направленность процессов развития регионов, в том числе приграничного сотрудничества. Сформулирована геоэкономическая стратегия развития регионов приграничного пояса России, состоящая из элементов: ядро стратегии; обеспечение стратегии (базовые технологии: замыкающие технологии); институциональный инжиниринг территории.

УДК 332.1+338.2  
ББК 65.04

ISBN 978-5-9274-0842-9

© Коллектив авторов, 2018  
© Институт экономики КарНЦ РАН, 2018  
© ФИЦ «Карельский научный центр РАН», 2018

# СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ .....	4
1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ .....	5
1.1 Глобальные вызовы .....	5
1.2 Научный комплекс региональной экономики .....	7
1.3 Геопространственная парадигма .....	9
1.4 Дуализм и синтез категорий «экономическая система» и «экономическое пространство» .....	17
2. РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО .....	22
2.1 Региональные комплексы и границы .....	22
2.2 Регионализация на Евразийском континенте .....	37
2.3. Микрорегионализация и ее влияние на формирование институтов приграничного и трансграничного сотрудничества в Европе .....	47
2.4 Глобальная регионализация и постсоветское пространство .....	55
2.5 Арктический вектор трансграничного сотрудничества .....	60
3. ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ .....	69
3.1 Типология регионов .....	69
3.2 Кластер приграничных регионов .....	77
3.3 Влияние приграничного положения на экономику регионов .....	79
3.4 Приграничная торговля .....	97
3.5 Туристский вектор развития приграничных регионов .....	104
4. ГЕОЭКОНОМИКА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ .....	112
4.1 Системные факторы экономико-пространственного развития регионов .....	112
4.2 Системные риски экономико-пространственного развития регионов .....	122
4.3 Анализ инфраструктурных ограничений и связности пространства .....	127
4.4 Механизм негативной синергии и дифференциальная рента .....	142
4.5 Инварианты геоэкономических систем .....	150
5. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ И КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРИГРАНИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО .....	168
5.1 Устойчивость структуры социокультурного пространства к вызовам .....	168
5.2. Общественная дипломатия: роль и инструменты .....	180
5.3. Коммуникации и каналы информации в обществе приграничного региона .....	189
5.4 Граница и геополитический потенциал приграничного региона .....	189
6. ПРИГРАНИЧНЫЙ ПОЯС РОССИИ: СТРАТЕГИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ .....	201
6.1 Стратегия и политика национальной безопасности .....	201
6.2 Интеграция в изменяющихся геополитических условиях: стандарт типа «О.С.Е.» и контекст национальной безопасности .....	207
6.3 Геоэкономическая стратегия приграничных регионов в контексте глобальных вызовов .....	210
6.4 Структурная модернизация экономики приграничного периферийного региона .....	219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	223
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК .....	226

## ВВЕДЕНИЕ

«По большому счету то, с чем сегодня сталкивается мир, – это серьезный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации». В качестве эпиграфа к настоящему исследованию используем слова Президента России В.В. Путина. Действительно, искать ответы на новые вызовы, с которыми столкнулся мир, это общая задача и исследователей и практиков, всех, кто не только не может не обращать внимание на серьезные системные проблемы, но и, более того, поставил задачу сформировать альтернативную парадигму и соответствующую региональную экономическую политику. Исследования последних 20 лет показали постепенное разрывание экономического пространства в России: с одной стороны, усиливающуюся концентрацию в агломерациях, с другой – разрежение периферийного пространства. В то же время все это находится в русле долгосрочных тенденций глобального процесса пространственного развития. Устранение пространственных диспропорций воспринимается как актуальная задача, в которой, однако, много невыясненных моментов. Поэтому продолжается дискуссия по вопросам, касающимся пространственного неравенства в России и поиска путей новой сборки российского пространства в условиях глобальной экономики в контексте национальной безопасности.

Фундаментальной основой происходящих в мире глобальных изменений является формирование новой экономической реальности: происходит усиление геополитической напряженности и геоэкономической конкуренции, постепенная смена форматов мировой торговли, формирование нового экономического уклада в сочетании с новыми формами движения капитала, которые определяют контуры развития экономически и культурно самоорганизованных частей пространства, элементы которых соединены в экономические процессы, объединенные общими социально-экономическими интересами и стратегическими целями.

Все это в полной мере относится к такому огромному приграничному пространству России, являющиеся в целом проблемной периферией. При этом периферийные регионы, не соперничая с агломерациями по величине добавленной стоимости, инвестициям и расходам домохозяйств, несут ответственность за освоение и «удержание» территории.

При этом необходимо учитывать геоэкономические особенности разных частей пространственно-структурированной территории страны и непростые геополитические условия, в частности обострение глобальной конкуренции за мировые рынки и действия дискриминационных факторов, влияющих на международную торговлю (санкции, снижение доступности финансовых рынков и др.). В этих условиях периферийные (особенно приграничные) регионы обязаны эффективно выполнять важную геополитическую задачу – продвигать конкурентоспособные проекты освоения территории и трансляцию определенных культурных кодов вовне. В этой связи выработка методологических и методических подходов к исследованию механизмов трансформации социально-экономического пространства в контексте национальной безопасности остается как актуальной в методологическом плане, так и востребованной практикой управления. Исходя из сложившихся геополитических и геоэкономических условий, должна выстраиваться стратегия приграничного региона России.

### **Монография подготовлена коллективом авторов (в скобках указаны номера разделов):**

- П.В. Дружинин (3.3)
- В.В. Каргинова-Губинова (2.1; 2.4; 6.1; 6.2)
- Г.Б. Козырева (3.3)
- Н.Г. Колесников (3.3; 4.5; 5.4)
- Л.М. Кулакова (введение; 6.4)
- Т.В. Кухарева (3.3)
- Т.В. Морозова (3.3)
- М.А. Питухина (2.5; 5.1; 5.3)
- Ю.В. Савельев (2.1)
- С.В. Степанова (2.2; 3.4–3.5; 5.2–5.3)
- О.В. Толстогузов (введение; 1 глава; 3.1–3.3; 4 глава; 5.1; 5.3–5.4; 6.2–6.4; заключение)
- А.А. Шишкин (2.1; 3.2; 3.3; 4.1; 4.3)
- А.И. Шишкин (3.3)
- Е.А. Шлапеко (2.2–2.3; 3.4; 5.2–5.3)
- А.П. Щербак (4.3)

# 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

## 1.1 ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ПРИГРАНИЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ РОССИИ

Актуальность работы обусловлена современными вызовами приграничной периферии России, необходимостью разработки теоретических оснований и аргументации в практической реализации путей и источников модернизации экономики и превращения периферийного пространства с его огромными территориями и запасами ресурсов в важнейший долгосрочный фактор развития страны, ее эффективная интеграции в мировое пространство.

Сегодня сырьевая провинция (включая приграничную периферию) находится перед сложным выбором между проведением непростых экономических реформ (нацеленных на повышение темпов экономического развития и качества жизни) и желанием более легкого и быстрого получения сырьевой ренты (с наивным ожиданием при этом значительного роста потребительского сектора и роста доходов населения). И этот непростой выбор периферийному приграничью необходимо осуществлять в условиях глобальных вызовов.

*Первый и наиболее очевидный вызов* заключается в глобализации, проявляющейся в формировании единого геоэкономического пространства и унификации стандартов. Разумеется, наряду с угрозами глобализация предоставляет и новые возможности для решения внутренних проблем регионов и инструменты для формирования новой экономической политики по созданию новых свойств регионального экономического пространства.

Глобализация не стирает существующие административно-территориальные и государственные границы, но делает их проницаемыми. Это приводит к тому, что приходится искать ответы на гораздо большее количество вызовов, чем это было в случае экономики, ориентированной исключительно на внутреннее потребление. Учитывая приграничное положение и экспортоориентированность приграничного региона, существенное влияние на его развитие оказывают внешние факторы: транзитность, высокая зависимость предприятий от конъюнктуры мировых цен и от политики холдингов, самостоятельно формирующих свои стратегии (зачастую вне интересов территории, где происходит добыча сырья и его первичная обработка). Помимо экспортной направленности экономики выделим также и наличие институциональных особенностей, проявляющихся в контексте реализации контактной функции границы в рамках развития приграничного и трансграничного сотрудничества, играющих важную роль в реализации геополитических проектов.

Полагаем, что экономическая политика на современном этапе должна быть направлена не столько на разработку месторождений (хотя это, безусловно, необходимо), и не на создание больших и малых производств (хотя и это тоже нужно), но прежде всего, на улучшение качества жизни, соответствующее **стандартам жизни среднего класса** (которые можно выразить в триаде Ле Корбюзье: жилье, работа, досуг). Причем стандартов достаточно конкурентоспособных в сравнении со стандартами агломераций и сопредельных территорий (например, для Республики Карелии это, прежде всего, территория финляндской Карелии и Санкт-Петербург, для Псковской области – Санкт-Петербург, Москва, Эстония). В этом и заключается *второй вызов*. **Усилившаяся конкуренция за качественные человеческие ресурсы** в условиях возрастания роли человеческого капитала, как основного фактора экономического развития, вызывает сегодня серьезную озабоченность. Проигрыш другим регионам и городам по качеству жизни населения ведет к **дефициту качественных человеческих ресурсов**, столь необходимых современному обществу и развитию экономики знаний.

Нерешенные социально-экономические проблемы и недостатки жизнеобеспечения на территории обусловили определенное отношение населения к условиям жизни и его готовность к миграции. Вектор такого движения направлен из районов в региональные центры и далее в мегаполисы и зарубежье. Учитывая, что происходит **отток** наиболее квалифицированной части **человеческого капитала**, а прибывающие из других регионов России и из близкого зарубежья – это в основном низкоквалифицированные кадры, то в целом происходит **отрицательный социальный отбор**, что приводит, в конечном счете, к **дефициту качественных трудовых ресурсов**. А качество трудовых ресурсов формирует и «качество» экономического пространства, которое, к слову сказать, и без того сильно деформировано.

*Третий вызов*, способствующий появлению предыдущего и его подготавливающий, – это **урбанизация и поляризация экономического пространства**. Причем поляризация экономического пространства вкупе с излишней централизацией власти усиливают контрасты между развитым центром и ослабленной периферией и обуславливают набор типичных проблем: депопуляцию населения и слабую экономическую активность, дефицит бюджета, низкий инвестиционный потенциал, бедность и дифференциацию общества, недостаточную развитость городов, изношенность и недостаточность инфраструктуры. По оценкам компании McKinsey, для поддержания инфраструктуры России в абочем состоянии совокупная стоимость инфраструктурных активов должна составлять в среднем 70 % ВВП – это минимум. Сейчас в инфраструктуру идет 23 % инвестиций, а основная доля идет в нефтегазовую промышленность (более 55 % всех вложений) (Огородников, 2018).

Неоднородность экономического пространства вызвана недостаточным развитием системообразующих элементов регионального экономического пространства (инфраструктуры, контрактной сети, транзакционного сектора экономики, основополагающих для становления рыночной экономики институтов, научно-инновационного комплекса, системы планирования размещения производительных сил). Анализ развития регионов России показывает, что в результате трансформации экономического пространства возникают серьезные различия в темпах роста между регионами и в условиях модернизации их экономики. Пространственная неравномерность выражается в концентрации экономической активности в крупных агломерациях и отставании в развитии периферийных регионов, что приводит к сильной поляризации экономического пространства, к структурным сдвигам в экономике регионов, отставанию в инновационном развитии, возрастанию системных рисков, в том числе по выполнению социальных обязательств государства. Это все ведет к снижению качества населения и, следовательно, к снижению качества заполняемого им пространства.

Чтобы обеспечить прорыв в экономическом развитии территории, необходимо попасть в **новую волну технологических изменений и формирования информационного общества** (*четвертый вызов*), резко усиливающих роль знаний в социально-экономическом развитии, снижающих влияние многих традиционных факторов роста, в чем ключевую роль играет развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), глобальные сети передачи и обработки информации. При этом категория «*периферийность*» в условиях развития экономики знаний выходит за рамки исключительно географического понятия, и определяется, прежде всего, возможностью управлять инновационными процессами. Инновационность, в свою очередь, определяется уровнем образования населения, наличием сильных исследовательских центров и политикой, нацеленной на поддержку образования, инноваций, транзакционного сектора экономики и решение институциональных проблем, связанных с оборотом информации и интеллектуальной собственности.

Интенсивное и инновационное развитие региона, модернизация способа хозяйствования – это помимо всего еще и **вызов угрозы нарушения баланса природо-хозяйственных отношений** (*пятый вызов*). Необходимо учитывать запас экологической прочности региональной экономической системы, основанной на определенном способе хозяйствования, который, безусловно, влияет на природную среду и здоровье человека, ассимиляционный потенциал экосистем и их воспроизводственные возможности. Одним из естественных преимуществ северных регионов является наличие уникальной природы, природных ресурсов.

В приграничных территориях, учитывая относительно короткое транспортное плечо, до недавнего времени было выгодно экспортировать продукцию (с разной степенью переработки), энергетического, лесного и горного комплексов за пределы территории, что повлияло на нынешнее состояние экономики, сформированного в основном по экстенсивному типу экономического хозяйствования. Поэтому природная и экономическая системы не вполне гармонизированы в их взаимоотношении.

Каким образом приграничный регион может позиционировать себя в сложившейся ситуации мировой экономики и пространственной трансформации, как учитывать их последствия и вырабатывать соответствующие стратегические решения, в том числе в контексте инновационного и устойчивого развития?

Необходимость нужной компетентности обуславливает *шестой вызов*, который заключается в **изменении парадигмы управления, обусловленной «уровнем изменений вне организации»**. Для планирования развития инновационной экономики требуется система управления, своевременно реагирующая на вызовы на основе необходимого информационного обеспечения прогнозирования научно-технологического и социального развития и выявления перспективных управленческих и технологических прорывов, способных оказать воздействие на экономику и общество в долгосрочной пер-

спективе. Отсутствие своевременного информационного обеспечения **необходимым** и **достоверным знанием** влечет за собой недостаточную обоснованность производственных планов, повышенные инвестиционные риски и, соответственно, низкую ликвидность.

При этом смысл информационного обеспечения, как элемента новой системы планирования, заключается в увеличении геоэкономической субъектности региона и его точном позиционировании, в эффективности распределения прав собственности, в использовании методов гарантирования хозяйствующих субъектов от предпринимательских рисков, снижения неопределенности будущего состояния и снижения трансакционных издержек.

В этой связи разрабатываются новые эффективные инструменты управления развитием территории, которые способствуют совершенствованию практики стратегического планирования, усилению в ней контекста национальной безопасности страны и элиминированию системных рисков в периферийном регионе, обладающего национально-культурными, социально-экономическими и природно-климатическими особенностями.

## 1.2 НАУЧНЫЙ КОМПЛЕКС РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Развивающийся комплекс региональной экономики представлен базовыми теориями У. Айзарда, А. Леша, Дж. Фридмана, И. фон Тюнена и др., теорией региональной экономики А. Гранберга и др., которые создали основу фундаментальной теории пространственной экономики. Обзор эволюции пространственной экономики на протяжении последних двух веков представлен в работе М. Фуджита (Fujita, 2010). В статье показано, что изучение общей теории расположения (от Тюнена до новой экономической географии П. Кругмана) успешно выявляет и объясняет многие важные черты реальной пространственной экономики.

Повышение роли регионов в глобальном и национальном обмене смещает приоритеты роли факторов роста на мезоэкономический уровень и эндогенные источники. В силу этого повышается внимание к теоретическим вопросам исследования потенциала пространственного развития, его структуры и ограничений и возможностей как источника экономического роста в региональном развитии. Новые научные направления связаны с развитием с 80-х гг. XX в. новой экономической географии, Американской школы бизнеса, новых теорий торговли и экономического роста, подвергнувших «модернизации» традиционную форму пространственной организации промышленности на основе моделей несовершенной конкуренции и первостепенной роли человеческого капитала, экономики знаний. Сложившаяся в регионалистике эмпирическая традиция отталкивается от измерения наиболее фундаментальных показателей, таких как производительность труда, инвестиции, отдача от масштаба, предпочтения и поведение потребителя, технологические изменения. Это традиция, в итоге, выработала повестку дня для теории организации промышленности Ж. Тироля (основанной на классических работах Дж. Робинсон, Э. Чемберлина), которая существенно дополнила инструментарий стратегического, экономического и пространственного анализа.

Сегодня акцент в региональных исследованиях смещается в сторону объяснения неэффективности институтов и их совершенствования на новых основаниях. Теоретической базой для этого послужили классические работы институционального направления (Т. Веблена, Д. Коммонса, У. Митчелла, Ж. Акермана, У. Льюиса, Д. Гэлбрейта, Р. Коуза, Д. Норта и О. Уильямсон), переместившего фокус внимания на непроизвольные типы взаимосвязей и институты, определяющие механизмы координации, синхронизации и согласования поведения агентов. Причины и новые возможности экономического роста и развития стали искать в природе кооперативных или коллективных явлений в экономическом пространстве как связывающей фирмы плотной сети взаимоотношений и взаимозависимостей (контрактной сети). При этом акцент в исследовании приходится делать на изменении предметности экономической теории, а именно сдвиге в исследовании с экономических систем агентов и элементов, задающих структуру взаимодействий агентов, на пространственные процессы, воздействующих некоторым образом на состояние агентов и их взаимодействия.

Сегодня «регионалисты», как теоретики, так и практики, в контексте методологической сложности объекта исследования предъявили для дискуссии проблемное поле, которое необходимо через механизмы решения перевести в простые политические рекомендации, ответив на три основных вопроса, являющиеся важными с точки зрения установления приоритетов политики, направленной на модернизацию экономики и ускорение экономического роста. Если первые два вопроса (какова связь

между структурными изменениями и быстрым экономическим ростом, и какова связь между структурными изменениями и диверсификацией экономики?) находят вроде очевидный ответ; то в то же время остался нерешенным третий вопрос (каким образом происходит формирование ценности в условиях фрагментации экономического пространства и реализуются в регионе выгоды от структурных изменений?). Как и где «найти» эндогенные источники экономического роста и превратить их в механизмы развития, используя синергию экономического пространства? Ответ на эти вопросы представляют собой актуальную исследовательскую задачу.

Чтобы получить искомые ответы, фундаментальные исследования проводятся на базе мезоэкономического подхода, которую составляют новая институциональная и пространственная экономика, теория организации промышленности, а также системный подход, основанный на междисциплинарном синтезе, позволяющем анализировать сложную экономическую систему, обладающую экономико-географическим, финансово-стоимостным и институциональным измерениями. При этом внимание фокусируется на мезоуровне экономических систем, а сама категория «мезоуровень» понимается как занимающая особое место в методологической дискуссии индивидуализма и холизма (Кирдина, 2016, 2017). В данном контексте суть исследования заключается не в сравнении статистических распределений по величине средних и дисперсии, а в выяснении причин изменений в размещении производительных сил и причинно-следственных связей трансакций – движений в экономическом пространстве. Также новизна постановки задачи в методическом плане заключается в дополнении сравнительного анализа статистических распределений детальным выяснением причин изменений в размещении производительных сил (организации промышленности) и, в конечном счете, в деформации экономического пространства и дивергентном развитии его частей. На этом основании вырабатывается новая повестка дня для теоретических и эмпирических исследований регионального хозяйства. При организации исследования исходим из утверждения, что в трансформационном состоянии находится не только сам объект исследования – экономика территории, но и инициирующее эти процессы экономическое пространство, поэтому в фокусе внимания – его глобальные существенные изменения. Трансформацию рассматриваем как в геоэкономическом, так и в геополитическом значениях. Обе эти компоненты объединяются в категории «национальная безопасность» (с ее составляющими «экономическая, экологическая и т. д.), являющейся важнейшей компонентой нашего предмета исследований.

Предложенный подход позволяет создавать теоретико-методологические и методические предпосылки для получения углубленных знаний о стратегических и пространственных аспектах развития иерархически соподчиненных таксонов (составляющих пространственно структурированную территорию страны) с позиции не отдельных территорий и их суммы, а исходя из системных представлений о закономерностях пространственного развития страны как пространственно-структурированной территории. Предложенное целостное видение позволяет в контексте национальной безопасности и сохранения связности экономического пространства использовать данный подход при формировании системы стратегического планирования и реализации стратегических планов и иных стратегических документов.

В научной литературе все шире анализируется проблема пространственного неравенства в стране, проводятся исследования направлений пространственной реструктуризации (см. например, (Fujita, 1999, Веселова, 2018, Зубаревич, 2010, Коломак, 2013, 2014, Михеева, 2018, Суспицын, 2011)). В Докладе Всемирного банка (Rolling..., 2018) «Преодоление пространственного неравенства» под пространственным неравенством понимается внутрирегиональные и межрегиональные различия ряда статистических показателей (начиная от разницы в валовом региональном продукте (ВРП) на душу населения – и до разницы в доступе домохозяйств к услугам).

Согласно результатам многочисленных исследований, подтвержденным обширными эмпирическими данными, развитие современной мировой экономики характеризуется пространственной неравномерностью (Доклад о мировом развитии, 2009). Неравномерность выражается в концентрации экономической активности в агломерациях и отставании в развитии периферийных регионов, что приводит к поляризации экономического пространства. Пространственная неравномерность также проявляется в дисбалансе структуры экономики регионов, то есть в формировании «полярной» специализации регионов на определенных отраслях.

Различным аспектам пространственной неравномерности развития в России посвящено значительное число публикаций; обзор трудов по данной тематике представлен в работе К.П. Глущенко (2010). Обширный анализ концентрации экономической активности и специализации российских регионов представлен в монографии С.Н. Растворцевой (2013). В данной монографии предложена классифи-

кация регионов по значению индекса специализации региона с выделением двух групп: с высоким и низким значением индекса. Регионы с высоким индексом специализации предлагается дополнительно разделить на две подгруппы: регионы с сильным добывающим сектором экономики и прочие регионы. Вместе с тем, подгруппы регионов, специализирующихся на других секторах экономики, например, обрабатывающих производствах или секторе услуг в рамках данной классификации не выделяются, что, по нашему мнению, затрудняет межрегиональные сравнения по типу специализации.

Анализ пространственной концентрации экономической активности в России на основе наиболее актуальных статистических данных (по состоянию на 2011 год включительно) представлен в статье Е.А. Коломак (2014).

В результате научных дискуссий в экономической теории обозначилась тенденция в изменении ее предметного поля, а именно сдвиге в исследовании с экономических систем агентов и элементов, задающих структуру взаимодействий агентов, на пространственные процессы, воздействующих некоторым образом на состояние агентов и их взаимодействия. Благодаря работам П. Кругмана, А. Венэйблеса, М. Фуджита, Ж. Оттавиано, Т. Табучи, М. Портера, М. Энрайта и др. исследование экономического роста, структуры торговли и размещения экономической активности вышло за рамки традиционного экономического анализа и моделей внешней торговли. Важнейшими факторами роста в новых моделях становятся пространственные (и сопряженные с ними институциональные и организационные). Они связаны с фокусированными на мезоуровне явлениями: возрастающей отдачей и эффектами от масштаба рынков несовершенной конкуренции, изменений транспортных и транзакционных издержек, агломерации, концентрации и локализации экономических агентов, определяющими региональные особенности развития разных частей мирового хозяйства, – требующими научного объяснения.

В учете пространственно-временной континуальности заключается важнейшая онтологическая особенность данных исследований. Если принять во внимание все поле поиска исследователей в направлении пространственного развития экономических объектов и соответствующие методологические основания для осмысления пространственно-временного континуума, сконструированные на базе изначально на территориальной парадигме, то можно употребить термин «пространственная экономика». Ее миссия в мировой экономической мысли состоит в преодолении теоретического стереотипа «точечной экономики», когда экономика страны рассматривалась как монообъект (Гранберг, 2000).

### 1.3 ГЕОПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПАРАДИГМА

Географическое пространство Российской Федерации сформировано из территорий, значительно различающихся по многим параметрам. Различные природные и климатические условия, наличие в регионах факторов производства и, как следствие, их специализация – все это в значительной степени приводит к тому, что уровень социально-экономического развития варьируется от региона к региону. Связано это с тем, что Россия так и не отладила механизмы управления и регулирования комплексного развития страны.

Дезинтеграция пространства в первую очередь обусловлена ее несвязностью территорий по ряду показателей, что подтверждается многочисленными исследованиями. Л.С. Черновой (2007), Н.В. Зубаревич (2018), Е.А. Коломак (2013, 2014а, 2014б) и др. отмечают, что территория Российской Федерации в настоящее время не представляет собой единого экономического пространства, при этом происходит нарастание различий по уровню экономического развития регионов. Л.Б. Вардомский (2000) определил эту тенденцию, как «сжатие пространства», что подразумевает сокращение размеров территории с благоприятными условиями для ведения бизнеса и проживания населения. Более того, существенная дифференциация регионов, усиливавшаяся на протяжении всего перестроечного периода, привела к тому, что регионы, обладая разными стартовыми конкурентными возможностями, сейчас характеризуются существенно различающимися качественными показателями.

В самом деле, согласно данным, приведенным в Государственной программе Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения», 62 % налоговых доходов консолидированного бюджета Российской Федерации поступали с территорий 10 субъектов, где проживает 27 % населения страны. 42 % поступлений по налогу на добавленную стоимость аккумулировались на территории г. Москва и Московская область, 81 % налога на прибыль собирался с территории 15 субъектов, а 96 % поступлений налога на добычу полезных ископаемых приходилось на 13 субъектов Российской Федерации. Среднедушевых значений ВРП различных регионов России позволяет устано-

вить, что 10 субъектов федерации формируют 50 % совокупного валового регионального продукта, тогда как половина регионов с наименьшим ВРП обеспечивает лишь 12,5 % от его совокупной величины. При этом даже в одном федеральном округе разница в этом показателе от региона к региону отличается в разы. Так согласно данным Федеральной службы государственной статистики самый низкий среднедушевой ВРП в СЗФО по состоянию на 2016 год в Псковской области его размер составляет 223,4 тыс. рублей, при этом самый высокий показатель в г. Санкт-Петербург 716,1 тыс. рублей. Как мы видим, отличие составило 3,2 раза. Для сравнения разница с г. Москва составляет 5,2 раза (среднедушевой ВРП г. Москва составляет 1159,7 тыс. рублей).

Устранение пространственных диспропорций воспринимается как актуальная задача, в которой, однако, много невыясненных моментов. Поэтому продолжается дискуссия по вопросам, касающимся пространственного неравенства в России и поиска путей (в контексте приоритетности данной проблемы) новой сборки российского пространства в условиях рыночной экономики. При этом осознается, что необходимо учитывать геоэкономические особенности разных частей пространственно-структурированной территории страны и непростые экономико-географические условия, в которых находятся регионы.

Существуют разные методологические подходы в мониторинговых исследованиях региональной динамики.

*Первый* подход составляют традиционные предпосылки, базирующиеся на макроэкономическом (леонтьевско-вальрассовском) равновесии (совокупного спроса и совокупного предложения, колебаний объема национального производства и общего уровня цен) или микроэкономическом равновесии (балансе сумм и соотношений экономических показателей бесструктурного объекта).

Согласно **макроэкономическому** подходу допустимо сходство региона и национальной экономики: региональная экономика воспринимается как уменьшенная национальная экономика. Однако при таком подходе вне исследования остается структура регионального экономического пространства. В неоклассической концепции регионы рассматриваются как единицы производства, между которыми посредством рынков факторов может установиться равновесие. Неравномерное развитие регионов объясняется временными отклонениями от равновесия или следствием несовершенной корректировки в ответ на экзогенные факторы. То есть в долгосрочной перспективе дифференциация должна исчезать. Неоклассический подход удобен для исследования региональных эффектов, однако имеет и недостатки: слишком строгие предпосылки, используемые для объяснения регионального роста, избыточное внимание к обрабатываемому сектору и относительное пренебрежение социальными, политическими и институциональными факторами.

В контексте **макроэкономического** подхода (методологического холизма) и в рамках теории торговли и экономического роста предлагаются два тезиса.

*Тезис конвергенции* (неоклассическая трактовка торговли и экономического роста), отрицающий какие либо основания для выделения региональной политики из формата макроэкономической политики в самостоятельную область. Неоклассическая модель экономического роста обладает одной важной особенностью: она предсказывает наличие условной сходимости (конвергенции), т. е. положительную зависимость между темпом роста экономики и различием между текущим и равновесным уровнем дохода в экономике. В то же время структура внутреннего пространства системы остается вне теории.

Следствие тезиса проявляется, например, в виде монетарной политики, постоянно «засушивающей» денежную массу. Особенно такая политика сказывается в периферии, где экономика оказывается на голодном пайке – без оборотных средств и инвестиционных ресурсов при осуществлении аллокации ресурсов и дистрибуции экономической ренты в пользу центра.

*Тезис дивергенции* (трактовка торговли и экономического (эндогенного) роста), дающий безусловное (но не конкретное) основание для выработки мероприятий региональной политики. Поэтому большинство проделанных теоретических и эмпирических исследований фокусируются на глобальном или национальном уровне. В то же время региональный уровень дисфункции (находящийся вне условий леонтьевско-вальрассовского равновесия) или закономерности пространственного распределения экономической активности на региональном уровне в научной литературе до сих пор исследован не достаточно.

В рамках **микроэкономического** подхода (методологического индивидуализма), построенного на базе стоимостного функционального анализа соотношений экономических показателей, можно просуммировать элементы пространства и найти среднестатистические величины, однако на основе вероятностного распределения нельзя описать упорядоченную структуру объекта как экономической системы, поскольку он бесструктурен.

Как правило, результаты той или иной рейтинговой оценки регионов выстроены на основе сравнения средних величин, характеризующих разные сферы экономической жизни. В то же время такой подход не является географо-экономическим, поскольку существует вне экономического пространства, поскольку, во-первых, нет связи с эволюцией и фундаментальными свойствами пространства (которое трансформируется в соответствии с циклами и т. д.), во-вторых, нет анализа влияния институциональной матрицы (т.н. третье измерение «новой географии»). Подобный взгляд на политику игнорирует географию, и, следовательно, свойства экономического пространства. В таком взгляде в фокусе нет собственно региона. Он нивелирует различия регионов, их генезис и условия развития. В условиях леонтьевско-вальрасовского равновесия факторы производства должны распределяться равномерно и при экстерналии знаний (диффузии инновации и трансферте технологий) регионы должны выравниваться в экономическом и инновационном развитии.

В то же время отдельные элементы региональной экономической системы статистически значимо связаны в единую систему, однако тип связей в данном случае отличается от макро- и микроэкономических законов и определяется геометрией пространства. Такая геометрия предопределяет негауссовость (т. е. несовпадение с нормальным распределением) и появление ципфовых свойств у статистической выборки параметров. Т.о. не выполняется закон больших чисел, т. е. среднее статистическое значение не сходится к математическому ожиданию. Следовательно, прогнозировать на основе средних статистических данных о наличии факторов производства (и свободой их перетоков через региональные границы) реализовать возможность инновационных прорывов и масштабной модернизации региональных экономик некорректно.

При микро- или макроэкономическом подходе вне исследования остается структура регионального экономического пространства и время. Неоклассическая и другие известные теории, которые иногда называемые ортодоксальными (основанными на рациональной картине мира), рассматривают в качестве объекта стационарные равновесные системы. Если основываться на предположении, что экономические системы являются заведомо сложными и не являются равновесными, то требуются методы, описывающие неравновесные системы.

Экономические и географические исследования последних десятилетий показали, что предмет экономических исследований нуждается в геометрическом измерении, а также, поскольку новые возможности ищутся в природе коллективных явлений в экономическом пространстве, то и в учете институционального и социального аспектов. В таком случае регион предстаёт не просто как таксон, а как открытая система, обменивающаяся материальными, финансовыми и информационными ресурсами с другими системами.

Неоднородность экономического пространства ведет к образованию не набора отдельных и как-то связанных частей пространства, а к внутренней организации, эволюционирующей по собственным причинам. Сегодня экономики стран, регионов и городов целесообразно рассматривать как специализированные части **геоэкономической системы**, а внутреннее пространство – как часть единого экономического пространства. Поэтому в условиях глобализации целесообразно описывать регион в приближении, отличном от приближения предприятия (микроэкономический подход) и государства (макроэкономический подход), а именно в приближении экономического пространства (мезоэкономический подход), т. е. как совокупность или пучок некоего количества процессов или цепочек создания стоимостей, находящиеся в фокусе зрения исследователя. Поэтому взамен макро- и микроэкономического равновесия используем подход, основанный на гипотезе **«локального» экономического равновесия**, в основу которого положим «концепцию оптимальных регионов» А. Леша (цит. по (Гранберг, 2000)) и «региональную концепцию» У. Изарда (1966). Тогда *регион* в экономическом смысле представляем как совокупность отраслевых межрегиональных рынков с границами, обусловленными межрегиональной конкуренцией, причем границы рынков проходят по линиям безразличия, что обеспечивает устойчивость локального равновесия, т. е. такого состояния системы, при котором остаются неизменными по времени геометрические и макроскопические величины этой системы. В то же время в долгосрочном периоде эти величины изменяются и в таком случае она (система) становятся качественно иной. Регион в социокультурном смысле представляет собой ареал идентичности.

Данный подход образует научный комплекс, составленный из новой институциональной экономики, пространственной экономики, теории организации промышленности (отраслевых рынков), сформированный на методологической базе мезоэкономики. При этом внимание фокусируется на мезоуровне экономических систем, а сама категория «мезоуровень» понимается как занимающая особое место в методологической дискуссии индивидуализма и холизма (см. (Кирдина, 2016, 2017)).

Фундаментальные исследования проводятся на методологической и методической базе, которую образуют новая институциональная экономика и пространственная экономика, теории экономического роста (с элементами эволюционной теории) и организации промышленности (отраслевых рынков), стратегический менеджмент и размещение производительных сил, а также системный подход, основанный на междисциплинарном синтезе, позволяющем анализировать сложную экономическую систему, обладающую экономико-географическим, финансово-стоимостным и институциональным измерениями.

Для обозначения данного научного комплекса здесь применяется термин «**геопространственная парадигма**» (как «междисциплинарная методология» по Э.Б. Алаеву (1983, С.104)). Она не означает отказ от шумпетеровской эволюционной парадигмы, показывающей формирование качественно нового типа технологического уклада как фундаментальной основы происходящих в мире глобальных изменений. Однако в ее рамках для объяснений феноменов глобальной экономики внимание фокусируется исключительно на пространственных эффектах.

Глобальное экономическое пространство воспринимается как система глобальных потоков и институтов, определяющих включенность региональных агентов в глобальные процессы (Галиуллина, 2006). При этом на смену линейному, плоскостному представлению об экономическом пространстве приходит на смену объемное измерение экономического пространства, которое позволяет увидеть многослойность данного образования и совершить переход от действий и операций конкретных экономических субъектов через функционирование территориальных промышленных альянсов к выявлению точек или полюсов экономического роста региона (Карачев, 2015).

Многообразие связей, размывание границ и развитие сетей (информационных, инвестиционных, институциональных, социальных), а также выход за пределы территории и применение к территории самоорганизационных свойств позволяют говорить об эволюции территориальной парадигмы в геопространственную парадигму. Представляется необходимым теоретико-методологическое переосмысление геопространственной парадигмы в рамках общественной географии с участием близких наук, в том числе региональной экономики, мировой экономики, маркетинга, социологии, политологии и других (Лачининский, 2012). Это позволит перейти к исследованию границ от традиционного подхода, объясняющего феномен государственных границ политическими факторами, с точки зрения трактовки военной и экономической силы соседних стран, к постмодернистскому, ориентированному на приграничную и региональную идентичность и взаимодействие (Колосов, 1988, 1997, 2001, 2005).

В рамках парадигмы осмысливаются теоретические и эмпирические знания о современном состоянии экономического пространства, факторах и тенденциях его трансформации, о возможностях государственного воздействия на пространственно опосредованные ситуации в контексте национальной безопасности.

Данный научный комплекс позволяет проводить исследование экономического пространства как **системной категории**, являющейся проводящей средой для трансакций.

Сущностным свойством мезоэкономических объектов исследований является их нестабильность. Соответственно, неравновесная экономика требует применения системного подхода в процессе исследования. Поэтому последний является важнейшей компонентой методологии научного познания экономических явлений и рефлексивной социальной практики, исследуемых в рамках региональной экономики. Суть подхода раскрыта на методологической основе системной парадигмы Корнаи–Клейнера. Ключевым термином, от которого отталкивался методологический анализ, является экономическая система, изменение состояния которой зависит не только от внешних условий, но и от внутреннего состояния системы, эндогенных факторов. В качестве новизны является обоснование гносеологических и онтологических особенностей процесса изучения региональных экономических систем, которые накладывают ряд требований и ограничений в использование традиционных и новых оснований исследований данных систем и которые определяют соответствующие формы постановки научных задач.

Следуя региональной концепции У. Изарда (1966) и представляя регион как открытую экономическую единицу в пределах страны (как систему, в основе которой лежат самоорганизационные свойства), в качестве модели региона используем открытую систему или экономическое пространство мезомасштаба – область, выделенную в результате районирования в контексте управленческой субъектности, обладающую самоорганизационными свойствами. Данные обстоятельства, позволяют отнести изучаемые общественные феномены к сложным системам, управление которыми затруднено из-за трудности, точно предсказать их поведение, однако которым свойственны целеустремленность и са-

моорганизация. В ходе эволюции социума сложились разнообразные экономические системы, характер которых определяется теми или иными способами экономической координации субъектов, а также технологическими, социальными, историческими и иными факторами. Так, например, сегодня сильно возросло влияние нематериальных факторов, в частности информации.

Г. Клейнер (2008) выделил два основных отличия «новой системности» от прежней. Первое состоит в том, что ранее системный подход опирался главным образом на «эндогенное» восприятие системы как множества взаимосвязанных элементов. «Новая системность» основана на «экзогенном» восприятии системы как некоторого фрагмента реальности, выделяемого в пространстве и во времени. Второе отличие связано с существенным усилением субъективного компонента в понимании системы. В частности экономические и географические исследования последних десятилетий показали, что предмет экономических исследований непременно нуждается не только в геометрическом измерении, а также, поскольку новые возможности ищутся в природе коллективных явлений в экономическом пространстве, то необходимо учитывать и информационный и институциональный аспекты.

В ходе эволюции сформировался регион как совокупность отраслевых рынков и институтов координации экономических субъектов (посредством ценовых сигналов), протекающей в условиях спецификации прав собственности, контрактной системы и конкуренции. Поэтому региональная экономическая система – это также соответствующая ее институциональной организации совокупность распорядительных и распределительных центров, имеющих право распоряжения и упорядочивающих хозяйственные интересы при принятии решений, действующих на основании права собственности, административного права и иных институтов при осуществлении трансакций. Право распоряжения выступает как системообразующий фактор. В отличие от технических систем, каждый элемент экономической системы обладает свободой выбора в принятии решения (разумеется, в некоторых пределах). Поэтому их действия должны быть регламентированы (посредством институтов), алгоритмизированы (посредством стандартов управления и технологий) и скоординированы (посредством некоторых устройств или механизмов) для снижения трансформационных и трансакционных издержек. Развитие экономической системы, процессы и трансакции, проходящие в ней, требуют формирования определенной институциональной среды (правил игры), определяющей экономический порядок и форматы контрактов, предусматривающих установление частного порядка в дополнение к правовому порядку. Экономическая система опирается на институциональную организацию, в соответствии с которой происходит распределение ресурсов и результатов экономического процесса. Согласно известной теореме Р. Коуза, если имущественные права четко определены и трансакционные издержки равны нулю, то аллокация ресурсов (соответствующая структуре производства и виду экономической системы) будет оставаться неизменной и эффективной независимо от изменений в распределении прав собственности. Следовательно, при минимуме трансакционных издержек восприимчивость к инвестициям, долгосрочным контрактам будет наибольшей.

Региональная экономическая система обладает функциями и целью. Основным системообразующим фактором системы является ее функция, которая состоит не столько во внутренней логике сохранения системы, поддержания ее структуры и упорядоченности, а сколько объективно обусловлена внешней средой и необходимостью (миссией) существования системы.

Чтобы выделить функции региональной экономической системы, используем отмеченные выше особенности объекта исследования. Главным фактором, обуславливающим специфику региона, является его географическое положение. В соответствии с системным подходом, когда объект рассматривается в единстве со средой, регион с одной стороны воздействует как на агентов (резидентов и нерезидентов), действующих на его территории, так и на внешнюю среду. С другой – географическое положение отражает значение и предназначение территории во взаимодействии с другими территориальными единицами и предопределяет функции региона. Поэтому А. Минц и В. Преображенский (1970) вводят понятие функции места, под которой понимается часть географического пространства (административно-территориальная единица страны), несущая определенную функцию в жизнедеятельности общества и удовлетворяющая соответствующую потребность в его жизнеобеспечении.

Другой особенностью исследуемого объекта, рассматриваемого в рамках «региональной экономики», заключается в том, что происходит взаимодействие двух групп функций: границы (административной и государственной) и самого региона. Особенно это выпукло проявляется на примере приграничных регионов, выполняющих особую роль в контексте национальной безопасности. В качестве функций границы различают: контактную, барьерную и фильтрующую. К особым функциям приграничного региона причисляют приграничные и общие функции (однако, связанные с приграничными

функциями): геополитическая и идеологическая, контактная и посредническая, буферная, внешне-транзитная и внешнеэкономическая, производственная или торговая функция (зависимая от таможенного режима), транзитная или транспортная функция (зависимая от таможенной и транспортной инфраструктуры и логистики), социальная функция (стандарты жизнеобеспечения), культурная функция, демографическая функция (система расселения и влияние миграции).

Та или иная функция показывает, какую роль региональная экономическая система выполняет по отношению к более общей системе, в которую она включена составной частью и которая является для нее внешней средой. В таком случае имеем все основания для следующего утверждения: полагаем, что импульс к развитию региональной экономической системы может быть сгенерирован, как внутренним состоянием системы, так может придти из внешней среды (вызываться внешними факторами). Если внешние факторы вызвали изменение функции системы (например, это скажется в изменении целей и задач региональной политики страны и ее регионов), то это приводит к изменению структуры системы и связей и вызывает смену механизма ее функционирования, а также подталкивает к развитию системы в целом.

Предлагаемый подход использует как метод простого сравнения характеристик экономических явлений, так и нацелен на поиск причинных объяснений их пространственных комбинаций на основе выявления и анализе инвариантов.

Сам термин «инвариант» (от лат. «in» – отрицание и «varians» – изменяющий) пришел из математики, где он обозначает величины, сохраняющие своё значение (Александрова, 1978). Также категория традиционно в науке используется как «выражение, число и т. п., связанное с какой-либо целостной совокупностью объектов и которое остается неизменным на всем протяжении преобразований этой совокупности объектов» (Кондаков, 1975).

В.Б. Сочава (1978) определял геосистемы как «особый класс управляющих систем; земное пространство всех размерностей, где отдельные компоненты природы находятся в системной связи друг с другом и как определённая целостность взаимодействуют с космической сферой и человеческим обществом». В.Б. Сочава (1978) предложил рассматривать структуру геосистемы в инвариантном аспекте, связывающих состояний явлений с их реальным размещением в пространстве, ритма долгосрочного развития с фундаментальными характеристиками пространства и организацией знаний через отображение формы взаимосвязей в пространстве, дифференцируемых в индивидуальные единицы (регионы). При этом инвариант системы проявляется в изменении структуры и ее устойчивости (такой акцент рассмотрен в ряде работ (Пузаченко, 1983, Устойчивость, 1983, Дроздов, 1999, Бевз, 2002) инвариант составляет совокупность свойств геосистемы, которые не изменяются при трансформации самой системы в силу наличия внешнего воздействия. В то же время, может происходить смена инвариантов в результате эволюционных процессов. Инвариант геосистемы в целом соответствует инвариантам её частей (Сочава, 1978).

Под **геоэкономическим инвариантом** мы понимаем с одной стороны систему эмпирически измеренных признаков, отражающих структуру взаимоотношений, относительно неизменную во времени и в пространственном измерении, с другой – совокупность когерентных (сопряженных в пространстве и синхронизированных по времени) элементов экономического пространства, типовую для условия сохранения локального равновесия экономического пространства.

Отметим, что приграничный регион можно рассматривать как «геосистему регионального ранга» (Сочава, 1978). В данном случае в качестве геоэкономического инварианта могут выступать геоэкономическое положение региона и измеренные признаки, отражающие структуру взаимоотношений, которые, в свою очередь, определяют региональный геоэкономический потенциал.

Рассматриваемый подход требует особой техники анализа для выделения инвариантных подпространств. В частности предлагается рассматривать инвариант в связке с синергетикой. Кроме этого, традиционные методы дополняются новыми подходами, учитывающими особенности современной хозяйственной ситуации, динамический аспект и необходимость выделения инвариантов геоэкономических систем и их деформации (объяснения которых потребовали новых методов исследования). Предлагаемые исследования опираются на существенно расширенные в рамках **геопространственной парадигмы** научные представления о современном состоянии экономического пространства, факторах и тенденциях его трансформации, возможностях и способах государственного воздействия на пространственно опосредованные ситуации и процессы, осуществляемого в интересах сохранения целостности страны и повышения эффективности регионального хозяйства и рационального использования ресурсов.

В методическом плане при проведении исследований мы опираемся на синтез моделей новой географии с теорией организации промышленности, нацеленный на выделение динамического аспекта и особенностей современного хозяйства, а также на поиск инвариантов геоэкономических систем и эффективных механизмов управления ими.

С одной стороны, подход нацелен на выявление типологических элементов (в пространственном измерении), с другой – на экстраполяцию трендов (с охватом класса объектов) и доведения их до прогнозных элементов (во временном измерении), – опираясь как на существующие теоретические конструкции, так и эмпирически выявленные особенности экономического пространства.

Например, на имеющиеся теоретические конструкты (теории Ф. Перу и ее модификации Ж. Будвиля, Х.Р. Ласуэна, Д. Дарвента, теория осей развития П. Потье, наработки «новой географии» (Fujita, Mori, 2005), в частности, чтобы вычлениить и учесть такие факторы, как урбанизация, становление географической агломерации, формирование осей развития и другие факторы концентрации экономической активности и потребления.

В последнее десятилетие стали популярными концепции и модели новой экономической географии (см., напр. Доклад о мировом развитии – 2009. Новый взгляд на экономическую географию, Кругман, 1996, Fujita, 1996, 1999, 2005, 2010, Krugman, 1991, 1995, Richardson, 1969, Fiani, 1984, Innis, 1999, Pred, 1966, Holmes, 1991, 2002, Friedmann, 1966, Gilbert, 1982, Wallerstein, 1984), одной из которых является модель «центр – периферийных взаимодействий». Она нацелена на объяснение причинно-следственных связей транзакций (движений в экономическом пространстве) и использовании концепции эффекта положительной отдачи от масштаба, вызванного механизмами несовершенной конкуренции и нарушения баланса экстрактивных и инклюзивных институтов (как политических, так и рыночных). Данные механизмы рассматриваются во взаимосвязи с механизмами пространственной трансформации. Таким образом, именно данные механизмы (наряду с градиентами концентрации, институциональной и иной разобщенности, инфраструктурные ограничения и пространственно связующие инвестиции) является важнейшим драйвером пространственной трансформации, которая ведет к дифференциации регионов, проявляющейся не только в разнице ВРП, но и в разной направленности и темпах развития – в проявлении декаплинга.

Анализ региональных статистических данных (Зубаревич, 2010; Коломак, 2014; Толстогузов, 2016а, 2016б; и др.) показывает высокую корреляцию межрегиональной дивергенции с рядом факторов (плотность населения, размер и доступность рынков, структура экономики, концентрация экономической деятельности, монополизация отраслевых рынков), т. е. с детерминантами, имеющими рыночную основу и являющимися ключевыми в рамках модели центр-периферийных взаимодействий (Forslid, Ottaviano, 2003; Коломак, 2014; Толстогузов, 2016а, 2016б). В то же время сама модель и есть результат действия центростремительных и центробежных сил.

Дифференциация регионов как частей экономического пространства обуславливает наличие у последнего метрических и топологических свойств. К метрическим относятся количественные и измеримые свойства, а топологическим – качественные, такие как: многоуровневость, связанность, концентрация (плотность), размещение, институциональная и социальная укорененности, влияющие на ритмику энергопроизводственных, инновационных, инвестиционных циклов.

В основу подхода положена гипотеза локального равновесия экономического пространства и изменений (в трактовке новой экономической географии), оцениваемых в трех измерениях (плотности, расстояния, разобщенности). Тезис дает условно-конкретное основание для выработки мероприятий региональной политики как противодействие «гравитационным волнам», инициируемых центрами высокой экономической плотности и трансформирующим экономическое пространство. Подход требует учета не только транспортных и производственных издержек, но и транзакционных издержек и особенностей фаз жизненных циклов экономических систем разного уровня, оценки их функциональности или дисфункции и т. д. В данном контексте суть исследования заключается не в сравнении статистических распределений по величине средних и дисперсии, а в выяснении причин изменений в размещении производительных сил и причинно-следственных связей транзакций – движений в экономическом пространстве. Подход позволяет определить построить модели поведения субъектов разного уровня, условий достижения соглашений между ними и согласования уровней принятия решений в контексте формирования экономической и инновационной политики.

В качестве начальных предположений полагаем, что регион (ограниченная часть экономического пространства) развивается эволюционно, проходя последовательно через определенные стадии развития, функционирует в рамках индивидуальной и системной ритмики. В результате случайных

флуктуаций и определенных ритмов (как внутренних присущих системе (эволюционных), так и внешних (трансформационных), влияющих на функции системы) возникают локальные возмущения, приводящие к дисфункциям и внутренней неустойчивости. Поведение агентов в случае непрекращающейся дисфункции и как следствие снижение качества системы (качественного выполнения функций) начинает меняться. Это изменение не обязательно идет в сторону оппортунизма, но также и в сторону инноваций.

Сначала в системе появляются слабые возмущения (как следствие экстерналий, снижения качества системы и действия агентов в ответ на экстерналии и дисфункцию системы). В то же время увеличивающееся количество возмущений способно повлиять на внутреннюю эволюцию системы, ее индивидуальную ритмику. Они начинают «расшатывать» системные связи и некоторым образом трансформировать экономическое пространство. Все это изменяет не просто ритмику системы, но влияет на ее эволюцию и структуру взаимоотношений.

Неоднородность пространства ведет к тому, что образуются не просто отдельные и как-то связанные части пространства, но и с собственными формами и ритмами эволюционирующей внутренней организации. Т. е. каждый из процессов (внутренних частей) имеет свою скорость и форму протекания, которые могут входить в противоречие с другими и могут, будучи институционально привнесенными, вызвать оппортунистическое поведение региональных элит. Таким образом, считаем, что экономическая система функционирует в рамках индивидуальной и системной ритмики.

Разная ритмика процессов требует согласования и синхронизации действий экономических агентов, эффективность которых зависит как от влияния объективных экономических факторов, так и от институтов, образующих соответствующую институциональную матрицу, регулиующую условия возникновения и переноса трансакций.

В ходе эволюции экономического пространства сложились разнообразные экономические районы, в которых характер экономических процессов определяется теми или иными способами экономической координации субъектов, а также технологическими, социальными, историческими и иными факторами. Анализ развития регионов России показал, что в результате трансформационных процессов экономического пространства возникают серьезные различия в темпах роста между регионами – в зависимости от того, в какой пространственный кластер они попадают. Все это приводит к структурным сдвигам в экономике регионов и возрастанию системных рисков.

Для восстановления целостности представления объекта планирования авторы исследования исходят из того, что структура и характер роста экономики региона зависит от геополитического и геоэкономического положения, т. е. пространственного положения региона относительно политического и геоэкономического центра и взаимоотношения с ним. Экономические и географические исследования последних десятилетий показали, что предмет экономических исследований нуждается в геометрическом измерении, а также, поскольку новые возможности ищутся в природе коллективных явлений в экономическом пространстве, то и в учете институционального аспекта. В таком случае регион предстаёт не просто как таксон, а как открытая система, обменивающаяся материальными, финансовыми и информационными ресурсами с другими системами. Регион в экономическом смысле воспринимается как совокупность отраслевых региональных рынков с границами, обусловленными межрегиональной конкуренцией, причем границы рынков проходят по линиям безразличия, что обеспечивает устойчивость локального равновесия, т. е. такого состояния системы, при котором остаются неизменными по времени геометрические и макроскопические величины этой системы. В то же время в долгосрочном периоде эти величины изменяются и в таком случае она (система) становятся качественно иной.

В процессе эволюции экономической теории произошло изменение ее предметности, а именно произошел сдвиг в исследовании с экономических систем агентов и элементов, задающих структуру взаимодействий агентов, на пространственные процессы, воздействующих через градиенты пространственных свойств и возрастающую отдачу от масштаба рынков несовершенной конкуренции. Произошло существенное усиление субъективного компонента в понимании экономических объектов. В этом обстоятельстве и в учете пространственно-временной континуальности заключается онтологическая особенность современного этапа пространственной экономики.

Основной категорией пространственной экономики является «экономическое пространство». Введение данной категории в понятийный аппарат экономической науки существенно расширяет предмет исследования за счет включения в его состав ряда проблем, которые традиционно исследовались другими общественными дисциплинами – демографией, социологией, географией и др. Это по-

зволяет представить экономические отношения во взаимосвязи с социальными, институциональными, историческими, культурными факторами. В то же время отход от идеальных моделей, используемых в рамках неоклассического направления не должен сопровождаться от накопленного в его границах гносеологического потенциала.

Понятие экономического пространства в рамках пространственной экономики оказалось соединяющим моментом экономической теории и географической теории. В экономических теориях пространство либо вообще не присутствует, либо присутствует в качестве некоторого абстрактного объекта – изотропного и гомогенного идеального фактора (например, в качестве расстояния), действующего в сумме с другими факторами хозяйственной активности. Пространство в географической теории понимается как конкретный объект исследования, как гетерогенная реальность, имеющая определенные закономерности и влияющая на экономическое содержание территории.

В данных обстоятельствах заключается главное гносеологическое отличие геопропространственной парадигмы. Поэтому вводится локальное равновесие – такое состояние системы, при котором остаются неизменными по времени геометрические и макроскопические величины этой системы в некоторых заданных условиях. В то же время в долгосрочном периоде происходит т.н. фазовое или структурное изменение – изменение свойств системы происходит настолько, что она (система) становится качественно иной.

#### **1.4 ДУАЛИЗМ И СИНТЕЗ КАТЕГОРИЙ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА» И «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»**

Далее осуществим методологический синтез категорий «экономическая система» и «экономическое пространство» в рамках двух онтологических концепций референта: **субстанциональной** и **реляционной**. *Референт* (от лат. *refero* – называть, обозначать) – это «*объект познания*», обозначаемый некоторым именем в смысле множества значений и соотносящийся некоторым образом с «*субъектом познания*», воспринимаемый в контексте взаимоотношения субъекта и объекта в процессе познавательной деятельности.

Первая концепция рассматривает «пространство-время» как самостоятельную сущность (или самостоятельные сущности), существующую независимо от наблюдаемых объектов (*не «вещь», если рассматривать данную категорию в контексте теории познания*). Вторая рассматривает данную категорию как форму существования объектов и вне взаимоотношений объектов не существующие («*вещь*» – *всеобщее свойство объективной реальности в контексте теории познания*).

На основе синтеза концепций сформулируем утверждение – **дуалистический тезис**. Он является дуалистическим в том смысле, что он постулирует две взаимно несводимые субстанции. В его рамках картина экономического мира складывается из двух элементов: *экономических агентов* и *экономического пространства*.

В качестве модели региона используем открытую систему или экономическое пространство мезомасштаба – область, выделенную в результате районирования в контексте управленческой субъектности, обладающую самоорганизационными свойствами. Данные обстоятельства, позволяют отнести изучаемые общественные феномены к сложным системам, управление которыми затруднено из-за трудности, точно предсказать их поведение, однако которым свойственны целеустремленность и самоорганизация. В ходе эволюции социума сложились разнообразные экономические системы, характер которых определяется теми или иными способами экономической координации субъектов, а также технологическими, социальными, историческими и иными факторами. Так, например, сегодня сильно возросло влияние нематериальных факторов, в частности информации.

Дуалистический тезис предлагает одновременное использование двух онтологических концепций (субстанциональной и реляционной) и двух моделей (экономического агента (в представлении экономической системы) и экономической среды (в представлении экономического пространства)).

##### ***Субстанциональная концепция и модель агента в представлении экономической системы***

В рамках субстанциональной концепции на основе выявленного характера структурных сдвигов в экономике территорий формируются новые знания об организации промышленности в регионе, макрорегионе, стране в новых условиях. При этом объект (агент, множество агентов или элементов) обладает абсолютной субъектностью и контролем в условиях гомогенного пространства и стационар-

ного состояния. Объект не заполняет пространство как его естественный элемент, а потому пространство и время – внеобъектны – заданы абстрактно. Нет объекта управления – т. е. не существует достоверной и полной информации для решения задачи управления развитием территории. В рамках субстанциональной концепции следует проводить структурный анализ (исследование структуры экономических систем, взаимоотношений и пропорций элементов).

### ***Реляционная концепция и модель среды в представлении экономического пространства***

В рамках реляционной концепции при организации исследования исходим из утверждения, что в трансформационном состоянии находится не только сам объект исследования – экономика региона, но и инициирующее эти процессы экономическое пространство, поэтому в фокусе внимания – его глобальные существенные изменения. Данное представление дает условную (или ограниченную) субъектность, зависящую от свойств пространства, и достаточно точную пространственно-временную ориентацию и более точно определенный объект управления и план его развития. Т. е. принципиально существует набор информации, необходимый и достаточный для решения задачи управления развитием территории в допущенных ограничениях. В рамках реляционной концепции следует проводить институционально-функциональный анализ (исследование функционального состояния, порядка хозяйствования через анализ институтов и синергию экономического пространства). Это дает условно-конкретное основание для выработки мероприятий региональной политики как противодействие «гравитационным волнам», инициируемых центрами высокой экономической плотности и трансформирующим экономическое пространство в целом.

В рамках **дуалистического тезиса** на основе структурных отношений, объясняемых в рамках модели «центр-периферия», качества институтов и синергии экономического пространства оцениваются системные риски и обусловленные ими функциональные состояния региональных экономических систем.

Выявленные дисфункция системы и деформация экономического пространства проявляются в *дивергентном* развитии их элементов и в несоответствии функционирования системы режиму оптимального функционирования, а также институциональной организации оптимальному порядку хозяйствования. *Дивергенция* воспринимается как конкретное проявление и реализация системного риска, которая в итоге ведет к разрушению системных объектов (экономической системы и экономического пространства). На этом основании вырабатывается новая повестка дня для теоретических и эмпирических исследований регионального хозяйства по определению данной оптимальности, исходя из следующих соображений.

В ходе эволюции сформировался регион как совокупность отраслевых рынков и институтов координации экономических субъектов (посредством ценовых сигналов), протекающей в условиях спецификации прав собственности, контрактной системы и конкуренции. Поэтому региональная экономическая система – это также соответствующая ее институциональной организации совокупность распорядительных и распределительных центров, имеющих право распоряжения и упорядочивающих хозяйственные интересы при принятии решений, действующих на основании права собственности, административного права и иных институтов при осуществлении транзакций. Право распоряжения выступает как системообразующий фактор. В отличие от технических систем, каждый элемент экономической системы обладает свободой выбора в принятии решения (разумеется, в некоторых пределах). Поэтому их действия должны быть регламентированы (посредством институтов), алгоритмизированы (посредством стандартов управления и технологий) и скоординированы (посредством некоторых устройств или механизмов) для снижения трансформационных и транзакционных издержек. Развитие экономической системы, процессы и транзакции, проходящие в ней, требуют формирования определенной институциональной среды (правил игры), определяющей экономический порядок и форматы контрактов, предусматривающих установление частного порядка в дополнение к правовому порядку. Экономическая система опирается на институциональную организацию, в соответствии с которой происходит распределение ресурсов и результатов экономического процесса. Согласно известной теореме Р. Коуза, если имущественные права четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то аллокация ресурсов (соответствующая структуре производства и виду экономической системы) будет оставаться неизменной и эффективной независимо от изменений в распределении прав собственности. Следовательно, при минимуме транзакционных издержек восприимчивость к инвестициям, долгосрочным контрактам будет наибольшей.

Для снятия неопределенности в определении категорий «экономическая система» и «экономическое пространство» и отражения взаимосвязи элементов используются разные подходы. В данном случае для объяснения причин структурных сдвигов и системных рисков воспользуемся методом абстрагирования объекта анализа. По нашему мнению, дискурс можно свести к вопросу о диалектической сущности категорий, сгруппировав дефиниции в соответствии с субстанциальной и реляционной концепциями:

В рамках субстанциальной концепции: экономическое пространство – это система координат, введенная для фиксации и упорядочения изменений, а экономическая система – это состав элементов в некоей системе координат, введенных для фиксации и упорядочения изменений (не «вещь», если рассматривать данные категории в контексте теории познания).

В рамках реляционной концепции: экономическая система – это в первую очередь институциональная матрица, определяющая взаимодействия элементов, а экономическое пространство – это переносчик взаимодействий, трансакций («вещь» – всеобщее свойство объективной реальности в контексте теории познания).

В основу исследований положена гипотеза локального равновесия экономических систем (в трактовке теории самоорганизации) и экономического пространства (в трактовке новой экономической географии и пространственной экономики).

Региональная экономическая система обладает функциями и целью. Основным системообразующим фактором системы является ее функция, которая состоит не столько во внутренней логике сохранения системы, поддержания ее структуры и упорядоченности, а сколько объективно обусловлена внешней средой и необходимостью (миссией) существования системы. На основе выявленного характера структурных сдвигов в экономике территорий и их зависимости от пространственного положения устанавливаются закономерности взаимосвязи пространственных характеристик и экономической трансформации с учетом рисков и новых возможностей. При этом важнейшее место среди влияющих факторов в моделях роста по праву заняли механизмы пространственной трансформации, запускаемые такими причинами развития как эффект от масштаба рынков несовершенной конкуренции, степень доступности к рынку, транспортные издержки, мобильность факторов производства, агломерации, иные пространственные эффекты. Акцент на факторе возрастающей отдачи от масштаба рынка, а не на убывающей и постоянной отдаче от масштаба рынка и системных рисках.

Экономико-пространственное развитие приграничных регионов как геоэкономических объектов объясняется в рамках полицентрической модели центр-периферийных взаимодействий (Толстогузов, 2010), в рамках которой «экономическое пространство» как категория по своей структуре становится иерархизированной, где базовый уровень формируют отраслевые рынки. В соответствии с представленным подходом **геоэкономическое пространство** – это экономическое пространство, сформированное на современном этапе в ходе глобализации и сопутствующих ей масштабных явлений (регионализации, информатизации и формирование информационного общества, развитие сетевого общества, транспортные коридоры, транснационализация); это сложная экономическая система (имеет пространственное, временное, институциональное стоимостное измерения), иерархизированная система (**базовый уровень** формируют отраслевые рынки, развитие, концентрация и взаимодействие которых, приводит к формированию устойчивых пространственных форм (территорий) – **второй уровень**).

Особенности **третьего уровня** (национальная экономика) – в том, что он базируется на леонтьевско-вальрасовской теории общего равновесия, для которого, используются статистические данные (система национальных счетов). Этот элемент в методологическом плане выходит за рамки мезоэкономического подхода. В то же время третий уровень влияет на второй и наоборот, поэтому требуется методическое согласование уровней.

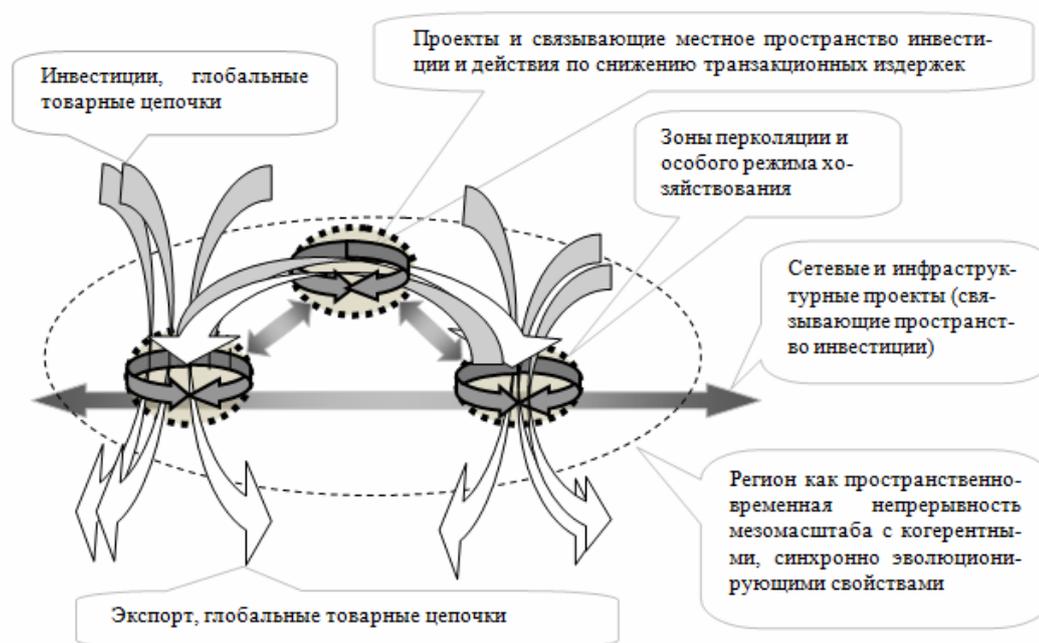
Любая территория и ее формы есть результат совместного действия внутренних причин и внешних процессов геоэкономического пространства (по отношению к локальной территории), которые являются инвариантами. Инварианты могут возникать как в пространственном аспекте (появление устойчивой геометрической структуры в экономическом пространстве), так и временном.

Связывающий регионы отраслевой рынок (первый уровень) возникает как результат перколяции (как бы случайным образом внезапно выстраивается (просачивается из центра или от источника ресурсов) соответствующая цепочка контрактов) и растет вследствие возрастающей отдачи и свойств экономического пространства (величина ренты и издержки). Некоторым образом выстроенные отраслевые рынки являются причиной своеобразных (геометрических) фазовых переходов – образуются квазиоднородные множества (с совокупностью когерентных показателей). В результате в некоторой

области происходит фокусирование взаимовлияющих и прочих отраслевых рынков, формирующих как инварианты, так и особенности экономической жизни территории. Все это происходит в неоднородной среде с распределенными свойствами, зафиксированными в пространстве и медленно изменяющимися во времени.

Тогда локалитет становится частью (вторым уровнем) геоэкономического пространства. Собственно регион обладает субъектностью (властные полномочия, введение институтов), однако как объект он не является монообъектом, т. е. скорее он есть результат фазового перехода или пересечение и соединение разных геоэкономических процессов (с пространственно-временной непрерывностью с не просто одинаковыми, но когерентными свойствами), синхронно эволюционирующих. Этот фазовый переход отражается в некой геометрической фигуре – области компетенции (не совпадающей с областью властных полномочий) и геоэкономического действия (расширяемого через интеграционные процессы, приграничное сотрудничество, глобальную инфраструктуру, новую регионализацию и т. д.), определяющего контуры формирования зоны контрактного влияния.

В итоге региональная экономика получает внешние импульсы развития (синергию пространства) и трансформирует их во внутренние проекты, что отражает пространственная модель (рис. 1.1).



**Рисунок 1.1** Концептуальная модель встраивания периферийного региона в геоэкономическое пространство и перевода синергии пространства в механизм развития региональной экономики

Пространственная модель регионального развития определяется составом элементов экономического пространства, характером отношений между элементами, а также целями и критериями пространственного развития. Элементы (объекты и субъекты пространственного развития) могут находиться между собой в сложных отношениях (иерархических, подчиненных или коалиционных), коммуникационных связях (линейных или сетевых) и разных институциональных условиях. Выбор типа отношений, коммуникаций и способа транзакций оказывает серьезное влияние на экономическое развитие и проектное покрытие экономического пространства. Соответствующая пространственная политика должна быть направлена на управление концентрацией и получение экономических выгод от эффекта масштаба и специализации. При этом условия периферии предполагают для воспроизводства капитала точечное использование территории и практическое включение периферии в глобальные процессы. Поэтому значение приобретает использование в практике новых экономических механизмов.

В этой связи объектом региональной политики должны быть не столько отдельные субъекты РФ, а сколько функциональные и инновационные зоны и иные надсубъектные территориально – производственные образования или локальности, например, экономические зоны. Как правило, на территории региона сосредотачиваются фрагменты или отдельные элементы цепочек (в этом отличие регио-

на как объекта от макроэкономического подхода). Поэтому региональное развитие определяется в большей степени способностью встраиваться в глобальные системы производственных отношений и обмена. Состояние развития заключается в том, что региональная экономика получает внешние импульсы развития и трансформирует их во внутренние проекты. Последнее происходит благодаря тому, что экономическое пространство представляет собой также и контрактную сеть. Внешние и внутренние импульсы суммируются и создают общие предпосылки для развития экономической системы.

Таким образом, изменяя характеристики пространства, можно изменять макроэкономические параметры региона. В данных обстоятельствах заключается главное гносеологическое отличие геопространственной парадигмы. Поэтому вводится локальное равновесие – такое состояние системы, при котором остаются неизменными по времени геометрические и макроскопические величины этой системы в некоторых заданных условиях. В то же время в долгосрочном периоде происходит т.н. фазовое или структурное изменение – изменение свойств системы происходит настолько, что она (система) становится качественно иной.

Собственно регион обладает субъектностью (властные полномочия, введение институтов), однако как объект он не является монообъектом, т. е. скорее он есть результат фазового перехода или пересечение и соединение разных геоэкономических процессов (с пространственно-временной непрерывностью с не просто одинаковыми, но когерентными свойствами), синхронно эволюционирующих. Этот фазовый переход отражается в некой геометрической фигуре – области компетенции (не совпадающей с областью властных полномочий) и геоэкономического действия (расширяемого через интеграционные процессы, приграничное сотрудничество, глобальную инфраструктуру, новую регионализацию и т. д.), определяющего контуры формирования зоны контрактного влияния.

## 2. РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

### 2.1 РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ГРАНИЦЫ

Регионализация – это процесс производный от глобализации, заключающийся в объединении и реализации согласованной политики стран и регионов. Если на практике глобализация проявляется через глобализацию рынков и интернационализацию предпринимательской деятельности (интернационализацию на микроуровне, выражающуюся через рост и расширение деятельности транснациональных корпораций), то регионализация – через развитие региональных интеграционных процессов (интернационализацию на мезо- и макроуровне). Рассмотрим процессы глобализации и регионализации более подробно с позиции механизмов их влияния на конкурентные отношения между макроэкономическими субъектами и конкурентоспособность приграничных регионов (Особенности, 2015).

В современных условиях коренным образом меняются роль и экономические функции регионов. Сегодня общепризнанным является то, что регионы начинают играть крайне важную роль в мировом экономическом развитии, в результате чего на первый план выходит межрегиональная конкуренция, а не конкуренция между отдельными странами или производителями. В частности, выделены механизмы, способные превратить регион в важнейшую единицу развития в условиях глобализирующейся экономики. Они формализованы в рамках моделей и эмпирических исследований ряда экономических теорий, в т.ч. в теориях новой экономической географии П. Кругмана и теории институциональной экономики (Особенности, 2015). Также в качестве подтверждения этого можно привести следующие слова М. Портера: «...в новых условиях глобализации регион становится ключевой единицей, т.к. именно в локализованных территориях создается значительная доля добавленной стоимости всех стран, и региональные условия во многом определяют конкурентоспособность производимых товаров» (Григорьев и др., 2008).

Современной спецификой конкуренции регионов является то, что в условиях глобализации практически полностью поменялся ее характер. Сегодня на глобальном уровне практически во всех секторах рынка господствует монополистическая конкуренция, поддерживаемая процессами углубления международного разделения труда через соответствующие типы специализации, производственное и коммерческое кооперирование. Эти процессы затрагивают не только производителей, каждый из которых стремится все более дифференцировать ассортимент производимых продуктов и услуг, но и регионы, каждый из которых либо уже занял свое место в глобальных цепочках добавления стоимости, либо стремится это сделать. В силу развития повсеместной дифференциации (в частности, известные специалисты в области маркетинга – Джек Траут и Стив Ривкин – назвали современную эпоху «эпохой дифференциации» (Траут, Ривкин, 2007а, 2007б)) характер конкуренции изменяется от внешней конкуренции к конкуренции внутренней. Если первая изначально предусматривает наличие внешнего соперника, то вторая складывается между различными подходами и способами управления, организационными потенциалами территорий и способами использования экономических ресурсов (Особенности, 2015).

С управленческой точки зрения регионализация (согласно Википедии) – это процесс перераспределения властных компетенций, передача функций с национального на региональный уровень, появление новых институциональных форм, отвечающих новой роли регионов в процессе принятия решений на национальном и наднациональном уровнях. На уровне мировой экономики процесс регионализации заключается, главным образом, в создании и развитии региональных интеграционных структур, качественно преобразующих существующие формы и способы осуществления международных экономических отношений (Особенности, 2015).

В экономической литературе принято выделять ряд предпосылок, необходимых для запуска процесса регионализации (для начала региональных интеграционных процессов между странами или их регионами) (Ломакин, 2002, с. 65):

- близость уровней социально-экономического развития и степени рыночной зрелости интегрирующихся стран (регионов);

- географическая близость интегрирующихся стран (регионов) и желательное наличие общих границ;
- общность экономических и иных проблем, стоящих перед странами (регионами) в области развития, финансирования, регулирования экономики, повышения конкурентоспособности, политического сотрудничества и др.;
- демонстрационный эффект (распространение положительных структурных сдвигов в экономиках стран, вступивших в региональное интеграционное объединение, на стимулирование интеграционных процессов в других странах или их присоединение к уже существующим интеграционным объединениям);
- «эффект домино» (после того, как большинство стран региона становятся членами интеграционного объединения, другие страны ввиду изменения устоявшейся внешнеторговой конъюнктуры, также вынуждены вступать в данное или аналогичное объединение), отражающийся на динамике процесса регионализации и проявлении его кумулятивного эффекта (Лисоволик, 2007, с. 32).

Основные цели региональной экономической интеграции, как правило, связаны с повышением общей конкурентоспособности экономик стран или регионов, вступающих в интеграционный процесс, либо с достижением определенных целевых показателей конкурентоспособности отдельных отраслей или сфер деятельности (не только экономических, но и политических). Как правило, на практике выделяются пять основных целей региональной интеграции, на основании которых можно провести определенную классификацию созданных и функционирующих в мировой экономике региональных интеграционных объединений (Ломакин, 2002, с. 67):

- расширение масштабов экономики и рынков, сокращение транзакционных издержек, привлечение прямых иностранных инвестиций;
- создание благоприятной внешнеполитической среды, укрепление взаимопонимания и сотрудничества в политической, военной, социальной и других целях;
- решение задач экономической и торговой политики, укрепление договорных позиций стран, участвующих в многосторонних переговорах в рамках ГАТТ/ВТО, создание более стабильной основы для взаимной торговли;
- содействие структурной перестройке экономики, подключение стран (регионов), формирующих рыночную экономику к региональным торговым соглашениям стран (регионов) с более высоким уровнем экономического развития;
- поддержка молодых перспективных отраслей национальной или региональной экономики посредством создания для них более широкого рынка, чем региональный или национальный рынки.

Таким образом, можно сделать вывод, что в результате региональной интеграции отдельные страны (регионы) создают между собой благоприятные условия для торговли и движения факторов производства, что отражается на повышении общего уровня конкурентоспособности их экономик. Основными инструментами регионализации на уровне стран являются преференциальные торговые соглашения, соглашения о сотрудничестве в торгово-экономической сфере и разного рода взаимные уступки, приводящие впоследствии к формированию таможенного союза, зоны свободной торговли и других, более глубоких, институциональных форм интеграции.

Процесс регионализации на начальных этапах осуществляется чаще всего через создание (совместное учреждение) зон свободной торговли или свободных экономических зон. Они представляют собой территориально-хозяйственные комплексы, ориентированные на интенсивное развитие процессов интеграции в систему международного разделения труда и привлечение иностранных инвестиций. В соответствии с «Международной конвенцией об упрощении гармонизации таможенных процедур», принятой 18 мая 1973 г., под свободной экономической зоной (или, в соответствии с международной терминологией, зоной «франко») понимается «часть территории страны, находящаяся за пределами национальной таможенной территории, и поэтому не принадлежащая обычному таможенному контролю и налогообложению (принцип таможенной и налоговой экстерриториальности)». В большинстве развитых стран зоны «франко» являются главными инструментами включения национальных экономик в международное разделение труда и глобальный рынок, через развитие процессов микрорегионализации (о ее сущности и отличии от регионализации будет сказано ниже).

Наряду с приведенными выше, существуют и другие взгляды на процесс регионализации. В частности, здесь надо упомянуть точку зрения на этот процесс с позиции эволюционной экономики. Так, Ю.Ф. Лукин в монографии «Великий передел Арктики» (Лукин, 2010, с. 55) определяет региона-

лизацию как «...процесс последовательных эволюционных демократических изменений, направленных на усиление роли регионов, местных сообществ в жизни социума, на децентрализацию государства, разделение функций управления между различными уровнями власти от муниципалитетов, самоуправляемых общин внизу до международных организаций и глобальных институтов в планетарном масштабе». При этом, как отмечает Ю. Лукин, *региональный уровень при этом становится базовым звеном в существующей иерархии управления*, занимая промежуточное положение между надгосударственным уровнем и локальным самоуправлением. В отношении тенденций регионализации на глобальном уровне он замечает, что с точки зрения цивилизационного развития «...глобальный социум как бы постепенно расслаивается на автономные части – региональные социумы, самоуправляющиеся общины, не совпадающие часто с административно-государственными границами» (Лукин, 2010, с. 59), что также говорит о существенном повышении значимости регионов в системе мирохозяйственных отношений.

Рассматривая особенности процесса регионализации, Я. Лисоволик в (2007, с. 28) отмечает, что «...региональные интеграционные блоки сами по себе уже являются результатом компромисса между рыночными силами глобализации и старой системой национальных экономических систем. С одной стороны, благодаря регионализму мировая торговая система преодолевает территориальные ограничения отдельных стран, но с другой – региональные факторы остаются значительным препятствием на пути к полномасштабной либерализации. В этом случае территориальный фактор продолжает играть роль своего рода фактора производства, который способствует оптимизации вовлечения экономических ресурсов в хозяйственный оборот».

Таким образом, основываясь на этой точке зрения, следует выделять как положительный, так и отрицательный эффект от регионализации (региональной интеграции) для развития международных экономических отношений. Что же касается возможных эффектов с точки зрения обеспечения конкурентоспособности территориальных субъектов (стран и регионов), вступающих в процесс регионализации, то здесь надо понимать, что активное включение в этот процесс может сопровождаться как выгодами и новыми возможностями для развития региона, так и вполне ощутимыми угрозами. В частности, для регионов, вступающих в процесс регионализации, в качестве такой угрозы может быть угроза остаться с неразвитой инфраструктурой и низким уровнем квалификации рабочей силы вне глобальных сетей. В качестве же возможности можно рассматривать то, что усиление специализации в рамках региональных интеграционных структур создает основу для концентрации производства и экономии от масштабов производства в рамках сегментов рынка, в которых даже мелкие игроки могут найти свою нишу.

Таким образом, основываясь на анализе различных подходов и точек зрения к оценке значимости процесса регионализации для мировой и национальной экономик, можно сделать вывод, что его значение выражается в существенно возросшей роли регионов и региональных объединений в международных экономических отношениях. Более того, выступая в качестве относительно новых и динамичных субъектов международных экономических отношений, регионы оказывают влияние на преобразование их структуры и механизмов реализации (особенно организационно-правовых механизмов). В свою очередь, процесс преобразования международных экономических отношений способствует также эволюции качественных характеристик процесса регионального экономического развития. Ввиду этого, количественный рост региональных интеграционных группировок в мировой экономике в сочетании с качественным преобразованием самого процесса регионального экономического развития получило название *нового регионализма* (Лисоволик, 2007, с. 29).

Влияние процесса регионализации на конкурентоспособность региональной экономики (как и национальной экономики, а также экономики ряда государств, вступающих в региональную интеграционную группировку) связано с наличием, так называемых, *динамических и статических эффектов* от данного процесса, выделенных канадским экономистом Я. Вайнером (Лисоволик, 2007, с. 29–30). Суть динамического эффекта состоит в том, что региональная интеграция создает условия для более рационального использования факторов производства и роста инвестиций в долгосрочном периоде. Суть статического эффекта заключается в частичной смене специализации во внешнеэкономической деятельности и изменении структуры потребительского спроса в результате региональной интеграции в краткосрочной перспективе. Как указывается в (Лисоволик, 2007), в основе статического эффекта лежат эффекты создания и отклонения торговли:

*эффект создания торговли* – переориентация внутреннего спроса с отечественных товаров на более эффективные импортные товары в результате устранения или снижения таможенных пошлин в процессе региональной интеграции;

*эффект отклонения торговли* – переориентация внутреннего спроса с товаров, произведенных вне региональной интеграционной группировки на товары, произведенные внутри нее (возможно менее эффективные).

И в первом и во втором случаях наблюдается ценовая конкуренция между товарами, основанная на изменении внешнеторговых ограничений, приводящая к замещению одних товаров на внутреннем рынке другими. При этом надо понимать, что в любом случае статический эффект в краткосрочном периоде оказывает влияние на снижение конкурентоспособности. В первом случае – на снижение конкурентоспособности отечественных товаров и производителей (при этом в целом экономика страны (региона) выигрывает в результате роста благосостояния населения). Во втором случае – на снижение общей конкурентоспособности всей региональной интеграционной структуры в результате снижения благосостояния населения, выплачивающего более высокие цены за менее эффективные товары (Лисоволик, 2007, с. 30). Но, как уже было указано выше, в долгосрочной перспективе за счет проявления динамического эффекта влияние региональной интеграции на повышение конкурентоспособности стран и регионов, вступающих в нее, а также производителей и продукции оказывается положительным.

Динамические эффекты регионализации и их влияние на глобальную конкурентоспособность, а также конкурентоспособность самих региональных интеграционных группировок достаточно хорошо исследованы и формализованы в макроэкономических моделях П. Кругманом (1991a, b, 1995). В частности, им показано положительное влияние региональной интеграции на конкурентоспособность и благосостояние стран и регионов в случае создания «естественных группировок». То есть, интеграционных структур в рамках одного континента при географической близости расположения стран (группировок стран в рамках «естественных» географических границ), которые в меньшей степени сопряжены с эффектом отклонения торговли (Лисоволик, 2007, с. 34–35). Причем он же эмпирически доказывает, что положительное влияние регионализации проявляется, главным образом, на начальных стадиях интеграции – при заключении преференциальных торговых соглашений, создании таможенного союза и зоны свободной торговли (Krugman, 1991b). Главным же критерием эффективности и конкурентоспособности таких региональных интеграционных структур является умеренность в территориальной экспансии. Важно не выходить в своем расширении за «естественные» географические границы, за пределами которых цели политической регионализации начинают превалировать над экономическими целями, что, в свою очередь, грозит резким ростом издержек и усилением влияния эффекта отклонения торговли на конкурентоспособность субъектов, участвующих в регионализации. В данном случае, ярким негативным примером этого является Европейский Союз (особенно после включения в процесс интеграции слабых в экономическом отношении стран Восточной Европы, интенсивность взаимовыгодной торговли с которыми у традиционных стран-участниц ЕС достаточно низкая, а издержки на стимулирование их экономического развития и сохранение политической стабильности высокие).

Что же касается «неестественных группировок», распространяющихся в пределах нескольких континентов, в рамках которых интенсивность взаимной торговли между странами и регионами невысока, то они в существенно большей степени сопряжены с действием эффекта отклонения торговли. Как результат – снижение их общей конкурентоспособности в результате роста издержек (прежде всего, транзакционных издержек).

Таким образом, основываясь на выводах П. Кругмана, можно констатировать, что процесс регионализации способен оказывать положительное влияние на рост конкурентоспособности стран и регионов, вступающих в него, во-первых, в случае, если интенсивность взаимной торговли между ними достаточно высока и, во-вторых, до определенных географических пределов роста региональной интеграционной группировки (до достижения ею своих «естественных» географических границ).

В научной экономической литературе, исследующей вопросы развития мирового хозяйства, процессы глобализации и регионализации, принято выделять в рамках регионализации процесс и тенденции *микрорегионализации*. К ним относят процессы роста взаимодействия между регионами отдельных стран, которые в условиях глобализации становятся все более активными и самостоятельными участниками международных экономических отношений (Лисоволик, 2007, с.44). Естественно, такая новая роль и повышение экономической самостоятельности регионов в масштабе мировой экономики оказывает очень сильное воздействие на преобразование форм и инструментов межрегиональной конкуренции, а также предъявляет новые требования и условия для обеспечения конкурентоспособности региона на глобальном рынке.

Надо заметить, что между регионализацией и микрорегионализацией можно выделить не меньше противоречий, чем между глобализацией и регионализацией. Если регионализация по многим позициям выступает как инструмент противодействия глобализации экономики, то *микрорегионализацию следует рассматривать скорее как процесс, способствующий либерализации и «втягиванию» национальной экономики в систему мирохозяйственных отношений и глобальный рынок*. Так, в частности, Я.Д. Лисоволик отмечает, что в случае с микрорегионализацией «...масштабы либерализации ограничиваются определенным кругом регионов в рамках отдельной страны, что фактически выражается в целенаправленной фрагментации внутринационального экономического пространства в целях интеграции «привилегированного» региона в систему мирохозяйственных связей».

Таким образом, обобщение рассмотренных выше особенностей процессов глобализации и регионализации (микрорегионализации), а также учет основных тенденций их развития позволяет дать развернутую характеристику различных аспектов этих процессов, как двух противоположно направленных, но, тем не менее, тесным образом взаимосвязанных и обуславливающих друг друга тенденций общественного развития. Такое тесное взаимодействие этих процессов создает благоприятные условия и возможности для развития межрегионального сотрудничества, формируя множество дифференцированных зон пересекающихся интересов макроэкономических субъектов.

Мир становится все более открытым, используя для развития синергию геоэкономического пространства. Статистика и расчеты показывают, что поступательное движение мира основывается на его открытости (Д. Асемоглу, Д. Робинсон, М. Алварес и др. цит. по (Мировое, 2014, С. 10)).

Регионализация проходит через границы – зону контактов и согласования институтов. Процессы глобализации в современном мире связаны с процессом перехода функций границы от барьерных к контактными. Если в условиях территориального деления (изолирования государств и регионов) граница была необходима для изоляции стран, снижении их взаимного влияния, то сейчас актуальными становятся вопросы интеграции стран и регионов. При этом граница рассматривается как фактор, тормозящий процессы взаимного положительного влияния и развития.

Барьерная функция границы приводит к тому, что приграничные территории имеют особые формы развития из-за ограничений в возможностях их развития. Примером служит приграничная зона, деятельность и передвижение в пределах которой строго ограничены. В результате эти территории имеют слабое экономическое и инфраструктурное развитие и практически исключены из хозяйственной деятельности. Более того, барьерная функция границы заключается в увеличении транзакционных издержек, связанных с ведением трансграничной хозяйственной деятельности. Таким образом, наиболее актуальными вопросами становятся вопросы снижения транзакционных издержек и тем самым увеличения привлекательности экономической деятельности для агентов.

Можно выделить различные типы границ с точки зрения ее барьерной функции. При этом необходимо учитывать уровень ограничений (сильный-слабый), накладываемый каждой из них. Такие ограничения обусловлены характером потоков и транзакций. Примерное расположение с учетом увеличения уровня ограничений представим в следующем виде:

- Информационная – ограничения по проникновению информационных потоков.
- Культурная и языковая – ограничения по принятию и пониманию культурных и исторических аспектов ведения деятельности в различных регионах.
- Финансовая – ограничения по трансферу финансовых средств.
- Правовая – ограничения передвижения людей (через систему выдачи виз и разрешений) и товаром (через систему таможенных сборов, норм и правил)
- Институциональная – ограничения по преемственности и унификации процессов ведения хозяйственной деятельности.
- Физическая – ограничение материальных и людских потоков между сопредельными государствами.

В условиях глобализации в современном мире роль границы кардинально изменилась, и она вместо функции исключительно запретительно-барьерной получила *функцию структуры для поддержки развития* (Перелыгин, 2011). Приграничное сотрудничество в этих условиях стало важной особенностью современных международных связей российских регионов, поскольку именно на границе непосредственно пересекаются многие жизненно важные проблемы государств, включая внешнеполитические, экономические, гуманитарные контакты (Столяров, 2011). Приграничное сотрудничество позволяет решать ряд вопросов, возникающих на региональном уровне, и оно стало одной из составляющих общероссийской внешнеполитической линии.

Процессы перехода к контактным функциям границы происходят параллельно с выравниванием уровня развития двух соседних экономических систем. Если в условиях значительной разницы в них снятие (упразднение) границы может привести к отрицательным эффектам (это обуславливает наличие границы как барьера), то в условиях выравнивания этих уровней упразднение границы приводит к взаимному дополнению и ускорению развития.

Субъекты РФ, осуществляя приграничное сотрудничество, содействуют усилению прозрачности границ, сближению проживающих на приграничных территориях людей и созданию максимально возможных условий для товарообмена и экономического развития своих территорий. Многообразная деятельность приграничных регионов вносит существенный вклад в двусторонние связи между соседними странами.

На приграничных территориях решаются вопросы взаимовыгодного использования местных природных ресурсов, создания совместных предприятий, налаживания транспортного сообщения, совершенствования средств коммуникаций, и других объектов приграничного хозяйства. Приграничные регионы получают возможность эффективно развивать экономические, культурные и гуманитарные связи, успешно решать ряд проблем в интересах населения по обе стороны государственной границы. В конечном итоге, от развития приграничных связей выигрывают все участники приграничного сотрудничества.

Российская Федерация граничит с 18 странами. 45 регионов России являются приграничными, из них 36 имеют сухопутную границу с другими государствами. По «морю» Россия граничит с 12 государствами. С США и Японией Россия имеет только морскую границу (табл. 2.1).

Таблица 2.1

#### Границы России

Участок государственной границы со страной:	Длина сухопутной границы (на материке: собственно сухопутная, речная, озёрная) (км)	В том числе: собственно сухопутная (км)	Речная (км)	Озерная (км)	Длина морской границы (км)	Длина границы. итого (км)
Норвегия	195,8	43,0	152,8	0,0	23,3	219,1
Финляндия	1271,8	1091,7	60,3	119,8	54,0	1325,8
Эстония	324,8	89,5	87,5	147,8	142,0	466,8
Латвия	270,5	137,2	127,5	5,8	0,0	270,5
Литва	266,0	29,9	206,0	30,1	22,4	288,4
Польша	204,1	203,3	0,0	0,8	32,2	236,3
Белоруссия	1239,0	857,7	362,3	19,0	0,0	1239,0
Украина	2093,6	1508,7	422,0	162,9	567,0	2660,6
Абхазия	233,0	177,0	55,9	0,0	22,4	255,4
Грузия	572,5	572,5	0,0	0,2	0,0	572,5
Южная Осетия	70,0	70,0	0,0	0,0	0,0	70,0
Азербайджан	327,6	272,4	55,2	0,0	22,4	350,0
Казахстан	7512,8	5936,1	1516,7	60,0	85,8	7598,6
Монголия	3485,0	2878,6	588,3	18,1	0,0	3485,0
Китай (КНР)	4209,3	650,3	3489,0	70,0	0,0	4209,3
КНДР	17,3	0,0	17,3	0,0	22,1	39,4
Япония	0,0	0,0	0,0	0,0	194,3	194,3
США	0,0	0,0	0,0	0,0	49,0	49,0
итого	22293	14518	7141	635	1237	23530

Источник: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Большая часть периметра морских границ приходится на арктические моря (19,7 тыс. км) с небольшим по объему или практически отсутствующим международным судоходством. Из общей протяженности границ РФ как сухопутных, так и проходящих по рекам и озерам (22125 км), приходится на границы со следующими государствами: Норвегия и Финляндия (6,6 %), Польша и страны Балтии (4,8 %), Белоруссия и Украина (15,7 %), Грузия и Азербайджан (5,6 %), Казахстан (34,4 %), Китай, Монголия, КНДР (34,9 %).

Условно можно выделить несколько групп приграничных областей в соответствии с особенностями ведения приграничного сотрудничества и характером сопредельных стран (таблица 2.2). Они формируют не просто зоны, обладающие и выполняющие контактную функцию, но и расширяющие геопространство в соответствии с геополитическими и геоэкономическими особенностями его частей.

Основной характеристикой «Североевропейской» группы является то, что сопредельные страны – это страны-участницы Евросоюза. Они характеризуются активной позицией в части интеграционных процессов как внутри Евросоюза, так и за ее пределы. Эта группа характеризуется исторически-сложившимися связями (экономическими, социальными, личными) и активной позицией российских регионов. Так, например, в эту группу входит Санкт-Петербург – один из наиболее активных Российских городов.

Таблица 2.2

### Группировка сопредельных стран и приграничных регионов России

№	Группа	Сопредельные страны (столица)	Регионы России
1	Североевропейская	Норвегия (Осло) Финляндия (Хельсинки) Эстония (Таллинн) Латвия (Рига)	Мурманская обл. Республика Карелия Ленинградская обл. Псковская обл.
2	Калининградская	Литва (Вильнюс) Польша (Варшава)	Калининградской обл.
3	Страны СНГ	Белоруссия (Минск) Украина (Киев) Казахстан (Астана)	Псковская, Смоленская, Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская, Ростовская, Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Самарская, Оренбургская, Челябинская, Курганская, Тюменская, Омская, Новосибирская области, Алтайский край, Республика Алтай, Краснодарский край
4	Кавказская	Абхазия (Сухум) Грузия (Тбилиси) Южная Осетия (Цхинвал) Азербайджан (Баку)	Карачаево-Черкесская республика, Кабардино-Балкарская республика, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Ингушетия, Чеченская республика, Республика Дагестан, Республика Калмыкия
5	Азиатская	Монголия (Улан-Батор) Китайская Народная Республика (Пекин) КНДР (Пхеньян) Япония (Токио) (через Кунаширский пролив)	Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Амурская область, Еврейская автономная обл., Хабаровский край, Приморский край, Сахалинская обл., Камчатский край, Магаданская обл.
6	Чукотская	США (Вашингтон) (через Берингов пролив)	Чукотский автономный округ
7	Североокеанская группа	Не имеют сухопутных границ с другими государствами. Соединены водными путями со странами мира через мировой океан.	Республика Саха (Якутия) Красноярский край Ямало-Ненецкий автономный округ Архангельская область (включая НАО)

«Калининградская» группа уникальна тем, что Калининградская область со всех сторон окружена государственной границей. По предварительному мнению, эта область должна быть наиболее зависима от сопредельных стран и испытывать наибольшее влияние с их стороны. Однако это усложняется тем, что сопредельные страны – новые участники Евросоюза, не имеющие богатой истории успешного становления экономической системы (по сравнению с другими Евросоюза).

Группа «Страны СНГ» состоит из бывших советских республик. С двумя из них (Белоруссией и Казахстаном) Россия формирует Таможенный союз, что сильно сказывается на активности ведения

международной экономической деятельности. Между сопредельными странами и российскими регионами существуют многовековые отношения (экономические, социальные и личные). Кроме этого общее историческое прошлое снимает часть ограничений при ведении совместной экономической деятельности. В частности отсутствуют языковой и культурный барьеры, что значительно облегчает процесс ведения совместной деятельности и снижает транзакционные издержки. Кроме этого отсутствие физической границы между Россией и Белоруссией, и Россией и Казахстаном практически полностью снимает барьерную функцию границы. Это максимально упрощает процесс перемещения людей и товаров через границу, которая в этом случае приобретает не экономический, а политический смысл, практически полностью объединяя три экономических системы.

«Кавказская» группа также отличается от других. Но это отличие, скорее, отрицательно сказывается на развитии соседних экономических систем и тормозит интеграционное развитие между регионами России и сопредельными странами. Так, исторически сложившийся конфликт между этническими группами сильно накаляет как политическую, так и экономическую обстановку в этом регионе. Исключением является Краснодарский край, который вполне благополучен и ведет активную политику в части сотрудничества со странами другой группы, в частности с Украиной и Турцией.

Отличительной чертой «Азиатской» группы является то, что сопредельная страна – одна из самых динамично развивающихся экономик мира – Китай. При этом китайская социально-экономическая политика в части международного сотрудничества ведется по принципу максимального использования приграничного пространства для интегрирования китайской экономики в мировую. Это приводит к диспропорциям в территориальном развитии Китая – приграничные регионы становятся более развитыми, чем глубинные: на их развитие направлено максимальное количество государственных мероприятий. Такая активная позиция на фоне несколько пассивной позиции российских приграничных регионов приводит кроме этого к тому, что производственные мощности (рамках международного сотрудничества с Россией) располагаются на китайской территории, а российские регионы участвуют в нем в качестве ресурсной базы.

«Чукотская» группа представлена единственным регионом России – Чукоткой. Условно это единственный регион, который граничит с США – наиболее развитой экономикой мира. Граница проходит через Берингов пролив, то есть является водной, а остальные регионы (хоть и имеют также водную границу) находятся на значительно большем расстоянии от США. Очень маленькое население (около 50 тыс. человек) приводит к высоким приведенным на душу населения показателям. При этом инвестиции, особенно в последние годы, очень значительны, в том числе иностранные. Это регион богатый полезными ископаемыми, поэтому и экономическая политика направлена больше на их освоение и использование.

«Североокеанская» группа состоит из тех регионов России и их частей, которые являются приграничными, то есть находятся на границе России, но не имеют сухопутной границы с другими странами. Они расположены на побережье Северного ледовитого океана. Главной особенностью этой группы является то, что они фактически в равной степени граничат со всеми странами, имеющими водные границы. При этом эти регионы являются северными, они владеют значительными природными ресурсами, полезными ископаемыми.

Каждая из этих групп, а точнее характер интеграционного, трансграничного сотрудничества и международных отношений имеет собственные характерные черты. Наиболее важными характеристиками трансграничных отношений являются:

- Относительная степень развития экономических и социальных систем сопредельных стран и регионов России.
- Относительная динамика развития экономических и социальных систем.
- Наличие выраженной стратегии региона по отношению к контрагенту.
- Позиция участников по отношению к контрагенту (активная или пассивная).
- Наличие инфраструктурной, институциональной, языковой и культурной интеграции.

Согласно Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей 1980 г. (ратифицированной в РФ в 2002 г.) приграничное сотрудничество – это любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между территориальными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией двух и более договаривающихся сторон, а также заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения вышеуказанных целей. При этом во внешней политике Европейского Союза приграничным регионам придается большое значение – они рассматриваются как своеобразный мост через границы.

Цели приграничного сотрудничества: устранение преград, связанных с пересечением границ, укрепление экономического, социального и культурного сотрудничества, уменьшение экологических проблем и решение вопросов, связанных с безопасностью предпринимательства и туризма.

Л.Б.Вардомский выявил 3 типа приграничного сотрудничества в Российской Федерации: европейский, постсоветский и китайский (или азиатский, иначе приграничные контакты с Турцией и Монголией не попадают не под один из видов – прим. автора).

Характерной чертой европейского типа является разработанная нормативно-правовая база сотрудничества при жестком таможенном и визовом режиме. Азиатский тип построен на традиционной торговой модели и экспорте трудовых ресурсов в Россию. Постсоветский тип отличается безвизовым режимом и наличием ранее установленных экономических связей и производственных цепочек. Существует и более подробная типология, в основе которой положены следующие критерии: географическое положение, происхождение сопредельных государств, принадлежность к политическим блокам, разнообразие отраслевой специализации, отраслевая структура экономики, участие в международных программах и инновационная привлекательность и восприимчивость (Окунева и др., 2012).

С точки зрения степени интенсивности внутри- и межгрупповых экономических связей трансграничные регионы принято подразделять на гомогенные (узкопрофильные) и функциональные (высокая мобильность населения и товарно-обменных потоков). Кроме того, при выделении гомогенных регионов речь идет о территориях, сходных по какому-либо признаку (этнический состав населения, уровень жизни, сходство демографических процессов и т. д.). Внутри функциональных можно выделить центр, который определяет внутренние взаимосвязи и подсистемы: производственную, социальную, демографическую и др.

В процессе развития внешних связей в нашей стране сложились следующие наиболее распространенные *формы приграничного сотрудничества*:

- *Регион – регион*. Самая распространенная форма сотрудничества, которая строится на основе Межгосударственных соглашений и Межрегиональных договоров;
- *Регион – нерегиональные структуры иностранных государств*. Данная форма осуществляется главным образом в сфере безопасности и охраны границ;
- *Регион – международные организации*. Сотрудничество осуществляется в рамках таких региональных организаций, как Союз балтийских городов, Форум регионов морского побережья Европы, Организация субрегионального сотрудничества государств Балтийского моря, Совет Баренцева Евро-Арктического региона и др.;
- *Город – город*. Сотрудничество осуществляется на уровне МСУ.

Наиболее значимое место в структуре приграничного сотрудничества занимает деятельность негосударственных структур, а точнее неструктурный уровень. К основным формам такого рода контактов относится приграничная торговля и взаимные поездки жителей региона (*маятниковая межгосударственная миграция*). При развитии приграничной торговли экономические взаимоотношения между пограничными регионами осуществляются по традиционной модели – *модели приграничной торговли на основе различия в уровне цен* на товары потребительского и производственного назначения в соседних странах. При взаимных поездках жителей регионов основную часть потока маятниковой миграции составляют граждане приграничных территорий обеих стран.

**Трансграничное сотрудничество** – общие действия, направленные на усиление и развитие добрососедских отношений между территориальными органами власти пограничных государств, которые реализуются путем заключения межрегиональных соглашений и договоренностей (Межевич, 2009); это общение между расположенными по обе стороны государственной границы регионами, самоуправлениями, предприятиями, институционализированными группами интересов и индивидами, а также их совместные акции, направленные на достижение каких-либо целей (Тюйр, 2004). Причем в трансграничное сотрудничество вовлекаются не обязательно соседствующие территории.

В результате глобализации происходит взаимопроникновение стандартов и иных институтов, активно развивается приграничное и трансграничное сотрудничество, в рамках которого решаются общие проблемы (например, развитие энергетики, туризма и охрана окружающей среды), характерные для граничных областей, путем совместно принимаемых приграничными сообществами согласованных по обе стороны границы решений. основополагающий принцип приграничного сотрудничества заключается в том, чтобы создавать связи и договорные отношения в граничных областях с целью поиска совместных решений идентичных проблем.

В итоге в результате сотрудничества могут возникать **трансграничные регионы**, которые можно определить как части территорий двух или нескольких соседних стран, которые составляют социально-экономическую систему, характеризующуюся схожей природой, постоянными трудовыми и культурно-бытовыми связями населения, тесным переплетением бизнеса, науки и социальной сферы, взаимосвязанной инфраструктурой (Joenniemi, Sergunin, 2011). Способствуют их развитию общие исторические, этнические и культурные традиции и корни населяющих данную территорию народов, близость языков, единые природные объекты и ресурсы (Емельянов, 2005). Традиционно различают трансграничные регионы, исходя из европейской практики приграничного и трансграничного сотрудничества (табл. 2.3)

Таблица 2.3

**Типы трансграничных регионов**

Интенсивность кооперации	Географические рамки	
	Малые	Большие
Высокая	Интегрированные еврорегионы	Скандинавские группировки
Низкая	Зарождающиеся еврорегионы	Рабочие сообщества

Многообразие форм трансграничного сотрудничества разделим на несколько основных видов в зависимости от характера мероприятий, участников и целей сотрудничества:

- Локальные приграничные контакты, основанные на повседневных поездках частных граждан, зачастую спонтанных. Основными участниками таких контактов являются жители приграничных районов и регионов. Цель таких контактов является проведение свободного времени (досуга), приобретение товаров повседневного и иного спроса.
- Взаимодействие на основе договоров о сотрудничестве между отдельными организациями (университетами) или административно-территориальными единицами государств в том числе в рамках побратимских соглашений между городами, договоров о межрегиональном сотрудничестве. Субъектами выступают организации, учреждения или местные администрации. Целью такого сотрудничества является повышение эффективности работы, развитие граничащих территорий на основе взаимовыгодного сотрудничества, оптимизации экономических, социальных, культурных и иных процессов. Договоры о сотрудничестве формируют область совместных интересов (промышленность, социальная сфера, инфраструктурное обеспечение, культура, образование и т. д.), роль основных участников-сторон договора, возможность привлечения третьих сторон, возможность участия бюджетных средств в проектах.
- Временные сети сотрудничества, создаваемые с целью реализации трансграничных проектов в различных сферах (экономических, социальных, экологических, культурных и т. д.). Сети могут возникать в рамках договоров о сотрудничестве, а участниками становятся администрации, учреждения и организации. Такие проекты носят временный характер и преследуют определенные цели, выражающиеся в возведении объектов, в том числе инфраструктурных, проведении мероприятий и совместных исследований.
- Новые пространственные формы международной интеграции (НПФМИ) – пространственные образования субнационального уровня, включающие в себя регионы нескольких государств и отличающиеся активным приграничным и межрегиональным сотрудничеством и постоянно растущим уровнем социально-экономической интеграции (Каледин, Корнеевец, 2007). Примерами НПФМИ являются еврорегионы, коридоры развития, трансграничные кластеры и т. д.

На основе изучения опыта международного сотрудничества и результатов международных проектов построена **классификация** форм интеграционных процессов по различным признакам.

**Классификация интеграции по субъекту сотрудничества.** Основой является определение целей, функций и сложившейся роли субъектов с учетом их возможностей.

*Интеграция на уровне личности.* Характерной чертой, присущей приграничным регионам, является большое число пересечений границы жителями приграничных территорий, которые живут в непосредственной близости от границы (в пределах 70–100 км). При этом для исследования интеграционных процессов важна частота поездок и их цель. Россияне совершают такие поездки в среднем 2 раза в неделю. Основная цель – приобретение товаров повседневного спроса: продукты питания, бытовая химия, мелкая электроника и одежда. С каждым годом возрастает доля тех, кто едет для про-

ведения досуга, посещения спортивных объектов и мероприятий. С финской стороны целью является приобретение продуктов питания и автомобильного топлива.

Данные процессы базируются на географическом положении региона – его близости к границе. Это относится к первичному (или естественному) потенциалу территории. К вторичному потенциалу относится система розничной торговли и услуг, транспортная инфраструктура. Эффект заключается в развитии спроса и увеличении объемов сбыта, в повышении мобильности населения, создании новых рабочих мест в сфере услуг и смежных областях, возможности для индивидуальной занятости (самозанятости), индивидуального предпринимательства и кустарного производства, в развитии налоговой базы в регионе.

Региональная политика для развития данных процессов заключается в упрощении процедуры пересечения границы, повышении качества приграничной инфраструктуры, развитии сферы услуг в непосредственной близости от границы, исследовании потребности в услугах и товарах среди посетителей региона, развитии инфраструктуры гостеприимства с целью увеличения срока пребывания туристов на территории района и региона.

*На уровне предприятий и корпораций* (корпоративный, или микроуровень) интеграция заключается в расширении географии экономических, хозяйственных и производственных процессов на территории разных стран. Технологические и микроэкономические аспекты интеграции на уровне предприятий изучены достаточно подробно [Засимова и др., 2008].

На уровне региона к первичному потенциалу, используемому при промышленной интеграции, можно отнести географическое положение, наличие природных ресурсов, рекреационные и климатические условия. Вторичный потенциал формируется за счет создания эффективной транспортной системы и улучшения условий ведения предпринимательской деятельности (институциональная среда). Эффект проявляется в расширении географии деятельности предприятий и рынков сбыта, создании новых рабочих мест, повышении заработной платы, в развитии налогооблагаемой базы на территории.

Основная особенность приграничного региона – близость к границе – значительно ускоряет процессы производственной интеграции, снижает транспортные, транзакционные издержки. Мероприятия в рамках региональной политики должны быть нацелены на развитие транспортной сети, улучшение условий ведения деятельности. Эффективным инструментом является формирование особых экономических зон, территориальных зон развития (это увеличивает привлекательность территорий для размещения производств).

Интеграция на *муниципальном и региональном уровнях* стартует на стадии стратегического планирования, где предметом планирования и прогнозирования являются совместная инвестиционная деятельность по развитию территорий. Такое сотрудничество в большей степени характерно для территорий, границы которых совпадают с государственными. Области сотрудничества являются: медицинское обслуживание, экология, образование, наука, культура, предпринимательская среда и развитие инновационной инфраструктуры.

Первичным потенциалом приграничных территорий, используемым для сотрудничества, является их расположение вдоль границы, близость к партнерам, «городам-близнецам» («Sister cities»). «Города-близнецы», зачастую разделенные границей, проходящей в пределах самого города, могут даже использовать общую инфраструктуру.

Вторичный потенциал состоит в открытости для внешних контактов и готовности местной институциональной среды к сотрудничеству. Большую роль играет местная и региональная законодательная база наряду с квалификацией административных кадров в сфере интеграции. Эффект выражается в формировании пространства, привлекательного для жителей, повышении комфортности проживания, повышении социальной защищенности. Это определяет имидж территории, привлекает население, инвесторов и туристов.

Региональная политика развития интеграционных процессов на муниципальном уровне ориентируется на формирование правовой базы развития международного сотрудничества. Большое внимание уделяется разработке и реализации проектов, инициированных на муниципальном уровне, с вовлечением ресурсов региона и включением этих проектов в федеральные проекты и программы.

**Классификация процессов интеграции по сфере деятельности** позволяет определить форматы, принципы и задачи интеграции, которые ставят для себя ее участники.

*Промышленная интеграция* определяется стремлением повысить эффективность производства путем наиболее выгодного и дешевого размещения его составляющих. Приграничные территории за-

нимают приоритетное место, если речь идет о промышленных производствах, связанных с перемещением промежуточного и готового продукта. Это обусловлено короткими транспортными плечами при транспортировке.

Особенностью *сферы услуг* является неотделимость их от потребителя. Поэтому процесс производства и интеграция связаны с перемещением самих потребителей. Специфика интеграции в сфере услуг заключается в определении возможности их перемещения. В сфере туристских услуг примером интеграции являются совместные туры, которые охватывают несколько сопредельных территорий.

Первичным потенциалом для участия в интеграционных процессах в производственной сфере и сфере услуг является наличие природных производственных, природно-климатических и рекреационных ресурсов. Вторичный потенциал в производственной интеграции – это качество институциональной среды, инфраструктуры и наличие высококвалифицированных кадров. Эффективность проявляется в расширении рынков сбыта, оптимизации производственных процессов, повышении эффективности инвестиций, создании новых рабочих мест, росте заработной платы, развитии налогооблагаемой базы.

Региональная экономическая политика, направленная на развитие интеграции в промышленности и сфере услуг, – это создание институциональных условий для участия предприятий в такой интеграции, усиление «открытости» региона для участников процесса и формирование понятных «правил игры». Основная цель регионального развития – максимизация концентрации производственных процессов (цепочек создания стоимости) в регионе.

*Интеграция в области науки* аналогична промышленной интеграции. Проявляется в организации совместных исследований на базе научных учреждений, расположенных в разных странах. Это позволяет эффективно использовать научные и лабораторные мощности научных организаций и создавать на этой основе сетевые структуры для крупномасштабных исследований. Результатом научной интеграции является разработка новых методик, технологий, материалов, механизмов и других продуктов научной деятельности и инноваций.

Специфика интеграционных процессов в области науки заключается в том, что их основу составляет передача информации. При использовании современных технологий передачи информации для приграничных регионов теряется их первичное конкурентное преимущество, связанное с приграничным расположением.

Первичным потенциалом развития интеграции в области науки является опытная база территории. К вторичному потенциалу интеграции относится существующая научно-исследовательская база и кадровый научный потенциал территории, а также система финансирования НИОКР в регионе и возможность привлечения средств вышестоящих бюджетов для проведения исследований. Эффект выражается в повышении конкурентоспособности предприятий (использование инноваций), в реализации научного потенциала, росте заработной платы и увеличении доли высоконаучных сфер деятельности с высокой добавленной стоимостью на территории региона, увеличении налогооблагаемой базы.

Региональная политика в области научной интеграции направлена на создание условий для привлечения бюджетных средств на территорию, развитие системы финансирования НИОКР, создание научно-практических структур и формирование эффективной системы коммерциализации новых технологий и материалов.

*В области образования* интеграция выражается в виде совместного процесса обучения. Основной целью интеграции является развитие кадрового потенциала региона за счет повышения качества образовательного процесса, соответствия образовательных процессов мировым стандартам. Близость к границе и учебным заведениям партнерам облегчает процесс перемещения обучающихся для прохождения обучения или практики, однако не является ключевым конкурентным преимуществом региона в области образования.

Эффект заключается в формировании высококвалифицированного кадрового потенциала региона, снижении безработицы, повышении средней заработной платы работников, повышении эффективности расходования бюджетных средств на образование, увеличении налогооблагаемой базы. Региональная политика в области образовательной интеграции ориентируется на создание системы образования по международным стандартам, поддержку инициатив образовательных учреждений в части интеграционных проектов, привлечение бюджетных средств к их реализации.

Особенностью *сферы высоких и компьютерных технологий* является то, что основным транслируемым (передаваемым) объектом является информация. Это определяет специфику интеграции – она не зависит от расстояния между субъектами. В этом случае роль приграничности для региона как

участника такой интеграции значительно снижается и переходит из категории географически близкого расположения в категорию «информационной», или «электронной», доступности, то есть связана с уровнем развития информационных технологий на территории региона.

Эффект проявляется в результате возникновения современных предприятий в области высоких и информационных технологий, создания новых рабочих мест и развития налогооблагаемой базы. Региональная экономическая политика направляется на привлечение (или обучение) высококвалифицированных специалистов, на развитие системы образования и на стимулирование малого предпринимательства в сфере информационных технологий.

**Классификация по предмету участия в интеграционных процессах в производственной сфере.** Под предметом участия в интеграции понимаются факторы производства, которые включаются в интеграционные процессы территориями (регионами). Размещение производства может быть локальным (расположенным на территории данного региона) и внешним (вне его). Участие региона связано с его специализацией, традиционными секторами промышленности и непромышленных сфер.

*Сырьевая специализация* региона основывается на поставке первичного сырья во внешние производственные циклы. Данная специализация характеризуется значительными объемами заготовки первичного сырья в ущерб его более глубокой переработке. Являясь наиболее «оборотистой» сферой деятельности, этот сектор создает предпосылки для ускоренного развития региона в краткосрочной перспективе. Однако это развитие возможно только с привлечением дополнительных ресурсов (экстенсивное развитие), что еще больше усиливает нагрузку на природное окружение. Сырьевой сектор ограничивает инновационное и технологическое развитие отрасли и не обладает мультипликативным эффектом.

Приграничный район имеет преимущество за счет низких затрат на транспортировку, что повышает конкурентоспособность региона. К первичному потенциалу относится его расположение и наличие сырьевой базы. Вторичный используемый потенциал – транспортная инфраструктура. Экономическая эффективность возрастает за счет прибыльности сырьевого сектора, но в краткосрочной перспективе. Бюджетная и социальная эффективность незначительны из-за малых размеров основных средств предприятий, малого количества работников и низкой заработной платы. Региональная экономическая политика должна направляться на эффективное использование природных ресурсов через систему их распределения, восстановления и контроля за выполнением предприятиями своих обязательств по сохранению экологической обстановки в регионе и муниципальных районах.

В отличие от поставки исходного сырья участие территории в производстве через поставку *обработанного сырья* имеет значительные преимущества. Во-первых, обработка сырья включает в производство сложные машины и механизмы. Это создает предпосылки для развития техники, технологий, создает спрос на высококвалифицированные кадры и инновации в данной сфере. Во-вторых, стоимость конечного продукта, а точнее, добавленная стоимость в таком случае намного выше. Это способствует увеличению притока денежных средств в регион в целом и на предприятия в частности, тем самым обеспечивая больший экономический эффект. Наличие производства, большее количество рабочих мест, более высокая заработная плата обеспечивают больший бюджетный и социальный эффект.

К первичному потенциалу относится расположение региона и наличие сырьевой базы. К вторичному – кадровый потенциал, инфраструктура, условия ведения деятельности (институциональная среда) и инвестиционный потенциал территории.

Поставка *технологий и инноваций*, которые также являются предметом участия региона в интеграционных процессах, предъявляет особые требования к научным достижениям и технологическим разработкам. Непосредственными субъектами (участниками) интеграции в этом случае являются научные и исследовательские организации и конструкторские бюро. Потребность высокой концентрации научного потенциала приводит к росту инновационной деятельности в городах с большим количеством научных и образовательных учреждений.

Таким образом, создаются предпосылки для развития научной сферы и экспорта ее достижений на другие территории. Это требует особых условий подготовки научных кадров. Образовательные учреждения становятся важным элементом всей социально-экономической системы региона. Основу потенциала территории составляет его интеллектуальное содержание: кадровое и научное обеспечение, исследовательская, опытная и экспериментальная база, наличие системы поиска, разработки, поддержки, внедрения, продвижения и защиты инноваций (инновационная инфраструктура).

Экономическая эффективность заключается в продаже инновационных разработок и технологий. Высокая заработная плата и квалификация работников инновационной сферы обеспечивают социальный и бюджетный эффект для территории. Система инновационного предпринимательства содейст-

вует реализации научного потенциала и положительно сказывается на имидже региона как научного центра. Региональная политика в части укрепления инновационной формы интеграции должна быть сконцентрирована на развитии научно-исследовательских учреждений и организаций и всей инновационной инфраструктуры.

Интеграция в форме *кадрового обеспечения* производственных и других процессов заключается в подготовке кадров. Ключевым элементом интеграции являются образовательные учреждения, осуществляющие подготовку кадров по запросу от предприятий и организаций. Данная форма приграничной интеграции создает условия для развития сферы образования, создания научных и технических школ, опытных баз и лабораторий. Однако результатом такой специализации становится отрицательная миграция населения (выпускников), что негативно сказывается на социальном и экономическом развитии приграничного региона.

Специализация на подготовке кадров не несет эффекта для территории и может рассматриваться как приоритет исключительно в комплексе с развитием производственной сферы и сферы услуг как потребителей кадров. Региональная политика должна быть направлена на развитие связей с регионами и странами партнерами для формирования адекватного предложения по подготовке кадров.

**Транспортная интеграция** является важным направлением интеграции приграничного региона. Основу транспортной системы составляют наземные виды транспорта, а процесс транспортировки включает не только непосредственно перевозку грузов, но и мероприятия по его обслуживанию. Это предъявляет особые требования к транспортно-логистической системе приграничного региона.

Участие региона в качестве *транзитного* требует от него максимально эффективного устройства транспортной сети, соответствующей направлениям транзитных потоков грузов и пассажиров. Задача транзитного региона – максимальное ускорение транзита грузов и пассажиров по территории региона. Это снижает возможности территории по обработке грузов «в пути», что значительно уменьшает объем работ, связанных с обслуживанием транспортных потоков, и делает такую форму интеграции менее эффективной для региона.

Первичным потенциалом при этом является расположение региона на сформировавшихся транспортных путях, наличие естественных транспортных магистралей. Вторичный потенциал формируется через создание транспортно-логистической сети и решение административных вопросов перемещения грузов и пассажиров, в том числе вопросов, связанных с таможенным оформлением.

Данная форма интеграции способствует развитию предпринимательства в сфере придорожного обслуживания и сервиса, созданию новых рабочих мест. Такие предприятия имеют точечный характер, располагаются исключительно вдоль транспортных магистралей и не оказывают значительного влияния на развитие региона.

Более эффективная форма транспортной приграничной интеграции заключается во включении *транспортной системы региона* в систему большего размера, в том числе в глобальную. Такая интеграция подразумевает не только техническое соответствие, но и соответствие организационно-правовых норм.

Транспортная интеграция смещает акценты участия от максимального сопутствующего обслуживания грузов «в пути» в сторону их логистического обслуживания и сопровождения. Помимо первичного потенциала (расположение региона и наличие транспортных магистралей) используется вторичный потенциал. Он заключается в развитости транспортно-логистической системы, наличии площадок для размещения логистических объектов преимущественно в местах пересечения нескольких видов транспорта либо в непосредственной близости от пограничных пунктов.

Присутствие на территории региона объектов транспортно-логистической системы создает предпосылки для развития индустрии, связанной с их строительством и обслуживанием. Создается спрос на продукцию строительной сферы, машиностроения, образовательные услуги и информационные технологии. Расширяется спектр запрашиваемых услуг, создаются условия для привлечения на территорию крупных логистических компаний, расширяется налогооблагаемая база, растет количество рабочих мест. Все это обеспечивает экономический, социальный и бюджетный эффект.

Региональная политика в развитии транспортной интеграции направляется на максимально эффективное обслуживание грузопотоков с максимизацией эффекта для региона. Это позиционирует регион в глобальных транспортно-логистических системах и грузопассажирских маршрутах. Система интеграционных мероприятий касается развития транспортной инфраструктуры, строительства и оптимизации транспортно-логистических узлов, включения региона в глобальные транспортные маршруты, развития стандартов обслуживания грузов и передвижения их по территории приграничного региона, а также мероприятий по развитию системы подготовки кадров.

Анализ показал, что приграничное и трансграничное сотрудничество при превалировании контактной функции границы и соответствующих свойств экономического пространства становится важным фактором развития их экономики. Безусловно понимаем, что оно оказывает неодинаковое влияние в различные циклы (периоды реформ, экономические циклы и т. д.), на разные регионы, в разных прочих условиях (об этом речь пойдет ниже – в главе 3). Тем не менее, утверждаем, что приграничные регионы имеют существенный потенциал (в виде приграничного и трансграничного взаимодействия) для ускорения экономического развития, формирования зон с повышенной предпринимательской и инновационной активностью, трансграничных кластеров с изменением своей роли с поставщика сырья в звенья, производящие большую добавленную стоимость.

Для реализации потенциала трансграничного сотрудничества необходимы определенные условия. Либерализация внешнеэкономической деятельности является таковым лишь при обязательном условии защиты национальных интересов. **Обязательным условием активизации трансграничного сотрудничества и успешного развития является адекватная федеральная политика**, направленная на изменение устаревших базиса и структуры экономики, исправление фрагментарности экономического пространства. Также важнейшее условие – наличие таможенной инфраструктуры, прежде всего МАП-Пов со всем необходимым оборудованием, обслуживающих их фирм и банков. Необходимы региональные структуры, государственные и общественные, которые участвовали бы в регулировании трансграничных связей, активный и влиятельный местный бизнес (Labrianids, 2011). Наибольших вложений требует развитие производственной инфраструктуры – подходящих к границе автомобильных и железнодорожных дорог, наличие аэропортов, мостов, вокзалов, обустроенных водных путей и портов.

На интенсивность связей оказывает влияние развитие инженерной и социальной инфраструктуры, правоохранительной системы и службы спасения, а также наличие взаимных интересов у сопредельных регионов. При этом, учитывая особенности приграничных территорий, требуется дифференцированная федеральная политика, специально направленная на разные приграничные регионы с разной ситуацией. Эффект от такой политики также скажется и в том, что произойдет ускорение развития не только приграничных регионов, но и соседних глубинных регионов, что безусловно будет способствовать модернизации экономики России в целом. Тогда в целом расширение приграничного сотрудничества будет отвечать долгосрочным национальным интересам России.

Проблемы, возникающие в приграничных регионах при налаживании сотрудничества с соседними странами, во многом связаны с особенностями системы государственного управления, несовпадение законодательств и интересов партнеров из соседних государств, сложная и длительная процедура утверждения проектов в государственных инстанциях, чрезмерная централизация и отсутствие у регионов достаточно широких полномочий.

Также негативное воздействие на развитие сотрудничества приграничных регионов оказывает нехватка квалифицированных специалистов в области международного права, слабое внедрение современных методов организации внешнеэкономической деятельности, недостаток информации о возможностях сотрудничества, дефицит финансовых ресурсов у потенциальных участников сотрудничества и многое другое. Привлечение в приграничные субъекты квалифицированных кадров, их подготовка сопряжены с необходимостью решения вопросов социального обеспечения.

Приграничное и трансграничное сотрудничество осуществляется во многих странах мира, но имеет свою специфику в зависимости от их политических и экономических условий развития, этнокультурных особенностей и других факторов. Приграничное положение дает регионам определенные преимущества, но и налагает ограничения, связанные, например, с режимом безопасности государственной границы. Последнее время резко обострилась проблема национальной безопасности не только в Российской Федерации, но и на границах ЕС, а среди мер по ее обеспечению большое внимание уделяется ужесточению пограничного и миграционного режима. Национальная безопасность включает также информационную, культурную, энергетическую защищенность государства от внешних и внутренних угроз. В условиях кризисных явлений в мировой и российской экономике требуется обеспечение устойчивости развития и экономической безопасности приграничных регионов РФ. Данные задачи предполагают выработку инструментов, обеспечивающих безопасное усиление пространственной и институциональной интеграции рынков, участие в трансграничном взаимодействии отдельных хозяйствующих субъектов, включая потоки товаров, услуг, капитала, технологий, информации, рабочей силы. В то же время границы выполняют контактную функцию, становятся каналами связи, коммуникации.

На основе вышеизложенного, констатируем следующее. *Трансграничное сотрудничество до сих пор остается практически нереализованным ресурсом.* Причем Россия – одна из немногих стран Ев-

ропы, где ряд приграничных областей отстает в развитии по сравнению с общенациональным уровнем, то сложившееся противоречие (точнее его устранение) между функциональной ролью приграничных территорий как моста интеграции и их проблемным состоянием, по сути, является важной частью **региональной политики, ее особым элементом, направленным на стимулирование и координацию приграничных территорий в контексте интеграции и обеспечения экономической безопасности страны.** При этом следует стремиться к максимально сбалансированным по интересам участников процессов взаимодействия, руководствоваться, прежде всего, национальными приоритетами с учетом мотивации зарубежных партнеров.

В настоящее время на границе между Россией и странами Европейского союза созданы и успешно функционирует европейская форма международной интеграции как еврорегион, основанная на тесном сотрудничестве двух или нескольких территориальных образований соседствующих государств Европы. Данный опыт необходимо тиражировать в восточном направлении.

Правовые и нормативные акты, регулирующие взаимодействие российских регионов и их зарубежных соседей составляют институты приграничного сотрудничества. В отсутствие нормативно-правового акта, непосредственно регулирующего приграничные связи в России, правовую базу развития международного сотрудничества составляют следующие документы:

- «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (от 4 января 1999 г. №4–ФЗ)
- «О международных договорах Российской Федерации» (от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ)
- «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (от 8 декабря 2003 г. 164-ФЗ)
- «О Государственной границе Российской Федерации» (от 1 апреля 1993 г. №4730-1)

Европейский Союз и Совет Европы являются основными институтами, определяющими «единые правила игры» и принципы трансграничной региональной интеграции. Трансграничное и межрегиональное сотрудничество в Европе основано на трех главных документах:

- «Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» (Мадрид, 21 мая 1980 г. и дополнительные протоколы к конвенции: Дополнительный протокол (Страсбург, 9 ноября 1995 г.), Протокол №2 о межтерриториальном сотрудничестве (Страсбург, 5 мая 1998 г.) и Протокол №3 о европейских объединениях регионального сотрудничества (Euroregional Co-operation Groupings) (Утрехт, 16 ноября 2009 г.).
- «Европейская хартия местного самоуправления» (от 15 октября 1985 г.)
- «Декларация по регионализму в Европе» (от 4 декабря 1996 г.)

Основопологающим нормативным правовым актом, определяющим правовое поле приграничного сотрудничества государств – участников СНГ, стала Конвенция о приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ от 10 октября 2008 года. Конвенцию подписали Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан. Организационно-правовой механизм регионального сотрудничества на постсоветском пространстве закреплен в Концепции межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года. Концепция определяет основные принципы, цели, задачи и направления деятельности органов исполнительной власти государств – участников СНГ и их регионов, а также организаций и граждан в сфере межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ.

Российское законодательство в области внешней политики обеспечивает правовую основу международной политики субнациональных акторов, но без учета особенностей отдельных субъектов Федерации. Если в Европе приграничное и трансграничное сотрудничество воспринимается как компетенция региональных и местных властей, то в России сохраняется контроль международных связей региона со стороны государства.

## 2.2 РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Интеграционные процессы, происходящие по периметру российских границ, относятся к макроструктурным возможностям для становления внутригосударственных регионов Российской Федерации в качестве акторов трансграничного сотрудничества. Исходя из положений конструктивистской теории, феномен трансграничности может быть определен как совокупность отношений между суб-

национальными акторами, не всегда связанными территориально, с целью развития интеграционных процессов на основе взаимозависимости, общих интересов и ценностей. Однако международные связи субъектов Российской Федерации продолжают зависеть от внешней политики России в отношении сопредельного государства, от исторически сложившихся связей между территориями, от позиции руководства субъекта Федерации и активности локальных сообществ.

Для приграничного сотрудничества стран характерно организующее участие в нем органов власти регионов и местного самоуправления на основе договоров с аналогичными территориальными органами власти соседних стран. Сферой сотрудничества являются транспорт, торговля, экология, образование, культура, информационные технологии. Оно реализуется на основе совместно или согласованно разрабатываемых программ и проектов. В приграничном сотрудничестве важную роль играет институциональная система.

Исследовательский интерес представляет выявление особенностей взаимодействия российских регионов с приграничными регионами-участниками различных интеграционных систем. В качестве таких систем выбраны Европейский союз и Евразийский экономический союз. Государства-участники интеграционных объединений, являясь инициаторами политического и экономического сотрудничества, как между странами, так и между регионами, посредством выработки согласованных на многостороннем уровне механизмов сотрудничества и при использовании ресурсов и потенциала территорий стремятся к улучшению собственного социально-экономического развития. Под интеграцией на приграничных территориях в данном исследовании будет подразумеваться интернационализация жизни двух и более регионов, процесс сближения экономик, культурной и общественной среды территорий, совместно решающих проблемы повышения уровня жизни и укрепления общей безопасности (Шлапеко, 2018).

Гипотеза исследования заключается в том, что интенсивные межрегиональные связи приводят к образованию трансграничных региональных систем (моделей приграничного сотрудничества), которые обладают специфическими свойствами институционального и социо-культурного характера. Исследование основано на применении институциональной теории и анализе законодательной базы международного сотрудничества. Использование институциональной теории позволит показать роль формальных и неформальных правил, нормативных актов, а также идей и воззрений, создающих контекст, в котором интерпретируется понятие «приграничное сотрудничество».

На пространстве Евразии действуют два мощных интеграционных объединения – Европейский союз и Евразийский экономический союз, приграничные территории которых находятся в постоянном взаимодействии. Отношения России с ЕС и ЕАЭС носят многоуровневый характер: 1) отношения между институтами ЕС и ЕАЭС и российскими институтами; 2) двусторонние отношения России с государствами-членами ЕС и ЕАЭС; 3) трансграничные связи и сотрудничество на региональном (субнациональном) уровне.

Если приоритетным направлением для западноевропейских стран стало улучшение развитой многоуровневой системы взаимоотношений, то для государств постсоветского пространства главной целью является ре-интеграция, то есть восстановление разрушенных связей (Лагутина, 2015). В результате развития межрегиональных связей происходит образование организационных структур (например, еврорегионов), деятельность которых регламентируется на основе деклараций, уставов и т. д.

### ***Нормативно-правовая база межрегионального сотрудничества ЕС***

Российская Федерация ратифицировала Европейскую рамочную конвенцию и два дополнительных протокола, которые устанавливают юридическую базу для создания и деятельности еврорегионов. Обратим внимание, на тот факт, что еще в римском праве понятие «регион» (Regio) использовалось для географического обозначения какой-либо территориальной идентичности без учета государственной принадлежности и/или административного устройства (Hettne, 2002). Характерная черта еврорегионов – наличие общих рабочих органов. Участники еврорегионов – это муниципалитеты, реже региональные власти. В основу европейского приграничного сотрудничества положен программно-проектный метод с обязательным условием маркетинга и визуализации поддержанных инициатив и привлечения большого числа акторов городского, регионального, национального уровней (Шлапеко, 2018). Это оказывают мощное социализирующее воздействие на участников: меняются их представления о собственных интересах и типы поведения с учетом внешней среды.

Процесс формирования еврорегионов шел параллельно развитию Европейского союза. Совет Европы закладывал правовую и идеологическую основу приграничному сотрудничеству, а ЕС проводил политику по гармонизации законодательства для мобильного движения факторов производства и выделял средства по линии программ Интеррег и ТАСИС.

Российские еврорегионы со странами ЕС возникали по инициативе европейских приграничных территорий в середине 90-х: пять еврорегионов с Калининградской областью, один еврорегион с Псковской областью и один с Республикой Карелия. Практика показала, что в своей деятельности еврорегионам приходится преодолевать ряд трудностей: помимо различий в законодательстве существуют различия в уровнях экономического развития, дисбаланс в вопросах занятости, производства и торговли, визовый режим, а также проблемы социо-культурного характера, в частности языковые барьеры, различные стереотипы и фобии.

Европейский Союз заинтересован в сохранении стабильности по периметру границ, поэтому выделяет средства для регионов на внешних границах, поддерживает деятельность российских еврорегионов. Это, в свою очередь, способствует европеизации прилегающих территорий, т. е. процессу создания и распространения формальных и неформальных правил, процедур, стилей, общих норм и убеждений. Так в начале 1990-х программа ТАСИС отражала деятельность ЕС по стимулированию преобразований в России на основе европейских моделей и стандартов. Особое внимание уделялось консультациям, передаче технологий и обучению кадров. За период 2007-2013 гг. на территории РФ было реализовано 5 программ приграничного сотрудничества: «Коларктик», «Карелия», «Юго-Восточная Финляндия – Россия», «Польша – Литва – Россия (Калининград)», «Эстония – Латвия – Россия». Главное отличие новых программ от программ ТАСИС и Интеррег – это паритетное участие РФ, то есть софинансирование программ, участие российских представителей в определении приоритетов и тем заявочных раундов, а также результатов конкурсного отбора. На период 2014-2020 гг. с участием российских регионов одобрено 7 двусторонних программ приграничного сотрудничества. Регионы на основе собственных потребностей выбирают четыре тематические задачи, которые по приоритетности распределяются следующим образом: управление границей и безопасность (в 7 из 7 программ), далее развитие бизнеса (в 6 из 7 программ), окружающей среды (в 6 из 7 программ) и поддержка местных культур (в 3 из 7 программ). Названные темы отвечают логике регионостроительства, а именно развитию приграничной инфраструктуры, углублению экономической интеграции и созданию регионов с общими ценностями (Шлапек, 2016а). Таким образом, возникают «зоны взаимодействия» и трансграничные региональные системы.

### ***Нормативно-правовая база межрегионального сотрудничества ЕАЭС***

Государства-участники Евразийского экономического союза опираются на нормативно-правовую базу межрегионального сотрудничества СНГ, основу которой составляют Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года (2015 г.) и Конвенция о приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ (2008 г.). В соответствии со статьями 3 и 5 Конвенции приграничное сотрудничество осуществляется преимущественно на основе соглашений между компетентными органами и создания совместных органов по приграничному сотрудничеству, хотя основным инструментом сотрудничества остаются двусторонние межправительственные комиссии и форумы (культурные, деловые и пр.). Согласно Конвенции, в целях повышения эффективности приграничного сотрудничества государства-участники в соответствии с национальным законодательством принимают меры, направленные на упрощение процедур пограничного, таможенного, иммиграционного (миграционного) и иных видов контроля (Конвенция о приграничном сотрудничестве, 2008). Например, таможенный контроль на внутренних участках госграниц ЕАЭС не осуществляется.

В настоящее время Исполком СНГ ведет реестр соглашений, учитывая информацию о следующих странах: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова, Российская Федерация, Таджикистан и Украина. По состоянию на февраль 2016 год самое большое количество межрегиональных документов заключено Украиной (60 % от общего количества двусторонних договоров), Россией (52 %), Беларусью (41 %) и Казахстаном (35 %). По количеству заключенных документов на регион самыми активными являются регионы Республики Беларусь, где на регион приходится в среднем около 87 документов, далее следуют Украина, Республика Казахстан, Российская Федерация и Кыргызская Республика. Соглашения по экономическим вопросам составляют около 50 % от общего количества документов, 10 % – о транспорте, около 3 % – соглашения о приграничном сотрудничестве и 1 % – соглашения о сотрудничестве в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (Решение роли Межпарламентской Ассамблеи, 2015).

Сравнивая подходы к определению приграничного сотрудничества в документах Совета Европы (Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, Мадрид, 1980 г.), Российской Федерации (Концепция приграничного сотрудничества РФ, 2001 г.), и уже упомянутых документах СНГ можно выявить терминологическое несоответствие. Отметим, что Армения и Россия, будучи в составе Совета Европы, ратифицировали Мадридскую конвенцию, в которой разграничиваются понятия приграничное и межрегиональное сотрудничество. В то время как, в недавно принятой Концепции стран СНГ данные понятия используются как взаимозаменяемые. Обращает на себя внимание и тот факт, что в Конвенции СНГ не определен субъект приграничных контактов, в Концепции приграничного сотрудничества РФ к субъектам относятся только органы власти, а в Концепции СНГ учитываются юридические лица и общественные организации. Согласно Конституции РФ действует приоритет международного законодательства над законодательством национальным (п.4. ст.15). Таким образом, базовые цели, принципы и приоритеты приграничной политики, обозначенные в Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации, устарели и требуют серьезной доработки.

В настоящее время в документах Межпарламентской ассамблеи СНГ говорится о переходе к созданию «принципиально новой системы сотрудничества в СНГ – отраслевой интеграции хозяйствующих субъектов на межрегиональном уровне» (Решение роли Межпарламентской, 2015). Так, на границе России и Беларуси созданы три специальные экономические зоны: «Витебск», «Гомель» и «Могилев» (обрабатывающая промышленность). Республика Беларусь также является участником 5 евро-регионов («Буг», «Озерный край», «Беловежская пуца», «Днепр» и «Неман» с участием российских регионов), но основное финансирование еврорегионы получают из Программ восточного партнерства ЕС «Латвия-Литва-Беларусь» и «Польша-Беларусь-Украина». Элементы приграничного сотрудничества по модели еврорегионов также можно выявить в регионе приграничной интеграции и сотрудничества «Большой Алтай», который был создан на основе «Декларации о развитии трансграничного сотрудничества в Алтайском регионе» (подписана представителями регионов России, Казахстана, Китая и Монголии в 2004 г.).

Еврорегионы на границах с СНГ ориентированы на развитие так называемых малых форм взаимодействия: социо-культурных коммуникаций, так как основной источник финансирования – средства региональных бюджетов. Переходу на качественно иной уровень сотрудничества будет способствовать создание специализированных институтов поддержки и внедрения программно-проектного метода реализации приграничных инициатив, что также позволит вовлечь общественные и коммерческие структуры (Шлапеко, 2018).

Процессы регионализации в европейской части России и на постсоветском пространстве значительно отличаются, но, по сути, являются политически и экономически конструируемыми и ведут к возникновению «зон взаимодействия», что позволяет говорить о двух моделях приграничного сотрудничества: европейской и евразийской (Шлапеко, 2018). Использование идеи «евразийства» на постсоветском пространстве позволит России укрепить восточный вектор внешней политики. Специфические характеристики интеграционных систем влияют на становление внутригосударственных регионов в качестве акторов международных отношений и оказывают воздействие на содержание, направления и формы сотрудничества с сопредельными территориями. При формировании новой роли регионов России необходимо учитывать пространственный аспект развития территории, пограничный характер пространства и связанные с этим стратегии, как России, так и приграничных территорий.

### ***Усиление роли Евразии: значение интеграционных объединений***

В последние годы на территории Евразии наблюдается не столько декларация, сколько осуществление интересов Евро-Атлантического сообщества силами военно-политических (НАТО), экономических (ТНК, ВТО), финансовых структур (МВФ, ВБ) (Denoon, 2015). При этом именно контроль таких геополитических центров, как Россия, Китай, Ближний Восток, Центральная Азия определяет эффективность управления.

Страны Евразии сталкиваются с общими внешними и внутренними вызовами (религиозный экстремизм, экологические угрозы, дефицит воды, наркотрафик), нуждаются в дальнейшем повышении социально-экономической устойчивости и поддержании достигнутых темпов роста. Основной объединяющей идеей представляется устойчивое социально-экономическое развитие государств Евразии на основе эффективного использования природного, человеческого и инфраструктурного потенциала.

Вступление в силу антироссийских санкций поставило перед Россией задачу поиска новых источников роста и способов снижения издержек, в первую очередь через евразийскую экономическую интеграцию. В настоящее время РФ представлена в нескольких региональных интеграционных объединениях с участием евразийских государств: ШОС (КНР, РФ, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан), Евразийский экономический союз (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и РФ), БРИКС (Бразилия, РФ, Индия, КНР и ЮАР). При этом, если при создании ШОС региональная безопасность имела приоритетное значение, то ЕАЭС нацелена на региональную экономическую интеграцию, БРИКС – уникальный диалоговый формат пяти развивающихся стран мира. Несмотря на то, что БРИКС, помимо стран Евразии, охватывает Бразилию и Южно-Африканскую Республику, данная платформа выступает механизмом как укрепления экономических связей, так и сохранения мирных взаимоотношений и культурного взаимопонимания между сопредельными странами. В регионе созданы финансовые институты для поддержки совместных проектов: Евразийский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Банк БРИКС, фонд “Шелкового пути” и др.

В Евразийском экономическом союзе с 1 января 2015 г. обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также ведется координация и синхронизация экономической политики в различных отраслях. В 2010–2014 гг. сохранялась положительная динамика внешнеторгового оборота, но в 2015 г. вследствие неблагоприятной конъюнктуры на сырьевых рынках, реализации внутригосударственных программ импортозамещения и других факторов произошло резкое сокращение объемов взаимной торговли стран – участниц ЕАЭС. Следует подчеркнуть, что интеграция “сверху” не может быть эффективна без опоры на интеграционные потребности граждан. К сожалению, в настоящее время следует выделить низкую информированность населения о сути Евразийского союза, особенно в молодежной среде (Интеграционный барометр, 2015). Однако на пространстве Центральной Евразии дополнительным ресурсом является языковой фактор: так как большая часть населения все еще владеет русским языком, сохраняется возможность использования российской инфраструктуры образования для государств – партнеров по ЕАЭС. Активное обсуждение общих целей развития подкрепляется исследованиями историков, экономистов, политологов в рамках специально созданных научных центров: Национального комитета по исследованию БРИКС (РФ), Евразийского Клуба МГИМО, Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Казахстан) и др.

Становление БРИКС отражает объективную тенденцию мирового развития к формированию полицентричной системы международных отношений и усилению экономической взаимозависимости государств, разрабатывающих и реализующих интеграционный процесс на государственном уровне (Интеграционный барометр, 2015). Наибольшую силу в данном интеграционном объединении имеет политическая воля лидеров и желание преобразовать имеющуюся экономическую мощь в политическое влияние (Шлапеко, Степанова, 2016). Следует акцентировать внимание на том, что члены БРИКС, как крупные и сверхкрупные региональные державы, стремятся структурировать региональное политическое и экономическое пространство, а также взять на себя ответственность за его развитие, активно участвуя в других региональных интеграционных группировках (ШОС, МЕРКОСУР, АТЭС, АС). Однако наряду с тенденциями интеграции следует обозначить имеющиеся разногласия между государствами: противоречия Китая и Индии по пограничным вопросам, России и Бразилии в сельскохозяйственной сфере; конкуренция Бразилии и Китая за ресурсы в ЮАР и др.

Несмотря на явные различия стран по многим показателям, одним из базовых принципов деятельности БРИКС становится цивилизационная комплементарность, а значит, артикуляция интересов существенной части международного сообщества (БРИКС, 2015). Каждая страна “пятерки” не только представляет целостный цивилизационный ареал, но и является его центром. Например, Бразилия – моральный лидер латиноамериканского ареала, Россия – православного мира, Индия – индуистского мира, Китай – синского мира и ЮАР – африканского мира. В контексте формирования интеграции и идентичности БРИКС может представляться не только в качестве модели цивилизационного объединения и носителя новых ценностных ориентиров (свобода в выборе путей развития, суверенность исторических традиций и культурное многообразие), сколько инструментом конструирования альтернативного центра принятия решений на принципах равноправного партнерства и концепции справедливости (Шлапеко, Степанова, 2016).

Особое место в БРИКС отведено Китаю, занимающему второе место среди внешнеторговых партнеров стран Евразийского экономического союза. Уступая лишь Евросоюзу, он является одним из стратегических торгово-экономических партнеров ЕАЭС в АТР, крупным инвестором в экономики государств-членов. Для примера: за период 2010–2014 гг. совокупный товарооборот государств – чле-

нов Евразийского экономического союза с Китаем увеличился более чем в 3.5 раза и составил порядка 109 млрд долл. (Валовая, 2015). Следует указать, что в настоящее время для государств-членов ЕАЭС основным торгово-экономическим партнером является Россия, а для государств-членов БРИКС – Китай.

Ориентация РФ как евразийской державы политически и экономически не только на Евразию, но и на страны АТР раскрывает новые экономические возможности для развития государства. Интересы России в Евразии можно определить как создание коалиции регионального развития – “круга друзей” или “круга доверия” – дружественных государств, совместно с которыми могут быть решены задачи развития и купированы вызовы безопасности (Алексеевкова, Тимофеева, 2016).

В мае 2014 г. главы КНР и РФ подписали совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза, которое явилось новой важной исторической вехой в развитии отношений двух стран (Совместное заявление, 2014). Дальнейшая сопряженность и взаимопресечение интересов БРИКС и ЕАЭС открывает качественно новый уровень экономического взаимодействия государств и широкие перспективы экономического роста, формирующие для всех государств новые конкурентные преимущества и мощные дополнительные возможности в современном глобальном мире (ЕАЭС, 2016). На сегодняшний день складывается парадоксальная ситуация как в ЕАЭС, так и в БРИКС, страны больше торгуют с Китаем и Россией, нежели между собой. Для стимулирования экономического сотрудничества необходимо развивать транспортные сети, объекты энергетической и промышленной инфраструктуры. Учитывая значительный транзитный потенциал России, следует указать на неэффективность его использования (не более 1 %). Развитие транспортной инфраструктуры “Экономического пояса Шелкового пути” послужит мобильности населения стран региона и торговым контактам, например строительство моста Нижнелененское – Тунцзян (Россия–Китай) или казахстанского участка автодороги “Западная Европа–Западный Китай” позволят сократить сроки доставки грузов в Европу.

### ***Мегапроекты региональной интеграции в Евразии***

Региональная интеграция – обязательный этап в ходе экономической глобализации. Главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, В.П. Оболенский указывает на важность вхождения в трансконтинентальные региональные экономические объединения интеграционного типа, которые инициируют выработку новых согласованных на многостороннем уровне механизмов регулирования мировой торговли и инвестиций (Оболенский, 2015).

В историческом контексте одним из примеров крупнейшей региональной интеграции представляется Великий шелковый путь – торговые широтные магистрали Евразии, оказавшие влияние на взаимопроникновение культур, социально-экономическое развитие территорий (строительство городов, появление товарно-денежной системы и пр.) Основные функции Великого Шелкового пути заключались в обмене товарами и информацией, ретрансляции технологических достижений и установлении сотрудничества (дипломатическая функция). При этом работа протяженных караванных маршрутов требовала наличия необходимой инфраструктуры: перевалочных пунктов, специализированных базаров, режима стабильных денежных расчетов и пр. Шелковый путь стал не только одной из крупнейших торговых магистралей древности и средневековья, но и повлиял на взаимопроникновение культур, строительство городов, зарождение товарно-денежных отношений, появление новых ремесел и промыслов. Шелковый путь стал уникальным проявлением длительного и взаимовыгодного сотрудничества оседлых и кочевых народов. Кочевники выступали в роли проводников и охранников купеческих караванов через пустыни и степи, взимая плату за помощь и обеспечение безопасности (Шлапеко, Степанова, 2016).

В современных условиях государствами Евразии предлагаются различные идеи формирования широтных геоэкономических поясов мирового развития от Атлантики до Тихого океана (Шлапеко, Степанова, 2018а).

В российской практике данная идея была предложена школой геоэкономики и заключала в себе ареал стратегического влияния (Кочетов, 2014). Так, в докладе руководителя Центра научного обоснования и реализации ИСТИ РАН, доктора политических наук, В. Якунина на заседании Президиума РАН в 2013 г. обосновывается необходимость реализации мегапроекта “Интеграция евразийской транспортной системы”, когда “Россия не находится между Европой и Азией, а соединяет цивилизационные общности” (Транс-Евразийский пояс, 2014). Президент региональной общественной организации “Общественная академия наук геоэкономики и глобалистики”, доктор экономических наук,

Э.Г. Кочетов указывает, что глобальный евразийский проект «Транс-Евразийский пояс развития – “глобальная геологистическая система, в котором идет связка на кластерно-сетевой основе тихоокеанского воспроизводственного ядра с европейским воспроизводственным ядром” (Кочетов, 2014).

Согласно китайскому мегапроекту “Один пояс, один путь” (Cohen, 2015), для восстановления идеи экономических и культурных связей Востока и Запада на историческом Великом шелковом пути, будет обеспечен транспортный, энергетический и торговый коридор между странами Центральной, Южной Азии и Европы. По оценке экспертов строительство системы займет более десяти лет и в среднесрочной перспективе останется экономическим проектом, направленным на развитие внутренних районов Китая (Михеев, Луконин, Чже, 2015).

Мегапроект объединяет два крупных инфраструктурных проекта: “Морской Шелковый путь XXI века” и “Экономический пояс Шелкового пути” (ЭПШП). Первый представляет собой сеть маршрутов, связывающих китайские порты с портами Сингапура, Малайзии, Индонезии, Австралии. В основе проекта “Экономический пояс” лежит инфраструктурное развитие Северного, Центрального и Южного экономических коридоров между Азией и Европой, включая строительство высокоскоростных транспортных сетей (автомобильных и железнодорожных) на территории Евразии. Проект предусматривает инфраструктурное развитие Северного, Центрального и Южного экономических коридоров между Азией и Европой. Масштабы и влияние на преобразование Евразийского континента сопоставимы с крупнейшими мегапроектами: Суэцкий канал, Транссибирская магистраль, тоннель под Ла-Маншем. Географически проект соединит линию от Пекина по территории Западного Китая, Казахстана, пройдет по территории России до Балтийского моря с ответвлением на Белоруссию, Польшу и Германию (Каким был, 2016). Проектируемая автомагистраль позволит сократить время доставки грузов от 40–50 суток как минимум до десяти суток и увеличить товарооборот, например, между Россией и КНР к 2020 г. до 200 млрд. долл., обладая высоким уровнем безопасности (Экономический пояс, 2015).

Благодаря современным коммуникационным возможностям, а также стремлению азиатских и европейских государств к сотрудничеству в экономической, политической и культурной сферах, впервые в конце XX в. появились новые возможности возрождения и использования Великого шелкового пути как главной трансевразийской магистрали (Шлапеко, Степанова, 2018а). Фактически возрождение Великого шелкового пути как мегапроекта региональной интеграции включает формирование нового транспортного коридора, направленного на существенное усиление экономического взаимодействия государств Евразии.

Большая разница в уровнях развития в субрегионах и слабые связи между странами тоже составляют немалое препятствие углублению регионального сотрудничества. Проекты “экономический пояс” и “морской путь” призваны соединить все субрегионы Азии, в частности Центральную Азию, Южную, Юго-Восточную и Западную и тем самым способствовать взаимодополнению и обмену преимуществами между регионами, помочь налаживанию и совершенствованию азиатской цепочки предложения, производства и ценообразования. В результате общеазиатское и евроазиатское сотрудничество выйдут на новый уровень развития (Шлапеко, Степанова, 2018а).

### ***Вызовы и угрозы интеграционным процессам в Евразии***

Угрозы развития Евразии находятся как внутри региона (экономический спад, сепаратизм, транзит наркотиков, оружия, экологические проблемы, внутренние конфликты), так и исходят извне (присутствие США в регионе, рост террористических группировок, экстремизм, гонка ядерных вооружений). В настоящее время существует политическая нестабильность и определенная конфликтность в Евразии, например возможность обострения региональных конфликтов между Афганистаном и странами Центральной Азии. Как отмечает главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан М. Лаумулин: геополитический контекст ситуации в Афганистане затрагивает безопасность региона, поэтому страна остается в центре внимания всего мира, к ней постоянно прикованы взоры Пакистана, Индии, Ирана, постсоветских государств Центральной Азии, КНР и России (Лаумулин, 2013). Другой очаг напряженности – Ферганская долина (перекресток Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана). По словам доктора философии Университета Абант Иззет Байсал Я. Сари (Болу, Турция) “Ферганская долина играла и играет до сих пор роль либо важного фактора региональной стабильности, либо источника кровопролитных конфликтов” (Сари, 2013). Конфликт между Арменией и Азербайджаном может поставить под угрозу функционирование транспортной инфраструктуры ЭПШП и ЕАЭС, а значит и свободное перемещение людей и товаров. Хаотизации евразийского макрорегиона, увеличению числа горячих точек, кри-

зисных зон, слабых государств – все это служит питательной средой для террористов и экстремистов, расшатывают систему региональной безопасности (Алексеенкова, Тимофеева, 2016). По мнению профессора Г.К. Исаковой (Семей, Казахстан) проблематика экологической безопасности, например, распределение ресурсов пресной воды среди государств Центральной Азии, может стать еще одним источником политической нестабильности в регионе (Исакова, 2012). Подобные латентные угрозы чреваты непредсказуемыми последствиями и требуют от ведущих евразийских стран объединения усилий, большей консолидации и солидарности.

Вызовом становится экономический спад в странах региона, давление санкций, с одной стороны, и альянс ЕС и США, то есть трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, с другой стороны. Хотя объединение стран Евразии увеличивает взаимозависимость от экономических рисков и кризисов, оно также дает возможности для новых источников роста и моделей развития, выходу из экономической изоляции и снятию ряда издержек (Шлапек, Степанова, 2018а). Если сейчас сотрудничество стран во многом обусловлено экономическими причинами – получение доступа к ресурсам и новым рынкам сбыта, то будущая заинтересованность в углублении интеграции в регионе будет во многом зависеть от политического курса, консенсуса политических и экономических элит. Институционализации региональной среды стабилизирует, страхует от излишней волатильности, но не создает условий для долгосрочного поступательного развития группировок (Скриба, 2014).

Свобода движения рабочей силы в рамках Евразийской интеграции таит в себе угрозу усиления миграции в экономически более развитые государства, в первую очередь, в Россию и Казахстан из Киргизии. Определенный риск несут в себе и негативные общественные настроения в отношении соседних стран, что связано со слабой информированностью граждан об интеграционных процессах и проектах сотрудничества в Евразии.

Актуальность вопросов безопасности в современной повестке Евразийских государств не вызывает сомнений. Главной темой апрельской встречи Министров обороны стран АТР в рамках V Московской конференции по международной безопасности станет борьба с терроризмом, проблемы войны и мира в Европе, глобальной безопасности и военного сотрудничества. Отдельное внимание планируется уделить обсуждению ближневосточных противоречий, традиционных и новых вызовов и угроз международной безопасности, роли вооруженных сил в противодействии “цветным” революциям, обеспечения безопасности в Центральной Азии (Исакова, 2012). Основными мероприятиями стран ШОС в сфере обороны и безопасности являются антитеррористические учения.

Важным представляется сохранение такого аспекта евразийской идеи как геополитический и цивилизационный полицентризм (Вызовы, 2016), получивший реализацию в формате ШОС, БРИКС, ЕАЭС и не допускающий преобладания двусторонних форматов над многосторонними, а также лидерства одной из ведущих держав. Специфика “шанхайского духа” встречи глав государств в рамках саммита БРИКС и ШОС в июле 2015 г. (Уфа, Россия) подтвердила принципы “цивилизационного партнерства в международных отношениях, создавая основу справедливому многополярному миропорядку и руководствуясь неконфронтационными стратегиями мирового развития, совместными действиями на глобальные вызовы и риски” (Мишучков, 2015).

### ***Великий шелковый путь: новые импульсы развития***

Россия стремится сохранить влияние в Центральной Азии за счет равноправного сотрудничества и восстановления экономических связей, поэтому в российском дискурсе чаще используется термин “евразийская интеграция”, а Концепция Шелкового пути не выдвигается в качестве официальной. В то же время, Россия объективно заинтересована в развитии ЭПШП для укрепления системного взаимодействия в многосторонних форматах и с региональными организациями. В стратегии ЭПШП подчеркивается направленность на всестороннее деловое сотрудничество, формирование сообщества интересов, судьбы и ответственности, для которого характерно политическое взаимодоверие, экономическая интеграция и культурная толерантность (проект охватывает 4,4 млрд. чел.) (Совместное заявление, 2014). В дальнейшем планируется создание семи поясов: транспортного, энергетического, торгового, информационного, научно-технического, аграрного и туристического (Ли Синь, 2015). Результатом действительно может стать возникновение масштабной зоны свободной торговли от северо-западных провинций Китая, Центральной Азии до Центральной и Восточной Европы.

Ряд авторов высказывали мнение, что Китай готовится выйти на прямую конкуренцию с Россией в Центральной Азии, поскольку российский и китайский интеграционные проекты в регионе взаимоисключают друг друга. Профессором Ли Синь (Шанхайская академия международных исследований)

обосновывается отсутствие конкуренции и стыковка двух широтных геоэкономических мегапроектов (российского (ЕАЭС) и китайского (ЭПШП)) (Ли Синь, 2015). Железнодорожная отрасль выбрана в качестве главной экспортной отрасли, локомотива увеличения экспорта китайского высокотехнологичного оборудования. Такая политика получила название “высокоскоростной железнодорожной дипломатии” (в настоящий момент переговоры о строительстве ж/д ведутся почти с 30 странами) (Михеев, Луконин, Чже, 2011).

Россия в силу своего географического положения обеспечивает доступ ко многим государствам Евразии, к основным магистралям, портам и транспортным артериям. В настоящее время транзитный потенциал России используется не более 1 %. С другой стороны, полноценное использование этого преимущества требует огромных вложений в повышение транспортной связности, например, Транссибирская магистраль имеет серьезные пропускные ограничения, российские порты на Каспии также обладают большим потенциалом, но требуют существенных инвестиций и реконструкции для осуществления контейнерных перевозок. Проблемой является нехватка соответствующего типа судов, компетенций для обслуживания портовой инфраструктуры и контейнерных перевозок. Участие в таких трансконтинентальных проектах, как ЭПШП может стать стимулом преодоления системных проблем: удаленности от морского побережья и от основных рынков сбыта (Шлапек, Степанова, 2018а). Ведь связанность и транспортная доступность позволят более активно присутствовать на глобальном рынке.

По территории РФ пройдет одна из самых протяженных частей международного транспортного маршрута, включающая строительство высокоскоростной магистрали Москва–Казань–Екатеринбург (около 2,2 тыс. км.). Планируемый общий экономический эффект от строительства российской части маршрута Европа–Западный Китай до 2045 г. составит 922 млрд руб. или 1,3 % прироста в ВВП (Транс-Евразийский пояс, 2014).

К настоящему времени в КНР уже построена трасса протяженностью около 3,4 тыс. км, соединяющая деловой порт Ляньюнган и Шанхай на востоке с таможенным переходом Хоргос в Казахстане на западе. Казахская магистраль протяженностью 2,8 тыс. км. позволит сократить путь в Китай с 15 дней до 50 час и откроет выход в страны Южной Азии через Узбекистан и Киргизию. Маршрут “Шелковый ветер”, который свяжет Китай и Казахстан через Каспийское море с Азербайджаном, Грузией, Турцией, а далее с Европой, финансируется частично из программы TRASECA (Транспортный коридор Европа–Кавказ–Азия). Развитие транспортной инфраструктуры послужит усилению мобильности населения стран региона и торговым контактам. Вместе с тем стимулирование экономического сотрудничества требует развития не только транспортных сетей, но и объектов энергетической и промышленной инфраструктуры.

В декабре 2015 г. Китай и Казахстан подписали соглашение на сумму 4 млрд. долларов, покрывающее сотрудничество стран в энергетике, нефтехимии, добыче урана и сфере телекоммуникаций. Этому предшествовали соглашения на сумму 23,6 млрд. долларов в сфере сталелитейной промышленности, НПЗ, гидроэлектрогенерации и автомобильной промышленности (Морской, 2015). Стратегия Казахстана “Нурлы Жол” учитывают “фактор Экономического пояса” и во многом базируется на планах по его развитию, предусматривает инвестирование в развитие инфраструктуры на своей территории.

Особенно перспективна тема общего рынка электроэнергетики Центральной Азии: большая зона покрытия, число генерирующих мощностей и их сопряженность обеспечивают более эффективный рынок (Возвращение, 2015). Подключение Китая даст возможность укрепить национальную энергетическую безопасность, используя разные маршруты импорта энергоносителей, а для России и стран Центральной Азии – диверсификация поставок.

Предлагается также реализация принципиально новых российско-китайских проектов. Так, северная провинция Шэньси заявила о намерении создать зону свободной торговли, ориентированную на Россию. В ее рамках будут действовать режимы упрощенного таможенного оформления и возврата импортно-экспортных налогов для товаров из России и КНР, осуществляться прямые расчеты в национальных валютах. Центральное место в новой ЗСТ будет принадлежать российско-китайскому технопарку, строительство первой очереди которого уже началось (Возвращение, 2015).

Приграничное и межрегиональное сотрудничество превращается в точку роста многостороннего практического сотрудничества и евразийских отношений. Например, в 2016 году объем взаимной торговли Оренбургской области Российской и Актыбинской области Республики Казахстан составил 862,5 млн долларов США, из них на долю Оренбургской области приходится 85 млн долларов США, на долю экспорта из Актыбинской области приходится 41,8 млн долл. США (Актыбинская, 2016).

Приграничная торговля, которая ранее имела вид челночного бизнеса, стала более институционализирована: появились закупочные, транспортные, торговые компании, официальная регистрация бизнеса. Современное состояние российских приграничных автодорог и автомобильных пунктов пропуска не соответствуют требованиям международных перевозок и во многом тормозят приграничное сотрудничество. Завершение строительства участка международной трассы “Западная Европа–Западный Китай” позволило увеличить поток автотранспорта и грузооборота по Актюбинской области почти в 2 раза (Актюбинская, 2016), и в будущем этот коридор даст колоссальный толчок развитию как минимум восьми российским регионам, по территории которых пройдет этот участок коридора: Московская, Владимирская, Нижегородская, Чувашская Республика, Республика Мордовия, Ульяновская, Самарская область, Республика Татарстан (Шлапек, 2016б). Импульс для развития также получают малонаселенные и отстающие с экономической точки зрения внутренние провинции Китая, от Внутренней Монголии до Синьцзян-Уйгурского автономного района, который граничит со странами Центральной Азии. Речь идет о формировании нового пояса инвестиционной активности, в рамках которого заработает большое количество промышленных, логистических, рекреационных объектов и будут созданы новые рабочие места. В результате Россия может стать одним из главных финансово–экономических бенефициаров от реализации китайской инициативы.

Важную роль играют различные формы гуманитарного сотрудничества от студенческих обменов до развития туризма. В 2014 г. Великий шелковый путь, объединяющий 33 исторические достопримечательности (22 на территории Китая, 8 в Казахстане, 3 в Киргизии) был официально внесен в реестр всемирного наследия ЮНЕСКО. Из 50 тысяч казахских студентов, обучающихся за границей, 12 тысяч проходят обучение в Китае. По данному показателю Китай опережает только Россия. Для ознакомления народов России и Китая с национальной культурой, историей и языком в интересах укрепления добрососедских отношений, на территории России действуют 20 Институтов и классов Конфуция, в Китае – 11 Русских центров и Кабинетов Русского мира.

Телекоммуникационная сфера и экология также входят в число приоритетных направлений проекта. Китайцы особо подчеркивают «зеленый» характер пути и собираются активно участвовать во всех будущих конференциях по климату. Компания Huawei намеревается воспользоваться Шелковым путем для распространения своего влияния по всей Средней Азии и Ближнему Востоку: построить инфраструктуру во всех государствах по территории, которых он будет проходить. Связь будет осуществляться не только по суше и морю, с помощью волн и облачных сервисов (Martel, 2016). Китайская навигационная система Бэйдоу и российская спутниковая система ГЛОНАСС развернули сотрудничество по созданию китайско–российской навигационной системы. Две стороны также ускорили процесс совместной разработки дальнемагистрального широкофюзеляжного самолета, повысив уровень сотрудничества в сфере строительства больших самолетов (Martel, 2016). Китай и Россия обладают крупными экономиками и высокой степенью комплементарности промышленности, а также большими рынками и, что особенно важно, сильной заинтересованностью в двустороннем сотрудничестве и налаженным механизмом сотрудничества (Шлапек, Степанова, 2018а).

Наземный экономический пояс Великого Шелкового пути объединен с морскими путями, которые протянутся от Восточной Азии до Африки, от Ближнего Востока и до Европы, соединив крупнейшие центры финансов и коммерции. Морские маршруты задействуют казахстанский порт Актау и другие порты Каспийского моря – Махачкалу и Баку, обеспечивающие выход в кавказский регион, Турцию и в черноморский бассейн (Морской, 2015). Однако, ситуация с морским Шелковым путем усложняется спорами по островам в Южно-Китайском море с отдельными странами АСЕАН, пользующимися поддержкой США. Китайские инвестиции в 2016 г. были направлены на строительство морских портов в Алжире, Пакистане, Египте и Индии.

Таким образом, ЕАЭС и ЭПШП предлагают принципиально разные модели взаимодействия. ЕАЭС – общее правовое регулирование и облегчение экономической деятельности на пространстве от границ Китая до Восточной Европы. ЭПШП – развитие масштабных инвестиционных проектов в транспортно–логистической сфере, в сфере производства и сопутствующих отраслях. В условиях экономического продвижения Китая Евразийский экономический союз будет выступать институциональным инструментом защиты национальных рынков Центральной Азии при сохранении их инвестиционной привлекательности для Китая (Шлапек, Степанова, 2018а). В этом контексте необходима “оперативная выработка единой повестки ЕАЭС в отношениях с Китаем, создание постоянной площадки диалога КНР–ЕАЭС” (Возвращение, 2016), а также усиление взаимодействия стран ЕАЭС по регулированию внешней торговли, рынков труда и капиталов.

Великий Шелковый путь является предпосылкой для возрождения не только экономического потенциала государств региона, но и появления евразийской идентичности, предполагающей культурную, цивилизационную комплементарность, мирное сосуществование и формирование “зоны взаимодействия” (Шлапек, Степанова, 2016). Об этом свидетельствует активная разработка евразийских идей международными исследовательскими институтами, увеличение числа приграничных контактов на фоне реализации крупных транспортных и производственных проектов. Страны региона существенно отличаются от других развивающихся стран, во-первых, значительной долей территории и населения, во-вторых, впечатляющими темпами роста экономических показателей, и, в-третьих, их связывает единая цель, а именно, желание укрепить свои позиции и добиться большего влияния на международной арене. Несмотря на невысокие показатели взаимной торговли, во многом обусловленные кризисом, политический интерес стран лежит в плоскости объединения усилий в рамках региональных интеграционных организаций и создания полицентричной системы международных отношений.

Таким образом, современная евразийская интеграция – это также политически конструируемое пространство, для которого идея евразийцев о формировании идентичности как общем стереотипе поведения становится актуальной, доказывая, что евразийское единство образовалось в результате многовековых взаимосвязей, совместной жизнедеятельности разных народов, сформировав многие общие черты их хозяйственной и культурной жизни, а также ментальности. Будущее проекта “Великого Шелкового пути” зависит не только от экономической политики государств и умения противостоять внешним дестабилизирующим факторам, но и вовлеченности населения Евразии в интеграционные процессы, повседневные практики взаимодействия и межкультурного диалога.

### **2.3. МИКРОРЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ПРИГРАНИЧНОГО И ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕВРОПЕ**

Регионализация в Европе наиболее институционально проработана. Здесь достигнут определенный уровень согласования институтов. Это является хорошей стартовой точкой для дальнейшего процесса интеграции и формирования региональных комплексов разного уровня.

Микрорегионализация путем переноса сотрудничества с национального на субнациональный уровень, позволяет развивающимся странам получить доступ к перспективным направлениям экономического развития и ресурсам. На практике это означает, что *путем создания благоприятных условий для интеграции своего региона в систему мирохозяйственных связей страна способна встроиться в глобальные цепочки добавления стоимости, получить от этого достаточный стимул для развития своей экономики и повышения конкурентоспособности.* Это связано с тем, что сам по себе микрорегионализм представляет собой также и инструмент активизации взаимодействия на уровне отраслей и отдельных предприятий. Причем его эффективность в этом случае тем выше, чем выше уровень монополизации рынков и степень концентрации технологически взаимосвязанных отраслей и предприятий не только в пределах региона, вступающего в процесс микрорегионализации, но и в пределах всей национальной экономики. А потому *микрорегионализм, как инструмент повышения конкурентоспособности региона, способен выступить в качестве катализатора, способствующего формированию и развитию региональных производственных кластеров, их вовлечению в международные производственные, финансовые и торговые сети.*

В качестве практических инструментов микрорегионализации можно рассматривать создание свободных экономических зон (о них уже было сказано выше), интенсивное развитие целевых проектов приграничного сотрудничества, инфраструктурных проектов и проектов социально-культурного взаимодействия, частичную либерализацию внешней торговли и др. В конечном счете, при достижении критической массы подобных проектов, микрорегионализация может переходить в качественно новое состояние, характеризующееся созданием неких «краевых активных зон» между странами. Примером таких зон могут служить еврорегионы, создаваемые на границах стран Европейского Союза с третьими странами.

В любом случае, независимо от способов микрорегионализации, ее следует рассматривать в качестве важного инструмента повышения конкурентоспособности региона (а через него и конкурентоспособности национальной экономики) и включения в глобальные цепочки добавления

стоимости. Причем ее значимость будет лишь увеличиваться, поскольку «...в процессе глобализации регионы будут играть все более важную роль в мировой экономике, по мере того, как национальные государства теряют свои полномочия по отношению к региональным и глобальным институтам...» (Breslin et al, 2003, с. 19).

Процессы европейской интеграции влияют на практику взаимодействия с регионами на внешних границах. Европейский Союз и страны Северной Европы заинтересованы в сохранении стабильности по периметру границ, поэтому предоставляют различные возможности для развития прилегающих территорий, тем самым вовлекая регионы в международное сотрудничество. При этом Европейский Союз продвигает свои интересы и нормы через политику соседства, а в Северной Европе сохранением и продвижением северной идентичности занимаются региональные организации.

Модели регионостроительства в Северной Европе базируются на конструировании общей системы ценностей и лояльностей, основанием для которых являются традиции взаимоотношений народов. Термин «nordisk» (северный) впервые был озвучен на конференции в Копенгагене в 1939 г. лидерами стран-участниц (Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии и Исландии) для демонстрации единства перед началом войны. В 1954 г. появились общие правила свободного перемещения людей и трудовых ресурсов, единые паспортные правила. С подписанием Хельсинкского договора были закреплены ключевые параметры «североевропейской идентичности», от которых страны не отступают и сейчас: социальное государство, высокие экологические нормы, гендерное равенство, развитие гражданских институтов и др. (Helsinki treaty, 1962).

В то же время интеграция в сфере экономики проходила медленно и малоэффективно, а переговоры об основании Северного экономического сообщества (НОРДЭК) и Общего северного рынка провалились из-за различий в интересах ведущих промышленно-финансовых групп и расхождения скандинавских стран по внешнеполитическим вопросам. Несмотря на отсутствие наднациональных институтов, странам Северной Европы удалось гармонизировать национальное законодательство, выровнять параметры социального обеспечения, создать общий рынок рабочей силы – и все это задолго до результатов, достигнутых ЕС. Региональное сотрудничество «сверху», как межгосударственная и межправительственная политика дополняется партнерскими отношениями со стороны органов местного самоуправления (побратимские связи) и гражданского общества (народная дипломатия).

В современной трактовке к Северной Европе (концепция «Новый Север») относят страны Скандинавии, а также прибалтийские государства, Северо-Западный федеральный округ Российской Федерации, Германию и Польшу (Маркушина, 2011), что во многом определяется присоединением стран к ЕС и созданием организаций субрегиональной интеграции в начале 1990-х. В связи с этим регионализацию в Северной Европе следует рассматривать в широком контексте как результат развития скандинавского межрегионального сотрудничества («скандинавские группы»), так и «европеизации» Северной Европы (с момента вступления в Европейский Союз).

Страны Северной Европы сталкиваются со схожими проблемами – суровые климатические условия, низкая плотность и старение населения, периферийное положение на евразийском континенте и удаленность промышленных центров друг от друга. В сфере управления для североевропейских стран характерно наличие сильного парламента, развитых традиций местной демократии и тщательно проработанных взаимоотношений государства и муниципалитетов. Общей тенденцией для этих стран является увеличение роли местного самоуправления по принципу: то, что можно решить на местном уровне, должно решаться на местах. С 1967 года в рамках Хельсинкского договора стали появляться межрегиональные объединения – «скандинавские группы» (Perkmann, 2002) с целью повышения конкурентоспособности, обеспечения устойчивого экономического роста при сближении показателей социально-экономического развития регионов, что напрямую соотносится с задачами региональной политики ЕС. На сегодняшний день действует 13 «скандинавских групп» и главное их отличие от типичных еврорегионов в более высокой степени взаимодействия на большей территории (таблица 2.4).

Друг от друга они отличаются по следующим признакам:

- географическому, т. е. варьируются от небольших территорий, как Пограничный комитет Остфольд-Бохуслен/Далсланд (9 500 кв. км.), до таких крупных, как Совет Северного Калотта (310 000 кв. км.). В Комитет Эресунн входят метрополии Копенгаген и Мальмо, а Совет Торнедал включает северные территории с низкой плотностью населения. Данный признак влияет на выбор проблематики, так, слабозаселенные районы чаще сталкиваются с недостатком образовательных возможностей, слабой инфраструктурой, а регионы, в состав которых входят крупные города, решают проблемы иммиграции, занятости населения;

## Скандинавские группы

№	Организация	Дата создания	Страны	Уровень
	АРКО	1967	Норвегия – Швеция	Муниципальный
	Совет Северного Калотта	1967	Норвегия – Швеция – Финляндия	Региональный
	Совет Кваркен	1972	Швеция – Финляндия	Муниципальный и региональный
	Центральная Скандинавия	1972	Норвегия – Швеция	Региональный
	Комитет Центральной Северной Европы	1977	Норвегия – Швеция – Финляндия	Региональный
	Сотрудничество островов архипелага Скаргарден	1978	Швеция – Финляндия	Региональный
	Остфольд-Бохуслан/Далсланд	1980	Норвегия – Швеция	Муниципальный и региональный
	Совет Торнедал	1987	Норвегия – Швеция – Финляндия	Муниципальный
	Комитет Эресунд	1993	Дания – Швеция	Муниципальный и региональный
	Североатлантическое сотрудничество	1996	Гренландия, Фарерские острова, Исландия и западная Норвегия	Национальный и региональный
	Ботническая Арка	1999	Швеция – Финляндия	Муниципальный и региональный
	Варmland- Остфольд	2001	Норвегия – Швеция	Региональный
	TRUST Хедмарк-Даларна	2008	Норвегия – Швеция	Региональный

Составлено на основе Regional Development in the Nordic Countries, Nordregio Report 2010:2

- организационный, т. е. не только принадлежность участников к разным уровням власти, но и вовлечение общественности, бизнеса и академических кругов к обсуждению региональных вопросов. Например, организация АРКО и Совет Торнедал объединяют только муниципалитеты, Комитет Эресунн состоит из представителей местного и регионального уровней власти, а Совет Северного Калотта и Комитет Центральной Северной Европы привлекают в качестве официальных партнеров торгово-промышленные палаты;
- ресурсный, т. е. финансовые возможности и штат сотрудников. В Секретариате архипелага Скаргарден – один человек, а Комитет Эресунн насчитывает 10 человек, при том, что комитет выступает принимающей организацией для Секретариатов региона Эресунн ИНТЕРРЕГ (9 человек) и датской части (6 человек). Количество персонала напрямую зависит от финансовых возможностей, так, Совет Северного Калотта полностью финансируется Советом министров Северных Стран. Остальные организации существуют на средства организаций-членов, а также на средства, выделяемые по программам ЕС.

Данные примеры иллюстрируют концепцию северной совокупной выгоды (Nordic value added), когда «сотрудничество приобретает смысл там, где совместные усилия имеют более позитивный эффект, чем отдельные национальные инициативы» (Territorial cooperation, 2007) и дополняется развитием северной солидарности и увеличением потенциала стран Северной Европы (Rethinking Nordic, 2011). Региональная политика международного сотрудничества в странах Северной Европы построена на принципе «децентрализованного сотрудничества», предоставляющем регионам и городам право заключать соглашения о побратимских связях с регионами других государств или определять формы совместной работы в областях, представляющих взаимный интерес. К приоритетам регионального роста, зафиксированным в «Программе северного сотрудничества по региональной политике 2013-2016 гг.», относят благосостояние региона, сбалансированное развитие Арктики, экологическую устойчивость, направленную на инновации и городское развитие. Именно эти направления представляют наибольший интерес и для сотрудничества с сопредельными территориями. В североευропейской практике есть разработки Стратегий международного сотрудничества городами (Йоэнсуу) и Планов по сотрудничеству с Россией региональными союзами (Южное Саво). Попытки предложить стратегические цели совместного развития территорий и конкретные меры для организаций, действующих на трансграничной территории, предпринимаются также еврорегионами, например «Основные направления развития Еврорегиона Карелия до 2020 г.».

В 1997 году Совет министров северных стран (СМСС) включил Северо-Западные регионы РФ и Прибалтику в зону своих интересов, официально закрепив отношения с сопредельными территориями в качестве одного из направлений деятельности (Меморандум, 1997). Финансовые средства программ СМСС выделялись не только на обмен опытом, но и на инвестиционные проекты через такие

финансовые институты как Северная экологическая финансовая корпорация (НЕФКО) или Северный инвестиционный банк. По ряду программ организация оставляла за собой право влиять на содержание проектов, изменять их бюджет и рекомендовать партнеров. В настоящее время Информационное бюро СМСС, которые обеспечивали реализацию проектов, продвигали культуру и ценности северных стран на территории РФ, закрыты (СМСС признан «иностранным агентом» в 2014 г.), а деятельность организации приостановлена.

Европеизация подразумевает адаптацию европейских норм, решений, ценностей через создание сетей сотрудничества между национальными и субнациональными акторами. Она распространяется и за рамки ЕС, например, посредством межтерриториального сотрудничества. Интеграционные процессы, происходящие в Северной Европе и на уровне ЕС, относятся к международным структурным возможностям для становления внутригосударственных регионов Российской Федерации в качестве участников трансграничного сотрудничества.

Процесс интеграции России и ЕС можно подразделить на три этапа, связанных с действием программ межрегионального сотрудничества, а также внутренними изменениями в России и ЕС: 1 этап (1990–2006) – Техническая помощь Содружеству Независимых Государств (ТАСИС), 2 этап (2007–2013) – Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП), третий этап (2015–2020) – Европейский инструмент соседства (ЕИС).

На первом этапе основное внимание уделялось консультационно-техническому содействию, передаче технологий и обучению кадров, а финансирование инвестиционных проектов не предусматривалось. Программы ТАСИС критиковались по ряду причин:

- ТАСИС не создавало потенциала для устойчивого развития и сокращения уровня бедности населения в странах-получателях помощи.
- Техническое содействие не учитывало особенностей национальной культуры, образовательного уровня и профессиональной подготовки населения в странах-получателях помощи.
- Почти все средства в рамках программы шли на непропорционально высокую оплату экспертных услуг иностранных специалистов.
- Большая часть проектов была ориентирована на интересы доноров, играющих ведущую роль при определении потребностей страны-получателя (Пашковская, 2007).

В Стратегическом документе для России на период 2002–2006 гг. была поставлена задача оказания помощи России в проведении институциональных реформ законодательной и судебной системы и системы государственного управления, а также социально-экономических реформ и реформы научного потенциала в военной сфере. Следовательно, программа отражает деятельность ЕС по стимулированию преобразований в России на основе европейских моделей и стандартов. В Республике Карелия был реализован проект «Поддержка осуществления реформ здравоохранения в Республике Карелия», послуживший проведению исследований, изданию методических материалов, разработке и принятию Закона «Об общей врачебной (семейной) практике в Республике Карелия» (утратил силу 14 ноября 2006 г.). С окончанием программы проявилась ярко выраженная позиция России, которая перестала выступать реципиентом европейской помощи, а стала участвовать на паритетных началах в определении наиболее приемлемых для страны форм сотрудничества.

Одновременно, происходил процесс концептуализации идеи «Северного измерения». Понятие «измерение» вошло в оборот в контексте общеевропейского процесса СБСЕ/ОБСЕ в конце 80-х годов, а термин «Northern Dimension» подразумевал северные ценности – общественное благосостояние, равенство, открытость и жесткое экологическое регулирование. Политические проекты «измерений» и «инициатив» представляют пример подхода конструирования региона «снизу вверх» (Нойманн, 2004). К началу 2000-х на границе ЕС-России стали оформляться еврорегионы («Неман», «Балтика», «Сауле», «Карелия»). Подобные институты обладают правосубъектностью и легитимностью в глазах других участников международного взаимодействия, а формирование в регионе ценностного единства, прочных коммуникационных связей, снижения экономических диспропорций способствует созданию и укреплению международного порядка и безопасности. Кроме того, большинство еврорегионов – это функциональные регионы, составные части которых изначально не обязательно были сходны друг с другом, а их создание предполагает «достижение взаимодополняемости территориальных компонентов через интеграцию» (Яровой, 2007). В случае удачной реализации эти модели могут образовать пространство для создания «множественных идентичностей», способствующих преодолению местного контекста и снижению конфликтогенности» (Буданова, 2007).

Одним из ключевых понятий концепции развития «Северное измерение» является «позитивная взаимозависимость». Так, в решении Совета ЕС от 31 мая 1999 г. подчеркивалось, что «Северное измерение» может способствовать укреплению позитивной взаимозависимости ЕС, России и других государств Балтийского моря и тем самым обеспечить безопасность, стабильность и устойчивое развитие Северной Европы. Руководствуясь подходом конструктивистов, необходима готовность учитывать не только собственные интересы, но и интересы партнеров и всего региона. Фактически странам Северной Европы предлагалось передать хорошо отработанную и проверенную временем схему взаимодействия, которая «направлена не столько на стимулирование добычи и экспорта сырья, а на комплексное развитие Севера и Северо-Запада России (Стратегия развития отношений РФ с ЕС, 1999).

В рамках «Северного измерения» действуют 4 партнерства: по окружающей среде, здравоохранению и социальному благополучию, транспорту и логистике, культуре. Экологическое партнерство является одним из действенных многосторонних механизмов сотрудничества, что объясняется прочной финансовой базой и определением менеджеров проектов – Европейский банк реконструкции и развития, Северный и Европейский инвестиционные банки, Экологическая финансовая корпорация Северной Европы (НЕФКО) и Всемирный банк. Под угрозой реализация Партнерства по культуре, финансовые средства которого поступали через программы Совета Министров Северных стран. На сегодняшний день политика «Северного измерения» нуждается в реформах. Неслучайно появление «Института Северного Измерения» как академического консорциума, который ищет пути обновления политики и может в будущем стать своеобразной «институциональной памятью» северного сотрудничества.

На период 2007–2013 гг. вопросы сотрудничества на внешних границах ЕС получили название Европейского Инструмента Соседства и Партнерства (ЕИСП). Финансирование программ приграничного сотрудничества ЕИСП осуществлялось частично из средств структурных фондов, частично из бюджета по внешним связям. Цель программ отвечала логике регионостроительства: создание регионов с общими ценностями, достижение стабильности и процветания, активизация сотрудничества и углубление экономической и региональной интеграции по широкому спектру направлений. Согласно нормативному акту ЕИСП «помощь сообществу будет способствовать укреплению сотрудничества и прогрессивной экономической интеграции между Европейским Союзом и странами-партнерами «...» и должна также поощрять усилия стран-партнеров, направленные на поддержку надлежащего управления и справедливого социального и экономического развития». Главное отличие данной программы в том, что Россия стала вносить софинансирование (10 %), а российские представители участвуют в определении приоритетов и тем заявочных раундов, результатов конкурсного отбора, в том числе проектов с инвестиционной составляющей. На территории РФ было реализовано 5 программ приграничного сотрудничества: «Коларктик», «Карелия», «Юго-Восточная Финляндия – Россия», «Польша – Литва – Россия (Калининград)», «Эстония – Латвия – Россия». Анализ проектной деятельности по программам выявляет тенденцию усиления роли гражданского общества и приграничных муниципальных образований. В то же время привлечение бизнес-структур к реализации проектов в дальнейшем позволит интегрировать всех участников регионального развития (власть-общество-бизнес), внедрять передовые технологии и модернизировать инфраструктуру. Уже сложившиеся контакты и высокая концентрация проектов на Северо-Западе России приводит к консолидации локальных сообществ вокруг проблем территории и может способствовать управленческим и мировоззренческим изменениям.

На период 2014–2020 гг. с участием российских регионов приняты 2 трансграничных программы («Регион Балтийского моря» и «Северная периферия и Арктика») и 7 двусторонних программ приграничного сотрудничества в соответствии со стратегическими целями программного документа ЕИС: содействие экономическому и социальному развитию в регионах по обе стороны границы; решение общих проблем в сфере окружающей среды, здоровья, благополучия и безопасности; создание лучших условий и поддержка мероприятий по обеспечению мобильности физических лиц, товаров и капитала. Замена на двусторонние программы связана с тем, что партнеры многосторонних программ испытывали сложности с коммуникацией, согласованием сроков проведения работ, что сказывалось на получении траншей и завершении проектов. Каждый программный регион на основании потребностей выбирает 4 тематические задачи (таблица 2.5).

Традиционна для всех регионов тематика развития среднего и малого предпринимательства, которая с падением товарооборота и введением санкций становится еще более актуальной для поддержки делового развития и сотрудничества на приграничных территориях.

Темы программ приграничного сотрудничества ЕИС 2014-2020

Тема/Программа	ППС «Литва-Россия»	ППС «Польша-Россия»	ППС «Латвия-Россия»	ППС «Эстония-Россия»	ППС «Колаарктик»	ППС «Карелия»	ППС «Юго-восточная Финляндия»
Развитие бизнеса, малых и средних предприятий		+	+	+	+	+	+
Поддержка образования, исследований, технологического развития и инноваций							+
Поддержка местных культур и сохранение исторического наследия	+	+				+	
Развитие социальной интеграции и борьба с бедностью	+						
Поддержка местного и регионального управления	+			+			
Защита окружающей среды, адаптация к изменению климата		+	+	+	+	+	+
Повышение доступности регионов, развитие устойчивых, в том числе к климатическим воздействиям, сетей и систем транспорта и связи					+		
Общие вызовы безопасности							
Придвижение сотрудничества в сферах энергетической безопасности и устойчивой энергетики							
Совершенствование управлением границей и безопасность на границе	+	+	+	+	+	+	+

\* Составлено автором на основе проектов программ приграничного сотрудничества ЕИС 2014-2020

Появление Совета государств Балтийского моря (СГБМ, 1992), Совета Баренцев Евро-Арктического региона (СБЕР, 1993), Арктического Совета (АС, 1996) и включение России в региональные партнерства являются ключевыми звеньями исторического процесса регионализации на Севере Европы (рис. 2.1). Названные организации выступают структурами поддержки трансграничного сотрудничества и предоставляют финансовую помощь в реализации международных проектов. Фактически данная схема определяет место и вектор развития субнационального участника в системе межрегионального сотрудничества, поэтому следует учитывать *деятельность* названных структур при принятии стратегических решений.

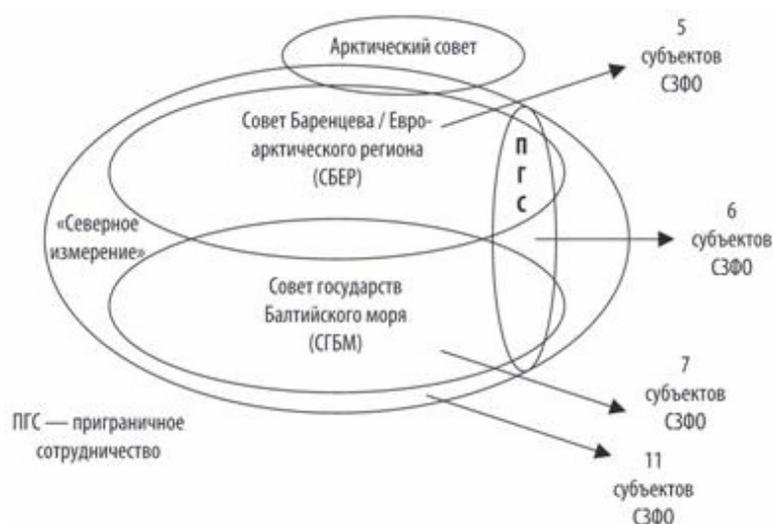


Рисунок 2.1 Региональные объединения в Северной Европе с участием СЗФО РФ. (Балтийское море, 2013)

С окончанием «холодной войны» начала формироваться транснациональная идентичность региона Балтийского моря как чувство принадлежности граждан государств одного региона к единому политическому, экономическому, социально-культурному пространству, понимание единства их прошлого, настоящего и будущего, а также видение единой цели развития региона (Ламашева, 2011).

Создание общей идентичности Балтийского моря для столь разных по своим характеристикам стран основано на истории регионального торгового объединения – Ганзейского союза. В то же время, процессы регионализации связаны не только с экономическими и политическими претензиями властей, но с культурной самоидентификацией народов, сохранением традиций на данной территории.

Внутри транснационального региона существует сложившаяся система культурных кодов (социальная деятельность, модели поведения, традиции, обычаи, религиозные верования), которые типичны и знакомы членам регионального сообщества и могут быть непонятны другими. Формирование региональной идентичности – одна из основ «нового регионализма» и наивысшая степень региональной интеграции по шкале, разработанной Хеттне (Hettne, 1999).

Внешняя среда в какой-то степени предопределяет ролевые идентичности регионов, так, на границе с Европой возникают зоны коммуникации, а восточный и южный приграничные регионы выполняют защитную, а часто и барьерную функцию (Макарычев, 2010). Важную роль играет и уровень взаимозависимости: чем он выше и длительнее история сотрудничества в регионе, тем более позитивной должна становиться транснациональная идентичность. Принятие санкций в отношении России повлияло на изменение вектора внешней политики и усилило внимание к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Такая тенденция может привести к ослаблению сети установленных контактов на европейском севере, но в силу сложившихся традиций сотрудничества, не повлечет ее разрушения.

Идентичность формируется в результате повседневной практики и контактов между индивидуумами разного уровня от профессиональных политиков до простых жителей. На уровне государства используются политические технологии, которые можно сгруппировать согласно модели коммуникации Лассуэла: кто, кому и по каким каналам передает информацию (стратегическая составляющая), и что именно и с помощью каких средств (тактическая составляющая) политические элиты сообщают массам в целях создания или трансформации идентичности (Lasswell, 1948). Транснациональную идентичность можно рассматривать как социокультурное основание процесса политической интеграции, а также как неформальный институт, «укоренный» в сознании граждан, в противоположность формальным, которые могут функционировать, но не получать признания (Ламашева, 2011). Коллективная идентичность способствует координации действий акторов, мобилизации их ресурсов на общие цели, и легитимации, т. е. поддержке процесса интеграции. Она считается культурно-идеологическим средством формирования регионального международного порядка, наравне с институциональными, правовыми, экономическими, военно-политическими, информационными и сетевыми средствами. Кроме того, региональная идентичность способна придать коммерческую привлекательность территории подобно товару с уникальными свойствами и стать предпосылкой формирования единого бренда с целью дальнейшего привлечения инвестиций, создание производств, трансфера технологий и роста занятости.

СГБМ возник в период масштабных геополитических трансформаций в форме дискуссионной площадки для преодоления наследия «холодной войны» и идеологических разделительных линий. Тема региональной идентичности является долгосрочным приоритетом СГБМ, на реализацию которого направлены Программа региона Балтийского моря и Стратегии ЕС для региона Балтийского моря. Впервые в истории объединения Европы для ее отдельного географического ареала был введен официальный статус «макрорегион» и поставлена задача синхронизации национальных экономических курсов. Несмотря на принцип ротации, сохраняется преемственность в работе и ярко выраженная тенденция последнего времени в усилении проектной работы с целью создания реальной «добавленной стоимости» для жителей региона (Интервью С.С. Петровича, 2013). В период председательства России в СГБМ были созданы 2 механизма поддержки проектов – Фонд проектного финансирования (около 1 мл. евро) и Пилотная финансовая инициатива (около 100 млн евро). Первый финансовый инструмент выделяет стартовый капитал на общерегиональные проекты с участием минимум трех стран. В рамках второй инициативы СГБМ впервые получает открытую платформу для привлечения партнеров и средств для реализации программ в сферах инновационного малого и среднего предпринимательства, государственно-частного партнерства в области устойчивого развития муниципальной и региональной инфраструктуры, энергоэффективности, охраны окружающей среды и комплексного развития территорий.

СБЕР выдвинул альтернативную Балтийскому сотрудничеству концепцию регионального строительства, основу которого составило формирование транснациональной северной идентичности (Northernness). Работа над конструированием северной идентичности начиналась с «низов», так появился «региональный» уровень – Баренцев региональный совет, в который входят Финнмарк, Нордланд и Тромс (Норвегия), Норрботтен и Вестерботтен (Швеция), Республики Карелия и Коми, Мурманская и Архангельская области, Ненецкий автономный округ (Россия), региональные союзы Кайнуу, Лапландия и Северная Остерботния (Финляндия). Отличительной особенностью Баренц – сотрудничества является наличие программ развития, в составлении которых принимают непосредственное участие представители регионов. В 2013 году произошло подписание Киркенесской декларации, в которой в отличие от подписанной в 1993 году, на первое место выходит экономика (ранее – вопросы окружающей среды). Текущая Баренц-программа на период 2014-2018 определяет следующие направления сотрудничества: продвижение креативных видов бизнеса и быстрорастущих предприятий в регионе, расширение трансграничного сотрудничества с целью повышения эффективности при возрастании масштабов производства и качества жизни населения, поддержка совместного управления и сохранения природных ресурсов, внедрение мер адаптации к климатическим изменениям, повышение значения сотрудничества в сфере инноваций и научных исследований путем увеличения критической массы, концентрация внимания на недостающих трансграничных связях в транспортной инфраструктуре, содействие трансграничной мобильности работающих людей, компаний, туристов и студентов. Обращение к молодежи (Баренцев Региональный Молодежный Совет), как будущему БЕАР, является важным элементом конструирования идентичности региона. Баренцево сотрудничество не располагает собственными средствами финансирования деятельности, предусмотренной для достижения общих целей и приоритетов. Еще один недостаток работы СБЕР заключается в отсутствии четкого разделения между деятельностью, осуществляемой Советами на межгосударственном и межрегиональном уровнях сотрудничества.

Программно-проектный подход международного сотрудничества успешно реализуется на европейском пространстве. Характерной чертой проектов, поддерживаемых ЕС и региональными организациями на Севере Европы, является особое внимание к темам экологии, культуры и пространственного планирования, что отражает приоритеты североевропейского регионального развития и их влияние на систему трансграничного сотрудничества в целом. Участие в проектной деятельности предоставляет территории конкурентное преимущество через возможность продвигать местные инициативы, использовать зарубежный опыт и привлекать дополнительные источники финансирования.

Несмотря на регулярные встречи между четырьмя межправительственными региональными советами с 2009 года, региональные организации сотрудничества продолжают дублировать деятельность друг друга, поэтому высокая степень институционализации не всегда способствует проведению эффективной политики и нередко влечет за собой бюрократизацию. Неэффективная политика сторон при решении общих проблем связана и с отсутствием координации принятых стратегических и программных документов. Согласование направлений развития позволит разрабатывать совместные проекты и использовать механизмы, например, государственно-частное партнерство. Такой подход даст возможность осуществлять реализацию проектов путем их софинансирования из различных национальных и наднациональных источников (Балтийское море, 2013). Все указывает на необходимость разделения обязанностей между региональными и международными структурами, согласование программ, их тематическую концентрацию, поиск каналов оперативной передачи информации и координации деятельности.

Реализация совместных проектов способствует созданию сетей сотрудничества в различных областях, в частности, в Северной Европе сформировались международные кластеры. Большинство североевропейских трансграничных кластеров относятся к инновационным, ведь страны выделяют на развитие НИОКР более 3 % ВВП. Кроме того, на этапе становления существенную роль играет государство, что выражается в широком распространении частно-государственного партнерства и высокой доле бюджетного финансирования (более половины) (Михайлов, 2012). Причины различной степени вовлеченности в процессы трансграничного кластерного сотрудничества во многом обусловлены созданием благоприятных условий для ведения бизнеса иностранными гражданами, например, упрощенной системы пересечения границы, 72-часового безвизового режима, различного рода преференций. В Балтийском регионе существуют предпосылки формирования трансграничных кластеров с участием российских регионов в традиционных отраслях (туризм, метало- и деревообработки) с невысокой инновационной активностью (Прокопьев, Дружинин, 2013). Региональным властям целесообразно сосредоточиться на подготовке высококвалифицированных специалистов для ключевых отраслей, развитии научных парков, сотрудничестве приграничных университетов с целью распростра-

нения знаний и передачи технологий. Реализация программ приграничного сотрудничества вносит вклад в стимулирование сотрудничества, развитие инноваций, среднего и малого бизнеса, помогает достичь синергетического эффекта. Если на этапе планирования и выделения отраслевых региональных приоритетов территорий опережающего развития в СЗФО РФ учесть внешние факторы, то в дальнейшем на границе с ЕС могут также сформироваться трансграничные кластеры.

Таким образом, трансграничное сотрудничество в Северной Европе характеризуется высоким уровнем институционализации, сложившейся благодаря развитию интеграционных процессов. В рассматриваемом регионе выявлена разветвленная сеть организаций, которые выступают структурами поддержки сотрудничества, предоставляют финансовую помощь в реализации совместных инициатив, при этом придерживаются определенных ценностных ориентаций.

На основе сравнительного и институционального анализа программ приграничного и многостороннего сотрудничества Европейского Союза и региональных организаций Северной Европы с Россией установлен переход от оказания технической помощи к согласованному и интегрированному подходу к региональному развитию, отражающему североевропейские национальные интересы и приоритеты устойчивого развития. Поступательное развитие сотрудничества в регионе приводит к консолидации локальных сообществ, а формы трансграничного сотрудничества эволюционируют от побратимства к новым институциональным образованиям.

На микроуровне регионализация приводит к появлению вертикально и горизонтально интегрированных структур, интернационализации производства, а также образованию региональных политико-экономических общностей. Развитость институтов приграничного и трансграничного сотрудничества зависит от степени открытости территории, исторически сложившихся моделей кооперации и уровня экономического развития. Так, в Северной Европе выявлена разветвленная сеть институтов, которые выступают структурами поддержки сотрудничества с Россией, предоставляют финансовую помощь в реализации совместных инициатив, при этом придерживаются определенных ценностных ориентаций. В изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов российским приграничным регионам необходимо способствовать распространению собственных культурных кодов, усиливать политику протекционизма при согласовании институтов и сохранять идентичность в межрегиональном взаимодействии.

## 2.4 ГЛОБАЛЬНАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Влияние глобальной регионализации на состояние постсоветского пространства представляет не просто исследовательский интерес, но и чрезвычайно актуальную практическую задачу в условиях нарастания геополитической напряженности в мире.

Распад СССР существенно изменил расстановку сил и геостратегическое положение территорий. Механизмы обеспечения экономической безопасности, существовавшие в условиях биполярного мира, стали неэффективными. В этот же период произошла интенсификация процессов глобализации. Выстраивание новых хозяйственных связей и международных отношений происходило в условиях стирания национальных границ, роста влияния отдельных государств, крупных корпораций и организаций. Для институционально неокрепших государств постсоветского пространства это стало особой угрозой из экономической безопасности. В тоже время глобализация открыла доступ к новым ресурсам и технологиям, позволила ускорить экономическое развитие за счёт технологической кооперации и эффекта масштаба при выходе на международные рынки. В отношении восприятия глобализации, выделяют три основных направления (Held et al, 1999):

- гиперглобалистическое, рассматривающее глобализацию как унификацию всех сфер жизни (работы К. Омаэ (Ohmae, 1990), Р. Робертсона (Robertson, 1992), Ф. Фукуямы (Fukuyama, 1992), Р. Райха (Reich, 1992) и др.).
- скептическое, признающее большую мировую взаимозависимость, но отрицающую возможность полной унификации, особенно в такой сфере, как культура. Представители данного направления (И.М. Валлерстайн (Wallerstein, 2000), С.Ф. Хантингтон (Huntington, 1997), П.К. Хирст, Г. Томпсон (Hirst, Thompson, 1996) и др.) отмечают, что интеграция в XIX в. была даже выше, чем сегодня.
- трансформационное (Э. Айдынли, Дж. Розенау (Globalization, 2005), Д. Хелд (Held D. et al., 2000) и др.), предполагающее, что комплексность и многогранность термина глобализация обу-

славливает необходимость его рассмотрения отдельно применительно к каждой из сфер. При этом в рамках указанного направления отмечается, что взаимосвязи и частые перемены, происходящие в мире, вынуждают страны быстро изменяться, адаптируясь к новым условиям.

Согласно некоторым прогнозам, процессы глобализации в ближайшее время уступят (или уже уступили) регионализации. В частности, Андрей Борисович Кобяков и Михаил Леонидович Хазин полагают, что кризис долларовой системы в ближайшем времени приведёт к отходу от глобализации в пользу создания региональных кластеров и различных валютных зон (Кобяков, Хазин, 2003).

Несмотря на то, что процессы глобализации и регионализации нередко противопоставляются (см. например Hideaki et al., 2013)), всё более популярным становится подход, предполагающий рассмотрение данных процессов как неразрывных. Это получило название глобальной регионализации (Барыгин, 2005).

Глобальная регионализация выражается в консолидации региональных сил для управления рынками, что приводит к значительным изменениям в глобальных производственных и экономических процессах. В частности, происходит рост объёмов прямых зарубежных инвестиций, увеличивается число слияний и поглощений компаний, появляются трансграничные цепочки добавленной стоимости. При этом специфика данных процессов определяется культурно-исторической общностью территорий и некоторыми другими факторами (Федорченко, 2016).

Глобальная регионализация приводит к изменению экономических, политических, социальных, культурных, психологических аспектов жизни, появляются новые вызовы и угрозы для национальной, в частности, экологической или экономической безопасности.

Комплексность рассматриваемой проблемы определила междисциплинарный подход исследования, однако главными научными концепциями стали теории экономической безопасности и устойчивого развития, а также институциональная теория.

В рамках работы был проведён статистический анализ данных, преимущественно Межгосударственного статистического комитета СНГ и Центрального разведывательного управления США, а также SWOT-анализ для выявления сильных, слабых сторон, возможностей и угроз глобальной регионализации для постсоветского пространства.

С помощью метода сравнительного анализа были сопоставлены вызовы и угрозы, существующие в различных государствах постсоветского пространства, а также их институциональные модели. В рамках метода case-study рассмотрены отдельные реализуемые проекты в области экономической безопасности, в частности, интеграционные соглашения и строительство инфраструктуры.

В результате проведённого SWOT-анализа составлена матрица сильных и слабых сторон, возможностей и угроз глобальной регионализации для постсоветского пространства (см. таблицу 2.6).

Таблица 2.6

**Матрица SWOT-анализа глобальной регионализации для постсоветского пространства**

<p><i>Сильные стороны:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• территориальное расположение;</li> <li>• наличие природных ресурсов;</li> <li>• относительная дешевизна некоторых факторов производства (например, рабочей силы);</li> <li>• политика протекционизма в отношении национальных акторов.</li> </ul>	<p><i>Слабые стороны:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• технологическая отсталость;</li> <li>• неразвитость и недостаточность инфраструктуры;</li> <li>• низкая конкурентоспособность продукции;</li> <li>• институциональная разобщенность;</li> <li>• несовершенство государственных институтов, в том числе в области налоговой и таможенной политики;</li> <li>• наличие административных барьеров входа на международный рынок;</li> <li>• фрагментизация и разнонаправленность интеграционных процессов.</li> </ul>
<p><i>Возможности:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• доступ к технологиям и ресурсам (природным, человеческим, финансовым и т. д.);</li> <li>• трансляция инновационного опыта;</li> <li>• технологическая кооперация и транснациональное сотрудничество;</li> <li>• выход на международные рынки, использование эффекта масштаба.</li> <li>• использование территории для транзита.</li> </ul>	<p><i>Угрозы:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• закрепление ресурсно-сырьевой специализации за территорией;</li> <li>• поглощение национальных производств;</li> <li>• ухудшение финансового состояния предприятий и их банкротство из-за низкой конкурентоспособности продукции;</li> <li>• падение доходов бюджетов всех уровней, снижение зарплат, рост безработицы и инфляция;</li> <li>• меньшая территориальная привязанность акторов (потребительское отношение к ресурсам территории, миграция и «утечка умов», бегство капитала, минимизация долгосрочных вложений);</li> <li>• снижение эффективности институциональной системы для национальных акторов в результате её унификации и ограничений международных институтов;</li> <li>• возникновение каскадных кризисов на макро-, мезо- и микроуровнях.</li> </ul>

Источник: составлено автором на основе: (Байдулин, 2017; Дугин 2008; The World Factbook)

В таблице 2.7 приведены наиболее общие проявления влияния глобальной регионализации. Стоит учитывать, что за годы, прошедшие после распада СССР, постсоветское пространство стало более фрагментарным (Гуселетов, 2018). В Молдове, Латвии и Литве высокий отток населения: в Молдове – из-за низкого качества жизни, в Латвии и Литве – в силу широких возможностей по трудоустройству и обучению. В Армении, Кыргызстане и Таджикистане особо остро стоит проблема бедности: в этих странах за чертой бедности проживает треть населения. При этом в Кыргызстане уровень безработицы средний по постсоветскому пространству, а в Армении – официально самый высокий (18,8 % в 2016 году). На Украине также достаточно высокая безработица, однако в этой стране высокий и уровень инфляции.

Таблица 2.7

**Макроэкономические характеристики государств постсоветского пространства**

Страна	Чистый коэффициент миграции за 2017 год, мигрантов на 1000 населения	Население за чертой бедности, год в скобках, %	Уровень безработицы за 2016 год, %	Уровень инфляции (потребительские цены) за 2016 год, %	Государственный долг за 2016, % ВВП	Профицит бюджета (+) или дефицит (-) за 2016, % ВВП
Азербайджан	0,0	4,9 (2015)	6,0	12,4	39,2	-0,4
Армения	-5,7	32,0 (2013)	18,8	7,0	56,5	-5,4
Беларусь	0,7	5,7 (2016)	1,0 <sup>1</sup>	11,8	47,5	1,3
Грузия	-1,6	9,2 (2010)	11,8	2,1	44,5	-3,9
Казахстан	0,4	2,7 (2015)	5,0	14,6	26,2	-0,3
Кыргызстан	-5,1	32,1 (2015)	7,5	0,4	58,5	-4,6
Латвия	-6,1	25,5 (2015)	9,6	0,1	40,1	0,0
Литва	-6,1	22,2 (2015)	7,9	0,7	40,2	0,3
Молдова	-9,4	20,8 (2013)	4,2	6,4	43,3	-1,8
Россия	1,7	13,3 (2015)	5,5	7,0	10,0	-3,4
Таджикистан	-1,1	31,5 (2016)	2,4	5,9	43,5	-1,7
Туркмения	-1,8	0,2 (2012)	11 <sup>2</sup>	3,6	23,9	-1,3
Узбекистан	-2,2	14,0 (2016)	4,9 <sup>3</sup>	8,0	15,4	0,1
Украина	0,0	24,1 (2010)	9,3 <sup>1</sup>	13,9	81,0	-2,2
Эстония	-3,2	21,3 (2015)	6,8	0,8	9,5	0,3

<sup>1</sup> официально зарегистрированная безработица; большое число неполностью занятых работников.

<sup>2</sup> данные за 2014 год.

<sup>3</sup> официальные данные, еще 20 % являются безработными.

Источник: (The World Factbook)

В Эстонии и России государственный долг около 10 % ВВП, а в Армении, Кыргызстане и Украине превышает половину ВВП. При этом у Армении и Кыргызстана наибольший на постсоветском пространстве дефицит бюджета, что в комплексе свидетельствует об угрозе потери экономического суверенитета.

Уменьшается количество связей, а том числе торговых – снижается объёма экспорта и импорта внутри СНГ (см. таблицу 2.8).

Таблица 2.8

**Внешняя торговля стран СНГ**

Страна	Страны СНГ в общем объеме экспорта, %		Страны СНГ в общем объеме импорта, %	
	1996	2016	1996	2016
Азербайджан	46	7	35	25
Армения	44	23	32	34
Беларусь	67	62	66	60
Казахстан	54	17	69	45
Кыргызстан	78	38	58	44
Молдова	68	20	61	26
Россия	19	13	32	11
Таджикистан	43	33	57	55
Украина	51	17	63	22
В среднем по СНГ	28	17	44	22

Источник: составлено автором по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ

Постсоветское пространство на востоке представляет значительный интерес для Китая, Японии, Турции и Ирана, на западе – для США и Евросоюза. Причиной этого является наличие энергетических ресурсов, главным образом нефти и газа, цветных металлов, а также возможность использования имеющихся транспортных путей.

Так, например, Япония, полностью импортирующая энергоресурсы, стремится расширить своё влияние в центрально-азиатском регионе, особенно с конца 1990-х годов. Япония безвозмездно перечисляет значительные суммы в качестве финансовой помощи, и в 2003 году начала сотрудничество в формате «Япония плюс Средняя Азия».

Иран заинтересован в увеличении транспортной сети по его территории, и среди постсоветских стран особо обращает внимание на Азербайджан. Поставка азербайджанской и казахской нефти уже сейчас осуществляется с помощью трубопроводов на севере Ирана, что, безусловно, не устраивает США. Этим объясняют претензии США к ядерной программе Ирана. Поддержка России обусловлена стремлением двух стран, России и Ирана, ограничить влияние пантюркизма.

В экономике Кыргызстана было заметно влияние Международного валютного фонда и Всемирного банка. Присоединение Кыргызстана к ВТО во многом состоялось благодаря США (Гуселетов).

В целом же ряд специалистов, в частности З.К. Бжезинский, считают, что США, ослабляя СНГ и поощряя международную интеграцию, стремятся не допустить контроля постсоветского пространства ни одной из стран и этим обеспечить прямой доступ к его ресурсам (Гуселетов). Это достигается за счёт помощи в нелиберальных реформах, финансовой поддержке оппозиции в случае, если проводимый в стране курс не соответствует интересам США и т. д. (Байдурин, 2017).

Общие рекомендации по проведению политики обеспечения экономической безопасности в постсоветских странах можно дать на основе дополнения ранее проведённого SWOT-анализа глобальной регионализации для постсоветского пространства изучением взаимодействия внешних и внутренних факторов (формат данного исследования представлен в работе (Аттокурова, Макеева, 2016)) (см. таблицу 2.9).

Таблица 2.9

**Взаимодействие внешних и внутренних факторов  
глобальной регионализации для постсоветского пространства**

Внешние и внутренние факторы	Возможности	Угрозы
Сильные стороны	<p>Сильные стороны, усиливающие отдачу от возможностей:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• территориальное расположение – выход на международные рынки, использование эффекта масштаба; использование территории для транзита.</li> <li>• наличие природных ресурсов и относительная дешевизна некоторых факторов производства – технологическая кооперация и транснациональное сотрудничество.</li> </ul>	<p>Сильные стороны, минимизирующие угрозы:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• наличие природных ресурсов – недопущение падения доходов бюджетов всех уровней, снижения зарплат, роста безработицы и инфляции.</li> <li>• политика протекционизма в отношении национальных акторов – сохранение национальных производств.</li> <li>• относительная дешевизна некоторых факторов производства – ослабляет закрепление ресурсно-сырьевой специализации за территорией.</li> </ul>
Слабые стороны	<p>Возможности укрепления слабых сторон:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• доступ к технологиям и ресурсам; трансляция инновационного опыта – ликвидация технологической отсталости, повышение конкурентоспособности продукции.</li> <li>• технологическая кооперация и транснациональное сотрудничество – развитие инфраструктуры; устранение административных барьеров входа на международный рынок.</li> </ul>	<p>Слабые стороны, устранение которых необходимо для предотвращения угроз:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• технологическая отсталость; низкая конкурентоспособность продукции; неразвитость и недостаточность инфраструктуры – для недопущения закрепления ресурсно-сырьевой специализации за территорией; улучшение финансового состояния предприятий, недопущение их банкротства и, соответственно, устранение падения доходов бюджетов всех уровней, снижения зарплат и роста безработицы.</li> <li>• несовершенство государственных институтов, в том числе в области налоговой и таможенной политики – недопущение поглощения национальных производств; обеспечение эффективности институциональной системы для национальных акторов.</li> <li>• институциональная разобщённость; фрагментизация и разнонаправленность интеграционных процессов – для повышения территориальной привязанности акторов.</li> </ul>

Источник: составлено автором

Э. Люттвак отмечает, что глобализация совместно с информатизацией привели к появлению «турбокапитализма» – экономики, в рамках которой время сжимается и все происходит значительно быстрее (Luttwak, 1998). Поэтому основными принципами обеспечения экономической безопасности должны стать гибкость и готовность моментально реагировать на изменения, понимание связанности и взаимозависимости всех процессов и явлений, протекающих как на макро-, так и на мезо- и микроуровнях.

В связи с различием в вызовах и угрозах проводимая политика в области экономической безопасности существенно различается по странам. На основе классификации политических систем постсоветского пространства Е.В. Павлова (2008), можно выделить два основных типа политики в области безопасности:

1. Закрытая, предполагающая минимизацию воздействия акторов и процессов извне (глобализации) и жёсткую иерархию внутри. Данная политика реализуется в странах Центральной Азии, в большей мере в Туркмении (автаркийная форма) и в меньшей – в Таджикистане и Узбекистане (традиционная).
2. Открытая, отрицающая целесообразность изоляции. Примером политики открытого типа является та, которая проводится в Российской Федерации – стремление интегрироваться в мировую экономику, сохранив при этом свой суверенитет (Дугин, 2008).

Стоит отметить, что в части стран (например, в Казахстане), выбравших политику открытого типа, реализуется модернизационная модель, где основу образуют экономические и политические реформы внутренней среды, в части (например, в Кыргызстане) – адаптивная: разнонаправленная внешняя политика для адаптации к внешней среде.

При этом в зависимости от выбранного вектора внешнюю среду для интеграции в мировую экономику рассматривают как:

- международные организации, как НАТО, Совет Европы и Европейский союз. Данный тип политики предполагает минимизацию контактов с постсоветскими странами и был выбран Эстонией, Латвией и Литвой.
- международными организациями (НАТО, Европейский союз и ВТО) и одновременно с постсоветские страны (Бураковский, 2004).

При открытой политике всё большее значение принимают двухсторонние соглашения и соглашения о разделе продукции (Бураковский, 2004), однако происходит и разноуровневая и разнонаправленная интеграция (Байдурин, 2017): Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Союзное государство России и Белоруссии, Евразийский экономический Союз (ЕАЭС), Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ (ГУАМ) и др.

Наибольшая эффективность в сфере обеспечения экономической безопасности была достигнута в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и в его проектах Евразийского экономического союза и Единого экономического пространства; Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Союзного государства России и Беларуси (СРБ). СНГ стало, скорее, политическим, а не экономическим объединением (Байдурин, 2017). Аналогично, в ряде двухсторонних отношений существует паритет экономических и политических интересов (например, Россия и Беларусь, Россия и Казахстан), в ряде – политические преобладают (Россия и такие страны, как Армения, Киргизия, Таджикистан) (Чаевич, 2006).

В рамках Евразийского экономического союза был установлен единый таможенный тариф и уменьшены нетарифные торговые барьеры, что привело к существенному росту товарооборота между его членами (Байдурин, 2017). Представляется, что именно Евразийский экономический союз – из-за значительного потенциала его интеграционной тройки (Беларусь, Казахстан, Россия) – должен стать основой для интеграции в сфере обеспечения экономической безопасности. Причём уже сейчас среди кандидатов на вступление рассматриваются не только страны постсоветского пространства, но и Иран, Молдавия, Монголия, Тунис, Турция, Сирия (Байдурин, 2017).

Кроме двухсторонних соглашений и интеграционных механизмов, при открытой политике инструментом обеспечения безопасности и реализации национальных интересов является строительство инфраструктуры.

Известно, что новые транспортные пути меняют расстановку сил. Нефтепровод Баку-Супса, запущенный в 1999 году, сделал Азербайджан менее зависимым от России при поставке нефти в Европу. Железная дорога Теджен-Серахс-Мешхед усилила экономическое взаимодействие Туркмении и Узбекистана с Ираном, Каракорумское шоссе – Китая, Киргизии и Казахстана (Байдурин, 2017).

Госсекретарь США Х. Клинтон ещё в 2011 году представила концепцию Нового шелкового пути об изменении транспортных коридоров в регионе: запуск газопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия); поставку электроэнергии из Центральной Азии в Афганистан и Южную Азию и т. д. Таким образом, предполагалось переориентировать транспортные пути с севера, на юг, то есть исключить Россию (Laguette, 2015).

Реализуемые по инициативе Китая проекты, также построенные на аллегории «Шёлковый путь» («Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века») включают в себя строительство транспортных и торговых коридоров по территориям Китая, Казахстана, России, Белоруссии, Польши и Германии. Данный проект также может снизить транзитную и политическую роль России, однако имеет для неё и ряд выгод: развитие регионов, в которых будет построена инфраструктура Нового шёлкового пути, активизация сотрудничества со странами Азии, стабилизация политической и экономической ситуации в Афганистане и Пакистане (Строганов, 2016).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие **выводы**:

1) Глобальная регионализация предоставляет странам постсоветского пространства дополнительные возможности для ускоренного инновационного развития, которые могут быть использованы для повышения экономической эффективности – основы экономической безопасности. В то же время глобальное мировое пространство формирует новые вызовы и угрозы, и страны, учитывая их, меняют свою внешнюю и внутреннюю политику: формируют интеграционные объединения, строят инфраструктуру и т. д. Глобализация как механизм повышения экономической безопасности рассматривается большинством стран постсоветского пространства, однако в некоторых – преимущественно в Центральной Азии – акцент сделан практически исключительно на угрозы, связанные с глобализацией.

2) В рамках интеграционных процессов происходит институционализация инструментов экономической безопасности, однако в силу того, что интеграция происходит разнонаправлено и на разных уровнях, речь не идёт об унификации или стандартизации инструментов. При этом стоит заметить, что возможности обеспечения безопасности национальными институтами снижаются. Зачастую риски в области экономической безопасности становятся неустраняемыми, поэтому важной составляющей национальной и межнациональной политик является минимизация не самих рисков, а их последствий в кратчайшие сроки.

## 2.5 АРКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Арктика постепенно становится полем для активного трансграничного сотрудничества. Директор департамента рыболовства Евросоюза Штефан Деюпер на конференции High North Dialogue 2018 (г. Будё, Норвегия) в своем докладе подчеркнул, что Брюсселем ежегодно выделяется 40 млн евро на изучение Арктики, начиная с 2016 года. В 2017 году Китай принял широко-масштабный документ Whitepapers или так называемую Арктическую стратегию Китая. Дружественное присутствие в Арктике Китай планирует планомерно наращивать – уже сейчас 15 % акций НОВАТЭК принадлежат китайским инвесторам. Евросоюз, как и Китай, рассчитывает на мягкое присутствие в арктическом регионе. Все это свидетельство того, что в трансграничные проекты в Арктике, помимо традиционных арктических акторов (рисунок 2.2), пытаются вписаться также Китай и ЕС.

В данном параграфе монографии рассмотрим основные трансграничные проекты, реали-



Рисунок 2.2 Арктика Америки, Арктика Европы и Арктика России

зубые в рамках международных арктических структур – Арктического Совета, Совета Баренцева/Евроарктического региона, Совета Министров Северных Стран, «Северного измерения».

В мае 2008 года в гренландском городе Илулиссате на встрече пяти арктических государств – США, Канады, Дании, Норвегии и России – обсуждался общий подход к проблемам Северного Ледовитого океана и сопредельных территорий. Итогом конференции стало принятие Илулиссатской декларации (Ilulissat Declaration, 2008), в которой акцент делался на необходимости равноправного сотрудничества стран региона в решении проблем Арктики и развитии трансграничного сотрудничества. Участники встречи взяли на себя политическое обязательство решать все разногласия путем переговоров на основе существующих и достаточных для этого норм международного права. Участники подтвердили свое желание укрепить сотрудничество во всех областях – от проектов, осуществляемых в Арктическом Совете, до взаимодействия в поисково-спасательных операциях.

Несмотря на дипломатический прорыв в 2008 году и подписание Илулиссатской декларации, основные проблемы для России с точки зрения участия в деятельности Арктического совета. Можно выделить основные виды ключевых проблем:

- *политические* (определение внешних границ континентального шельфа приарктических государств в Северном Ледовитом океане и делимитация ряда морских пространств в Северном Ледовитом океане, уточнение правового режима канадского Северо-Западного прохода и российского Северного морского пути, международное регулирование рыболовства в восточных морях Северного Ледовитого океана за пределами исключительных экономических зон государств);
- *экологические* (разработка нефтегазовых ресурсов и сохранение морской среды в условиях активизации хозяйственной деятельности и прежде всего – разработки ресурсов шельфа и интенсификации арктической навигации);
- *проблемы безопасности* (связанные главным образом с необходимостью обеспечения безопасности навигации, организации поиска и спасания на море, контроля морских границ в целях пресечения незаконной трансграничной деятельности (доклад Столтенберга о вопросах безопасности в рамках деятельности Арктического Совета (Nordic Cooperation, 2009));
- *организационные* (связанные с преобразованием Арктического совета из международного форума высокого уровня, работающего на основе консенсуса, в одну из международных межправительственных организаций. Это неизбежно потребует заключения специального международного договора и фактически приведет к установлению режима международного управления делами Арктики);
- *институциональные* (в стремлении ЕС утвердить свою институциональную причастность к арктическим делам).

В настоящее время в рамках Арктического Совета очень активно формируется законодательная база для трансграничных проектов различного характера. Так, например, входит в завершение работа над *Полярным кодексом* в рамках Международной морской организации. Полярный кодекс предполагает обеспечить соблюдение всеми судами, на которые распространяются положения этих Конвенций, предусмотренных Полярным кодексом обязательных правил плавания в покрытых льдом арктических водах. Полярный кодекс («Международный кодекс для судов, эксплуатируемых в полярных водах») вступил в силу 1 января 2017 года. Более 20 лет продолжалась работа на данным документом, закончившаяся принятием в рамках Международной морской организации (ИМО) пакета поправок к SOLAS и MARPOL 21.11.2014 г. и 15.05.2015 г. соответственно. Длительный срок работы над данным документом, в первую очередь, предопределен серьезным уровнем проблем технического и политического свойства, с которыми столкнулись его разработчики. Насколько успешными окажутся результаты многолетней работы широкого круга специалистов, покажет практика в самом ближайшем будущем.

В контексте развития трансграничного сотрудничества в Арктике в перспективе планируется, что речь также пойдет о разработке *Арктического меморандума о государственном портовом контроле* (инициатива США), к которому могли бы присоединиться все заинтересованные страны и в котором был бы предусмотрен механизм взаимодействия и сотрудничества между ними.

На повестке дня Арктического Совета в настоящее время стоит также введение *добровольных правил плавания в Беринговом проливе*, разработанных по инициативе США. Возможно, с их последующим представлением в Международную морскую организацию для придания им статуса обязательных, в целях укрепления безопасности судоходства и защиты биологически продуктивного морского района в условиях постепенного превращения пролива в узкое место для судоходства между северной частью Тихого океана и Арктикой.

Формирование основ взаимодействия по обороне и охране также является важной вехой в развитии трансграничного сотрудничества в Арктике. В частности, во время председательства США в 2015 г. был учрежден *Арктический форум береговой охраны*, работе которого они оказывают активное содействие (учреждение Форума планировалось в 2014 г., но так и не состоялось во время председательства Канады). США выполнили намеченные еще до украинского кризиса планы по проведению в 2015 и 2016 гг. многосторонних учений по поиску и спасению. В настоящее время каналы взаимодействия между службами береговой охраны США и других стран Арктики остаются открытыми на случай разного рода непредвиденных ситуаций.

Однако головная инициатива по развитию трансграничного сотрудничества в рамках Арктического Совета принадлежит американскому Институту Севера. «Институт Севера» является некоммерческой организацией в Анкоридже (Аляска). Области исследования включают в себя Аляску, а также регионы Арктики в различных странах мира, которые привлекательны и человеческой культурой, и природными ресурсами. Институт приобрел широкую известность в качестве центра для изучения земель, морей и ресурсов, находящихся в совместной собственности, с использованием Аляски в качестве базовой модели. Институт пытается сделать Аляску ключевым актором в международной арктической политике.

Инициатива, предложенная Институтом Севера, звучит как развитие *транспортной инфраструктуры в Арктике (АМАТП)*. Рабочая группа Арктического совета по устойчивому развитию одобрила американский проект инфраструктурный проект АМАТП. В рамках данного проекта предполагается оценить потенциал северных портов, морскую и наземную арктическую инфраструктуру, аэропорты и их способность реагировать на различные вызовы.

Отмечается, что увеличение добычи ресурсов для поддержки экономического и общественного развития и увеличение объемов перевозок по транспортировке грузов через арктические воды приведут к необходимости регулировать морские и воздушные перевозки. Арктические порты и аэропорты служат важной основой для добычи полезных ископаемых, научно-исследовательских работ, предотвращения загрязнения окружающей среды и экологической безопасности, а также здоровья и безопасности сообщества.

Членами американского проекта по развитию инфраструктуры в Арктике (АМАТП) стали Министерство иностранных дел Исландии, Правительство Юкона, Правительство Нанавута, Госдеп США, Правительство северо-западных территорий Канады, Рабочая группа Арктического Совета по устойчивому развитию, Управление федеральной авиацией США, Департамент штата Аляски по транспорту, Департамент международных отношений и международной торговли Канады.

### ***Перечень проблемных зон и факторов при реализации проектов трансграничного характера в Совете Баренцева/Евроарктического региона***

Совместная работа в рамках стран-членов, входящих в Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), фокусируется на различных вопросах трансграничного сотрудничества – социальных, транспорта, экологии, культуры, здравоохранения, реагирования на чрезвычайные ситуации, проблематике коренных народов. Благодаря интенсивной деятельности Баренцева регионального совета (БРС) укрепляются контакты между субъектами Российской Федерации (Республикой Карелия, Республикой Коми, Архангельской и Мурманской областями) и арктическими территориальными образованиями Норвегии, Финляндии и Швеции.

10 февраля 2016 года Министр иностранных дел Норвегии Б.Бренде отметил важное значение Баренцева сотрудничества. По мнению Б.Бренде, сложившиеся благодаря Баренцеву сотрудничеству связи имеют исключительное значение для отношений между Норвегией и Россией. «В непростое время важно поддерживать контакты, а трансграничное сотрудничество играет в этом вопросе большую роль. Несмотря на имеющиеся противоречия, нашим странам удастся успешно взаимодействовать на таких значимых направлениях, как управление рыбными ресурсами, защита окружающей среды, обеспечение ядерной безопасности, а также проведение морских поисково-спасательных работ».

Стоит отметить, что главной проблемой в рамках СБЕР в течение нескольких десятков лет была проблема разграничения акватории Баренцева моря между Норвегией и Россией. Особое значение на данном направлении имеет реализация заключенного между Россией и Норвегией в 2011 году Договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане и Соглашения об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий. Однако эта острая проблема была снята дипломатическими усилиями и более не является актуальной.

В настоящее время можно выделить основные виды ключевых проблем, препятствующих расширению трансграничного сотрудничества в деятельности СБЕР:

- *экономические* (дефицит инвестиций для реализации крупных инфраструктурных проектов, отсутствие логистики и инфраструктуры в регионе);
- *экологические* (негативные последствия переноса загрязнений со стороны России и в связи с этим недовольство других членов СБЕР);
- *проблемы безопасности* (отсутствие глобальных спутниковых навигационных систем экстренного реагирования при авариях на формируемых международных автомобильных маршрутах Баренцева региона);
- *политические* (15 сентября 2010 года был подписан Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане).

*Перечень проблемных зон и факторов при реализации проектов трансграничного характера в Совете Министров Северных Стран (СМСС) и «Северного Измерения».*

Стоит отметить, что благодаря интенсивной деятельности Совета Министров Северных Стран в течение многих лет на территории РФ через контактные центры и информационные бюро укреплялись контакты между субъектами Российской Федерации (Республикой Карелия, Республикой Коми, Архангельской и Мурманской областями) и территориальными образованиями Норвегии, Финляндии и Швеции. Так, в выступлении Министра иностранных дел Финляндии Эрkki Туомийя отмечается, что: «Северное измерение обеспечивает основу для диалога по вопросам политики в отношении регионального сотрудничества между ЕС, Россией, Норвегией, охватывающего Балтийский и Баренцев регион».

В настоящее время можно выделить основные виды ключевых проблем, препятствующих расширению трансграничного сотрудничества в деятельности Совета Министров Северных Стран и «Северного измерения»:

- *политические* (были закрыты информационные бюро в Санкт-Петербурге и Калининграде, а также контактные центры в Петрозаводске, Архангельске, Мурманске, Петрозаводске);
- *экономические* (высокий % софинансирования (30 %) для участия в «мягких» проектах сотрудничества (people-to-people), развивающих в основном сети сотрудничества, обмен опытом, обучение);
- *информативная* (недостаток оперативной и достаточной информации о возможностях СМСС и «Северного партнерства» в России).

В заключении стоит отметить, что выделяется перечень ключевых проблем, препятствующих расширению трансграничного сотрудничества в Арктике в сфере науки, образования и молодежной политики Российской Федерации (политические, экологические, экономические, связанные с безопасностью, институциональные, организационные, информационные). Проанализировав материалы в рамках международных структур СБЕР, СМСС и Арктического Совета можно прийти к выводу, что в настоящее время в рамках трансграничного сотрудничества в регионе Арктики доминируют политические проблемы, второе место у экономических проблем, третье место отводится проблемам, связанным с экологическими вопросами и вопросами безопасности в регионе.

### ***Арктические трансграничные проекты, инициированные США и Канадой***

Американская модель трансграничного сотрудничества в Арктике строится на больших вливаниях в НИОКР, например, в научные прикладные лаборатории по внедрению инноваций и НИОКР в ТЭК. Большую роль в реализации арктических проектов играют американские университеты.

Так, международный консорциум Университета Арктики включает в себя 8 американских университетов – Университет Новой Англии Антиох, Университет Мэйна, Колледж Дортмунда, Юго-западный колледж Флориды, колледж Иллисавик, Университет Аляски Анкоридж, Университет Аляски Фэрбэнкс, Университет Вашингтона. Перечисленные университеты принимают участие в программе «Север к Северу» (North2North), которая поддерживает студенческую мобильность в регионе Арктики.

В рамках программы PolarTREC происходит обмен преподавателями, которые проводят 3-6 недель в полевых условиях в полярных регионах. Цель программы PolarTREC заключается в активизации полярного научного образования и привлечении преподавателей и исследователей к полярным проектам.

Целью программы Arctic in the classroom является проведение семинаров в школах для повышения знаний об Арктике.

Даже американская программа Fulbright имеет FulbrightArcticInitiative. Целью Арктической Инициативы Fulbright является создание сети ученых, специалистов и прикладных исследователей из США, Канады, Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии, России и Швеции для организации встреч и семинаров с целью обмена опытом. Тематики, интересующие FulbrightArcticInitiative – здравоохранение, вода, энергетика, инфраструктура.

Если говорить непосредственно о научных программах по изучению Арктических территорий, то таких в США большое множество – Центр приполярных исследований, Арктический исследовательский консорциум США, Исследования холодного климата, Институт Севера, Исследовательская Группа Скандинавия.

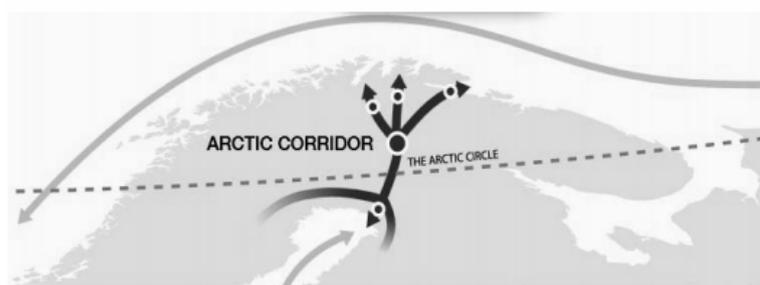
Все эти научные центры, так или иначе, имеют своей головной целью развитие трансграничного сотрудничества на арктических территориях.

Географически в арктические территории Канады включаются территории не только севернее, но и южнее Полярного круга: Северо-западные территории, территории Нунавут и Юкон, а также острова и водные пространства до Северного полюса включительно. На канадский Север приходится 40 % сухопутной территории страны, но проживает там только 107 тыс. человек. Можно констатировать, что Север Канады практически не является освоенным. Так, в Канаде располагаются только 2 колледжа за пределами 66 градусов северной широты, это колледж Авроры и Юкон колледж, университетов в Канаде – как крупных акторов по реализации потенциальных трансграничных проектов – за полярным кругом нет.

Тем не менее, имеет место развитие транспортной инфраструктуры северных канадских территорий. Проект «Северный воздушный мост» предполагает создание комплексной системы связи в арктических широтах для обеспечения авиационного сообщения между аэропортами городов Красноярск и Виннипег. Другой проект – «Арктический мост» – предполагает обеспечение кроссполярных морских перевозок между портами Мурманск и Черчилл.

#### ***Арктические трансграничные проекты, инициированные Финляндией***

Рассмотрим наиболее крупные трансграничные проекты Финляндии. Это проекты, в первую очередь, ориентированные на совершенствование транспортной инфраструктуры. Отдельного внимания заслуживают крупный финский инвестиционный проект, ориентированный на развитие транспортной системы и потенциал опережающего экономического развития. Так, с целью замкнуть Северный морской путь «на себя» правительство Финляндии предложило в 2014 году международный проект «Арктический коридор» (Arctic Corridor). План был поддержан Норвегией. Согласно ему, для оперативной доставки в Европу грузов с кораблей, проследовавших по Северному морскому пути, будет построена скоростная железная дорога Киркенес – Рованиemi протяженностью 500 км. Создатели проекта представляют его как новый экономический регион, который соединит Балтийский регион с глубоководными портами Северного Ледовитого океана (Рисунок 2.3).



**Рисунок 2.3 Проект «Арктический коридор» – финская инициатива**

«Арктический коридор» задумывается не только как инфраструктурный, но и как арктический геополитический международный проект. Ежегодно в Арктике, по информации МЧС, совершается до 120 чрезвычайных ситуаций, по масштабу небольших и быстро устранимых. Данный трансграничный проект предполагает также привлечение к его развитию азиатские страны. Проект описывается как «транспортный арктический путь и коридор развития, который свяжет Норвегию, Россию и ЕС». В свою очередь, финское правительство ожидает интенсивное экономическое развитие Северной Лапландии.

Пример реализации «Арктического коридора» Финляндией и Норвегией является важным при осмыслении перспектив трансграничного сотрудничества в Арктике.

### ***Арктические трансграничные проекты, инициированные Норвегией***

Пленарное заседание конференции HighNorthDialogue 2018 (г. Будё, Норвегия) открыл Министр торговли и промышленности Норвегии Торбьёрн Иаксен, который в своём докладе сообщил о приоритетах современной норвежской экономики, ориентированной на развитие blueeconomy (исследований океана и развитие аквакультуры).

В его докладе подчеркивалось, что правительство Норвегии в перспективе планирует сделать г. Киркенес крупнейшим международным и экономическим хабом на Севере Норвегии, откуда будет положено начало транспортного коридора (waytoBrussels) через Рованиemi, Хельсинки и Таллинн в крупнейший порт Евросоюза – Роттердам. В рамках данного крупнейшего трансграничного арктического проекта планируется строительство арктического туннеля по дну Балтийского моря между Эстонией и Финляндией.

Также по инициативе Норвегии был принят Совместный план по развитию транспорта (Joint Varents Transport Plan). В соответствии с данным планом, транспортная инфраструктура Баренц региона должна быть разработана таким образом, чтобы реагировать на новые вызовы, которые возникают в Арктике и на периферии. Данный план имеет дальнейшую практическую реализацию в рамках финского проекта Varents Freeway. Несмотря на то, что инвестиционный проект Varents Freeway был инициирован Финляндией, именно норвежская сторона выступила с инициативой по выработке Совместного плана по развитию транспорта (Joint Varents Transport Plan), определившего мероприятия в сфере водного, воздушного, железнодорожного и автомобильного транспорта. Власти четырёх стран (Норвегии, Финляндии, России и Швеции) разработали такой план впервые. Результаты проекта в настоящее время уже включают в себя:

*Пилотное исследование Авиатакси* включает в себя обзор авиационного сектора в Баренцевом регионе с выявлением потенциальных новых логистических соединений.

*Железнодорожное пилотное исследование Салла – Кандалакша* – реализован анализ существующих железнодорожных участков Кемиярви – Келлоселька (79 км) на финской стороне и Алакуртти – Карельские Ручьи (100 км) на российской стороне.

*Железнодорожное пилотное исследование Никеле – Киркенес* предполагает анализ железнодорожного участка Мурманск – Никель (196 км) на российской стороне. Секция дороги Заполярный – Киркенес (56 км) запланирована в качестве новой железной дороги.

*Железнодорожное пилотное исследование Кемиярви – Киркенес* показало, что дорога проходит близко к экологически чувствительным областям. Новый кусок железной дороги начнется с Кемиярви в обход озера Инари. Железная дорога будет длиной 456 км, 30 километров из которой пройдет по территории Норвегии.

*Железнодорожное пилотное исследование Колари – Свапнава (Нарвик)*, общая длина железной дороги 147 км, из которых 16 км по территории Финляндии, остальные по территории Швеции.

Очевидно, что крупный трансграничный проект в области транспорта Varents Freeway ориентирован на развитие арктических территорий России (Мурманская область, Карелия), Финляндии, Швеции и Норвегии.

### ***Арктические трансграничные проекты, инициированные Россией***

В период с 2015-2017 Россия председательствовала в Совете Баренцева/Евроарктического региона. Приоритетами председательства России стали (Официальный сайт МИД, 2018):

- транспорт;
- защита окружающей среды и климат;
- культура и туризм;
- другие сферы сотрудничества (расширение торгово-экономических и деловых связей, развитие лесного сектора, реализация проектов в области энергетики, здравоохранения и социального обеспечения, образования и научных исследований, укрепление контактов среди молодежи, взаимодействию в сфере предупреждения, готовность и реагирование на чрезвычайные ситуации, возобновление сотрудничества таможенных служб).

Рассмотрим более подробно такой приоритет российского председательства, как «**транспорт**», который отвечает экономическому и инвестиционному направлению деятельности России в СБЕР. Сотрудничество в сфере транспорта в период председательства России в СБЕР включает в себя:

- развитие эффективных, безопасных и устойчивых трансграничных транспортных сетей и логистических связей. Продвижение общерегионального подхода к планированию и осуществлению транспортных решений;

- утверждение Совместного транспортного плана Баренцева региона (Joint Barents Transport Plan), предполагающего формирование 12-ти трансграничных коридоров, которые охватывают три вида транспорта: автомобильный, железнодорожный и морской;
- развитие сети авиасообщения по маршруту «восток-запад»;
- развитие паромного сообщения;
- использование коммерческих преимуществ Северного морского пути.

Уже реализуется крупный проект Barents Freeway, в рамках которого будет осуществляться модернизация и строительство новых дорог на территории России и других стран-членов СБЕР. Россия заинтересована в укреплении коммуникации с северными регионами Финляндии и Швеции.

В течение ближайших двух лет, как подчёркивается на официальном сайте МИД РФ по Председательству России в СБЕР, Россия будет планировать ключевые мероприятия, направленные на укрепление международных связей в рамках СБЕР, в том числе, касающихся направлений экономики, инвестиций, инноваций, а именно – *развитие транспортной инфраструктуры, приграничной экономической деятельности, взаимодействие в сфере энергоэффективности.*

Отдельно стоит отметить, что в рамках СБЕР активно функционирует Российско-норвежская межправительственная комиссия по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству. СБЕР – это норвежский проект, целью которого является региональное развитие в Баренцевом регионе. Именно в рамках СБЕР происходит очень плотное российско-норвежское взаимодействие. Так, Российско-норвежская межправительственная комиссия по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству недавно разработала План мероприятий по созданию благоприятных правовых, торгово-экономических и иных условий для интенсификации российско-норвежского приграничного сотрудничества на 2011-2015 годы. В российско-норвежскую межправительственную комиссию по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству входят Мурманская и Архангельская области.

Так, интересы Мурманской области касаются вопросов увеличения пропускной способности пунктов пропуска Борисоглебск и Стурскуг; синхронизации развития их инфраструктуры; реализации проекта по установлению широкополосной связи на российско-норвежской границе.

Интересы Архангельской области связаны с развитием лесопромышленного комплекса, являющегося региональным брендом: «Развитие лесной индустрии в Архангельской области мы видим в создании лесопромышленных холдингов, реализующих крупные проекты полного цикла, начиная с лесозаготовок и заканчивая глубокой переработкой, проведении лесовосстановительных работ, мебельном производстве, изготовлении современных строительных материалов и биотоплива на древесной основе. При этом обязательно будут учитываться интересы муниципальных образований, малого и среднего бизнеса» (Официальный сайт Правительства Архангельской, 2018).

Рассмотрим еще один приоритет председательства России в СБЕР – **«защита окружающей среды и климат»**. Важно, что в течение последних 2 лет Россия возглавляла Рабочую группу по окружающей среде. Данная работа в качестве руководителя рабочей группы не могла не отразиться на программе Председательства России в СБЕР, где сотрудничество в сфере защиты окружающей среды и климата стало особенно приоритетным:

- Осуществление практических мер по дальнейшему исключению экологических «горячих точек» в Баренцевом/Евроарктическом регионе (об этих эко-точках упоминалось выше);
- Сотрудничество в сфере охраны водных ресурсов, чистого производства и экологически устойчивого потребления, а также экологического просвещения и обмена наилучшими экологическими практиками;
- Реализация второй фазы проекта «Сеть особо охраняемых природных территорий в Баренцевом регионе» (BPAN);
- Дальнейшая имплементация Плана для Баренцева сотрудничества в связи с изменением климата.

Ключевым мероприятием на экологическом направлении для России стала встреча министров охраны окружающей среды стран-членов СБЕР, которая прошла в Сортавалес 24-25 ноября 2015 г. (Официальный сайт Правительства Республики Карелия, 2015). На встрече Министров окружающей среды был рассмотрен целый ряд вопросов. В частности, речь шла об экологических «горячих точках» Баренцева региона. Сопредседатель подгруппы по исключению «горячих точек», координатор программ по России Шведского агентства охраны окружающей среды Оке Микаэльсон сообщил, что изначально были определены 42 «горячие точки», в число которых входили предприятия и объекты,

оказывающие негативное влияние на окружающую среду. За время работы группы под председательством России исключены 6 «горячих точек». На встрече Министров окружающей среды СБЕР в Сортавала были исключены еще несколько «горячих точек»:

- Северодвинская ТЭЦ-2, где в результате проведенной работы и перевода на природный газ удалось сократить объем выбросов на 90 %;
- вопросы, связанные с производством на АО «МондиСыктывкарский ЛПК»;
- проблемы очистки воды в Петрозаводске, осуществляемой «Петрозаводскими коммунальными системами».

Норвежская сторона, которая будет председательствовать в Рабочей группе по окружающей среде после России, высоко оценила деятельность России в качестве председателя Рабочей группы. Было отмечено, что на территории Карелии в настоящее время активно ведется работа по созданию особо охраняемых природных территорий (проекты ВРАН и Зеленый пояс Фенноскандии), к которым вскоре прибавится национальный парк «Ладожские шхеры».

Таким образом, в настоящее время СБЕР высоко оценивает усилия России на экологическом направлении. Однако, стоит отметить, что на Россия пока что не инициирует проекты в экологической сфере, чего не скажешь о социальном направлении.

Рассмотрим более подробно деятельность России в СБЕР на **социальном направлении**. Так, одним из приоритетов в рамках Программы председательства России стало «сотрудничество в сфере культуры и туризма». На данном направлении в ближайшие 2 года планируется:

- Укрепление сектора культуры и творческих индустрий в качестве фактора, способствующего динамичному социально-экономическому развитию Баренцева региона;
- Содействие культурному многообразию, обменам и межкультурному диалогу в целях расширения контактов между людьми; сохранение культурного и этнокультурного наследия Баренцева региона;
- Развитие концепции Баренц-идентичности;
- Разработка формата и порядка номинации на Баренцеву награду (стипендию) в области культуры;
- Создание условий для экологически, социально и культурно устойчивого туризма. Расширение взаимодействия туристских индустрий, продвижение туристского потенциала Баренцева региона на мировом рынке

Так, в Оулу в 2015 году Министр иностранных дел С. Лавров в своем заявлении на министерской встрече СБЕР отметил: «Контакты people-to-people, совместные проекты и культурные обмены будут способствовать укреплению концепции идентичности Баренц региона, сформированной на основе общности истории и принадлежности к единому социально-культурному пространству».

Среди проектов, инициированных Россией на социальном направлении в рамках СБЕР, выделяем:

- «Баренц регион тогда и сейчас» (под эгидой Баренцева Регионального Молодежного Совета)
- «Форум «Команда-29» (под эгидой Министерства по делам молодежи и спорту Архангельской области)
- «Баренцев экологический кинофестиваль (BEFF)» (под эгидой общества российско-норвежской культуры Сольвейг)
- «Финно-угорский фестиваль "Большой медведь"» (под эгидой Республиканского Центра национальных культур)
- «Вело-тур детей и молодежи Баренц-региона» (под эгидой велоклуба Пилигримы)
- «Молодежь в Баренц-регионе» (под эгидой Barents Youth Cooperation Office)
- «Поезд молодежной культуры» (под эгидой Администрации Мурманской области, Комитета по делам молодежи)
- «Международный молодежный театральный фестиваль "Verges 2006"» (под эгидой Комитета по делам молодежи Мурманской области).

Очевидно, что тематики социальных проектов отвечают заявленным приоритетным направлениям СБЕР в социальной сфере – развитие таланта молодежи посредством участия в культурных, театральных, экологических, кинематографических, спортивных фестивалях.

На направлении туризм отмечается, что создание современной инфраструктуры в регионе БЕАР в сфере туризма позволит обеспечить дополнительный приток инвестиций в регион. В настоящее время обсуждается проект по расширению паромной линии Берген-Киркенес, которую обслуживают норвежские компании. В связи с перспективами развития паромного сообщения

возможно продление паромной линии Берген – Киркенес – Мурманск, а также реконструкции пассажирской инфраструктуры порта Мурманск. Россия заинтересована в сотрудничестве на данном направлении, т.к. оно позволит включить в проект компании Мурманска, Архангельска и Соловецких островов.

Большинство мероприятий в социальной сфере запланированы Россией на 2016-2017 годы. Среди наиболее важных отмечаем:

- Международная конференция «Родной язык в современных условиях двуязычия» (Сыктывкар, октябрь 2015 г.)
- Баренцев музыкальный фестиваль (Санкт-Петербург, Пушкин, апрель 2016 г.)
- Встреча министров культуры стран-членов СБЕР в г. Архангельске (лето 2016 г.).
- Международный фестиваль хореографического искусства “Танцы в Полярном круге” (Мурманск, ноябрь 2016 г.)
- III Международная выставка-ярмарка достижений в сфере культуры и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера “Сокровища саамской земли” (Мурманск, август 2016 г.)
- 7-й международный фестиваль фольклора Баренцева Евро-Арктического региона и регионов Северо-Западного федерального округа (Мурманская область (село Умба, Терский район), июнь 2017 г.)
- Международный экотуристический форум «ЕЖ» (Сыктывкар, сентябрь 2017 г.)

В заключении стоит отметить, что страны Арктики всецело осознают, что критическое значение для развития Арктического региона в будущем будет иметь улучшение транспортной, коммуникационной и логистической инфраструктуры, а также упрощение режима пересечения границы. Так, например, в пресс-релизе МИД РФ сообщается, что 20 января 2016 года было подписано Межправительственное соглашение об облегчении взаимных поездок жителей приграничных территорий России и Норвегии. В соответствии с Протоколом к Соглашению, будет расширена зона взаимных поездок для жителей приграничных российско-норвежских территорий.

В настоящее время страны активно реализуют широкий перечень трансграничных проектов в Арктике, как в социальной сфере, так и в сфере экономики и инвестиций.

### ***Выводы к главе 2***

Экономический и социальный порядок находятся в процессе активной трансформации. При этом роль в новой регионализации все больше играют не только особенности конкретного общества, но и процессы экономической и социальной инженерии. Это имеет значение в условиях постмодернизма и глобализации, формирующей новый мировой порядок, и регионализации, которую рассматриваем в контексте формирования социокультурных и экономических связей на основе не только географической близости и расположенности территорий, но и институциональной и социокультурной близости (или степени неразобщенности) и идентичности.

Такой подход позволяет вычленивать нечеткие формы в регионализации, найти пути в согласовании и гармонизации институтов и культурных кодов. Тогда **граница – ключ к решению глобальных проблем, возникающих в контексте создания региональных комплексов безопасности**. Последние понимаем в контексте концепции Б. Бузана (Buzan, 1991) и необходимости сопряжения институциональных дизайнов на региональном уровне (в пределах полномочий сопредельных территорий), являющихся составной частью национального институционального дизайна государственного управления. В частности необходимо обратить внимание на такие вопросы как таможенное законодательство, нормы, регулирующие приграничное сотрудничество, а также институт приграничной торговли.

### 3. ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ

#### 3.1 ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ

Конкретизация и содержательная интерпретация категории «**регион**» осуществляются при выделении определенных типов регионов. Т. е. **регион** – понятие типологическое и выделяется в рамках определенной государственной политики, поскольку проблемное экономическое районирование осуществляется, прежде всего, для государственного регулирования территориального развития. Поэтому целесообразно категорию «**регион**» рассматривать в части экономического пространства, выделенной по критерию целостности и обладанию общности по ряду признаков, в том числе непрерывности целевых функций и области применения инструментов управления. Т. е. «**регион**» необходимо определить как объект управления. Поэтому и типология должна носить управленческий контекст, отражая как внешние и внутренние аспекты.

Как одна из наиболее универсальных процедур научного познания, типология опирается на поиск научных способов идентификации изучаемых объектов в зависимости от их сходства и различия по наиболее существенным признакам, свойствам, функциям с целью их упорядоченного описания. **Типологизация** является общенаучным методом познания, но особенность построения типологии определенных групп объектов определяется спецификой и закономерностями последних.

Понятие **типология** в науке имеет двойственную трактовку. С одной стороны под типологией понимается *научный метод*, в основу которого положено расчленение множества объектов и их группировка с помощью обобщенной модели (типа). С другой стороны типология – является результатом упорядоченного описания и сопоставления объектов данного множества.

Таким образом, имеет место как *эмпирическая типология*, основанная на фиксации устойчивых признаков сходства и различий, выявленных на основе эмпирического исследования множества объектов, так и *теоретическая* типология, опирающаяся на построении идеальной модели объекта как системы для обобщенного рассмотрения его наиболее существенных свойств, признаков и функций. Теоретическая типология позволяет получать общее представление об объектах, формировать гипотезы их развития. Эмпирическая типология позволяет конкретизировать представления, осуществлять проверку гипотез.

Если в исследовании использован гипотетико-дедуктивный подход, то часто применяется теоретическая типология, направленная на системное описание множества объектов, изучение отдельных сторон, свойств объекта, создания его идеализированного образа или модели, отталкиваясь от природы объекта. Теоретическая типология не требует статистической обоснованности или фактологической достаточности типологии.

Различают также **теоретическую** и **прикладную типологии**. Цель **теоретической типологии** – системное описание множества объектов, изучение отдельных сторон, свойств объекта, создания его идеализированного образа или модели. Цель **прикладной типологии** – создание информационной основы для принятия решений по управлению объектами.

**Типология регионов** может происходить по разным показателям, например по уровню производства ВРП на душу населения, по инвестиционному потенциалу, по величине денежного дохода на душу населения и т. д. В то же время типология не должна идти вслед макроэкономическому взгляду, в соответствии с которым выделяются лидеры – производители большой доли мирового рынка и ВВП – и отстающие от лидеров регионы, практически невидимые в макроэкономическом измерении. Это пример эмпирической типологии.

Министерство экономического развития РФ проводит комплексную оценку регионов и группировку субъектов РФ по уровню развития – по интервалам значений макроэкономических показателей. Выделены следующие группы: с высоким уровнем развития, выше среднего, со средним уровнем, ниже среднего, с низким и крайне низким уровнем. Однако такая группировка носит формальный характер и не определяет повестку дня региональной политики. Попадание в проблемную группу и, соответственно, в объект региональной политики должны определяться генезисом региона, распределением экономических показателей и влияющими на распределение факторами.

Необходимо трансформировать региональную политику на основе современных теорий странственной экономики. Кстати анлогичный призыв содержится в работе, посвященной анализу Европейской региональной политики, в связи с возрастанием неравенства между регионами и провалами данной политики (Puga, 2002).

Исходя из тезиса, что типологизация служит инструментом изучения межрегиональной дифференциации, выдвинем гипотезу о совместимости целей максимизации эффективности макроэкономической политики и минимизации межрегиональной дифференциации. Типология должна идти вслед группировке проблем и определять совокупность регионов с типичными проблемами и механизмами решений. Поэтому в дальнейшем остановимся не столько на макроэкономических показателях, а сколько на причинах, лежащих в основе динамики экономики регионов. Будем далее придерживаться взгляда в отношении классификации регионов с точки зрения дифференциации позиции в экономическом пространстве и их конкурентоспособности.

Например, воспользуемся таким критерием, как «**размер доходов, генерируемых используемыми факторами конкурентоспособности**» (Особенности, 2015). Для оценки критерия использован показатель «размер ВРП на душу населения по субъектам РФ» и его сравнение со «среднероссийским размером ВРП на душу населения».

В результате проведенного анализа выделены **четыре типа регионов**, различающиеся по используемым факторам конкурентоспособности и генерируемым ими доходам (Особенности, 2015):

**1. Первый тип** – регионы, экономика которых основана, преимущественно, на естественных факторах конкурентоспособности и характеризуется низкими душевыми доходами (регионы с сырьевой специализацией, и, как правило, моноотраслевой структурой экономики).

**2. Второй тип** – регионы, экономика которых основана, преимущественно, на естественных факторах конкурентоспособности и характеризуется высокими душевыми доходами (регионы с сырьевой и, как правило, моноотраслевой специализацией, обладающие стратегическими природными ресурсами и выгодным географическим положением).

**3. Третий тип** – регионы, экономика которых основана, преимущественно, на создаваемых факторах конкурентоспособности и характеризуется низкими душевыми доходами (старопромышленные регионы с низкокэффеkтивной и затратной структурой экономики).

**4. Четвертый тип** – регионы, экономика которых основана, преимущественно, на создаваемых факторах конкурентоспособности и характеризуется высокими душевыми доходами (регионы, специализирующиеся на видах деятельности, занимающих «верхние» звенья цепочки добавленной стоимости, где создается основной объем добавленной стоимости).

**К первому типу** отнесены 18 приграничных субъектов РФ. Как правило, это регионы, слабо развитые в экономическом отношении, характеризующиеся преимущественно сырьевой специализацией экономики. К этой группе отнесены большинство республик Северного Кавказа, а также ряд приграничных субъектов Уральского федерального округа, Восточной Сибири и Дальнего Востока. На Северо-Западе России к этой группе отнесена лишь Республика Карелия. Для большинства этих субъектов длительное время действовало естественное ограничение для их социально-экономического развития – отнесение значительной части их территорий к приграничной зоне, в которой была резко ограничена либо вообще запрещена хозяйственная деятельность. Кроме того, большинство из этих приграничных регионов удалены от центров экономического развития, что также создавало естественное ограничение для их развития.

**Ко второму типу** отнесены лишь 7 приграничных субъектов РФ, которые располагают значительными объемами стратегических видов природных ресурсов и значительными объемами их добычи и первичной переработки (при сравнительно низкой численности населения, в результате которой они характеризуются высокими душевыми показателями ВРП). В основном, к этой группе отнесены приграничные регионы, расположенные в Западной и Восточной Сибири, Дальнем Востоке.

**К третьему типу** отнесены 14 приграничных субъектов РФ. Преимущественно, это индустриально развитые регионы, имеющие в своем составе крупные промышленные центры и узлы, основу которых составляет перерабатывающие предприятия и сектора, а также предприятия, входящие в состав единых технологических цепочек, связанных с добычей и комплексной переработкой ресурсов. Между тем, промышленный базис экономики ряда приграничных субъектов, отнесенных к этой группе, формировался в 50–60 гг. XX века и был ориентирован на создание и развитие межреспубликанских (между бывшими Союзными республиками) территориально-производственных комплексов и технологических цепочек. После распада СССР эти субъекты испыты-

вали серьезные экономические трудности, связанные с разрывом логистики поставок сырья и продукции, вынуждены были осуществить «перезагрузку» логистики поставок, которая сопровождалась процессом перепрофилирования части предприятий и частной сменой экономической специализации региона.

*К четвертой группе* отнесен лишь один приграничный регион – Ленинградская область, экономика которой ориентирована на обслуживание и использование экономического потенциала Санкт-Петербургского мегалополиса, на переработку и транспортировку энергоносителей (нефти и природного газа), а также на интенсивное развитие внешнеэкономических связей с Финляндией.

*Оценка «качества» региональной экономической политики в приграничных российских регионах* показала (Особенности, 2015), что почти половина из оцениваемых субъектов (18 из 40) характеризуется негативными тенденциями в изменении структуры ВРП. То есть, происходит увеличение доли ВЭД с низкой добавленной стоимостью в структуре ВРП при одновременном снижении доля ВЭД с высокой добавленной стоимостью. Из 40 оцениваемых приграничных субъектов РФ 12 – показывают фактическое отсутствие положительной динамики в изменении структуры ВРП.

### *Типология периферийных регионов в условиях глобализации*

В исследованиях развития регионов и свойств социально-экономического пространства в условиях глобализации опираются на различные модели. **Модель "центр-периферия"** была сформулирована в рамках теории развития региона или «полюсов роста» Г. Мюрдаля (1957), концепции неравенства и политики регионального развития Дж. Фридмана (1964, 1966), концепции мировых систем И. Валлерстейна (1974, 1984), хартлендов С. Коэна (1964) и других схожих концепций. Она задает определенный стиль и формат взаимоотношений центральных и периферийных регионов, находящихся на различном уровне экономического, политического и технологического развития. В соответствии с данной моделью неравномерность развития вызывает диспаритет центра и периферии (Friedmann, 1964, 1966). Традиционно **центр** представляют как географическое место (точку) с высоким уровнем развития, которая определяет положение таксона, с меньшим уровнем развития – **периферию**.

С целью выявления факторов, действующих на положение регионов в экономическом пространстве, было проведено исследование пространственной организации экономики и дифференциация регионов путем их группировки. Для этого применялся **факторный анализ**, направленный на исследование закономерностей изменения дисперсии экономических показателей и оценку размерности переменных путем исследования корреляционных матриц.

Основное предположение факторного анализа заключается в том, что корреляционные связи между большим числом наблюдаемых переменных определяются существованием меньшего числа гипотетических наблюдаемых факторов. В результате анализа (применялся метод *максимального правдоподобия* для анализа корреляционной матрицы и метод *варимакс* для вращения выделенного векторного пространства) по представленной выборке осуществлено «сжатие пространства» выделено три значимых независимых фактора, объясняющих более 55 % дисперсии наблюдаемых переменных.

*Первый фактор* (30 % дисперсии) связан с денежной массой, расходами консолидированного бюджета субъекта РФ, ценами одного квадратного метра площади на рынке жилья и др.

*Второй фактор* (15 %) – производственный – измеритель экономического роста, ассоциируется с показателями «объем валового регионального продукта (на душу населения)», «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по субъекту РФ».

*Третий фактор* (10 %) обобщается как социальная нагрузка, определяется уровнем безработицы, смертностью младенческой, долей населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, площадью жилых помещений (на одного жителя).

Средством для группировки является диаграмма рассеивания переменных и наблюдений на оси факторов. Координатами служат коэффициенты корреляции с факторами (факторные нагрузки). На рис. 3.1 представлены группировки – нечеткие множества, выделенные методом простой факторной структуры. Критерий простой факторной структуры позволяет графически отразить группы переменных. Мерой близости или критерием формирования кластера является расстояние между объектами. В данном случае использовалось два критерия: пороговое значение равно  $\frac{1}{2}$  максимального значения фактора или вероятность попадания в «центр» кластера, равная 0,75.

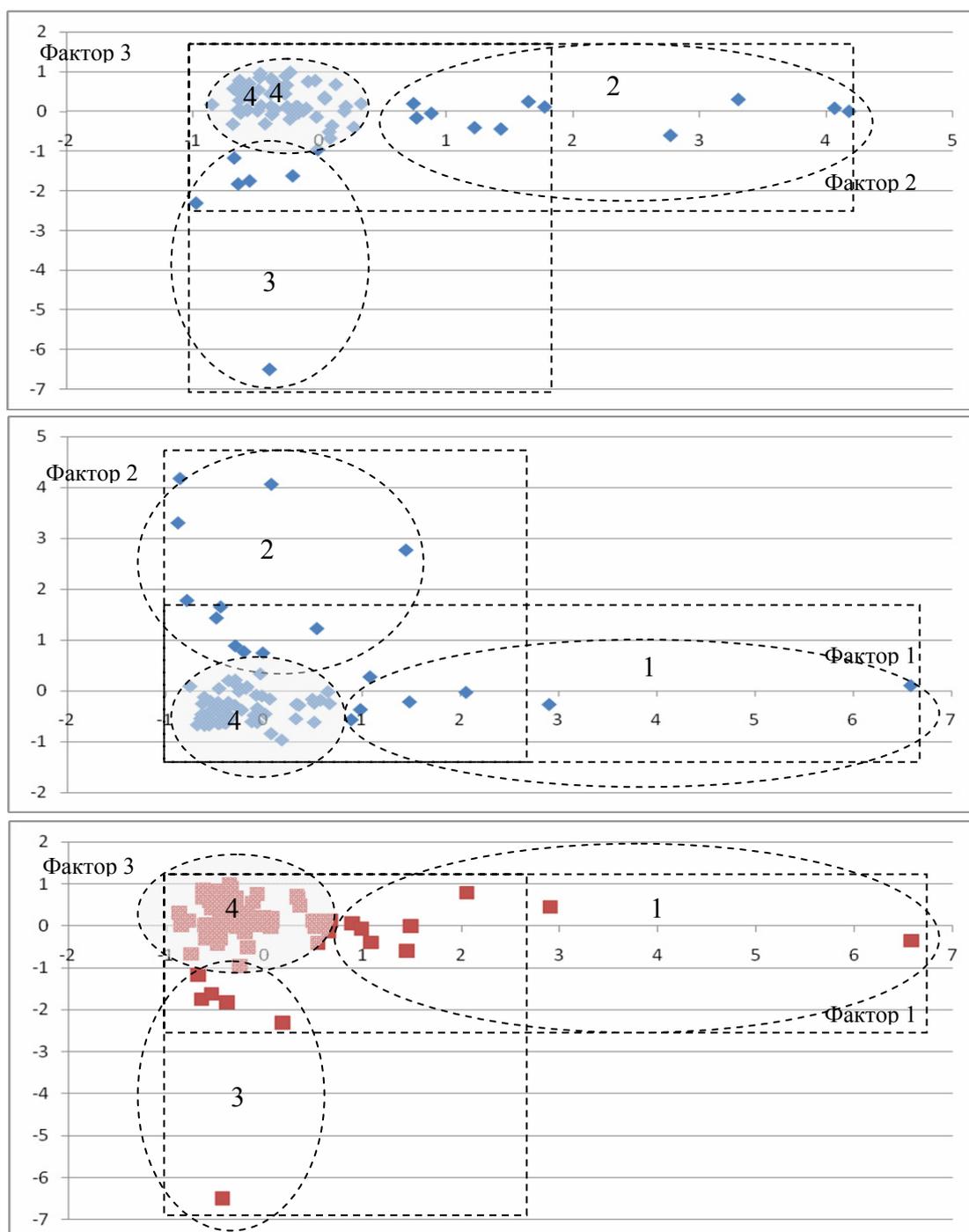


Рисунок 3.1 Группировка регионов

На основе анализа дифференциации регионов выделены 4 кластера:

1. *Развитые регионы* (значимое влияние 1 и 2 факторов): Москва, Санкт-Петербург, Московская и Свердловская области. Близкие к ним значения критерия имеют Красноярский и Краснодарский края, Республика Башкортостан.
2. *Периферийные регионы*, в которых осуществляется крупные промышленные проекты (значимое влияние производственного фактора): Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский и Ханты-Мансийский АО, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Республика Саха. Близкие значения имеют Республика Коми, Тюменская и Мурманская области.
3. *Депрессивные регионы*, которые по многим показателям отстают от среднероссийского уровня (значимое влияние фактора социальной нагрузки) – Республики Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская и Тыва, Республики Калмыкия и Бурятия.

4. *Остальные* периферийные регионы, обладающие специфическими проблемами, выделенные в рамках модели «центр-периферия» как регионы с неуправляемыми (на настоящий момент) факторами развития.

Первые три группы являются целевыми в рамках макроэкономической политики и, собственно говоря, они определяют содержание федеральной политики. Четвертая группа характеризуется отсутствием влияния факторов на распределение. Очевидно, это связано с тем, что действие факторов сглаживается внешним влиянием (глобальных рынков) или наличием специфических внутренних факторов (например, влияние трансформации экономического пространства). Эту группу составляют регионы, обладающие специфическими проблемами. Но именно они и должны формировать повестку региональной политики.

Поэтому необходимо говорить о **региональной политике** в отношении данных проблемных – периферийных приграничных регионов.

Периферия не является однородной массой. И. Валерстайн (1984) ввел понятие «полупериферия», как промежуточного звена между центром и периферией, сочетающего черты последних. Периферия также разделяется на внутреннюю (тесно связанную с центром) и внешнюю (слабое влияние центра), ближнюю и дальнюю и т. д. В экономическом районировании часто применяется понятие «**ядро**», за которое принимается участок таксона, в котором значительно выражены признаки последнего: плотность, интенсивность экономической деятельности (Шарьгин, 2005).

Четвертая группа характеризуется отсутствием влияния факторов на распределение. Очевидно, это связано с тем, что действие факторов сглаживается внешним влиянием (глобальных рынков) или наличием специфических внутренних факторов. Эту группу составляют регионы, обладающие специфическими проблемами, в частности **приграничные**, активно вовлеченные в мировую экономику. Но именно эта группа с ярко выраженной *приграничной функцией* должна формировать повестку региональной политики.

По мнению Т. Лебедевой (2007) расстояние экономического пространства, т. е. транспортные и транзакционные издержки, влияет на его функционирование и является критерием разграничения центра от периферии (помимо характеристик экономического роста, интенсивности экономических связей, мобильности факторов производства).

В соответствии с **моделью «центр-периферия»** и соответствующей политикой централизма в управленческом аспекте **центр (ядро)** является субъектом управления, а **периферия** – объектом управления. **Центр** рассматривается как регион, контролирующий материальные, финансовые и информационные потоки, соответственно применяющий наиболее развитые технологии и производственные процессы с доминированием нематериальных факторов, владеющий более совершенными формами организации труда и формирующий полный цикл: от «идеи – до практики». Он является поставщиком интеллектуальных ресурсов, в нем происходит генерация и внедрение инноваций.

В то же время **периферия** – регион, в котором ощущается недостаток вышеназванных атрибутов, в частности отсутствует полный цикл «знание-практика». Часто такой регион является исключительно поставщиком сырьевых ресурсов. В дальнейшем будем называть его **периферийным регионом**.

В соответствии с рассматриваемой моделью **центр** и **периферия** связаны между собой потоками информации, капитала, товаров, рабочей силы. В этой связи важным шагом в развитии теории размещения производительных сил стали исследования процессов создания и распространения инноваций (диффузии инноваций). Благодаря возможностям своего рынка, ядро (передовой регион с высокой плотностью экономической активности) создает мотивацию для привлечения предприятий и рабочей силы в центр. Стремление уменьшить расходы, связанные с расстоянием, или снижает пространственное «трение» или приводит в движение людей, предприятия и идеи, и таким образом вовлекают менее развитые регионы в национальную систему производства. Мобильность населения повышает конкуренцию за рабочие места в районах с высокой производительностью и снижает ее в районах с низкой производительностью. Данное обстоятельство способствует сближению (**конвергенции**) уровней жизни на территории.

В то же время, согласно теории поляризованного развития, периферия получает импульс от центра благодаря мобильности факторов производства и диффузии инноваций. Такой подход служит хорошим теоретическим основанием колонизации периферии, направленной на выкачивание природных ресурсов. Однако если учитывать иные факторы, например, **внешнего фактора** (международного влияния), культурно-национальные и социальные, то природа неравенства представляется более сложным явлением и требует специальных исследований в русле **региональной экономики**.

К внутренним факторам, помимо институциональных, следует отнести следующие. Исходя из значения факторных нагрузок, помимо экономических показателей для обсуждения проблем развития и неравенства регионов, важнейшее значение имеют «эквивалентные условия жизни», ее уровень и качество.

Привлекательность для проживания выражается, в конечном счете, в т.н. «голосовании ногами». Фактор привлекательности проявляется в изменении миграционных потоков, а также увеличении или уменьшения смертности, болезней, в статистике эксцессов девиантного поведения. Поскольку урбанизация в России еще не завершена, то население по-прежнему стремится в крупные города. Города свыше 100 тыс. жителей сосредоточили половину населения страны и инвестиций, более половины промышленной продукции и оборота розничной торговли. Разрежение внегородского пространства продолжается. Причем разрыв между развитыми (привлекательными для жизни) и неразвитыми регионами увеличивается. Единственный федеральный округ, который уверенно собирает мигрантов со всего российского пространства, Центральный ФО, с абсолютным лидером по данному показателю г. Москва.

Особенность периферии, обусловлена еще также и тем, что заселенность и обустройство территории в России тесно взаимосвязаны. Так, освоенность пространства автодорожной сетью в Европе и США характеризуется высоким значением (соответственно, 1500 км/1000 кв. км, и 682 км/1000 кв. км), в то время как в России – 37 км, т. е. весьма низким значением. По регионам разброс данного параметра чрезвычайно велик (Особенности, 2015).

Если идти от задачи управления и необходимости решения региональных проблем, то становится очевидным, что **объектом** региональной экономики в первую очередь является **периферийный регион**. В то время как в **ядре** решаются проблемы национального уровня и, кроме того, как уже выше договорились, **центр** представляет и конкретизирует собой весь таксон и определяется параметрами целой пространственной единицы.

Задача управления в отношении **ядра**, обладающего безусловной субъектностью, представляется очевидной. В то же время в управленческом аспекте из-за разного рода неопределенностей наибольший интерес представляют периферии, такие как, проблемные, например, депрессивные и приграничные периферийные, регионы. Проблемными считаются такие территории, в которых по экономическим, политическим, социальным, экологическим и иным основаниям перестали действовать условия и стимулы развития (Самарина, 2008). Причем среди всего комплекса проблем, можно выделить два основных типа: экономические и не экономические (геополитические, этнические, экологические), хотя и проблемы, названные не экономическими, теснейшим образом связаны с экономикой региона, являясь и причиной ее, и следствием (Самарина, 2008).

Справедливости ради отметим, что существует критический на простые схемы. Так, согласно теории поляризованного развития, периферия получает импульс от центра благодаря мобильности факторов производства и диффузии инноваций. Такой подход служит хорошим теоретическим основанием колонизации периферии, направленной на выкачивание природных ресурсов. Однако если учитывать иные факторы, например, культурные, национальные, социальные (как это сделано в работе В. Молле (Molle, 1993)), то природа неравенства представляется более сложным явлением и требует специальных исследований в русле **региональной экономики**. А. Гильберт и Дж. Гаглер (Gilbert, 1982) обратили внимание на замкнутость системы «центр-периферия» и недооценку внешнего фактора и внутреннего фактора (бедность и др.) и рациональность поведения субъектов.

В настоящем исследовании подчеркнута важность задачи идентичности периферии и сложной зависимости периферии от центра, которая требует применения разных методик и научных дисциплин (как это полагают Н. Хансен и др. (Hansen et al, 1990)). Так необходимо включать в анализ помимо региональной экономики и такие научные дисциплины, как геополитика, культурология, а также обязательно надо учитывать практику стратегического планирования. Если идти от задачи управления и необходимости решения региональных проблем, то становится очевидным, что **объектом** региональной экономики в первую очередь является **периферийный регион**. В то время как в ядре решаются проблемы национального уровня и, кроме того центр представляет собой весь таксон и определяется параметрами надрегиональной пространственной единицы.

Задача управления в отношении **ядра**, обладающего безусловной субъектностью, представляется очевидной. В то же время в управленческом аспекте наибольший интерес представляют периферии, как проблемные регионы (в которых по экономическим, политическим, социальным, экологическим и иным основаниям перестали действовать условия и стимулы развития (Самарина, 2008)).

Сегодня происходит новое осмысление региона. Новая регионализация создает новые центры экономической деятельности, прокладывает новые маршруты товарных, финансовых и информационных потоков, размывает старые границы и формирует новые. Происходит не только ослабление влияния региональных политических групп в контексте политических реформ в России, но и полная экономическая и проектная подчиненность и потеря субъектности в принятии стратегических решений (разрушение на уровне региона зонтичного принципа управления), в которых теряется региональная сущность и исчезает задача контроля над территорией (за исключением распределения некоторых природных ресурсов). В то же время в качестве *гипотезы*, сформулируем утверждение, что **происходит не столько потеря субъектности, а сколько изменение ее формы (в контексте развития новой экономики и появления новых возможностей на региональном уровне управления).**

Поскольку решающий фактор дифференциации – положение и расстояние в экономическом пространстве, то чрезвычайно велика роль коммуникационных и транспортных сетей и велики транзитные функции и трансакционные издержки. Дифференциация пространства и соответствующая региональная эффективность операций обмена зависят во многом от функционирования **трансакционного сектора экономики**, определяемого качеством институтов.

В это связи важнейшее значение для развития периферий имеет сетевая концепция. Она отталкивается не только и не столько от плотности и расстояния (влияющих на территориальной близости взаимодействующих контрагентов), но сколько учитывает и разобщенность (фактор не прозрачных и неэффективных границ) и институциональный фактор. Новыми объектами исследований стали размещение инноваций, телекоммуникационных и компьютерных систем, развитие инновационных промышленно – технологических комплексов. Акценты смещаются с традиционных факторов размещения (транспортные, материальные, трудовые издержки) сначала на инфраструктурные объекты, а затем и на нематериальные факторы размещения.

Существующий порядок и структура взаимодействий не является продуктом воздействия внешнего мира, а есть продукт деятельности нашего сознания (Чекмарев, 2000). При этом пространственный порядок обретает некоторую форму (пространственную структуру) – явление коллективных действий или иначе самоорганизации. Такая логика рассуждений и заданные контексты общенаучной методологии определяют понятия **«регион»**, за который целесообразно принимать *зону региональных интересов и управленческих действий, а также область непрерывности целевых функций и проектного покрытия экономического пространства в соответствии с теми или иными стратегическими целями в контексте действующих векторов силы и распределения производительных сил.*

Таким образом, **периферийность** рассматриваем как сущностное свойство, возникающее в контексте задачи управления в связи с наличием ряда ограничений, в частности, система управления периферии принимает решения на основе неточной и неполной информации о внешней среде.

**Периферийный регион** – самоопределяющаяся в некоторых внешних и внутренних контекстах территориальная организация, характеризующая определенной субъектностью управления в условиях существенных ограничений, росте экономических рисков в совокупности с институциональными рисками и недостаточностью ресурсов в решении общих и частных проблем региона.

Таким образом, периферийные регионы определены в рамках классификации пространственных **единиц** как менее развитые по критериям социально-экономического развития и выделенные в класс проблемных регионов, идентифицированных в соответствии с учетной номенклатурой (субъекты РФ) или экономическим зонированием.

**Типология регионов** – это классификация регионов, проводимая в соответствии с теми или иными их признаками. Рассмотрим далее типологию периферийных регионов.

В частности в работе (Доклад о мировом развитии, 2009) **предложен** критерий классификации субъектов по расстоянию до крупных мировых рынков и прозрачности границ (доступности рынков). Тогда можно выделить следующие типы регионов:

- расположенные вблизи крупных рынков, тесно вовлеченные в мировой и национальный рынок;
- удаленные от крупных рынков, но включенные в них;
- слабо вовлеченные в мировой или национальный рынок из-за разных факторов, снижающих доступность рынков.

Разовьем эту классификацию в отношении периферийных регионов в рамках модели «центр-периферия». В работе (Север и Арктика, 2010) **периферийность** (как сущность и признак) предложено рассматривать в рамках следующих концепций:

- *Освоенческая* концепция: периферийность возникает как объективное явление, вызванное неравномерностью заселения, удаленностью, слабой инфраструктурной обустроенностью территории. Так в рамках используемой модели Дж. Фридмана классификация предлагается следующей: ядра, растущие районы, пионерные районы нового освоения и депрессивные районы.
- *Рентная* концепция: рента положения или позиционная рента (влияющая на расходы на транспорт, мобильность факторов производства, населения) в силу своего малого значения указывает на периферийность. Например, в рамках концепции сделан вывод об «отрицательной ренте Севера» (Дмитриева, 2005).
- *Управленческая* концепция: периферия характеризуется трудностями и заданными внешним правилами в определении самостоятельной (автономной) политики, трансляционность регионального управления, выраженной в первую очередь в отсутствии внятной позиции (стратегии) у региона.
- *Диффузно-инновационная* концепция: в рамках данной концепции (вследствие «диффузии инноваций» – термин Т. Хагерстранда) периферии предоставляется шанс для развития (Пилясов, 2009).
- *Депривационная* концепция, предлагаемая Е. Дмитриевой (2004): периферия – это пространственная эксклюзия или исключение (выпадение) определенной территории из нормальных условий жизнедеятельности и процесса регионального развития.

По нашему мнению, данная группировка является недостаточной, поскольку не позволяет сфокусироваться на объекте региональной политики. Поскольку понятие «**регион**» означает не просто территорию или ее часть, а было введено именно в контексте управления территорией или как пространственно ограниченная часть, то типология должна носить управленческий контекст, отражая как внешние и внутренние аспекты. Таким образом, **периферийность** рассматриваем как *сущностное свойство, возникающее в контексте задачи управления в связи с наличием ряда ограничений, в частности, система управления периферии принимает решения на основе неточной и неполной информации о внешней среде.*

**Периферийный регион** – самоопределяющаяся в некоторых внешних и внутренних контекстах территориальная организация, характеризующая определенной субъектностью управления в условиях существенных ограничений, росте экономических рисков в совокупности с институциональными рисками и недостаточностью ресурсов в решении общих и частных проблем региона.

По степени рыночных сил, влияющих на концентрацию производств и экономической деятельности или в целом производительных сил, регионы делятся на **передовые** (относящиеся к **центру** или **ядру**) и **отстающие (периферия)**. Передовые регионы имеют высокую экономическую плотность, а отстающие характеризуются удаленностью (географической или институциональной) от зоны высокой плотности экономической деятельности (Доклад о мировом развитии, 2009).

В рамках концепции поляризованного пространства допустимо существование более, чем одного **центра**, а также наличие **ядер**, являющихся центрами групп или «сгустков» пространственных распределений. Они формируют сложную конфигурацию из распределенных в пространстве объектов и определяют явление *поляризации* (в таком понимании применен этот термин в работе (Esteban, 1994)). В зависимости от масштаба эффектов концентрации регионы в поляризованном экономическом пространстве разделим следующим образом:

- **Центр** – *высокоразвитый регион*, обладающий развитым транзакционным сектором экономики и сконцентрировавший большую часть правораспорядительных отношений, определяющих экономический порядок и способ хозяйственного поведения.

- **Ядра** – *высокоразвитые регионы* – регионы с высокой экономической и инновационной активностью и концентрации экономической деятельности, определенные как передовые по критериям социально-экономического развития и выделенные в группу высокоразвитых регионов и инновационных центров, определенные в контексте моделей поляризованного экономического пространства как мегаполисы, агломерации, инновационные зоны.

- **Периферия** – **периферийный регион**, в качестве дефиниции которого воспользуемся скорректированным определением (Stein, 1982): *зависимая территория*, контролирует в основном только свои ресурсы, подвержена сильному влиянию конъюнктуры даже далеких рынков, в той или иной степени может быть изолирована от других периферий, зачастую в меньшей степени содействует коммуникационному потоку внутри территории, «обладает незначительным культурным потенциалом, который фрагментарен и ограничен и не преобладает на политически определенной

территории». *Периферийные регионы* определены в рамках классификации пространственных единиц как менее развитые по критериям социально-экономического развития и выделенные в класс проблемных регионов, идентифицированных в соответствии с учетной номенклатурой (субъекты РФ) или экономическим зонированием.

**Периферийные регионы** могут быть дифференцированы по фактору «расстояние до центра», следующим образом:

- Близкая периферия (*полупериферия*);
- Дальняя периферия;
- Автономная периферия (с ослабленным влиянием центра) вследствие разобщенности по причине:
- Отдаленности от центра из-за недостаточных коммуникационных и транспортных сетей и магистралей;
- Отличий институциональных систем (анклав, свободные и оффшорные экономические зоны и особенности неэкономического происхождения («точечная анклавная провинция», «этнические, конфессиональные изоляты» (Пилясов, 2009));
- Окружение буферными границами или нахождение части территории государства на чужой территории (экслав).

Для оценки причин дифференциации российских регионов рассчитывался индекс периферийности. В результате расчетов были выделены регионы, которые можно отнести к периферийным и для которых выход со своей продукцией на внутренний рынок затруднен. Так, например «индекс периферийности» для Республики Карелия – 141 %, Ленинградской области – 145 %, Мурманской области – 186 % (выше, чем в Западной Сибири), Калининградской – 178 %. Для азиатских приграничных регионов он намного выше – от 188 % для Республики Алтай до 392 % для Хабаровского края (Дружинин, 2005).

### 3.2 КЛАСТЕР ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Приграничные регионы – это территории государства, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями. Они в силу своего геоэкономического положения выступают в качестве проводников экономического сотрудничества соседних стран, при этом их развитие во многом определяется характером экономических и политических взаимоотношений на межгосударственном уровне, а также соотношением контактных и барьерных функций границ. Создание благоприятных условий развития данных территорий является одной из главных целей приграничного сотрудничества. Характер приграничного сотрудничества определяется рядом условий (Межевич, 2012): уровнем развития сотрудничества соседних стран; наличием или отсутствием пограничных проблем; требованиями безопасности государств; уровнем социально-экономического развития приграничных регионов; этнокультурными особенностями приграничных территорий; полномочиями региональных властей в осуществлении международной деятельности; состоянием приграничной инфраструктуры и др.

Общая протяженность государственных границ РФ составляет 60932 км, в том числе 38807 км являются морскими. У 47 одна из границ совпадает с межгосударственной, проходящей по морю, суше или рекам (см. табл. 2.1). При движении на восток от Республики Карелия по приполярным регионам до Чукотки, затем на юг до Еврейской автономной области и далее на запад до Алтайского края плотность населения в приграничных субъектах РФ существенно меньше среднероссийской – 8,4 чел. на кв. км. Исключение составляет Приморский край (11,8 кв. км).

По данным Росстата в 2011 г. плотность населения менее 6 чел. на кв. км (минимальная плотность до 0,1 чел. кв. км – Чукотский автономный округ) составляла в 20 приграничных субъектах, от 11 до 25 чел. на кв. км – в 12 регионах, от 30 до 45 чел. на кв. км – в 6. Наиболее высокая плотность населения от 50 до 120 чел. кв. км была в 8 регионах юго-западной части периметра границ РФ (особенности, 2015). Несмотря на то, что Санкт-Петербургский мегаполис численностью населением имеет плотность населения 3538 чел. на кв. км, в целом приграничный пояс из субъектов РФ относится к наименее заселенной части России. У большей части приграничных субъектов РФ объем валового регионального продукта (ВРП) на душу населения ниже среднего по стране уровня (табл. 3.1).

В таблице 3.2 представлены некоторые данные по группам регионов. Плотность автомобильных дорог показательна с точки зрения готовности территории и ее инфраструктуры для перевозки грузов как основного показателя экономической интеграционной активности (в части физического производства).

Таблица 3.1

## Социально-экономические характеристики приграничных регионов (имеющих границу по суше), 2017 г.

	Площадь территории тыс. кв. км	Численность населения на 1 января 2017 г., тыс. человек	Среднегодовая численность занятых, тыс. человек	Концентрация населения на 1 кв. км.	Концентрация занятых на 1 кв. км.	ВРП в 2015 г., млн руб.	ВРП на душу населения
Российская Федерация	17125	146804	72065	8,6	4,2	64997039	442,7
Белгородская область	27,1	1552,9	756,8	57,3	27,9	686357,0	442,0
Брянская область	34,9	1220,5	540,6	35,0	15,5	269933,3	221,2
Воронежская область	52,2	2335,4	1094,8	44,7	21,0	823133,6	352,5
Курская область	30,0	1122,9	520,6	37,4	17,4	335300,3	298,6
Смоленская область	49,8	953,2	443,9	19,1	8,9	257098,9	269,7
Республика Карелия	180,5	627,1	283,6	3,5	1,6	211133,6	336,7
Калининградская область	15,1	986,3	476,9	65,3	31,6	328760,0	333,3
Ленинградская область	83,9	1791,9	820,2	21,4	9,8	853584,6	476,4
Мурманская область	144,9	757,6	379,8	5,2	2,6	390390,0	515,3
Псковская область	55,4	642,2	291,2	11,6	5,3	132841,8	206,9
Республика Калмыкия	74,7	277,8	112,3	3,7	1,5	47291,7	170,2
Республика Крым	26,1	1912,2	825,4	73,3	31,6	248280,1	129,8
Краснодарский край	75,5	5570,9	2553,2	73,8	33,8	1946759,7	349,5
Астраханская область	49,0	1018,9	473,7	20,8	9,7	320735,0	314,8
Волгоградская область	112,9	2535,2	1147,6	22,5	10,2	735293,1	290,0
Ростовская область	101,0	4231,3	1968,2	41,9	19,5	1171784,1	276,9
Республика Дагестан	50,3	3041,9	1066,8	60,5	21,2	559673,1	184,0
Республика Ингушетия	3,6	480,5	162,3	133,5	45,1	54330,4	113,1
Кабардино-Балкарская Респ.	12,5	864,4	358,9	69,2	28,7	125393,1	145,1
Карачаево-Черкесская Респ.	14,3	466,4	171,7	32,6	12,0	67355,2	144,4
Респ. Север. Осетия – Алания	8,0	703,3	287,2	87,9	35,9	127543,9	181,4
Чеченская Республика	15,6	1414,9	490,0	90,7	31,4	160503,2	113,4
Оренбургская область	123,7	1989,6	935,6	16,1	7,6	774859,0	389,5
Самарская область	53,6	3203,7	1714,3	59,8	32,0	1240319,8	387,2
Саратовская область	101,2	2479,2	1136,9	24,5	11,2	617497,6	249,1
Курганская область	71,5	854,1	348,3	11,9	4,9	179711,8	210,4
Тюменская область (без АО)	160,1	1477,9	762,5	9,2	4,8	900748,8	609,5
Челябинская область	88,5	3502,3	1714,0	39,6	19,4	1170313,5	334,2
Республика Алтай	92,9	217,0	85,0	2,3	0,9	41776,8	192,5
Республика Бурятия	351,3	984,1	391,2	2,8	1,1	204156,2	207,5
Республика Тыва	168,6	318,6	103,2	1,9	0,6	47287,3	148,4
Алтайский край	168,0	2365,7	1017,5	14,1	6,1	492138,9	208,0
Новосибирская область	177,8	2779,5	1338,8	15,6	7,5	980850,5	352,9
Омская область	141,1	1972,7	913,0	14,0	6,5	617184,4	312,9
Приморский край	164,7	1923,1	986,2	11,7	6,0	716650,0	372,7
Хабаровский край	787,6	1333,3	693,9	1,7	0,9	571524,8	428,7
Амурская область	361,9	801,8	395,5	2,2	1,1	276877,1	345,3
Еврейская автоном. область	36,3	164,2	69,7	4,5	1,9	44873,3	273,3
Среднее значение	112,3	1602,0	732,4	32,7	14,1	492901,2	286,5

Таблица 3.2

## Характеристики групп приграничных регионов

		Северо-европейская	Калининградская	Страны СНГ	Кавказская	Азиатская	Чукотская	Североокеанская группа
Плотность автомобильных дорог, км/1000 кв.км.	На российской стороне (исключая Санкт-Петербург)	106	427	136	373	22	0,9	80
	В сопредельной стране	720	1280	247	477	383	670	–
Количество пунктов пропуска		42	15	140	13	52	4	7

Источник: (Особенности, 2015)

Количество пунктов пропуска (здесь учтены все виды пунктов – водные, сухопутные, воздушные, международные и упрощенные) показывает возможность для пересечения границ. Исключительно положение занимает Белоруссия, где пункты пропуска отсутствуют как таковые. Это несколько усложняет сравнение соответствующей группы. Тем не менее, как показывают статистические данные, количество пунктов пропуска самое большое именно в этой группе. Однако это сильно сказывается на показателе «количество поездок». По этой же причине (отсутствие учета пересечения границ) усложняет сравнение регионов, граничащих с Казахстаном. Количество пересечений границ жителями показывает активность и степень мобильности населения соответствующих приграничных регионов и территорий.

Особое положение занимает «Североокеанская» группа. Индикаторы показывают, что на их территории мало предпосылок для развития международных отношений. Это, прежде всего, связано с геополитическим положением этих регионов. Отсутствие сухопутной границы с другими странами сильно затрудняет регулярные контакты между экономическими субъектами и жителями. В то же время «Кавказская» группа имеет высокий показатель плотности автомобильных дорог, однако напряженная геополитическая обстановка сильно сказывается на трансграничном сотрудничестве.

Очевидно, что соседство с развитой экономической системой (в данном случае это сопредельные страны) и благоприятная геополитика являются положительным фактором для развития и сотрудничества приграничных регионов. Использование и реализация такого фактора возможно через создание инфраструктуры трансграничного взаимодействия, как создание условий для облегчения пересечения границ гражданами страны, снижения трансакционных издержек при транспортировке грузов, привлечения иностранных инвестиций, стимулирования создания совместных предприятий.

### **3.3 ВЛИЯНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ЭКОНОМИКУ РЕГИОНОВ**

Либерализация внешнеэкономической деятельности и снижение барьерности границы ведет к росту объемов внешней торговли и увеличению перемещения товаров через границу, что способствует развитию отдельных отраслей промышленности и ухудшает положение других. Движение товаров способствует развитию территории – вкладываются средства в инфраструктуру, возникают и развиваются обслуживающие ее фирмы (Вардомский, 2000, 2010, Толстогузов, 2010, Cooperation, 2001).

Рассмотрим, как на экономику приграничных субъектов оказывает влияние фактор приграничности, который при современных вызовах становится (или нет) дополнительной возможностью для международных интеграционных процессов в развитии регионов.

С одной стороны полагаем справедливым утверждение, что мир становится все более открытым, используя для развития синергию геоэкономического пространства. Статистика и расчеты показывают, что поступательное движение мира основывается на его открытости, так полагают Д. Асемоглу, Д. Робинсон, М. Алварес и др. (цит. по (Мировая, 2014, С. 10)). Особое значение приобретают показатели социально-экономического развития, связанные с географическим положением. Приграничность и периферийность стали играть значительную роль в экономическом развитии в новых условиях. Так считают многие исследователи (см. например, (Вардомский, 2000, 2010, Дружинин, 2005, 2006, 2007, 2012)).

Глобализация уменьшает существующие ограничения на торговлю. Либерализация внешнеэкономической деятельности предоставила российским приграничным регионам новые возможности, которыми смогла воспользоваться часть регионов для снижения спада экономики в 90-х годах (Дружинин, 2012). Так активная внешнеэкономическая деятельность Республики Карелия значительно повлияла на темпы роста и структуру ее экономики. В отдельные годы более 70 % производимой промышленной продукции экспортировалось, а в докризисный 2007 г. экспорт товаров составил 24 % от всего оборота карельской экономики (Приграничное сотрудничество, 2006, 2011).

Также имеются иные сведения. Развитие регионов зависит от их географического положения, и периферийные приграничные регионы развиваются обычно существенно медленнее остальных, лишь при возможности взаимодействия с сопредельными регионами другой страны они могут получить дополнительные возможности. Для них важна активизация приграничного сотрудничества, которое может дать толчок их развитию, уменьшить отставание от центральных регионов (Глазырина, 2010, Рыжова, 2012, Степанова, 2016).

Реформы 90-х годов сильно повлияли на пространственное развитие регионов, ускорив агломерационные процессы (Дворядкина, 2017). С началом экономического роста происходит пространственная концентрация экономической активности, периферийные регионы развиваются заметно медленнее центральных (Буфетова, 2016, Коломак, 2014).

В тоже время для российских регионов существует почти прямо пропорциональная зависимость объема экспорта и суммарного оборота организаций региона, линейная регрессия по кросс-секшн имеет коэффициент корреляции  $R=0.96$ . У регионов с невысоким уровнем развития экономики, имеющим объемы экспорта товаров до 500 млн долл. даже небольшой рост экспорта связан со значительным ростом оборота организаций, при большем объеме экспорта его наращивание существенно меньше влияет на рост оборота организаций.

Для российских приграничных регионов проводился анализ взаимосвязи доли экспорта товаров в обороте организаций и темпов экономического роста в межкризисный период. В 1999 г. зависимости практически нет, но уже в 2000 г. есть прямая зависимость – чем выше доля экспорта, тем выше темпы роста ВРП. В дальнейшем вид зависимости изменился, и за период с 2000 г. можно выделить две закономерности: если доля экспорта превышает 20 %, то существует прямая зависимость, если меньше – зависимость обратная (чем больше доля продаж на российском рынке – тем выше темпы роста экономики региона).

Территориальная глубина сотрудничества может различаться, и трансграничное сотрудничество охватывает приграничное, под которым понимается сотрудничество граничащих друг с другом муниципальных образований разных стран, сопредельное, которое включает сотрудничество граничащих друг с другом регионов разных стран и собственно трансграничное (неконтактное), охватывающее сотрудничество не граничащих друг с другом регионов разных стран. В зависимости от уровня приграничного сотрудничества муниципальных образований предложено несколько эволюционных моделей, описывающих три типа взаимодействия в зависимости от их содержания и интенсивности (Межевич, 2008, Морозова, 2006).

В европейских странах приграничное сотрудничество охватывает ближайшие к границе муниципальные образования, расположенные в пределах 15 км от таможенных пунктов. Но в РФ на таком расстоянии от границы часто отсутствуют поселения и живут только обслуживающие границу сотрудники таможенных и охраняющих границу федеральных служб. В Карелии вблизи международных автомобильных пунктов пропуска (МАПП) есть только одно поселение, еще два – рядом с пунктами упрощенного пропуска (ПУП), но через них идет только экспорт древесины.

К локальным зонам сотрудничества относятся региональная столица (реализуются образовательные, медицинские, гуманитарные и инновационные проекты, осуществляются инвестиции в торговлю и сферу услуг), приграничные муниципалитеты, имеющие МАППы (развивается торговля и сфера услуг) и муниципалитеты, имеющие необходимые для сопредельного региона природные ресурсы (происходит модернизация существующих и строительство новых предприятий на основе современных технологий). Если для развития региональной столицы более важны другие факторы, то для остальных приграничных может стать определяющим фактором. Промышленные и транспортные центры региона, расположенные вдали от границы, меньше интересны для сотрудничества, лишь введение ограничений на экспорт сырья может способствовать развитию в них перерабатывающих производств. Фактически сотрудничество позволяет раскрыть и усилить тот потенциал, который есть у территории, без наличия определенных ресурсов и собственной активности результативность сотрудничества невелика.

Исследования **пространственных процессов** в регионах также выявили концентрацию, причем изменение численности населения муниципалитетов близко к линейному относительно расстояния от столицы региона (Горюнов, 2017). Изменение концентрации зависит от объема локального рынка и активности взаимодействия агентов (Коломак, 2013). Для приграничных регионов, возможно, влияет и доступность внешних рынков. Расчеты на данных РФ показали значимость ограничений для развития приграничных регионов (Рыжова, 2012).

Модели пространственного развития постоянно совершенствуются, предлагаются новые подходы (Krugman, 1991, Ottaviano, 2006, Tervo, 2009). Анализ различных моделей позволяет выбрать для приграничных регионов наиболее подходящие (Изотов, 2013, Украинский, 2011, Шарипов, 2017).

Для оценки влияния приграничного положения на пространственное развитие регионов используется концепция кольцевых структур, в которой выделяются активные зоны, имеющие более современную структуру экономики, более высокую производительность труда и инвестиционную активность (Мартынов, 2000).

Активные зоны имеют развитую инновационную инфраструктуру, образовательные учреждения и относительно высокий уровень менеджмента, что позволяет им ускоренно развиваться и привлекать ресурсы соседних территорий (пассивных зон). В результате на территории активных зон возникают новые предприятия и одновременно старые предприятия с устаревшими технологиями закрываются или выносятся в пассивные зоны, где ниже затраты на производство, прежде всего на оплату труда. Развиваясь, активные зоны постепенно территориально расширяются, меняется структура их экономики, растет доля образования, культуры, сервисных отраслей, информационно-коммуникативных технологий и высокотехнологичных производств.

В рамках концепции кольцевых структур для приграничных регионов дополнительно к столице региона было выделено три типа возможных активных зон на уровне региона – промышленный центр, транспортный центр и центр приграничного сотрудничества (приграничные муниципалитеты, имеющие многосторонние автомобильные пункты пересечения (МАПП) и другую инфраструктуру) (Дружинин, 2012).

Стать активной зоной весь приграничный регион может, но лишь в исключительных случаях, имея значительный потенциал. Приграничные регионы, обычно являются периферийными в стране, но, при определенных условиях они могут активно участвовать во взаимодействии соседних государств, и, формируя трансграничные кластеры, получая необходимые ресурсы от трансграничного сотрудничества, они могут ускоренно развиваться, взаимодействуя с прилегающими к ним глубинными регионами.

Исследование рассматривает сопредельные Карелию и Финляндию, имеющие давние экономические и культурные связи, которые активизировались в 90-х годах. Финляндия и Карелия имеют одинаковые природные ресурсы, соответственно и схожесть структуры экономики. По площади Финляндия примерно на 4/5 больше – 338.4 тыс. кв. км, Карелия – 180.5 тыс. кв. км.

На территории Карелии выделяется 18 муниципалитетов, из которых 7 приграничных. На территории Финляндии выделяется 19 регионов (6 приграничных с РФ) и 70 субрегионов (10 приграничных с РФ). Анализируется влияние на приграничные территории и в целом на пространственное развитие Финляндии и Карелии распада СССР, российских реформ и вступления Финляндии в ЕС, которое повлияло также и на Карелию.

Проводится отдельно анализ развития финских регионов и субрегионов и карельских муниципалитетов, выявляются активные зоны, рассматриваются тенденции изменения показателей. Исследование основано на динамике численности населения, также используются данные по валовому региональному продукту (ВРП) и занятости и производные показатели, характеризующие эффективность экономики.

Для анализа влияния приграничного положения для Карелии отдельно изучаются приграничные и внутренние муниципалитеты, для Финляндии выделяется три группы субрегионов – восточные (приграничные с РФ), западные (приморские вдоль Ботнического залива, приграничные с Швецией) и внутренние (центральные и южные). При их анализе учитывалась обеспеченность ресурсами и необходимой инфраструктурой.

На полученных статистических данных Финляндии и Республики Карелия строились и анализировались графики численности населения и других показателей, было проведено сравнение динамики численности населения, занятости населения и других показателей приграничных и внутренних территорий. Анализировалось влияние эффективности экономики территорий на динамику численности населения, есть ли зависимость динамики численности населения от ВРП на душу населения (или производительности труда в промышленности).

На основе проведенного анализа выделялись активные зоны с развивающейся экономикой, развитой системой образования, обычно наличием университетов, и, как правило, ростом численности населения, центральная в столице и кольцевые. Затем строились регрессионные уравнения для выявления зависимостей пространственного развития в Финляндии и в Карелии. Рост численности населения относительно начала периода рассматривался в зависимости от расстояния от активной зоны (в Финляндии – Хельсинки, в Карелии – Петрозаводск), в качестве дополнительных факторов вводились фиктивные переменные, отражающие является ли данная территория кольцевой активной зоной, и граничит ли она с кольцевой активной зоной. Кроме линейной функции использовались гипербола и мультипликативная.

$$N_i = A + B \times R_i + C_j \times p_i + D_j \times q_i \quad (1)$$

$$N_i = A + \frac{B}{R_i} + C_j \times p_i + D_j \times q_i \quad (2)$$

$$N_i = A \times R_i^\alpha \exp(C_j \times p_i + D_j \times q_i) \quad (3)$$

где:  $N_i$  – изменение численности населения (занятости) муниципалитета (субрегиона)  $i$ ;  $R_i$  – расстояние до центральной активной зоны;  $p_i = 1$ , если муниципалитет (субрегион)  $i$  является активной зоной  $j$ , иначе  $p_i = 0$ ;  $q_i = 1$ , если муниципалитет (субрегион)  $i$  граничит с активной зоной  $j$ , иначе  $q_i = 0$ ;  $A$ ,  $B$ ,  $C$ ,  $D$ ,  $\alpha$  – константы. Также проводились расчеты без фиктивных переменных, в этом случае рассматривалось расстояние до ближайшей активной зоны (Дружинин, 2017).

Для Карелии рассматривался период 1970–2017 гг., и выделялись различные подпериоды в зависимости от ограничений на внешние связи республики. Для Финляндии период 1972–2016 гг. разбивался на два подпериода, и определялся год, когда начали меняться сложившиеся тенденции пространственного развития.

В ходе расчетов анализировались получаемые результаты, и уточнялась модель, что позволило оценить влияние активных зон на пассивные, выявить условия положительного или отрицательного влияния, выделить факторы, влияющие на развитие пассивных зон.

Выбор численности населения и занятости населения для расчетов связан с тем, что по данным показателям можно получить достаточно длинные временные ряды, не зависящие от колебаний цен, смены валют и инфляции. Также для Карелии обобщенные показатели производства на уровне муниципалитетов отсутствуют, есть лишь отраслевые показатели (промышленное производство), но структура экономики муниципальных образований сильно различается в республике и сравнивать их сложно.

Данные для проведения исследований по Республике Карелия (численность населения, ВРП, оборот организаций, численность занятых) были получены из данных Росстата и Карелиястата. Точность динамических рядов по численности населения обеспечивается переписями населения 2002 г. и 2010 г.

Численность населения Республики Карелия и практически всех муниципалитетов падает с 1990 г., с 1999 г. начался экономический рост, но с 2008 г. этот рост остановился.

Данные для исследований по Финляндии были взяты из статистических ежегодников Статистического управления Финляндии (Statistical, 2015). Население Финляндии растет, хотя прирост постепенно уменьшается. Экономика Финляндии быстро росла, но спад, начавшийся в 2009 г., до сих пор не преодолен.

В 70-х и 80-х годах экономика Карелии успешно развивалась, росли промышленные центры, увеличивалась численность населения. Государство вкладывало инвестиции в промышленные предприятия, для развития предприятий требовался новый персонал, а значит и рост населения. Росли города вдоль железной дороги, и был построен новый металлургический завод и город Костомукша. До начала рыночных реформ роль активных зон в Карелии играли именно промышленные центры. Для Республики Карелия перелом тенденция связан с началом рыночных реформ, примерно с 1990 г. начался спад экономики, снижение численности населения.

Либерализация и снижение барьерности границы привело к тому, что приграничное положение стало оказывать положительное влияние на развитие экономики Карелии, стала усиливаться роль приграничных муниципалитетов, обеспеченных необходимой транспортной и таможенной инфраструктурой. Карелия – северный периферийный северный регион, как и во всех подобных регионах, в Карелии быстро сокращается численность населения, но численность населения столицы региона – Петрозаводска за годы реформ не изменилась. В 90-х годах минимальное падение численности населения было также в двух приграничных городах (Костомукша, Сортавала), вблизи которых были построены МАПП. В Сортавале и Костомукше были созданы филиалы Петрозаводского университета, успешно развивался малый бизнес. В то же время приграничное положение при отсутствии необходимой инфраструктуры никак не влияло на динамику численности населения в остальных пяти приграничных муниципалитетах.

В 2000-х годах стала немного расширяться центральная активная зона, заметно замедлилось снижение численности населения вблизи Петрозаводска и ускорилось в периферийных муниципалитетах. Центральная активная зона втягивает ресурсы из пассивных зон, и постепенно расширяется территориально, уже положительно влияя на ближайшие муниципалитеты.

Для построения графиков и их анализа рассматривались данные по 18 муниципальным образованиям Карелии по динамике занятости и численности населения и расстояния между центрами муниципалитетов по действующей дорожной сети. Для центра каждого муниципалитета определялось расстояние до г. Петрозаводск и наличие границ с Сортавалой и Костомукшей. Фактически преобразуется система кольцевых активных зон приграничного региона.

Анализ графиков показал, что существует зависимость изменения численности населения муниципалитетов в зависимости от расстояния от активной зоны, величина изменения численности населения за 1991–2018 гг. зависела от этого расстояния (рис. 3.2). Развитие пассивных зон определяется их расстоянием от активных зон. До 1990 г. данная зависимость выглядела иначе.

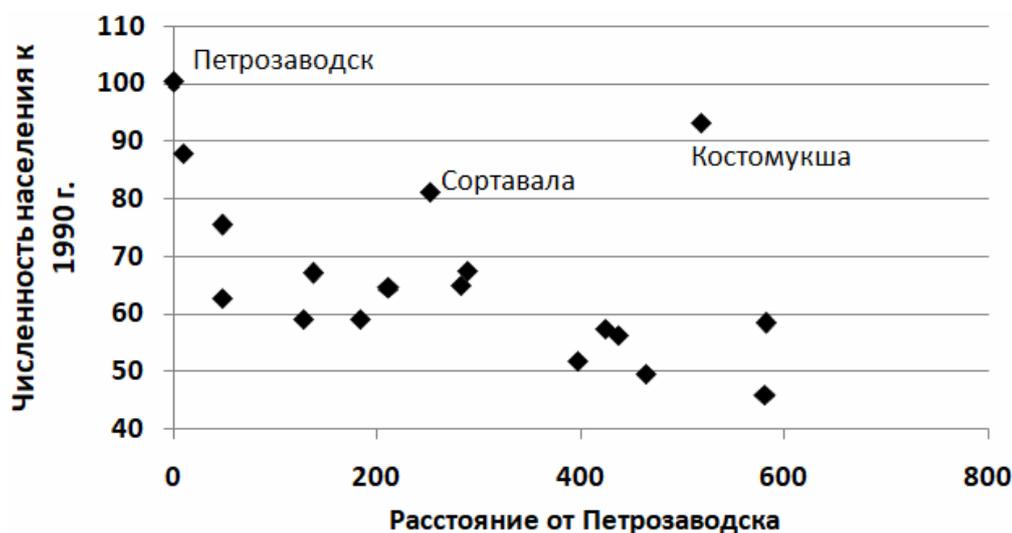


Рисунок 3.2 Зависимость изменения численности населения (% к 1990 г.) от расстояния от столицы региона (км)

На основе анализа развития муниципальных образований Республики Карелия выявлены закономерности пространственного развития. По результатам данного анализа было построено линейное уравнение, которое показывает, что в среднем при удалении на каждые 33 км от Петрозаводска величина падения численности населения за 1991-2018 гг. увеличивается на 1 процентный пункт. Близкая, но немного иная картина получается и для графика динамики занятости населения.

Проведенные по муниципалитетам анализ показал, что переток населения лишь частично зависит от эффективности экономики муниципалитета, которая оценивалась по уровню производительности труда в промышленности. Из наименее эффективных муниципалитетов происходит переток в более эффективные, но из части наиболее эффективных муниципалитетов происходил переток населения в менее эффективные, но имеющие более прогрессивную структуру экономики и более развитую систему образования.

Для финских регионов и субрегионов также проводился анализ графиков, который показал, что, скорее всего, на изменение тенденций пространственного развития повлияли не события в СССР и РФ, с которыми была тесно связана экономика Финляндии, а вступление в ЕС. В середине 90-х началась активная дивергенция, регионы, развитие которых не сильно отставало от средних по стране, начали быстро терять население. Из 19 регионов лишь пять развивались быстрее, чем страна в целом.

Развивающиеся регионы не изменили своих тенденций, а большинство регионов, численность населения которых медленно возрастала или убывала, изменили – численность населения стала относительно быстро снижаться. Значит, вступление в ЕС, возможно, оказало большее влияние на регионализацию, чем предполагается. До вступления в ЕС Финляндия уже была членом ЕАСТ, что давало ей полную свободу торговли с ЕС, она в какой-то степени и так уже была глубоко интегрирована в европейскую экономику. Но видимо членство в ЕАСТ слабо влияло на менее развитые регионы, которые оставались ориентированными на финский рынок, на котором было не так много товаров из ЕС. Кроме того, ЕС пытался стимулировать развитие отстающих регионов через специальные программы, в частности Интеррег и поддержки фермеров. Но видимо эффект от этих программ был невелик.

К восточным приграничным субрегионам относится 12 субрегионов. Граничащие с РФ регионы наименее развитые и медленно развивающиеся. Вступление в ЕС ухудшило их развитие. До 1995 г. из 12 субрегионов в шести снижалась численность населения, а в пяти – росла. После 1995 г. лишь в двух медленно росло население, а в остальных снижалось, причем в четырех очень быстро. Динамика численности населения в 11 субрегионах ухудшилась, лишь Котка-Хамина, находящаяся на трассе между Хельсинки и Санкт-Петербургом, улучшила динамику показателей. Йоэнсуу и Лаппиенранта сохранили рост

численности населения, но он сильно замедлился. В итоге, можно сказать, что вступление в ЕС отрицательно повлияло на приграничные территории, активная приграничная политика в Финляндии, с привлечением средств ЕС, слабо влияла после 1995 г. на приграничные финские регионы. В Финляндии активизация внешних связей с РФ оказала временный положительный эффект на приграничные регионы.

Относительно более развитые регионы, с более высоким ВВП на душу населения, с более высокими среднедушевыми доходами населения получают малый эффект, а менее развитые – большой. Для российских регионов, граничащих с Китаем, это не стало положительным фактором развития, а в Китае вблизи границы с РФ выросли города, ориентированные на российский рынок. И в Финляндии либеральные реформы в РФ и открытие границы не оказали заметного влияния на динамику населения финских регионов, несмотря на миграцию из РФ в основном в приграничные регионы. Для финляндских регионов было значимо вступление в ЕС, которое стало влиять на пространственное развитие страны.

Для западных субрегионов показатели ухудшились, но ненамного. До 1995 г. быстрее, чем в Финляндии в целом росла численность населения у 8 субрегионов, после – лишь у пяти. Динамика численности населения центральных и южных также немного изменилась. До 1995 г. лишь у пяти субрегионов численность населения росла быстрее, чем в Финляндии в целом, после – у семи. В целом, после 1995 г. ускорился процесс концентрации населения. Рост населения Финляндии замедлился, поэтому замедление произошло в большинстве регионов и субрегионов, в т.ч. и в центральных и южных, но относительно показателей Финляндии в целом ситуация для них улучшилась.

Анализировалась связь изменения численности населения и производительности труда в 2000-2015 гг. Почти все субрегионы с производительностью труда менее 40 тыс. евро в 2000 г. теряли население, более 2/3 субрегионов с производительностью труда от 40 до 51 тыс. евро привлекали население, но из 13 субрегионов с более высокой производительностью труда (более 51 тыс. евро) лишь в шести численность населения росла.

В Финляндии после 1995 г. активизировался процесс концентрации населения, кроме центральной активной зоны (Хельсинки) развиваются ближайшие кольцевые активные зоны – Турку, Тампере и Ювяскюля, более отдаленные – Вааса, Коккола, Куопио и Йюэнсуу, и дальние кольцевые активные зоны – Оулу и Рованиemi. Они оказывали влияние на соседние ними субрегионы. Значит, в уравнении надо учитывать расстояние от Хельсинки и наличие вблизи кольцевой активной зоны, которая какие-то ресурсы забирает, а какие-то отдает. Соответственно численность населения и занятых расположенных рядом с активной зоной субрегионов может расти, а может и убывать.

На рис. 3.3 видно, что зависимость численности населения субрегионов за 1995–2016 гг. в зависимости от расстояния от Хельсинки существует, и на нее влияют ближайшие активные зоны. На графике выделяются две цепочки точек, большинство субрегионов в нижней, в верхней активные зоны и часть граничащих с ними субрегионов. До 1995 г. данная зависимость проявлялась слабо.

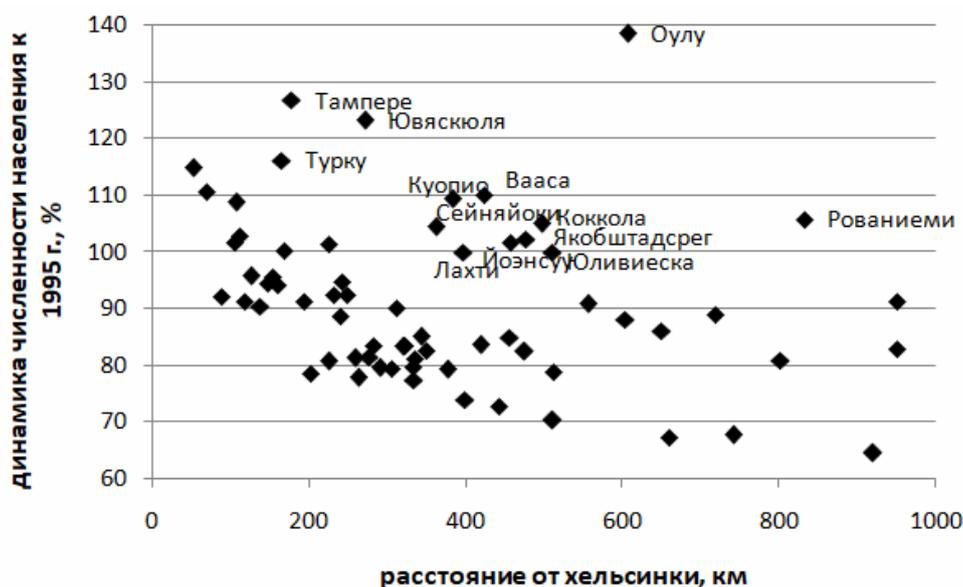


Рисунок 3.3 Изменение численности населения субрегионов за 1995–2016 гг. в зависимости от расстояния от Хельсинки по автодороге (км)

Было выделено 9 активных зон, из них самое большое отклонение от общей тенденции у инновационного центра Оулу, наименьшее отклонение у приграничного Йоэнсуу. Все активные зоны влияют на своих соседей, привлекая население из ближайших субрегионов к себе или наоборот, привлекая население в эти субрегионы из других. Положительно влияют на соседей южные и западные субрегионы (Хельсинки, Тампере, Турку, Вааса, Коккола), отрицательно – восточные и центральные (Оулу, Куопио, Ювяскюля и Йоэнсуу). Значимость полученных оценок для соседства с Оулу, Тампере, Турку и Куопио оказалась невелика, и они были исключены.

На примере Карелии и Финляндии рассматривалось пространственное развитие приграничных территорий, активно использовавших появившиеся в 90-х годах новые возможности. Показано, что изменение их пространственного развития произошло под влиянием начала рыночных реформ в РФ и вступления Финляндии в ЕС.

Внутри приграничных регионов происходят заметные пространственные изменения. При активизации трансграничного сотрудничества активными зонами в РФ вместо индустриальных муниципальных образований становятся приграничные муниципальные образования, имеющие необходимую таможенную и транспортную инфраструктуру.

В РФ федеральная политика по отношению к приграничным регионам достаточно пассивна, и особенно в последние годы создает дополнительные барьеры для их развития. В то же время поддержка взаимодействия с сопредельными государствами, возможно, могла бы ускорить развитие, как приграничных регионов, так и соседних глубинных регионов.

Следующий важный фактор – **развитие национальной экономики**. С одной стороны значимым является экономическое развитие регионов сопредельных государств, с другой в системе региональных коммуникаций это не столь очевидно (см. таблицу 3.4).

Таблица 3.4

#### Уровень развития сопредельных стран

Страна	Объем ВВП на душу населения (по ППС) в долларах США	Объем ВВП по ППС в млн долларов США	Приграничные регионы России
Норвегия	69 300	364 700	Мурманская область
США	57 300	18 560 000	Магаданская область
Финляндия	41 800	230 000	Республика Карелия, Мурманская область, Ленинградская область, Санкт-Петербург
Япония	38 900	4 932 000	Сахалинская область, Приморский край
Литва	29 900	85 790	Калининградская область
Эстония	29 500	38 700	Ленинградская область, Псковская область
Польша	27 700	1 052 000	Калининградская область
Казахстан	25 700	460 700	Республика Алтай, Алтайский край, Новосибирская область, Омская область, Тюменская область, Курганская область, Челябинская область, Оренбургская область, Самарская область, Саратовская область, Волгоградская область, Астраханская область
Латвия	25 700	50 870	Псковская область
Турция	21 100	1 670 000	Псковская область
Иран	18 100	1 459 000	Астраханская область (МГ), Республика Дагестан
Азербайджан	17 700	167 900	Республика Дагестан
Беларусь	17 500	165 400	Псковская область, Смоленская область, Брянская область
Китай	15 400	21 270 000	Приморский край, Еврейская автономная область, Амурская область, Забайкальский край, Хабаровский край
Монголия	12 200	36 650	Республика Бурятия, Забайкальский край, Республика Тыва, Республика Алтай
Грузия	10 100	37 380	Краснодарский край, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская республика, Республика Дагестан
Украина	8 200	349 800	Воронежская область, Белгородская область, Курская область, Ростовская область, Брянская область

Близость экономически технологически передового ЕС к России оказала собой определенный стимул для развития приграничных регионов страны. Например, близость приграничных регионов к Финляндии. В соответствии с «Торгово-экономической стратегией Финляндии по отношению к Рос-

сии» Россия стала «основным двигателем экономического роста Финляндии», а сама Финляндия позиционировала себя как посредник между российским и европейским бизнесом. В тоже время в системе международного разделения труда сложилась определенная ситуация: Россия поставляет сырье, а Финляндия развивает рынок новых технологий. Так финские лесопромышленники после открытия границ активизировали экспансию на территорию России, поначалу скупали лесозаготовительные компании, получая заодно и леса, находящиеся у компаний в аренде. Например, Stora Enso стала владельцем тихвинской компании «Русский лес», Metsaliitto Group приобрела подпорожский «Прогресс», UPM-Kymmene купила Тихвинский комплексный леспромхоз. По оценке Лесопромышленной конфедерации, сегодня в аренде у аффилированных с североамериканскими лесопромышленными корпорациями лиц находится около 40 % лесных территорий Ленинградской области.

Курс российского правительства на углубление переработки древесины инициирует развитие не только заготавливающих, но и перерабатывающих предприятий. К примеру, одним из крупнейших инвестиционных проектов в ЛПК Республике Карелия стало строительство корпорацией Stora Enso лесопильного завода в Импилахти. Стоит упомянуть привлечение кредитов Всемирного Банка и Нордик Банка на реконструкцию котла на ЦБЗ в Питкяранта. Финские компании Metsaliitto, UPM-Kymmene, Stora Enso также планировали увеличить мощности дочерних компаний в российских регионах.

Действительно, в СЗФО в соответствии со стратегией развития западных корпораций вслед за активизацией внешней торговли начал осуществляться трансферт технологий и перенос некоторых производств. Например, в Карелии осуществился трансферт технологий и перенос некоторых производств на территорию республики: в частности, технологий лесовосстановления и лесозаготовок, первичной деревообработки, технологий использования вторичных ресурсов (топливные брикеты), создание сборочных производств (сборка электронного оборудования) и других явлений, составляющих процесс «диффузии инноваций». В сравнении с Финляндией наблюдается следующая динамика: производительность труда в ЛПК сегодня 1:8 (в пользу соседей), в то время как в 90-е годы было 1:15. Это связано с продолжающимся внедрением сортиментной технологии заготовки древесины. При этом наблюдается тенденция постепенного перехода лесной промышленности к экспорту продукции глубокой переработки. Именно с диффузией инноваций связано изменение структуры экспорта.

Россия – одна из немногих стран Европы, где ряд приграничных областей отстает в развитии по сравнению с общенациональным уровнем, то сложившееся противоречие (точнее его устранение) между функциональной ролью приграничных территорий как моста интеграции и их проблемным состоянием, по сути, является важной частью региональной политики, ее особенным элементом, направленным на стимулирование и координацию приграничных территорий в контексте интеграции и обеспечения экономической безопасности страны. Средний уровень качества жизни в приграничных территориях северо-запада России примерно в 8 раз ниже, чем в соседних регионах Северной Европы. Недостаточное (по сравнению с сопредельными территориями) развитие транспортной, приграничной и таможенной инфраструктуры, коммуникаций и наличие социально-экономических проблем, как отмечает Н.Межевич (2006) увеличивают издержки и ухудшают транспарентность границ для товарных потоков.

Экономические эффекты от закрытия и открытия границ представляются асимметричными (негативный эффект от закрытия больше положительного эффекта от открытия). Закрытые границы сжимают географический размер рынков, доступных фирмам, и могут снизить спрос на их услуги и товары ниже критического уровня, необходимого для устойчивого функционирования (Christaller, 1933).

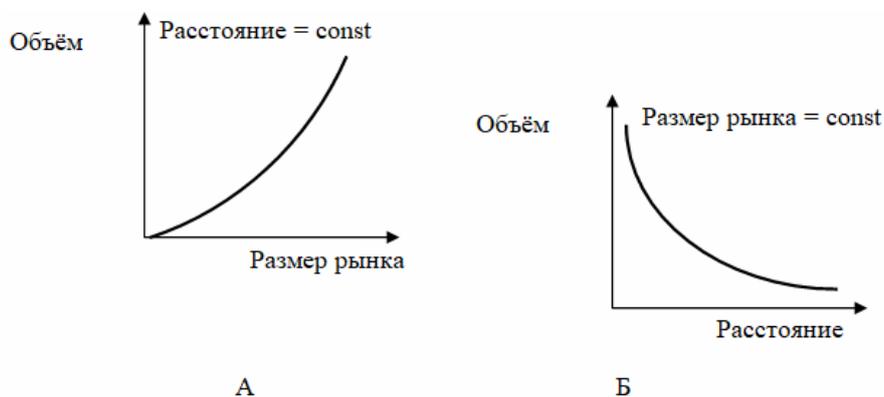
Поэтому установление границ заставляет фирмы отказываться от размещения в приграничных регионах (Hansen, 1977; Hoover, 1963). Это означает, что в закрытых экономиках города у внешних национальных границ меньше размером, чем могли бы быть, если бы границы не были закрыты. Таким образом, приграничные регионы в закрытых экономиках могут быть охарактеризованы как зоны низкой привлекательности из-за неблагоприятных условий, связанных с ограниченным спросом, что в конечном итоге подрывает их воспроизводственную базу (Dimitrov, 2003).

По вопросу эффекта от закрытия границы на пространственное распределение экономической активности в научной литературе сложилось однозначное мнение. Вместе с тем, по вопросу пространственно-экономических процессов, возникающих при снятии пограничных барьеров, столь же единодушного мнения нет. Снижение транзакционных издержек при трансграничных операциях увеличивает доступность рынков по обе стороны границы, создаёт новые возможности для развития бизнеса в приграничных регионах и тем самым увеличивает их привлекательность для предпринимате-

лей (Brülhart, 2004). Однако, эффект может быть различным по разные стороны границы. Ряд исследователей утверждает, что регионы с меньшим размером рынка как правило получают большую выгоду от интеграционных процессов (McCallum, 1995; Hanson, 1998; Hanson, 1996; Resmini, 2003; Damijan, 2002). Эффект – как положительный, так и отрицательный – варьируется в зависимости от уровня развития приграничного региона. Более развитые регионы получают выгоду от притока трудовых мигрантов, расширения экспорта, а также являются источником трансграничных инвестиций. Негативные последствия от открытия границы для таких регионов могут быть связаны с иммиграционным давлением на рынок труда, переносом компаниями производственных мощностей за границу и усилением конкуренции в низкотехнологичных и/или низкочастотных отраслях (Topaloglu, 2006). Положительный эффект для менее развитых приграничных регионов заключается в привлечении трансграничных инвестиций и расширении возможностей для экспорта продукции базовых отраслей (в случае благоприятных условий).

В работе Г. Петракоса (2005) подтверждается вывод о том, что приграничные регионы на внешних границах ЕС относятся к числу наименее развитых. Интенсивность трансграничного экономического взаимодействия этих регионов с соседями находится на сравнительно низком уровне. Несмотря на то, что международная торговля и трансграничные инвестиции по оси Восток-Запад многократно увеличились с начала 1990-х годов, приграничные регионы на внешних границах ЕС участвуют в данных процессах в качестве второстепенных партнёров. Существующая структура трансграничного взаимодействия приводит к «туннельному эффекту», усугубляя периферийное положение приграничных регионов Европы.

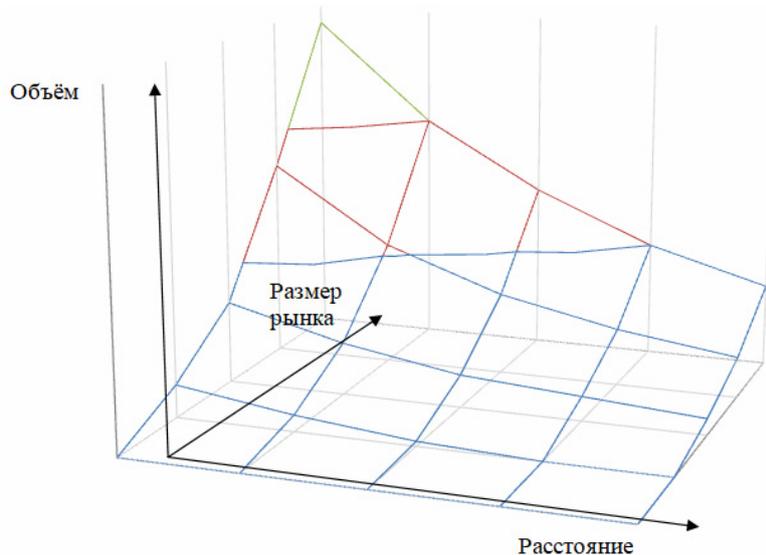
Эмпирические данные свидетельствуют, что интенсивность торговых и инвестиционных трансграничных связей зависит от степени институциональной и географической близости к ключевым рынкам Европейского Союза. Г. Петракос и Л. Топалоглу (2005) исследовали пространственные факторы трансграничного взаимодействия на микроуровне, используя в качестве методологической основы концепцию новой экономической географии. Исследование показало, что расстояние и размер рынка являются важными детерминантами трансграничного торгового и инвестиционного взаимодействия. Объём торговых и инвестиционных потоков больше там, где больше размер рынка и меньше расстояние. Действие данных факторов можно проиллюстрировать графически (рис. 3.4).



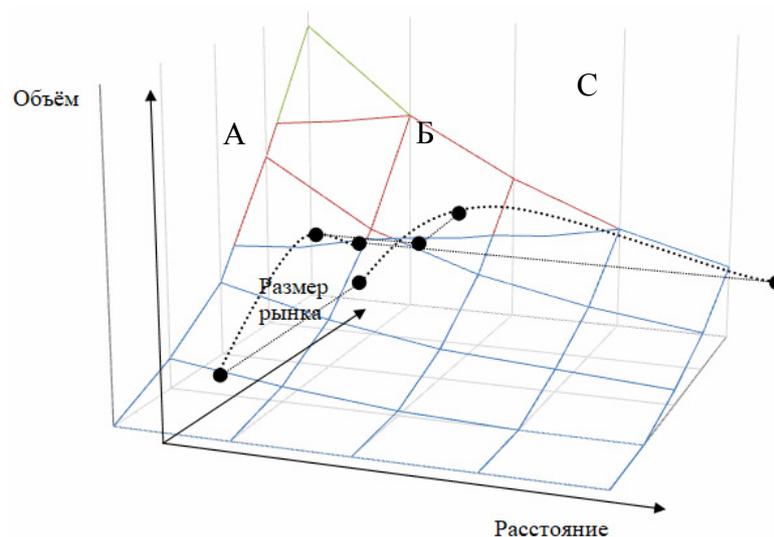
**Рисунок 3.4** Зависимость объема трансграничного взаимодействия от размера рынка (А) и расстояния от центра (Б)

Совместное действие двух факторов – размера рынка и расстояния – можно проиллюстрировать с помощью трёхмерного графика (рис. 3.5). Эмпирические данные, полученные Г. Петракосом и Л. Топалоглу (2005), показали, что в наибольшем объёме в трансграничное взаимодействие вовлечены крупные города на умеренном расстоянии от границы, в меньшем – малые города в непосредственной близости от границы и крупнейшие в стране города. На основании данного факта ими был сделан вывод о нелинейном характере зависимости между двумя рассматриваемыми факторами и объёмом трансграничного взаимодействия. По нашему мнению, данное утверждение следует уточнить.

Зависимость между каждым отдельным фактором и объёмом трансграничного взаимодействия линейная (см. рис. 3.5), а «эмпирическую» нелинейность можно обнаружить, если рассматривать ограниченный ряд отдельных значений пар факторов и соответствующих им объёмов трансграничного взаимодействия. Так, например, приведённые выше эмпирические данные могут быть объяснены с помощью линейных зависимостей (рис. 3.6).



**Рисунок 3.5** Совместное действие двух факторов – размера рынка и расстояния



**Рисунок 3.6.** А – малый приграничный город; В – крупный город на умеренном расстоянии от границы; С – столица

В целом, эмпирические наблюдения показали, что доминирующий характер трансграничного взаимодействия сложился таким образом, что периферийные города вблизи границ участвуют в нём в сравнительно небольшом объёме и, соответственно, получают наименьшие выгоды от трансграничной торговли и инвестиций, что способствует поляризации пространства.

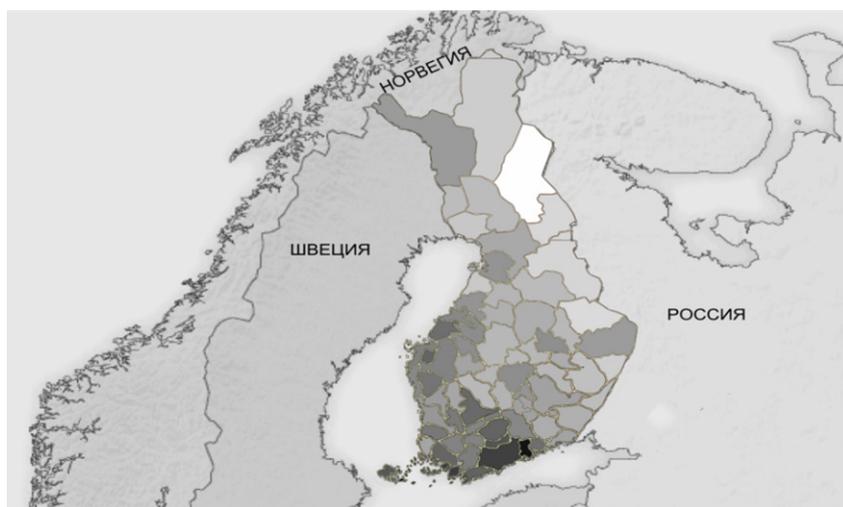
Таким образом, несмотря на то, что границы перестали быть «железным занавесом», они продолжают разделять национальные экономические системы, различающиеся по уровню развития, структуре и прочим характеристикам.

Государственная граница, как правило, разделяет две экономические системы, обладающие различным потенциалом. Потенциал экономической системы при этом является не одномерной величиной: можно выделить весьма широкий набор характеристик, определяющий потенциал системы в различных сферах – финансовый потенциал, трудовые ресурсы, природные ресурсы, интеллектуальный капитал, технологии. Разности потенциалов в тех или иных сферах между двумя соседними государствами неизбежно приводят к стремлению к их перетоку через границу (Тарасов, 2009). Там где разность потенциалов значительна, как, например, на границе между Россией и Финляндией, можно ожидать соответствующий значительный переток.

На территории субъектов федерации, граничащих с Финляндией, действует более десяти многосторонних пунктов пропуска, многие из которых функционируют в круглосуточном режиме. Официальные лица Финляндии являются в Евросоюзе самыми активными сторонниками отмены визового режима с Россией. В Северной Карелии – регионе Финляндии, граничащего с Россией – обсуждается вопрос о придании русскому языку статуса официального. В Республике Карелия по различным оценкам более 90 % лесозаготовок переведено на технологию заготовки древесины с помощью харвестеров и форвардеров, пришедшей в Россию с финской стороны. Данные факты свидетельствуют об активном трансграничном сотрудничестве России и Финляндии, их взаимопроникновении в различных сферах.

Большинство приграничных регионов в России относятся к категории периферийных, поскольку, как правило, чем регион ближе к внешним границам, тем он дальше от крупных экономических центров. Такое размещение производительных сил относим к наследию советской эпохи, поскольку данная закономерность в целом характерна для закрытых экономик (Пилясов, 2011, с. 19). На границе с Финляндией к российским периферийным регионам можно отнести Республику Карелия и Мурманскую область. Ленинградскую область, также занимающую приграничное положение, к периферийным не относим в силу её непосредственной близости ко второму по величине экономическому центру России – Санкт-Петербургу. На территории Финляндии общую границу с Россией имеют десять административных районов уровня LAU-1<sup>1</sup>, в официальной статистике и экономической литературе Финляндии именуемые «экономическими регионами», или «суб-регионами». Степень различия экономических регионов Финляндии по признаку периферийности в целом меньше, чем в России, в силу большей пространственной распределённости экономической активности; однако, согласно общепризнанным результатам исследований, периферийность финляндских регионов возрастает по мере движения с юго-запада на северо-восток (см. (Suorsa, 2007)).

Рассмотрим, как влияет приграничное положение на социально-экономическое положение региона в Финляндии. Статистические данные, представляющие интерес для нашего исследования, в разрезе экономических регионов Финляндии доступны только по показателю «доходы домохозяйств» (данные Statistics Finland // URL: <http://www.stat.fi>). Исследуемым периодом был принят 1995–2009 гг. Поскольку нашей целью является сравнительный анализ финляндских регионов по данному показателю без международных сопоставлений, то временные ряды данных были очищены от общенационального тренда. Для каждого экономического региона Финляндии был вычислен ряд значений среднего дохода одного домохозяйства в регионе, отнесённого к среднему значению в целом по стране в соответствующем году. Таким образом, были получены ряды статистических данных, демонстрирующие как изменялись доходы домохозяйств в регионе относительно среднего общенационального уровня. Результаты расчётов проиллюстрированы на карте (рис. 3.7): тёмным оттенком обозначены регионы с положительной динамикой изменения доходов домохозяйств относительно общенационального уровня, светлым оттенком обозначены регионы с отрицательной динамикой (то есть с течением времени всё больше отстающие от общенационального уровня).



*Рисунок 3.7 Динамика доходов домохозяйств в Финляндии в 1995–2009 гг. (источник – Statistics Finland). Тёмный оттенок – динамика лучше среднего, светлый оттенок – динамика хуже среднего.*

<sup>1</sup> LAU – *англ.* Local Administrative Unit, *рус.* местная административная единица. Регионы уровня LAU-1 в Финляндии занимают промежуточное положение между муниципальными районами и провинциями; общее их количество в стране – 71.

Регионы Финляндии, граничащие с Россией, относятся к разряду отстающих, при этом их отставание от условного среднестатистического региона с каждым годом увеличивается. В целом, динамика доходов домохозяйств в финляндских регионах подчиняется логике периферийности: чем дальше от юго-запада Финляндии, тем депрессивнее регион; а приграничное с Россией положение не оказывает положительного влияния. Таким образом, относительно приграничных регионов Финляндии гипотеза об их опережающем развитии не подтвердилась. Возможно, трансграничный переток потенциалов между Россией и Финляндией создаёт сравнительные преимущества для развития приграничным регионам только на российской стороне?

Проверим нашу гипотезу для приграничных регионов России. На графике (рис. 3.8) представлена динамика изменения реальных денежных доходов населения в регионах Северо-Западного федерального округа относительно уровня 1993 года.

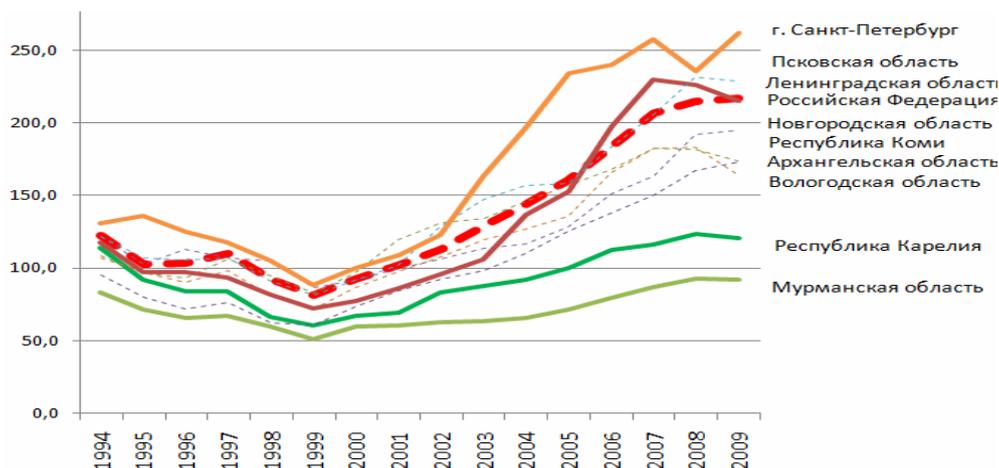


Рисунок 3.8 Реальные денежные доходы населения, в % к уровню 1993 г.

Мурманская область и Карелия по доходам населения демонстрируют постоянно нарастающее отставание от общероссийского уровня. Кроме того, наблюдается отставание данных регионов также от соседних регионов, не имеющих общей границы с Финляндией, но расположенных ближе к экономическим центрам страны. Доходы населения в Ленинградской области и Санкт-Петербурге, напротив, растут относительно общероссийского уровня. Таким образом, на российской стороне наблюдается тот же характер развития приграничных регионов, что и в Финляндии: чем периферийнее регион, тем хуже динамика доходов населения, при этом положительное влияние приграничного положения на социально-экономическое развитие региона менее наблюдается.

Наша гипотеза об опережающем развитии приграничных регионов не подтвердилась ни для России, ни для Финляндии. Можно предположить, что барьер на границе столь высок, что разность потенциалов по разные стороны границы не приводит к их трансграничному перетоку, к реальному экономическому взаимодействию; либо барьер низок, но трансграничное взаимодействие осуществляется непосредственно между экономическими центрами двух стран минуя приграничные регионы. Проверим данное предположение, используя в качестве индикатора трансграничного экономического взаимодействия объём инвестиций.

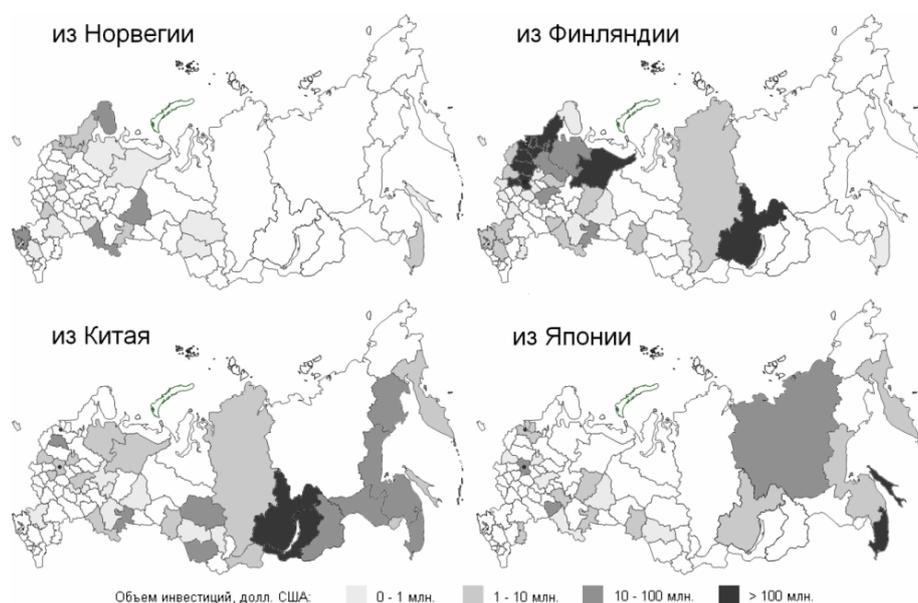
Границы по-прежнему продолжают выполнять барьерную функцию, хотя «высота» барьеров значительно снизилась. Как правило, приграничный регион удалён от национальных рынков и крупных экономических центров, а уровень его экономического развития отстаёт от общенационального (среднего по стране). В связи с этим актуальной темой исследования является изучение вопроса, в каком направлении и в какой степени влияет увеличение прозрачности границы между двумя странами на развитие их приграничных регионов.

**Инвестиционное сотрудничество** занимает важное место в приграничном экономическом взаимодействии. Далее рассмотрим инвестиции из сопредельных стран «дальнего зарубежья» – Норвегии, Финляндии, Китая и Японии – в приграничных регионах (для краткого обозначения данного вида инвестиций далее будем применять термин «приграничные инвестиции»). Предметом рассмотрения станут качественные и количественные изменения приграничных инвестиций, в том числе связанные с глобальным финансовым кризисом.

Уточним определение приграничных инвестиций, принимаемое в рамках настоящей статьи: приграничные инвестиции – это иностранные инвестиции, имеющие происхождение из сопредельной с Российской Федерацией страны и осуществляемые на территории субъектов федерации, непосредственно граничащих со страной-инвестором.

История внешних экономических связей регионов в современной России насчитывает немногим около 20 лет, в связи с этим необходимо установить, являются ли приграничные инвестиции в России состоявшимся явлением. С этой целью рассмотрим территориальное распределение инвестиций из указанных выше сопредельных стран, а также их отраслевую диверсификацию в различных регионах.

Анализ распределения инвестиций по субъектам федерации (рис. 3.9) позволил выявить три закономерности. Наиболее значительные инвестиции сопредельные страны осуществляют, во-первых, в приграничных по отношению к ним регионах, во-вторых, в двух столицах – Москве и Санкт-Петербурге, и, в-третьих, в одном или нескольких «глубинных» регионах, по объему инвестиций сопоставимых с приграничными регионами. Последнюю закономерность демонстрируют, в частности, инвестиции из Норвегии в Краснодарский край, из Финляндии в Иркутскую область, из Китая в Новгородскую область, из Японии в Пермский край.



**Рисунок 3.9 Территориальное распределение инвестиций из сопредельных стран в 2006–2009 г. (источник – данные Росстата)**

Обладают ли приграничные инвестиции какими-либо уникальными характеристиками, которые отличают их от инвестиций из сопредельных стран в «глубинных» регионах? Для ответа на этот вопрос рассмотрим отраслевую диверсификацию инвестиций из указанных стран.

Как показывают результаты анализа (табл. 3.6), инвестиции наиболее диверсифицированы в регионах, занимающих приграничное положение по отношению к стране-инвестору, а также в двух столичных регионах. Инвестиции из сопредельных стран в «глубинных» регионах диверсифицированы незначительно – осуществляются в одной отрасли (реже – в двух-трех отраслях), из чего следует, что, если сопредельная страна осуществляет инвестиции в «глубинном» регионе, то в виде отдельного крупного инвестиционного проекта. Среднеотраслевой размер инвестиций из сопредельных стран в приграничных и столичных регионах, напротив, относительно невелик (исключение составляют инвестиции из Японии в Сахалинской области в добычу нефти).

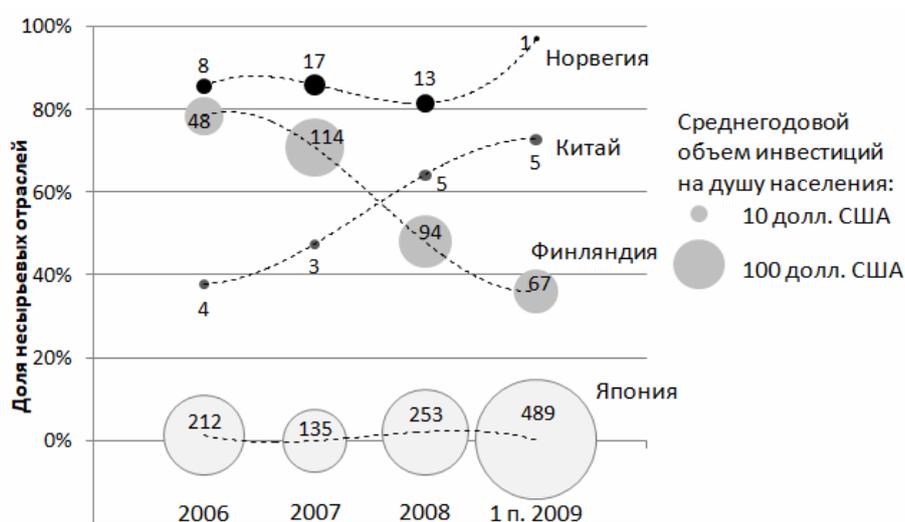
Выявленные закономерности свидетельствуют о том, что в контексте инвестиционного сотрудничества с сопредельными странами приграничные регионы являются полем деятельности преимущественно (но не исключительно) малого и среднего бизнеса в широком спектре отраслей, тогда как инвестиции в «глубинных» регионах осуществляются «точно» практически исключительно крупным бизнесом. Инвестиции в двух столичных регионах схожи по исследуемым характеристикам с приграничными инвестициями, причем для всех сопредельных стран.

Проследив хронологический ряд объемов и структуры приграничных инвестиций из упомянутых сопредельных государств, можно произвести обобщенную типологию приграничного инвестирования, а именно выделить две характерные группы стран-инвесторов (см. рис. 3.10).

Таблица 3.6

**Рейтинг регионов по диверсификации инвестиций (количество отраслей, привлекавших инвестиции) (источник – данные Росстата)**

	2006	2007	2008	1п. 2009
<b>Инвестиции из Финляндии</b>				
г.Санкт-Петербург	25	18	22	17
г.Москва	16	24	24	11
Республика Карелия	11	13	11	8
Ленинградская область	10	14	11	6
Московская область	6	13	8	8
<b>Инвестиции из Норвегии</b>				
Мурманская область	7	13	15	3
г.Москва	0	4	5	3
г.Санкт-Петербург	3	3	1	2
<b>Инвестиции из Китая</b>				
г.Москва	10	4	7	8
Приморский край	3	6	8	4
Иркутская область	4	3	7	3
Забайкальский край	3	4	3	4
г.Санкт-Петербург	9	6	5	2
Амурская область	5	2	5	2
Еврейская автономная область	4	6	3	3
Хабаровский край	5	4	3	1
<b>Инвестиции из Японии</b>				
г.Москва	12	15	15	6
Приморский край	4	2	6	5
Сахалинская область	3	3	7	4
г.Санкт-Петербург	2	2	4	2



**Рисунок 3.10 Приграничные инвестиции в России из сопредельных стран «дальнего зарубежья» (источник – данные Росстата).**

В первую группу входят страны, осуществляющие значительные инвестиции, но доля несырьевых отраслей в общем объеме инвестиций либо близка к нулю (Япония), либо существенно сокращается (Финляндия). Вторую группу составляют страны, ориентированные преимущественно на инве-

стирование в обрабатывающие производства и сферу услуг (Норвегия), либо стабильно увеличивающие долю несырьевых отраслей в общем объеме приграничных инвестиций (Китай). Однако инвестиции из стран второй группы осуществляются в незначительном объеме и, таким образом, не оказывают существенного влияния на развитие приграничных регионов. Поскольку изменчивость явления тем больше, чем меньше размер явления, то можно предположить, что при потенциальном увеличении объема инвестиций из стран второй группы, их структура может кардинально измениться, в том числе в сторону преобладания отраслей по добыче и первичной переработке сырья.

Инвестиционный процесс непосредственно связан с процессами в мировой финансовой системе, в связи с чем при анализе динамики приграничных инвестиций нельзя обойти вниманием влияние мирового финансового кризиса, наиболее ощутимые проявления которого начались в 2008 г.

Анализ динамики структуры приграничных инвестиций показал, что инвестиции в сырьевые отрасли мало зависят от глобального финансового кризиса: все сопредельные государства в 2008 г. продемонстрировали сохранение или рост в 1,5–2 раза объема приграничных инвестиций в добычу и первичную переработку сырья. Экстраполяция данных за 6 месяцев 2009 г. позволяет предположить, что подобная динамика сохранится и по итогам 2009 г. Приграничные инвестиции в обрабатывающие производства и сферу услуг зависят от степени подверженности финансовой системы страны-инвестора негативному влиянию кризиса. Так, Норвегия и Финляндия в 2008-09 гг. радикально сократили инвестиции в данные отрасли в приграничных регионах России. Китай, меньше всех остальных стран пострадавший от кризиса, в этом же периоде увеличил приграничные инвестиции в несырьевые отрасли. Выявить достоверную динамику инвестиций в несырьевые отрасли из Японии не представляется возможным ввиду их незначительности.

Фактическая невосприимчивость приграничных инвестиций в сырьевые отрасли к мировому финансовому кризису и, наоборот, уязвимость инвестиций в обрабатывающие производства и сферу услуг свидетельствуют, что доступ к сырьевым ресурсам является наиболее устойчивым фактором приграничных инвестиций.

Рассмотрим на примере финляндских инвестиций в приграничный регион Республика Карелия. Финские фирмы не слишком заинтересованы в модернизации карельской экономики. Отраслевая структура экономики близка, одни и те же природные ресурсы, лишь технологические различия огромны. Упор был сделан на передачу опыта и небольшие инвестиции в лесное хозяйство и лесозаготовительную промышленность. В 2001 г. 15 % сеянцев ели и сосны выращены в теплицах по финской технологии с закрытой корневой системой, дающей более высокую приживаемость. Уже в 1999 г. доля сортиментной вывозки составила в Карелии 25 %, а в 2007 г. достигла 71 %.

В 90-х годах более 55 % ПИИ в РК создали финские предприниматели, но за редким исключением (лесозаготовительная фирма «Ладенсо»), вложения не превышали нескольких тысяч долларов. В РК пришел мелкий финский бизнес – ведение дел вблизи границы не требует больших затрат на перемещения людей и грузов, при необходимости можно быстро приехать в фирму, часть населения знает финский язык. Такой бизнес ориентирован в основном на местный рынок, а не на создание фирмы для выхода на европейский или российский рынок. Подобные предприятия конкурировали с карельскими, некоторое время они имели преимущество. Но постепенно местный бизнес приобретал необходимый опыт, новое оборудование и вытеснял образованные финнами фирмы (Громцев, 2003, Дружинин, 2005).

Финские инвестиции в 90-х годах были незначительны, а в XXI веке они быстро росли и в 2007 г. достигли 53 млрд долл., причем увеличивались и взносы в капитал, и кредиты (Приграничное сотрудничество, 2006, 2011). В общем объеме инвестиций в экономику Карелии их доля невелика – до 7 %, но среди иностранных существенна, и важна для развития отдельных отраслей, прежде всего машиностроения (табл. 3.7).

Таблица 3.7.

#### Поступление иностранных инвестиций в Карелию

	1998	1999	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Иностранные инвестиции, млн долл.	5.1	15.5	22.2	34.7	40.7	74.5	288	157.5	110.5	238.7	89.0
в т.ч.: из Финляндии	0.08	0.3	0.2	8.3	14.7	12.1	28.2	52.9	28.6	40.1	13.9
Доля от иностранных инвестиций, %	1.6	2.0	1	24.0	36.2	16.2	9.8	33.6	25.9	16.7	15.6
Доля от всех инвестиций, %	0.1	0.3	0.1	2.4	3.2	2.3	4.5	7.3	3.2	6.5	1.9

В то же время быстрый рост инвестиций с конца 90-х годов не привел к заметным технологическим изменениям и появлению принципиально новых видов продукции. Пока не удалось привлечь финские инвестиции в развитие в РК высоких технологий. Самые крупные ПИИ работают в лесозаготовительной промышленности, лесопилении и в машиностроении (трудоемкие сборочные операции), они принесли новые технологии, но не в самые современные отрасли (табл. 3.8). Эти технологии в РК не развиваются, не модернизируются, поскольку нет соответствующих научных и проектных организаций, а значит, и нет пока условий для саморазвития.

Таблица 3.8.

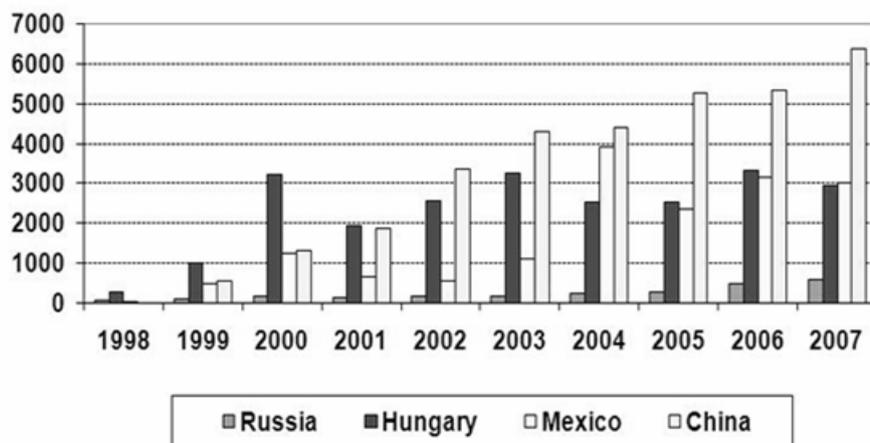
Структура финских инвестиций по видам экономической деятельности, млн долл.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего	12.1	28.2	52.9	28.6	40.0	13.9
лесозаготовки	0.7	0.25	3.0	8.5	4.8	3.4
обработка древесины и производство изделий из дерева	5.1	9.6	40.2	15.6	30.8	10.4
производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона	0	0.7	0.6	–	–	–
производство электрооборудования, электронного оборудования	0.15	2.1	0.2	0.001	0.1	–
оптовая и розничная торговля	3	8.5	2.8	1.8	1.9	0.03
операции с недвижимым имуществом и предоставление услуг	3	7.1	4.4	0	0.2	0.1

Финские вложения в основную для Карелии отрасль – ЦБП невелики, более привлекательны оказались торговля и операции с недвижимостью, но и для их развития вложенные средства оказались незначительны в сравнении с российскими инвестициями.

Можно сказать, что Карелия в начале второго этапа развития приграничных регионов (Дружинин, 2005). В качестве иллюстрации отношения зарубежных инвесторов к России положения воспользуемся данными финских компаний Elcoteq, Rautaruukki и UPM Kymmene (рис. 3.11–3.13), которые демонстрируют недостаточность трансграничного сотрудничества России и Финляндии. Приграничное сотрудничество пока не сказывается на величине притока инвестиций на сопредельные территории. В СЗФО основные инвестиции попадают в Санкт-Петербург (65 %), Ленинградскую область (20 %), другие регионы (15 %). Особенностью финских инвестиций является не только отраслевая специфика, но и активное освоение более удаленных регионов России.

В качестве выводов по результатам исследования отметим следующее. Иностранное приграничные инвестиции сложились в России как самостоятельное явление. Отличительной особенностью данного явления является то, что инвестиции диверсифицированы по отраслям, осуществляются не только на уровне крупного бизнеса, но и малых и средних предприятий. Таким образом, приграничные территории становятся частью общего экономического пространства, объединяющего регионы по обе стороны государственной границы.



Источник: годовые отчеты Elcoteq

Рисунок 3.11 Численность персонала компании Elcoteq в разных странах (отчеты Elcoteq, Karelian Insitute, University of Estern Finland (Материалы, 2009)

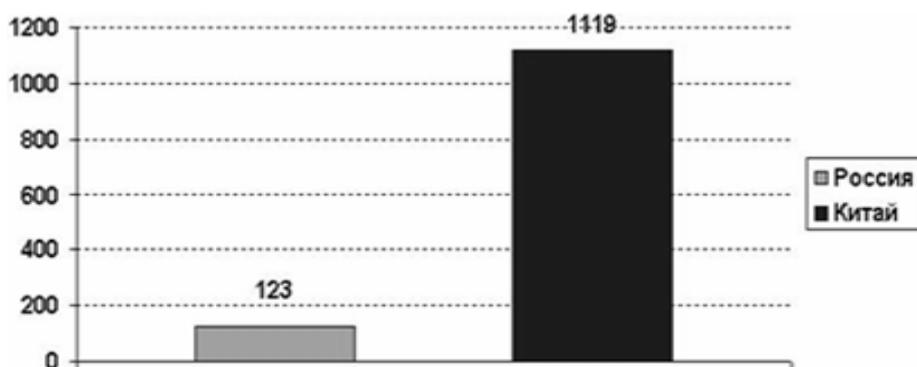
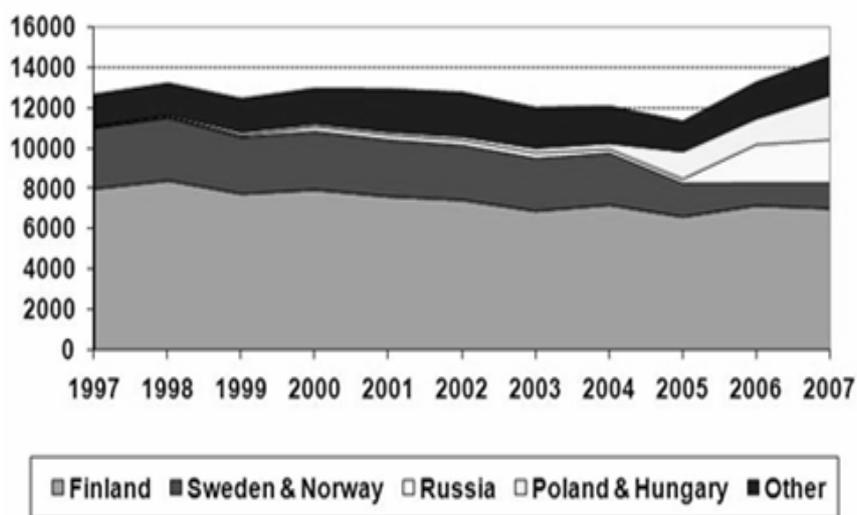


Рисунок 3.12 Капиталовложения UPM Куммене в 1998-2007 годах, млн евро (отчеты Куммене, (Материалы, 2009))



Численность персонала Rautaruukki по странам  
Источник: годовые отчеты Rautaruukki

Рисунок 3.13 Перенос производства компании Rautaruukki в Польшу, Венгрию и Россию (отчеты Rautaruukki, (Материалы, 2009))

Данный тезис подтверждается исследованиями приграничного сотрудничества российскими учеными: так, Н.М. Межевич (2006) отмечает, что «ныне развитие целых регионов зависит от качества сотрудничества с ближними и дальними соседями». Отметим, однако, что при этом на российской стороне эксплуатируются преимущественно естественные конкурентные преимущества территорий (ресурсный потенциал). Инвестиции в обрабатывающие производства и сферу услуг осуществляются в незначительном объеме; кроме того, они наиболее чувствительны к негативному воздействию глобальных экономических явлений. Кроме того, экспортная деятельность обременена институциональными барьерами.

Все барьеры на пути экспорта можно разделить на три группы: *информационные, инфраструктурные и административные.*

*Информационные барьеры* ограничивают доступ компаний к информационным источникам о возможных зарубежных рынках, а также связаны с низкой осведомленностью бизнеса об инструментах господдержки и происходящих изменениях в законодательстве. Как правило, предприниматели не достаточно знакомы с существующими финансовыми мерами поддержки и мало знают о возможности получения государственных гарантий в обеспечении обязательств при осуществлении экспортных операций, куда относятся экспортное страхование, льготные экспортные кредиты и т. д.

Система нефинансовых мер поддержки на федеральном уровне включает: выставочно-ярмарочную деятельность, информацию с сайтов Минпромторга РФ; центры координации экспорта; справочную литературу; бизнес-мероприятия (форумы, конференции и т. п.); организацию поиска партнеров

за рубежом и консультирование по вопросам экспорта. Данные направления информационной поддержки бизнеса в России в целом и в РК в частности, недостаточно развиты. Компаниям, участвующим во внешнеэкономической деятельности, не достаёт информации об условиях ведения бизнеса и законодательстве в зарубежных странах. Их также беспокоит сложность конкуренции на международных рынках. Все большее число предпринимателей заинтересованы познакомиться с международным законодательством (в первую очередь таможенным) в сфере торговли.

В условиях не полноты информации поле возможностей для компаний сужается, ограничивается их доступ к целому ряду бизнес-проектов, что существенным образом снижает экспортный потенциал приграничных регионов. В данном контексте актуализируется создание специальной обучающей системы, позволяющей развивать теоретические и прикладные знания как для действующих, так и потенциальных экспортеров.

Среди проблем, с которыми сталкиваются предприятия при осуществлении экспорта, доминируют таможенные проблемы. При этом по значимости проблем на первом месте (более чем в 50 % случаев) указывается оформление таможенных деклараций.

Ко второй группе барьеров для экспортеров относятся *инфраструктурные барьеры*. Сюда можно отнести высокие транспортные расходы (25 % ответов), которые касаются в большей степени компаний, находящихся на удаленном расстоянии от границы (табл.3.9).

Серьезным препятствием являются проблемы пересечения границы, связанные с многочасовыми очередями на границе и обусловленные недостаточным количеством пунктов пропуска, их низкой пропускной способностью из-за не обустроенности, нехватки кадров и т. п. Эти проблемы упоминаются респондентами в 37,5 % случаях.

Таблица 3.9.

**Проблемы бизнеса, связанные с осуществлением экспорта, % случаев**

Проблемы	% ответов
Оформление таможенных деклараций	53,1
Проблемы при пересечении границы	37,5
Высокие таможенные пошлины	37,5
Наличие нетарифных барьеров	34,4
Высокие транспортные затраты	25
Возврат НДС	21,9
Проблем нет	6,3
Необоснованные рекламации со стороны западных партнеров	3,1

Источник: Отчет по результатам проекта «Трансграничное сотрудничество как фактор экономического развития российских регионов в условиях глобализации и модернизации» в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по государственному контракту № 16.740.11.0418 от 26.11.2010.

*Административные барьеры* при реализации экспортных операций включают излишние бюрократические процедуры, связанные с получением лицензий и разрешений, техрегулированием и возвратом НДС. Административная группа проблем связана с низким качеством реализации функций со стороны административных институтов, что иногда сопровождается созданием сложных коррумпированных схем. Проблема возврата НДС в нашем опросе отмечается более чем в 20 % ответов опрошенных компаний. Бюрократические коллизии требуют от заявителя не только грамотности, но и долготерпения. Процедура может затянуться на годы. Вместе с тем возврат НДС является самым популярным инструментом господдержки экспортеров в таких быстро развивающихся странах, как Китай, где создаются преференции для экспорта капиталоемких товаров в противовес ресурсоемким.

Существующая проблема качества институтов, отягощенных административными барьерами, снижает эффективность экспортных операций, способствует повышению транзакционных издержек бизнеса и создает условия для коррупции. Высокая экспортная активность бизнеса сопровождается деструктивными процессами в системе институционального регулирования данной сферы. Успешной деятельности компаний-экспортеров препятствуют целый ряд информационных, инфраструктурных и административных барьеров. Информационные барьеры являются препятствием для поиска рыночных ниш. Инфраструктурные (большое транспортное плечо, низкая пропускная способность границы) – снижают скорость бизнес-операций. Административные, как наиболее болезненные, связаны с низким качеством реализации функций со стороны административных институтов, включающих та-

моженное регулирование, нетарифные барьеры и возврат НДС. В сложившихся условиях представленные инструменты не выполняют функции стимулирования бизнеса на его переориентацию с ресурсоемкой модели экспорта на капиталоемкую.

По прошествии почти трех десятилетий рыночных реформ институциональная среда приграничных российских регионов, регулирующая внешнеэкономическую деятельность, характеризуется доминированием административных и распределительных институтов, что в большей степени поддерживается рентоориентированными группами интересов.

С открытием границы через нее активизируется перемещение финансовых средств, создание предприятий с иностранными инвестициями (ПИИ). Для крупных фирм не имеет особого значения расстояние от границы, им важен объем рынка, а для мелкого бизнеса проще создавать предприятия вблизи своей страны, что требует сравнительно небольших затрат. Например, мелкие финские фирмы в 90-х годах создали более 250 предприятий в приграничной Карелии, которые работали, хотя и недолго, на местный и финский рынок. К сожалению, барьеры для малого бизнеса оказались слишком велики, возникло множество проблем, а доходы этих фирм оказались невелики.

Приграничные территории за счет активных контактов предпринимателей имеют некоторые преимущества. Большинство крупных и малых фирм сотрудничали с иностранными, прежде всего финскими фирмами, что сказалось на уровне менеджмента. В Карелии реализовывались проекты ТАСИС, Баренц-программы и других программ, ведется активная внешняя торговля, специалисты и студенты обучаются и проходят стажировки в Финляндии и в других соседних странах, есть более благоприятные условия для совместной деятельности и общения менеджеров и специалистов. Менеджерам приходилось не только набирать опыт на практике, но и учиться, чтобы их фирмы были конкурентоспособны.

Со снижением барьеров развивается туризм, способствующий развитию сферы услуг, и увеличению доходов приграничных регионов. Возрастает поток специалистов и учащихся на учебу, временную работу или на постоянное место жительства. В каких-то случаях это связано с потерями для менее развитого региона, но часть выехавших возвращается и с ними приходит новый опыт, знания и навыки. В то же время в менее развитую страну временно могут приезжать для работы специалисты из соседних стран, что также способствует накоплению новых знаний и информации. Республику Карелию ежегодно покидает 300-400 человек, как правило, образованных, уезжающих в соседнюю Финляндию. Часть их возвращается и около 200 граждан Финляндии работает временно в республике.

### **3.4 ПРИГРАНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ**

Одним из механизмов, переводящим синергию пространства в источник экономического роста, является трансграничное предпринимательство. В последние годы в научных исследованиях данная проблематика все более раскрывается, включая вопросы приграничной торговли и приграничного туризма (в первую очередь, принимая во внимание экономическую составляющую – шопинг-туризм) как части сотрудничества регионов сопредельных государств, обусловленные изменением функций государственных границ, возникающими возможностями и ограничениями. В советский период развития государства раскрытие потенциала приграничья сдерживалось особенностями экономико-географического положения (особенно с капиталистическими странами), спецификой развития приграничных территорий, детерминированной выполняемой государственной границей барьерной функции на протяжении длительного периода истории государства.

Наиболее активно развитие приграничной торговли в настоящее время в России осуществляется на территориях следующих приграничных субъектов: Санкт-Петербург, Республика Карелия, Калининградская, Ленинградская, Мурманская и Псковская области, Амурская область, Приморский и Хабаровский края.

В последние годы в научных исследованиях все более раскрывается проблематика приграничной торговли, как части сотрудничества регионов сопредельных государств, обусловленные изменением функций государственных границ, возникающими возможностями и ограничениями. Исследователи сходятся во мнении, что приграничная торговля представляет собой основу социально-экономического развития приграничных территорий, которая позволяет максимизировать эффект масштаба (Hanson, 1996; Krugman, 1996). Вместе с тем, на данный момент в международной практике не выработано универсальных способов регулирования деятельности субъектов приграничной торговли, что во многом объясняется различными принципами внешнеторговой и экономической политики государств, а также

особенностями двухсторонних отношений сопредельных стран (Покровская, 2013). Развитие приграничной торговли в РФ играет значимую роль в поддержании социально-экономической стабильности и социально-экономического развития приграничных территорий на старых и новых границах в исторической ретроспективе. Ее развитие обуславливается как потребностями местного населения в определенных товарах в силу их отсутствия или высокой стоимости, а также необходимостью получения дополнительного, порой и основного дохода (Степанова, Шлапек. 2017, 2018).

Под «**приграничной торговлей**» в международной практике подразумевается торговля жителей, проживающих в приграничной полосе в пределах 15–25 км по обе стороны от государственной границы, а льготы и преимущества, предоставляемые в этом режиме, согласно ст. XXIV, п. 3а ГАТТ-94 (ВТО), исключаются из-под действия режима «наибольшего благоприятствования». В России отсутствует механизм реализации ст. 42 «Приграничная торговля» Федерального закона от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности в РФ», которая определяет ее как «торговлю товарами и услугами, произведенными и потребляемыми в пределах соответствующих приграничных территорий и исключительно для удовлетворения местных потребностей». «Порядок осуществления приграничной торговли и соответствующие приграничные территории, на которые распространяются особые режимы, определяются Правительством РФ в соответствии с другими федеральными законами и международными договорами с сопредельными государствами, а приграничная территория, на которую распространяется особый режим ВТД, не может быть более чем на 25 км в глубь территории РФ от ее госграницы, если иное не предусмотрено международным договором РФ». Таким образом, организация приграничной торговли в приграничных регионах России является компетенцией федерального центра, так как региональные власти, согласно ст. 8 приведенного выше Закона и ст. 7 Федерального закона № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ», не могут заключать договоры, имеющие статус международных. Кроме того, приграничная торговля является объектом регулирования в Федеральных законах «Об экспортном контроле», «О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами», «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров», «О международных договорах» и в ряде других нормативно-правовых актов. Приграничная торговля правомерна лишь для «российских юридических и физических лиц, имеющих постоянное место нахождения (или жительства) на приграничной территории РФ», исключительно с целью удовлетворения потребностей регионального рынка в товарах, производимых на соответствующих приграничных территориях. Данное условие также распространяется на иностранных субъектов внешнеэкономической деятельности сопредельных приграничных зон, выступающих партнерами российских предприятий и фирм (Шлапек, Степанова, 2017).

Идея приграничной торговли, по сути, нацелена на содействие социально-экономическому развитию приграничных регионов и предполагает установление для них особых льготных режимов (налоговых, таможенных, валютных). Двойственность приграничной торговли объясняется, с одной стороны, осуществлением деятельности на территории государства и подчинением его национальному праву, а с другой – присутствием иностранных субъектов в силу особенностей внешнеэкономической деятельности (Павлов, 2009; Павлов, 2013). Согласно международной практике зоны приграничной торговли привязаны в основном к сухопутным государственным границам или к границам, расположенным вдоль русла рек, но приграничной не признается торговля через морские порты (Покровская, 2013).

В соответствии с Законом РФ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 8.12.2003 г. №164-ФЗ приграничная торговля может осуществляться на основе международного договора РФ с сопредельным иностранным государством (группой государств), предусматривающего предоставление благоприятного режима в отношении внешней торговли товарами и услугами, осуществляемой исключительно для удовлетворения местных потребностей в товарах и услугах, произведенных в пределах приграничных территорий и предназначенных для потребления физическими лицами, имеющими постоянное место жительства на этих территориях, и юридическими лицами, имеющими место нахождения на этих территориях.

Возникновение приграничной торговли обусловлено потребностями местного населения в определенных товарах, с одной стороны, и получении дополнительного, порой и основного дохода, с другой стороны. Развитие приграничной торговли СССР в 70–80-х гг. XX в. с сопредельными государствами на востоке – Китай, Корея, Япония и на западных рубежах – Финляндия, Польша, Прибалтика осуществлялось на основе заключенных межправительственных договоров (Бабина, 2010). Однако в современной России до сих пор не созданы институциональные условия для возникновения и развития приграничной торговли.

### ***Практика развития приграничной торговли на восточных границах России***

Практика развития приграничной торговли восточных регионов России с Китаем рубежа XX-XXI получила название «малая приграничная торговля». В 1990-х челночный бизнес в России создал рабочие места и относительную социальную стабильность, обеспечив население товарами массового спроса по низким ценам. В отдельные годы «челноки» ввозили в Россию потребительских товаров (одежда, текстиль, обувь и др.) на сумму в 5-7 млрд. долларов (Капралова, Карасева, 2005).

Углубление советско-китайской торговли, вступившей в стадию интенсивного развития с 1988 г. подтверждается стремительной динамикой роста приграничного обмена: согласно статистическим данным среднего прохождения пограничного перехода Хэйхэ: 1987 г. – 2,4 чел., 1989 г. – 227,6 чел., 1993 – 2165,7 чел. В 1991 г. в нотах МИД КНР и посольстве СССР в КНР была зафиксирована договоренность о безвизовых групповых поездках граждан между СССР и КНР, которые ограничивались следующими регионами: Приморский, Хабаровский края, Амурская и Читинская области с российской стороны, с китайской – провинции Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь. Политический и экономический кризис после распада СССР, а также открытие границ создали условия для неконтролируемой приграничной торговли, активно использующей туристские каналы. Вступление в силу 26 мая 1993 г. соглашения «О безвизовых групповых туристских поездках граждан» между правительствами РФ и КНР значительно изменило организацию двустороннего туризма. В 1993-1994 гг. введение строгих норм наряду с общим кризисом в российско-китайской торговле привело к снижению приграничной торговли в 4,7 раза, межгосударственной торговли – на 40 %, число поездок китайских граждан в Амурскую область уменьшилось в 3,6 раза, российских граждан в КНР в 2 раза (Покровская, 2013; Шлапеко, Степанова, 2017).

Следует выделить существенные различия в отношении сопредельных государств к развитию приграничной торговли: с российской стороны – это борьба с челночной торговлей, с китайской – активная поддержка местными правительствами средних и малых компаний, организующих туры на территорию РФ. Так, согласно Документу №2 Госсовета КНР (1996 г.) законодательно закреплялось приграничная народная торговля между городами «Хуши» как одна из форм приграничной торговли, вследствие чего в провинции Хэйлунцзян было утверждено 9 зон приграничной народной торговли между городами «Хуши» в районах Хэйхэ, Суйфэнхэ, Дуннин, Тунцзян, Мишань, Хулинь, Фуюань, Жаохэ, Лобэй. Российской стороной, наоборот, с целью сокращения челночной торговли были введены ограничения на перемещение товаров, не предназначенных для производственной или иной коммерческой деятельности физическими лицами через таможенную границу РФ по весу и стоимости (вес товара до 50 кг, стоимость до 1 тыс. долларов). Однако предложенные меры не обеспечили снижение ее объемов, наоборот, увеличили количество пересечений китайскими гражданами границы и привели к появлению российских посредников, выполняющих доставку товаров от китайского поставщика. Влияние экономического кризиса, девальвация российского рубля, подписание российско-китайских соглашений по организации упрощенного пропуска граждан РФ в ряде торговых приграничных комплексов (1998), наряду с упрощением системы въезда россиян в Хэйхэскую зону приграничной народной торговли «Хуши» способствовали росту челночных поездок и шопинг-туров российских граждан в КНР. Одновременно, разница цен российского и китайского рынков из-за экономического кризиса 1998 г., положительно повлияла на поток китайских граждан на территорию РФ (например, Амурская область, 2000 г. 166,9 тыс. чел., абсолютный максимум 1994–2008 гг.). Доля российских туристов, использующих безвизовый режим сроком до 30 дней, достигала 87 % от их общего туристского потока, годовой доход от реализации туристских услуг в составе ВРП – 9,6 % или 30,4 млн долл. (Симутина, Рыжова, 2007; Шлапеко, Степанова, 2017).

Известно, что развитие приграничной торговли, нацеленной на экономическое развитие приграничных регионов, внешней торговли государства в целом, служит стимулирующим фактором развития международных интеграционных процессов. Однако действие «эффекта единой цены» несет опасность отдельным секторам производства и определенным группам товаров на соседних территориях приграничных государств в условиях более высокого уровня их производственных затрат и себестоимости продукции. Например, в приграничной зоне Дальнего Востока РФ под влиянием импорта недорогих потребительских товаров и сельскохозяйственной продукции из Китая, объемы производства продукции легкой промышленности и сельскохозяйственного сектора достаточно сильно снизились [Симутина, Рыжова, 2007]. Расширение торговых интересов Китая представляет риск для отечественных производителей. Российские регионы фактически играют роль приграничных сырьевых баз и рынков сбыта для китайских товаров, а также служат проходной территорией

для китайских трудовых мигрантов, поскольку присутствие китайских рабочих и использование китайского оборудования – это неременное условие инвестиций из КНР (Муратшина; Шлапек, Степанова, 2017).

В целом китайский опыт свидетельствует о том, что использование преимуществ приграничного положения служит стимулом для развития неблагоприятных приграничных территорий: от самоорганизации и самоуправления до разработки государственных программ (1980 г.). Программы, по сути, стали основой региональной политики по ускорению экономического развития неразвитых территорий, с последующим образованием (в 1992 г.) «приграничного пояса открытости» – специальных торговых зон, открытых городов и портов, зон приграничного экономического сотрудничества с упрощенной процедурой пересечения границы для граждан сопредельных государств. Новый статус данных зон позволил Китаю ввести специальные режимы для инвесторов, тем самым ускорив строительство приграничной транспортной инфраструктуры (мостов, дорог, портов и пр.) и производственного сектора. Постепенно расширились и функции приграничной инфраструктуры от осуществления приграничной торговли до обслуживания процессов хозяйственно-экономического развития приграничных территорий. Всего на территории Китая создано и действует 14 зон приграничного экономического сотрудничества, 4 из которых располагаются в приграничных с РФ районах: г. Хэйхэ и Суйфэньхэ (провинция Хэйлунызян), г. Маньчжоули (автономный район Внутренняя Монголия) и г. Хуэйчунь (провинция Изилинь) (Покровская, 2013). Преимущества развития зон приграничного экономического сотрудничества подтверждается сравнительным анализом социально-экономических показателей, расположенных по разные стороны государственной границы приграничных территорий (Бабина, Уваров, 2010). Приграничные регионы Китая демонстрируют не только высокие удельные показатели торгового оборота в сравнении с глубинными регионами, а также с российскими регионами, но и средний уровень доходов населения в приграничных зонах КНР примерно в 2,1 раза ниже, чем в российских регионах, однако темпы их роста гораздо выше. Например, в г. Хэйхэ (г. Благовещенск, противоположный берег р. Амур), расположенном в «приграничном поясе открытости», и вошедшем в государственную программу развития приграничных регионов КНР за 10 лет реальные доходы увеличились в 3,3 раза. В качестве принципиального значимого фактора развития приграничной торговли исследователями выделяется государственная децентрализованная налоговая политика, оставляющая в приграничных регионах КНР до трети налоговых поступлений (Павлов, 2009).

### ***Практика развития приграничной торговли на западных границах России***

В работах российских и финских исследователей рассматриваются различные аспекты развития разнообразных форм трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье. Так исторические аспекты развития разносной торговли раскрыты в статьях Д.В. Базегского, И.С. Нестеровой (Базегский, 1993; Нестерова, 2009). Наибольшее число исследований посвящено советскому периоду, доминирующая часть которых представлена работами финских исследователей: Л.И. Вавулинской, Ю.М. Килина (Россия), А. Костайнена, А. Кяюхтю, А. Лайне, Т. Хямюнена, Ю.Г. Шикалова (Финляндия), которые раскрывают политические, экономические, социокультурные и иные аспекты взаимодействия. Современные работы зарубежных коллег О.Ю. Гуровой и С. Ратилайнен, базирующиеся на социологических методах исследования и контент-анализе информационных источников, нацелены на выявление предпочтений российских туристов и рассматривают изменение отношения к ним со стороны локального сообщества. В развитии трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье можно выделить несколько периодов: коробейничество, челночный бизнес, современный шопинг-туризм. В качестве критериев выделения периодов следует указать: государственное устройство, функции государственной границы, а также институциональные, организационные и инфраструктурные условия осуществления трансграничной торговли (Степанова, Шлапек, 2018).

Занятие разносной торговлей (коробейничество) на территории Великого княжества Финляндского в XIX–XX вв. имело решающее значение в получении «живых» денег, необходимых для уплаты податей и закупки зерна для большинства карельских крестьян, хотя по большей части осуществлялся натуральный обмен. Развитию коробейничества служили удаленность населенных пунктов друг от друга, слабая сельская торговая сеть в Финляндии, а также сходство языков и культуры. В Финляндию коробейники обычно доставляли хлеб, муку, соль, лен, кожи, ткани, иголки, зеркала и пр., из Финляндии – пушнину (шкурки лисиц, белок, горностаев и пр.), а также «датские» юбки, чай, кофе, ром, вина и пр., к нач. XX в. – еще и продукцию химической и целлюлозно-бумажной промышленности, а также металлические изделия. Одновременно карельское население ряда пригранич-

ных уездов современной Республики Карелия многие предметы первой необходимости приобретало в Финляндии, что обуславливалось территориальной близостью и экономической целесообразностью. После включения Великого княжества Финляндского в состав Российской империи масштабы корабейничества значительно возросли. С падением товарооборотов ярмарок на Русском Севере, корабейники перестали играть прежнюю роль в торговых операциях (Laine, 1991; Базегский, 1993; Laine, 1994; Нестерова, 2009; Килин, 2012; Нестерова, 2012; Пашков; Степанова, Шлапеко, 2018).

Развитие трансграничной торговли в СССР определялись господствующей в стране идеологией и проводимой политикой, результатом реализации которой (с формированием к к. 20-х гг. XX в. «железного занавеса») стало ограничение перемещения советских граждан в капиталистические страны. В этой связи возможности посещения заграницы были предоставлены достаточно ограниченному числу советских граждан, аналогично, ограничивался въезд иностранных граждан на территорию Советского Союза. Следует указать, что благодаря тесным дружественным связям с СССР, Финляндия была исключением среди капиталистических государств и занимала лидирующую позицию по линии развития международного туризма: финские туристы составляли более половины всех туристов, прибывающих из капиталистических стран (Костайнен, 1997; Шишкин, Степанова, 2013). Вместе с тем в условиях ограничений, развитие трансграничной торговли все равно осуществлялось, и в 1960–1980 гг. проявилось «теневые» аспекты выездного советского туризма, включая нелегальную продажу товаров заграничного производства (фарцовка). Например, в 70-х гг. XX в. влияние финского туризма в г. Выборге стало проявляться среди местных жителей: появление спекулянтов-фарцовщиков, специализировавшихся на торговле валютой и скупке финских товаров (Shikalov, Hamunen, 2013; Шикалов, 2016).

В условиях современности трансграничный шопинг представляет собой одно из популярных направлений практики потребления жителей приграничья сопредельных государств. К настоящему времени в зарубежной научной литературе достаточно широко представлены теоретические аспекты и практика развития приграничного шопинг туризма (Laine, 1994; Tomogi, 2010; Гурова, 2012; Bar-Kolelis, Wiskulski, 2012; Spierings, van der Velde, 2013; Shikalov, hamunen, 2013; Гурова. Ратиланен. 2015; Makkonen, 2016). В российской научной литературе проблематика осмысления феномена приграничного шопинг-туризма стала появляться значительно позднее, что обуславливается спецификой развития приграничных территорий. Тремя основными движущими факторами совершения поездки с целью шопинга являются: поиск необходимых товаров потребления (выбор конкретного товара, сувениры, возможности магазинов duty free), выбор конкретной дестинации и ценовые преимущества что наиболее ярко проявляется на территории приграничных регионов, характеризующихся в большинстве случаев существенными экономическими, правовыми и социальными различиями по разные стороны государственной границы. Выделяют четыре основных условия, раскрывающих возможности развития приграничного шопинг-туризма (Timothy, 2005):

- контраст в ассортименте, качестве и цене продукта на противоположной стороне границы;
- информация о возможностях на противоположной стороне границы;
- возможность и готовность населения совершить поездку;
- достаточная проницаемость государственных границ.

Развитие трансграничного шопинга стимулируется экономическими факторами: возврат налога на добавленную стоимость (НДС) tax free, шопинг в магазинах беспошлинной торговли duty free, распродажи и шопинг в секонд-хендах и на блошиных рынках. Помимо необходимости в приобретении определенных товаров и услуг на противоположной стороне границы, шопинг-туризм представляется одним из возможностей проведения досуга и приятного времяпровождения, например, в период каникул и отпусков (Гурова, 2012; Степанова, Шлапеко, 2018).

Исследователи указывают, что новые государственные границы между Российской Федерацией и странами Балтии в нач. 1990-х гг. охранялись достаточно слабо. При этом, согласно законодательству России, до середины 1992 г. (июнь) государственные границы считались внутренними границами, что предоставляло теневым предпринимателям возможности вывозить из государства крупные партии различных товаров (особенно металлолома) (Golunov, 2012). Такой челночный бизнес наносит вред легальной торговле и приводит государства к принятию защитных мер, например, в 2008–2009 гг. страны и Балтии уменьшили дневную норму разрешенного ввоза сигарет в пять раз (с 200 до 40 единиц).

Для Польши развитие приграничного шопинг-туризма является одной из важных форм развития выездного туризма на всех направлениях польских границ (10 % от цели посещения), при этом въездной поток в страну характеризуется устойчивым ростом. Для жителей России, Украины и Республики Беларусь шопинг-туризм является основной причиной (более 30 %, 2010 г.) посещения Польши. В на-

учной литературе факторами, способствующими активизации шопинг-туризма на территории Польши выделяются следующие: территориальная близость; ценовая политика; удобство работы магазинов (особенно в периоды выходных дней и праздников); схожесть двух языков и др. (Bar-Kolelis, Wiskulski, 2012). Соглашение по безвизовому режиму пересечения границы, заключенное правительствами Российской Федерации и Польши в нач. 90-х гг. XX в., (действовало до 2003 г.), имело особое значение и предоставляло населению приграничных регионов сопредельных государств право свободного пересечения через границу (Шильберг, 2009). Польша стремится к интенсификации модели малого приграничного движения. Развитие малого приграничного движения стало возможным благодаря принятию Европейским Союзом ряда документов (Кретинин, Осташкова, 2012; Степанова, 2014). Подписание Соглашения о местном приграничном передвижении между Калининградской областью России и северными воеводствами Польши (14.12.2011 г., Москва) раскрывает возможности для выстраивания нового формата сотрудничества как между приграничными регионами сопредельных государств, так и в целом между Российской Федерацией и Европейским Союзом. Кроме того подписание Соглашения способствует росту числа шопинг-туристов на территорию сопредельного государства (Bar-Kolelis, Wiskulski, 2012; Степанова, 2014).

Одним из популярных направлений шопинга у российских туристов является Финляндия (Хельсинки, восточная и юго-восточная часть Финляндии, Лапландия). Российские туристы (в большинстве жители приграничных регионов) представляют собой самую многочисленную группу иностранных посетителей Финляндии, въезжающих в страну с туристскими целями. В настоящее время российские предприниматели, приобретающие товары с коммерческой целью, наравне с шопинг-туристами представляются источником благосостояния для части жителей приграничных регионов Финляндии (Степанова, Шлапеко, 2018). В экономическом плане развитие приграничного шопинг-туризма имеет существенное значение для активизации локальной экономики и приграничных территорий в целом по обе стороны границы (Шлапеко, Степанова, 2017а). Поездки жителей Республики Карелия за покупками в Финляндию, наряду с гостеванием у родственников и друзей стали популярными целями посещения сопредельного государства. Наличие Петрозаводского отделения Генерального Консульства Финляндии в Санкт-Петербурге и визового центра значительно упрощает процедуру получения визы жителям Карелии, которые могут оформить ее сроком на два года и продолжительностью 360 дней.

Согласно А. Кяюхтю, благодаря российским туристам, приграничный г. Лаппеенранта из «глухого приграничного городишки» преобразился в «торговый центр» (Kauphty, 1999). Так, в 2013 г. из 2 млн туристов г. Лаппеенранты (численность населения города 75 тыс. чел.) 1,8 млн чел. составили российские граждане, которые совокупно потратили 300 млн евро (Финляндия, 2017).

Необходимо обозначить стимулирующие меры, предпринимаемые финским бизнесом для активизации шопинг-туризма в приграничных районах: обслуживание туристов и наличие системы навигации на русском языке, выпуск информационно-туристской литературы и сайтов на русском языке (Степанова, 2014; Гурова, 2013).

В качестве основных факторов, оказывающих положительное влияние на развитие приграничного шопинг-туризма в карело-финском приграничье можно выделить:

- *территориальная близость*. Расстояние от Петрозаводска (Республика Карелия) до Йоэнсуу (Северная Карелия) около 370 км. по пути следования международного туристского маршрута «Голубая дорога»; при этом от приграничного г. Сортавала (Республика Карелия) до г. Йоэнсуу – менее 140 км.
- *уровень развития транспортной и придорожной инфраструктуры*. Развитая транспортная инфраструктура Северной Карелии, наряду с активным развитием придорожной инфраструктуры в Республике Карелия (обустройство площадок для отдыха, кафе, появление информационных указателей и пр.) создают условия для активизации трансграничной мобильности в карело-финском приграничье.
- *удобный график работы международных автомобильных пунктов пропуска*. Например, МАПП Вяртсиля – Ниирала, характеризующийся наибольшей пропускной способностью, имеет круглосуточный график работы; остальные два пункта пропуска на карело-финской границе работают в дневное время 12 и более часов.
- *ценовая политика*. Самыми популярными товарами у россиян являются: продукты питания (сыр, молочные продукты, рыба, чай и кофе, сладости), а также хозяйственные товары. Финские граждане приезжают на территорию Республики Карелия с целью приобретения топлива, сигарет, алкоголя, а также за сравнительно недорогой электроникой, косметикой, одеждой и обувью.

- *удобство работы магазинов, особенно в периоды выходных и праздничных дней.* Кроме того, следует добавить широкие возможности проведения свободного времени на территориях по обе стороны границы, а также схожесть финно-угорских языков (финский, карельский, вепсский), облегчающих коммуникацию.

В историческом контексте снятие «железного занавеса» послужило предпосылкой развития шопинг-туризма в российско-финляндском приграничье, первым этапом которого можно считать челночный бизнес, в котором участвовал каждый десятый прибывший в Финляндию россиянин. Несколько десятилетий после распада СССР различные таможенные процедуры (таможенные пошлины, ограничения на вес ввозимого и вывозимого товара) обусловили появление «профессиональной» группы перевозчиков товаров из Финляндии в Россию, которые привозили на продажу сигареты и спиртные напитки, приобреталось кофе, жидкость для мытья посуды, сушилки для белья и другие товары на продажу в РФ. В 2006 г. в связи с ограничением ввоза товаров с 50 до 35 кг и частоты его беспошлинного провоза с раза в неделю до одного раза в месяц, число «челноков» заметно снизилось (Гурова, 2012). Введение санкций против России и рост курса евро отразились на потоке туристов в приграничные с Европой регионы, значительно снизилась покупательская способность. Падение рубля привело к тому, что если до санкций российский турист, в среднем, тратил в Финляндии 210 евро, то теперь тратит на 40 % меньше (Санкции подрывают, 2014). Так в финском городе Лапеенранта (200 км. от Санкт-Петербурга), сокращение торговли привело к закрытию ряда торговых точек. Глава центра парламентских исследований Университета Турку Маркку Йокисипиля признал, что финны потеряли 25 % экспорта продовольственных товаров после введенных Россией контрсанкций (Участники, 2015). Однако, несмотря на внутренние и внешние неблагоприятные факторы, приграничная кооперация продолжает развиваться во многом благодаря сформировавшимся привычкам потребителей. Хотя действует эмбарго на поставки мясных, молочных продуктов, а также фруктов и овощей в Россию из стран ЕС, Норвегии, Австралии и США, но для личного пользования разрешен ввоз товаров до 5 кг., поэтому среди ввозимых товаров по-прежнему спросом пользуются продовольственные товары. Рост курса евро подтолкнул западных соседей приезжать в Россию за топливом, сигаретами, электроникой, косметикой, одеждой и обувью (Степанова, Шлапеко, 2018).

Введение санкций против России и рост курса евро негативно отразились на въездном потоке российских туристов в Финляндию. В последние годы наблюдается тенденция постепенного снижения интереса российских граждан к посещению территории сопредельной Финляндии с туристскими целями: в 2014 г. 4,2 млн чел, в 2015 г. – 3,1 млн чел и в 2016 г. – 2,9 млн чел. (Официальный сайт, 2017). Согласно Главе центра парламентских исследований Университета Турку Маркку Йокисипиля, падение экспорта продовольственных товаров после введенных Россией контрсанкций составило 25 % [Участники]. По данным компании Global Blue Oy, совершающей операции по возврату налогов при покупках товаров tax free в ноябре 2014 г. россияне потратили на 43 % меньше финансовых средств в сравнении с показателями 2013 г. При этом налоговый возврат россиян составляет 83,5 % общего возврата налогов (Global Blue, 2014). В декабре 2014 г. беспошлинные продажи в приграничных городах Финляндии снизились более чем на 70 %, наиболее пострадавшими были Йозенсуу, Иматра, Котка, Коуволла, Каяни, Лахти и Куопио (Tax-free, 2017). Исследователи указывают, что введение Россией контр-санкций отразилось на финских производителях и местном рынке: например, стоимость сыра Oltermanni снизилась с 6–7 евро за 1 кг до 4 евро, при этом увеличился спрос среди местных потребителей (Гурова, Ратиланен, 2015). Однако благодаря сформированным предпочтениям российских туристов трансграничная торговля продолжает развиваться, и шопинг-туризм из России постепенно после резкого спада начинает восстанавливаться. Так, в 2016 г. в среднем сокращение объема продаж по системе tax free составило 18 % (Продажи среди, 2017). За период с января по март 2016 г. по данным финского офиса Global Blue, продажи выросли по системе tax free в приграничных городах: Лапеенранта (+ 63 %) и г. Иматра (+ 84 %) к показателю 2015 г. Согласно данным аналитическо-исследовательского центра ТАК Оу за январь-август 2016 г., средняя трата российского путешественника составляла 172 евро, из которых 114 евро приходится на именно на шопинг [Россияне снова]. За 2016 г. высокие показатели роста продаж наблюдаются именно в приграничных с Россией городах: г. Лапеенранта (+ 34 %) и г. Йозенсуу (+32 %), г. Иматра (+ 19 %), а также в аэропорте Вантаа (+ 48 %), в г. Лахти и г. Хамина (+ 37 %) (Продажи среди, 2017). В 2017 г. по данным компании-оператора Global Blue, наибольший рост продаж по системе Tax free был зафиксирован в Савонлинне (98 %), Хамине (80 %), Лахти (66 %), Иматре (65 %) и Рованиеми (58 %). В январе-апреле 2017 г.

беспшлинные покупки российских туристов увеличились в Финляндии на 44 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Самый динамичный рост был зафиксирован в феврале, когда беспшлинные покупки российских туристов выросли на целых 64 % по сравнению с прошлогодним февралем (Suomalais-Venäläinen, 2018).

### 3.5 ТУРИСТСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Обращение в научной дискуссии к проблематике туристской сферы деятельности как перспективному/приоритетному направлению регионального развития приграничных субъектов РФ (субъекты РФ, имеющие выход на государственную границу государства (Вардомский, 2009)) во многом обусловлено влиянием внешних и внутренних воздействий, принципиально изменивших подходы к развитию приграничного сотрудничества. Трансформации социально-экономического пространства государства на рубеже XX–XXI вв. привнесла кардинальные изменения в логику развития приграничных регионов: изменение функций государственных границ отразилось на направлениях, приоритетах и перспективах развития субъектов федерации. Следует указать, что с нач. XXI в. контактные функции границ России впервые за последние десятилетия (если не века) начинают доминировать (Межевич, 2009), положив начало выстраиванию качественно нового политического, экономического и культурного диалога между РФ с сопредельными государствами. Специфика экономико-географического положения регионов, уникальный туристско-рекреационный потенциал, изменение восприятия туризма в качестве сферы экономической деятельности на уровне власти, бизнеса и общества, возможности и перспективы приграничного сотрудничества, «открытие» государственных границ, преимущество приграничных территорий, учитывая положительный опыт приграничных зарубежных дестинаций, создали благоприятную платформу для развития туристского направления регионального развития приграничных субъектов РФ (Степанова, 2016). В современных условиях у приграничных регионов появились новые возможности активизации социально-экономического развития на основе туристско-рекреационной сферы деятельности.

В социально-экономическом развитии приграничных регионов находит отражение и во многом это развитие детерминирует специфика геополитического и экономико-географического положения территорий, функции государственной границы. Особое влияние функции оказывают на развитие туристско-рекреационной деятельности (Александрова, Ступина, 2014). В первую очередь необходимо указать ограничивающее действие на развитие туризма и особенно международного туризма в случае усиления барьерной функции («граница на замке», формирование закрытых территорий) и, наоборот, контактная функция границ может способствовать усилению туристско-рекреационной деятельности, генерации туристских потоков, в том числе, и из-за рубежа (Stepanova, 2016). Глобализационные тенденции, интеграционные процессы в мировом сообществе, трансформация социально-экономического пространства государства нашли отражение и в изменении функций государственной границы (от барьерной к контактной). Открытие закрытых приграничных регионов, упрощение визового режима, открытие международных пунктов пропуска, развитие приграничного сотрудничества послужило основой генерации туристских потоков из-за рубежа (Stepanova, 2016).

Исследование туризма в качестве перспективного направления развития приграничных территорий находит отражение в работах как зарубежных, так и российских ученых. В последние годы исследования все более нацелены на выявление специфики развития туристско-рекреационной сферы деятельности в приграничных регионах (Mezhevich, Zhuk. 2013; Stepanova, Shulepov, 2016), на стратегических подходах к управлению ее развитием (Корнеевец, Семенова, 2013; Кропинова, Зайцева, 2015), на возможностях и перспективах трансграничного сотрудничества в сфере туризма (Batyk, Semenova, 2013; Александрова, Ступина, 2014; Stepanova 2017b). Учитывая ключевую роль развития инфраструктуры туризма в эффективности функционирования регионального туристского бизнеса, к настоящему времени накоплен значительный научный задел для понимания и осмысления сущности, функций и структуризации компонентов региональной туристской инфраструктуры (Величкина, 2013; Мартышенко, 2011; Николаевская, 2009; Panasiuk, 2007; Seetanah et al., 2011). В отношении данных категорий предложено достаточное число авторских дефиниций, отражающих различные подходы к исследуемой проблематике. Особое место занимают работы, раскрывающие потенциал государственной границы с позиции туристского интереса и создания туристских аттракций, влияние туризма на изменение функций международных границ и независимых территорий (Александрова, 2012; Timothy, Guia, 2014).

Для определения общих тенденций и специфики развития туризма в приграничных регионах России, а также выявления каузальных связей развития туристской сферы деятельности и влияния пространственного положения региона относительно государственной границы, представляется обоснованным и достаточным выбор следующих показателей: развитие туристской инфраструктуры, развитие туристских и гостиничных услуг динамика туристских потоков

Исследование выполнено на основе анализа показателей развития инфраструктуры туризма 37 приграничных регионов, внешняя граница которых совпадает с сухопутной государственной границей РФ (Республика Крым в данном исследовании не рассматривается), особое внимание уделено 13 регионам, граничащим со странами дальнего зарубежья. Исследование развития инфраструктуры туризма в приграничных субъектах РФ за период 2000–2014 гг. позволяет выявить существование ряда тенденций, в определенной степени детерминированных функциями государственной границы (барьерная, контактная) (Степанова. 2016):

- 1) наличие государственной границы оказывает влияние на уровень развития региональной туристской инфраструктуры;
- 2) на состояние и развитие туристской инфраструктуры влияние оказывает специфика взаимодействия РФ с сопредельными странами в исторической ретроспективе.

Сопоставление средних показателей аргументирует некоторую зависимость развития инфраструктуры туризма от пространственного положения региона, причем влияние дифференцировано по структурным компонентам: превышение в развитии инфраструктуры размещения и отставание – инфраструктуры питания, досуга и развлечения. Следует указать, что инфраструктура размещения как индикатор одной из первых среди структурных компонентов туристской инфраструктуры реагирует на развитие турбизнеса, отражая общие тенденции и одновременно определяя перспективы и возможности развития регионального туризма и рекреации в целом, а не только экскурсионных услуг. В этой связи особое внимание из всех структурных компонентов будет уделено именно инфраструктуре размещения. Принимая во внимание специфику взаимодействия РФ с сопредельными государствами в историческом контексте, рассмотрение лидирующей позиции развития инфраструктуры размещения в разрезе регионов, граничащих со странами дальнего и ближнего зарубежья, позволяет определить следующие особенности. Согласно расчетам высокие средние показатели уровня развития инфраструктуры размещения (по числу гостиниц и аналогичных средств размещения в 2014 г.) 37 приграничных регионов РФ (145) в сравнении со среднероссийскими показателем (126) определяются благодаря приграничным регионам, граничащим со странами ближнего зарубежья (161), аналогично по количеству мест (более 11,5 тыс.). Низкие количественные показатели уровня развития инфраструктуры туризма могут обуславливаться «закрытостью» приграничных регионов со странами дальнего зарубежья (капиталистическими странами) в советский исторический период, когда доминирующая барьерная функция государственной границы ограничивала перемещение товаров, услуг, населения, возможности хозяйственного освоения территорий. Трансформационные преобразования на рубеже XX–XXI вв., изменение геополитического положения государства на мировой арене, сопровождаемые «открытием» приграничных регионов послужили основой интенсификации освоения и использования потенциала территорий, в т.ч. туристско-рекреационному освоению, что способствовало повышению занятости и самозанятости местного населения, поступлению доходов в бюджеты всех уровней, сохранению и воспроизводству культурно-исторического и природного наследия регионов. При этом стремительные темпы развития туристской инфраструктуры в приграничных со странами дальнего зарубежья регионах к 2014 г. не позволили наверстать сложившиеся диспропорции. Наоборот, превышающие в сравнении со средними по РФ показатели обеспеченности инфраструктурой размещения обуславливается высокими значениями, граничащими со странами дальнего зарубежья 13 регионов, что в большей степени детерминируется низкой численностью населения периферийных субъектов. Вместе с тем следует уточнить, что рассчитанные показатели представляют, по сути, «фотографию» уровня развития в определенный временной период (по состоянию на 2014 г.), выявление общих тенденций развития инфраструктуры туризма в приграничных регионах России требует исследования развития инфраструктуры туризма в динамике (Степанова, 2016).

Влияние государственной границы на развитие инфраструктуры размещения прослеживается в опережающей динамике роста показателей в приграничных регионах в сравнении со среднероссийскими показателями: рост числа гостиниц в 2,8 раза и 2,35 раза, рост числа мест в них 2,77 раза и 2,56 раза, соответственно. При этом следует подчеркнуть, что опережающие темпы развития

инфраструктуры размещения в период 2000–2012 гг. достигались именно за счет интенсивного развития номерного фонда в граничащих со странами дальнего зарубежья приграничных регионах (почти в 2,2 раза прирост). Активизация развития номерного фонда в остальных 24 приграничных регионах в 2012–2014 гг. (+ 35 %, в количественном отношении более 71 тыс. мест в сопоставлении с 13 регионами – + 23,8 тыс. мест) обусловила сопоставимость темпов роста инфраструктуры размещения 2000–2014 гг. (2,77 раза и 2,8 раза) (Степанова, 2016).

Следует заметить, что из исследуемых элементов инфраструктуры туризма самым инертным является инфраструктура досуга и развлечения, в силу определенного набора объектов, входящих в ее состав: театры, музеи, парки культуры и отдыха, бассейны, дельфинарии, цирки и пр., и требующих значительных финансовых затрат и инвестиций на их строительство, обустройство и функционирование. Вместе с тем, согласно данным официальной статистики за период 1992–2012 гг. (93 % в 2002–2012 гг.) в РФ введено в действие около 35 тыс. мест в театрах, из которых около половины (48,6 %) приходится на приграничные регионы. Однако данная динамика соответствует общероссийской тенденцией и проявляется на всей территории РФ в не зависимости от пространственного положения региона относительно государственной границы (Степанова, 2016).

Обращаясь к логике оценки уровня развития инфраструктуры туризма, следует акцентировать внимание на ключевом (определяющем) значении применяемой методики расчета показателей, диаметрально меняющей положение исследуемых регионов, например, по отношению к среднероссийскому значению. Так, способ расчета, построенный на соотношении количественных показателей к среднему по РФ и по приграничным регионам (37) значению, показывает значительное отставание уровня развития инфраструктуры туризма граничащих со странами дальнего зарубежья 13 приграничных регионов (Степанова, 2016).

Распределение приграничных регионов, позволяющее соотнести уровень развития со среднероссийскими показателями по структурным элементам, показывает, что только Ленинградская область опережает данные показатели, являясь в данной системе расчета регионом-лидером (рис. 3.14). Вместе с тем, динамизм развития туристской инфраструктуры в Ленинградской области во многом обуславливается подъемом туризма в Санкт-Петербурге. Остальные регионы, согласно расчетам, в значительной степени отстают (исключение, Приморский край по уровню развития инфраструктуры размещения в 1,85 раза опережающий аналогичный показатель) (Степанова, 2016).

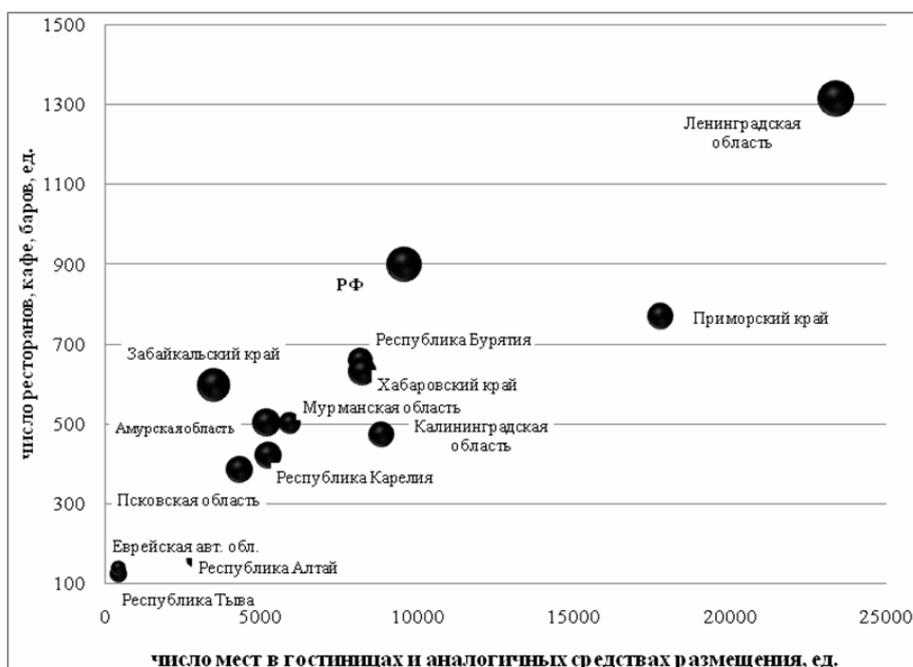


Рисунок 3.14 Распределение приграничных регионов России по уровню развития туристской инфраструктуры, 2014 г. (Степанова, 2016):

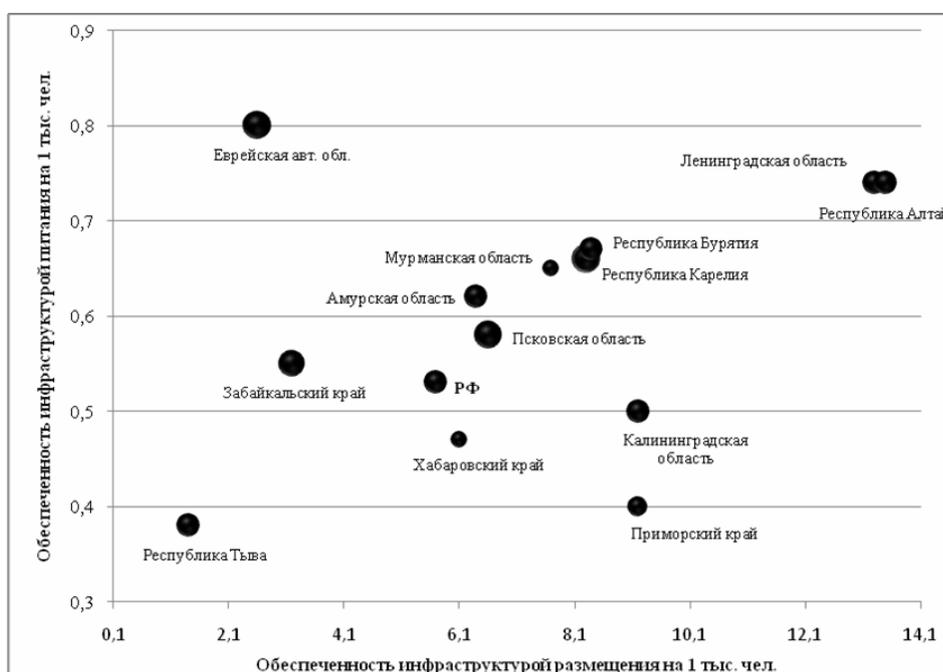
X [инфраструктура размещения]; Y [инфраструктура питания.]; Z [размер кружка – число музеев Министерства культуры России].

Расчеты показателей обеспеченности инфраструктурой туризма, позволяющие производить сравнение в соотношении с численностью населения регионов, выявляют опережение/сопоставление со среднероссийским показателем, что во многом обуславливается низкой численностью населения исследуемых регионов (895,1 тыс. чел. против среднего по РФ показателя – 1690,2 тыс. чел) (Степанова. 2016):

1) обеспеченность инфраструктурой размещения в исследуемых приграничных регионах более, чем на 40 % выше среднего по РФ показателя;

2) обеспеченность инфраструктурой питания и инфраструктурой досуга и развлечения несколько выше или сопоставима.

Распределение исследуемых 13 приграничных регионов по обеспеченности инфраструктурой размещения выявляет, что 77 % исследуемых регионов опережают средние показатели по РФ, по обеспеченности инфраструктурой питания – 70 %, инфраструктурой досуга и развлечения – 40 % и 40 % соответствуют (рис. 3.15). Регионами-лидерами по уровню обеспеченности инфраструктурой туризма являются 6 приграничных регионов, показатели структурных элементов инфраструктуры которых опережают (по обеспеченности инфраструктурой досуга и развлечения у 4 регионов соответствуют) среднероссийские показатели: Республика Карелия, Псковская область, Республика Алтай, Ленинградская область, Республика Бурятия и Амурская область (ранжировано по снижению показателей).



**Рисунок 3.15** Распределение приграничных регионов по обеспеченности инфраструктурой туризма, 2014 г. (Степанова, 2016):

X [обеспеченность местами в гостиницах и аналогичных средствах размещения на 1 тыс. чел.];  
 Y [обеспеченность ресторанами, кафе, барами на 1 тыс. чел.]; Z [размер кружка – обеспеченность музеями Министерства культуры РФ на 1 тыс. чел.].

Следует указать, что с изменениями, произошедшими в восприятии туризма, принятие данной сферы деятельности в качестве (нового) перспективного и/или приоритетного направления социально-экономического развития регионов на уровне власти, бизнеса и общества, начался процесс интенсивного развития туристской инфраструктуры, особенно инфраструктуры размещения (показатели динамики за период 2000–2014 гг. на 8 % опережают рост среднероссийских показателей). Таким образом, опережающие темпы роста показателей развития инфраструктуры размещения в 2000–2014 гг. достигаются за счет приграничных со странами дальнего зарубежья регионов (табл. 3.10). В некоторой степени подтверждается влияние изменения функций государственной границы (барьерная, контактная), отражающих специфику взаимодействия России с сопредельными государствами в исторической ретроспективе (страны дальнего и ближнего зарубежья).

## Динамика развития инфраструктуры размещения за 2000–2014 гг. (Степанова, 2016).

№	приграничный регион	число гостиниц		число мест в гостиницах	
		динамика, разы	прирост, ед.	динамика, разы	прирост, ед.
1	Республика Карелия	1,86	50	1,9	2501
2	Калининградская область	2,4	52	3	5877
3	Ленинградская область	3,4	122	8,6	20708
4	Мурманская область	1,5	27	1,5	2094
5	Псковская область	1,9	24	2	2166
6	Республика Алтай	8,75	93	12,3	2625
7	Республика Бурятия	6,77	173	4,57	6398
8	Республика Тыва	0	0	-42 %	-323
9	Забайкальский край	2,4	67	1,6	1316
10	Приморский край	2,95	160	2,5	10743
11	Хабаровский край	2,77	115	1,88	3844
12	Амурская область	2,4	73	1,8	2306
13	Еврейская автономная обл.	1,5	3	10 %	38
14	в среднем по 13 регионам	2,8	74	2,77	4931

Опережающие темпы роста в разрезе числа гостиниц и аналогичных средств размещения приграничных регионов обеспечиваются за счет строительства и введения новых гостиничных предприятий в 5 приграничных регионах за период 2000–2014 гг.: Республиках Алтай и Бурятия, Ленинградской области, Приморском и Хабаровском краях (совокупно 70 % от числа введенных в 13 приграничных регионах).

В остальных приграничных регионах темпы прироста ниже среднероссийских показателей, что может быть обусловлено, в том числе и достаточным числом предприятий инфраструктуры размещения в регионах (например, обеспеченность в Калининградской области в 1,6 раза выше среднего по РФ показателя). Таким образом, в целом согласно динамике показателей развития инфраструктуры размещения можно выделить 4 региона-лидера, в которых инфраструктура размещения развивается опережающими темпами: Республика Алтай, Республика Бурятия, Ленинградская область и Приморский край; стремиться Калининградская область и Хабаровский край. Исключением из исследуемых регионов является Республика Тыва, где наблюдается тенденция сокращения номерного фонда при сохранении количественного показателя гостиничных предприятий (Степанова, 2016).

Предложенный подход позволяет обосновать качественные изменения в сфере туристско-рекреационного освоения приграничных со странами дальнего зарубежья регионов России. В работе проанализирована динамика показателей развития 85 субъектов РФ и 37 приграничных регионов, по территории которых проходит сухопутная государственная граница России (с акцентом на 13 граничащих со странами дальнего зарубежья субъектов РФ) за период 1993/2004–2014 гг. Комплексный характер исследования обусловлен учетом различных показателей развития туристской сферы: туристские услуги, гостиничные услуги, туристская мобильность. В работе используются медианные значения (Степанова, 2017).

Одним из показателей развития туризма можно принять объем оказанных населению туристских услуг, в определенной степени характеризующий вовлечение туристско-рекреационного потенциала территорий в экономическую деятельность. Рост объема туристских услуг, оказанных 1993–2014 гг., особенно стремительный в начале 21 в., отражает изменение подходов к управлению процессом развития туризма, усиление внимания к развитию внутреннего и международного въездного туризма на федеральном и региональном уровнях власти (рис. 3.16). Половина туристских услуг, оказанных в 1993–2014 гг., предоставлялась на территории 8 российских регионов, не являющихся, за исключением Краснодарского края, приграничными субъектами РФ. Доля приграничных регионов в среднем составляет 28,6 %, однако в кризисные 1997–1998 гг. при росте общероссийских показателей доля приграничных регионов снижалась (менее 20 %) (Степанова, 2017).

Высокие долевые показатели граничащих со странами дальнего зарубежья регионов в период 1993–1996 гг. обеспечивают в основном 4 приграничных с КНР региона: Забайкальский, Приморский, Хабаровский края и Амурская область (совокупно от 50 до 90 %), что обуславливалось институциональными предпосылками интенсификации туристской мобильности граждан на участке российско-китайской границы. Устойчивый рост объема туристских услуг позволяет данным регионам занимать лидирующие позиции среди приграничных со странами дальнего зарубежья субъектов РФ (более 50 %).

С 1998 г. благодаря росту объема оказанных туристских услуг увеличивается доля приграничных регионов Северо-Запада России: Республики Карелия, Калининградской и Мурманской областей, что показывает высокий потенциал туристско-рекреационной деятельности. Республики Алтай и Тыва, а также Еврейская автономная область характеризуются незначительными объемами оказанных населению туристских услуг. Доля туристских услуг в общем объеме оказанных населению платных услуг составляет в среднем 1,3 % для регионов, граничащих со странами дальнего зарубежья, и 1,6 % для регионов, граничащих со странами ближнего зарубежья (Степанова, 2017).

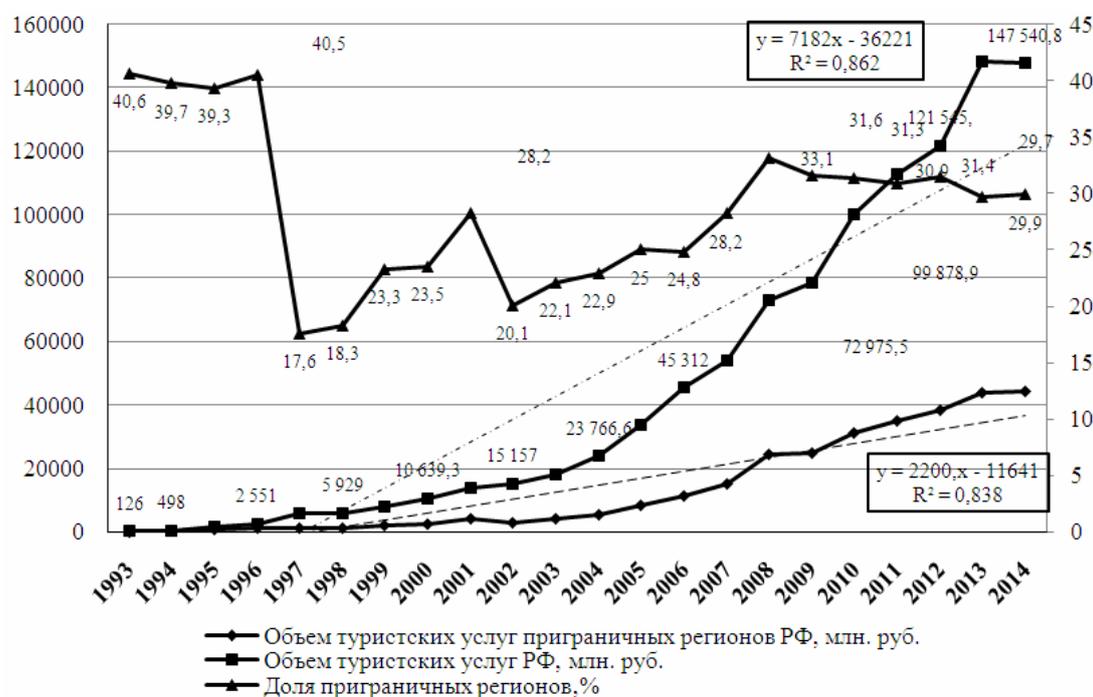


Рисунок 3.16 Динамика объема туристских услуг, оказанных в 1993–2014 гг., млн руб.:

1 – в приграничных регионах РФ, 2 – в России в целом; 3 – доля приграничных регионов, % (Степанова, 2017). Рассчитано по данным источника (Официальный сайт)

Исследование динамики оказанных населению на территории приграничных субъектов РФ гостиничных услуг за период 2002–2014 гг. выявляет устойчивую тенденцию роста (рост в 9,6 раза). Доля приграничных регионов составляет 28,7 % (при росте от 22 % в 2002 г. до 38,6 % в 2014 г.). Следует заметить, что именно гостиничные услуги во многом определяют развитие туристского бизнеса, что вызывает мультипликативный эффект и вовлечение большого числа сопутствующих сфер экономической деятельности, а не только развитие экскурсионной составляющей в регионах (Степанова, 2017).

Сопоставление показателей туристско-рекреационной деятельности (2014 г.) в приграничных российских субъектах выявляет лидирующие позиции 13 регионов, граничащих со странами дальнего зарубежья (табл. 1). И если достаточно обоснованными могут представляться высокие удельные показатели из-за невысокой плотности населения периферийных регионов (в среднем 3,5 чел/км<sup>2</sup> на 01.01.2015 г.). Высокие средние показатели объема оказанных туристских услуг наряду с высокими долями туристских и гостиничных услуг (совокупно 4,4 %) в общем объеме оказанных населению платных услуг выявляют потенциал и перспективы развития туристского бизнеса в данных регионах (Степанова, 2017).

Ранжирование регионов, граничащих со странами дальнего зарубежья по трем группам, позволяет более детально проанализировать развитие в них туризма. Регионами – лидерами по предоставлению в 2014 г. туристских и гостиничных услуг населению являются шесть приграничных субъектов: Республика Бурятия. Приморский и Хабаровский края, Калининградская, Мурманская и Амурская области, по совокупности показателей к этой группе можно отнести и Республику Карелию. Из приграничных субъектов РФ Республика Тыва и Еврейская автономная область значительно отстают по развитию туристских и гостиничных услуг (Степанова, 2017).

## Развитие туризма в РФ в 2014 г. (Степанова, 2017)

Показатель	РФ	Приграничные регионы		
		37	13	24
<i>Туристские услуги</i>				
Доля туристских услуг в общем объеме оказанных населению платных услуг, %	1,8	1,6	<b>2,3</b>	1,45
Объем оказанных тур. услуг, млн руб.	844,4	859,4	<b>894,3</b>	859,4
Объем тур. услуг на душу населения, руб./чел.	737,7	674	<b>901,1</b>	650
<i>Услуги гостиниц и аналогичных средств размещения</i>				
Доля услуг гостиниц в общем объеме оказанных населению платных услуг, %	1,5	1,5	<b>2,1</b>	1,3
Объем оказанных услуг гостиниц, млн руб.	799,3	870,2	625,7	<b>888,2</b>
Услуги гостиниц на душу населения, руб./чел.	634,7	588,4	<b>919,5</b>	471,5

*Примечание:* 37 – общее число приграничных регионов РФ, из которых 13 – число регионов, граничащих со странами дальнего зарубежья, и 24 приграничных со странами ближнего зарубежья регионов РФ.

Рассчитано по данным источника [официальный сайт]

Исследование развития туристской инфраструктуры в приграничных регионах России за период 2000–2014 гг. выявляет ряд тенденций, в определенной степени детерминированных функциями государственной границы (барьерная, контактная), а также их изменением. Влияние государственной границы на развитие инфраструктуры туризма дифференцировано по структурным компонентам: опережающая динамика роста показателей инфраструктуры размещения в приграничных регионах в сравнении со среднероссийскими показателями. отставание – инфраструктуры питания, досуга и развлечения. Высокие средние показатели уровня развития инфраструктуры размещения 37 приграничных регионов РФ в сравнении со среднероссийским показателем (2014 г.) определяются благодаря приграничным регионам, граничащим со странами ближнего зарубежья. Низкие количественные показатели уровня развития инфраструктуры туризма (2014 г.) приграничных со странами дальнего зарубежья регионов могут обуславливаться «закрытостью» субъектов в советский исторический период (государственная граница с капиталистическими странами). При этом стремительные темпы развития туристской инфраструктуры в данных регионах к 2014 г. не позволили наверстать сложившиеся диспропорции. Наоборот, превышение, в сравнении со средними по РФ показателями обеспеченности инфраструктурой размещения, обуславливается высокими значениями, граничащими со странами дальнего зарубежья регионов во многом обуславливается низкой численностью населения периферийных субъектов (Степанова, 2016).

Наряду с количественными показателями оценки уровень развития инфраструктуры туризма, определение качественных характеристик функционирования представляется ключевым аспектом, формирующим, в конечном счете, ценностные и стоимостные характеристики регионального туристского продукта, тем самым определяя конечные результаты функционирования и развития туристского бизнеса в регионе. Решающее значение в развитии туристского бизнеса, возможности использования туристско-рекреационного потенциала региона (включая транспортную доступность) играет уровень и качество функционирования транспортной инфраструктуры [Солдаткина, 2011; Бухер, 2016]. Решение пространственных диспропорций в количественных и качественных показателях развития туристской инфраструктуры (в условиях межстрановой и межрегиональной конкуренции за туриста и инвестиции), достаточная разреженность социально-экономического пространства приграничных регионов требует комплексного подхода. Включая интеграцию и кооперацию хозяйствующих субъектов для предоставления качественных туристских услуг, консолидацию усилий всех заинтересованных в развитии регионального туристского бизнеса сторон: власти, бизнеса и общества, учитывая, что туристская инфраструктура обеспечивает не только удовлетворение интересов туристов, но потребности местного населения в отдыхе и рекреации (Степанова, 2016).

*Подводя итог*, следует акцентировать внимание на положительном влиянии предпринимательства в сфере приграничной торговли и шопинг-туризма на активизацию социально-экономического развития и сокращение усиливающейся разреженности экономического пространства приграничных субъектов РФ. Принимая во внимание положительный опыт зарубежных приграничных территорий в развитии приграничной торговли и приграничных туристских дестинаций, данные сферы предпринимательской деятельности могут представляться в качестве перспективных направлений федеральной политики.

Приграничная торговля способствует росту занятости и доходов местного населения, усиливает развитие местного производства, оказывая мультипликативный эффект на развитие смежных отраслей, удешевляя импорт и одновременно стимулируя экспорт. Наряду с положительными эффектами, исследователи указывают, что развитие приграничной розничной торговли таит в себе определенные угрозы: утрата интереса жителей сопредельного государства к товарам и услугам, возникновение трудностей при пересечении государственной границы, «зеркальные» прибыли и убытки компаний по разные стороны границы (Bar-Kolelis, Wiskulski, 2012; Большев, Гуменюк, 2015).

Следует подчеркнуть, что данные меры должны осуществляться, учитывая дифференциацию приграничных российских регионов, специфику взаимодействия и исторический опыт сотрудничества в области приграничной торговли, принимая во внимание особенности физико-географического положения субъектов России, уровень развитости инфраструктурного каркаса территорий, обустройство государственной и таможенной границы и другие аспекты. Стимулирование приграничного предпринимательства рассматривается в качестве приоритетного направления развития приграничных регионов. Учитывая положительный эффект активизации приграничной торговли и развития приграничных регионов Финляндии и Китая, особое значение приобретает проблематика привлечения потока туристов сопредельного государства, поиск инструментов для усиления развития данной вида экономической деятельности на территории российского приграничья. В конкурентной борьбе за финансовые ресурсы туристов, решающее значение приобретает не столько удаленность населенного пункта от государственной границы, сколько именно его насыщенность необходимыми для потребителя товарами и услугами (Степанова, Шлапеко, 2018).

## 4. ГЕОЭКОНОМИКА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

### 4.1 СИСТЕМНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИКО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

сновополагающий тезис «перманентный рост идет сам по себе и при условии мобильности факторов производства и благоприятных институтах влечет за собой исключительно экономические выгоды» – не очевиден. Однако такая макроэкономическая точка зрения является доминирующей. Следуя данной логике, макроэкономическая стабилизация и институциональное управление должны привести к экономическому росту и оживлению инвестиционного процесса в регионах. Однако так ли это?

В качестве попытки найти ответ на данный вопрос, рассмотрим важнейшие системные факторы развития экономики периферии, имеющие геоэкономическую природу.

При изучении многомерных распределений, характеризующихся значениями многих переменных, подлежащих измерению и теоретическому обобщению, учитывая особенности социально-экономических исследований, приходится применять специальные методы для упорядочивания множества показателей и составления их. С этой целью воспользуемся многомерным факторным анализом, который представляет собой системное изучение и оценку влияния факторов на региональное развитие как совокупность приемов обработки и переработки показателей социальных и экономических процессов, происходящих на территории региона.

Для исследования приграничных регионов и влияния границы выбраны показатели социально-экономического развития и данные по активности сопредельного государства (табл. 4.12).

Таблица 4.12.

**Показатели социально-экономического развития приграничных регионов**

№ пп	Переменная	Содержание переменной
1	VAR1	ВРП, всего, млн руб.
2	VAR2	ВРП на душу населения, руб.
3	VAR3	Население, чел.
4	VAR4	Кол-во пунктов пропуска, всего
5	VAR5	Кол-во пунктов пропуска, функционирующих
6	VAR6	Объем иностранных инвестиций (отклонение от среднего)
7	VAR7	Объем иностранных инвестиций (среднее значение)
8	VAR8	Число совместных предприятий, всего
9	VAR9	Число совместных предприятий со странами-соседями
10	VAR10	Плотность автодорог, км/1000 кв.км.
11	VAR11	Число поездок через границу с сопредельным государством
12	VAR12	ВВП на душу населения в сопредельном государстве (среднее по странам), долл. США
13	VAR13	Плотность автодорог в сопредельном государстве (среднее по странам), км/1000 кв.км.

Переменные 1–3 характеризуют социально – экономическое положение регионов в целом, 4, 5 и 11 характеризуют развитость трансграничной инфраструктуры и проницаемость границы в регионах. Переменные 6 и 7 – показатели экономической активности регионов в части привлечения иностранных инвестиций. Переменные 8 и 9 характеризуют наличие иностранных компаний в регионах. Важным показателем является наличие иностранных предприятий из сопредельной страны: это характеризует степень использования приграничного расположения регионов. Переменная 10 характеризует готовность транспортной сети к сотрудничеству, перевозке грузов и пассажиров по территории региона. Переменные 12 и 13 характеризуют уровень социально-экономического развития сопредельного государства, его общее социально-экономическое положение и готовность транспортной сети к обслуживанию грузов и пассажиров. Приведены средние для сопредельных стран значения. Набор переменных представляет собой матрицу большой размерности, поэтому требуется ее снизить без потери информации и ее достоверности. Для оценки факторной структуры используется метод главных

компонент, а для вращения векторного пространства – метод «варимакс». В исследовании применяется набор инструментов пакета обработки статистических данных STATISTICA. При этом происходит сжатие многомерного пространства до пространства трех переменных (факторов), объясняющих большую часть дисперсий. В результате значимые переменные описывают более 60 % дисперсии исходных переменных (табл. 4.13).

Таблица 4.13.

**Матрица факторных нагрузок переменных**

Наименование переменных	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
VAR1	0,830167	-0,08821	0,21469
VAR2	0,352573	-0,23218	0,768157
VAR3	0,738324	0,245539	-0,40361
VAR4	0,088377	0,819939	-0,07421
VAR5	0,162487	0,832633	-0,08711
VAR6	0,745055	-0,00499	0,477279
VAR7	0,827168	0,0325	0,083194
VAR8	0,639013	0,515497	-0,05611
VAR9	0,496279	0,570511	-0,14236
VAR10	-0,11557	-0,05148	-0,5935
VAR11	0,002551	0,568438	0,327825
VAR12	-0,22722	0,281763	0,758401
VAR13	-0,19997	0,559	0,289297
Доля общей дисперсии, %	26	22	17

Факторный анализ используется для того, чтобы изучать связь между существующими переменными на основании гипотезы о том, что измеренные переменные зависят от случайной ошибки и некоторых фундаментальных факторов. В ходе анализа взаимосвязанные переменные объединяются в данные обобщающие факторы, формируя определенную структуру. В качестве независимых факторов выявляются нечеткие множества переменных. На основании корреляции между переменными и факторами производится интерпретация последних.

Фактор 1 (26 % дисперсии) интерпретируется как фундаментальное свойство экономического пространства, а именно дивергентность, проявляющаяся в повышении концентрации характеристик пространства.

Фактор 2 (22 % дисперсии) интерпретируется как географическая структура пространства, определяющая ареалы производственной активности и экономических связей хозяйствующих субъектов. Фактор 3 (17 % дисперсии) обобщается как конвергентность пространства, обусловленная как определенной сбалансированностью (несбалансированностью) институтов региональной и страновой (в том числе сопредельных страновой и региональной) институциональных матриц, инклюзивных и экстрактивных институтов и т. д. В частности данный фактор проявляется в разности соотношения барьерной и контактной функций границ.

Характеристика объектов (регионов) в пространстве выявленных факторов в контексте измеренных переменных приведена в таблице 4.14.

Группировка регионов происходит на основе диаграммы рассеивания объектов на осях факторов. При этом координатами объектов являются их коэффициенты корреляции с факторами (факторные нагрузки). На рисунке (рис. 4.17) представлены группировки регионов, выделенные методом простой факторной нагрузки.

Для определения кластеров использовались критерии: пороговое значение равно  $\frac{1}{2}$  максимального значения фактора или вероятность попадания в «центр» кластера, равная 0,75. Положительные значения факторов 1 и 2 (правый верхний квадрант части 1 рис. 4.14) говорит о привлекательности регионов для иностранных инвестиций при хорошей «прозрачности», или «проницаемости» границы. Это характеризуется как положительное влияние приграничного расположения на регионы (контактная функция границы).

В такие регионы попали: Санкт-Петербург, Тюменская, Самарская, Ростовская, Челябинская, Новосибирская области, Краснодарский и Красноярский края. Это группа регионов, в которых благоприятная ситуация для активной инвестиционной деятельности и реализации крупных международных проектов.

В левый верхний квадрант (первая схема) попали регионы, испытывающие негативную синергию экономического пространства. Среди них Ленобласть, Мурманская область, Карелия, Псковская область, Республика Алтай, Калмыкия и др. Для этих регионов контактная функция границы не стала позитивной для их развития.

В правый нижний квадрант попали регионы, для которых граница не является фактором развития, вследствие ее закрытости. Развитие этих регионов происходит за счет внутренних инвестиций и большого количества инфраструктурных инвестиционных проектов, связанных с привлечением бюджетных средств.

Таблица 4.14.

**Матрица факторных нагрузок по регионам**

№ пп	Приграничный регион	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1	Мурманская область	-0,91861	0,53391	1,40982
2	Карелия	-0,74595	1,12647	0,95164
3	Ленинградская область	-0,60318	1,99551	0,94682
4	Санкт-Петербург	3,79422	1,36592	0,88936
5	Псковская область	-0,98785	1,26244	-0,00743
6	Калининградская область	-0,65873	2,25808	-0,3916
7	Смоленская область	0,22548	-0,01511	-0,50097
8	Брянская область	-0,17635	0,59629	-0,7828
9	Курская область	-0,4518	-0,1543	-0,56624
10	Белгородская область	0,87852	1,70078	-0,66089
11	Воронежская область	0,02932	-0,41048	-0,60859
12	Ростовская область	1,15488	1,56063	-0,99459
13	Астраханская область	-0,35899	-0,35458	-0,41111
14	Волгоградская область	0,20869	-0,59044	-0,63533
15	Саратовская область	0,10618	-0,67419	-0,66031
16	Самарская область	1,06004	-1,08442	-0,64855
17	Оренбургская область	0,27744	0,46433	-0,70209
18	Челябинская область	1,46757	-0,29406	-0,41397
19	Курганская область	-0,47851	-0,56107	-0,41982
20	Тюменская область, (исключая ХМАО и ЯНАО)	2,5795	-1,48212	1,64651
21	Омская область	0,34915	0,08288	-0,59083
22	Новосибирская область	0,68403	-0,28691	-0,68696
23	Алтайский край	-0,13581	0,15833	-0,95613
24	Республика Алтай	-0,83006	-0,55196	0,24344
25	Краснодарский край	1,51165	1,49478	-1,04944
26	Карачаево-Черкесия	-0,68387	-0,98081	-0,52368
27	Кабардино-Балкария	-0,62366	-0,88372	-0,99515
28	Северная Осетия	-0,65301	-0,67113	-0,91684
29	Ингушетия	-0,7467	-0,99297	-1,1604
30	Чечня	-0,56737	-0,85807	-1,04245
31	Дагестан	-0,34436	0,15068	-1,01451
32	Калмыкия	-0,80188	-0,70697	-0,06238
33	Республика Алтай	-0,83006	-0,55196	0,24344
34	Тыва	-0,64688	-0,58822	-0,22557
35	Бурятия	-0,33043	-0,19084	-0,40322
36	Амурская область	-0,38007	0,52398	0,18224
37	Еврейская автономная область	-0,74561	-0,05624	0,27272
38	Хабаровский край	-0,52785	0,85701	0,79556
39	Приморский край	0,02989	1,99119	0,06528
40	Сахалинская область	0,14321	0,48058	3,02998
41	Камчатский край	-1,17652	0,03315	1,56147
42	Магаданская область	-1,14454	-0,00152	1,66292
43	Чукотский автономный округ	-0,75139	-0,52785	2,07912
44	Республика Саха	0,00602	-0,82893	0,56285
45	Красноярский край	1,4282	-1,42829	-0,54537
46	Архангельская область, (включая НАО)	0,10795	-0,79007	-0,08519
47	Ямало-Ненецкий автономный округ	1,25813	-2,11973	2,11923

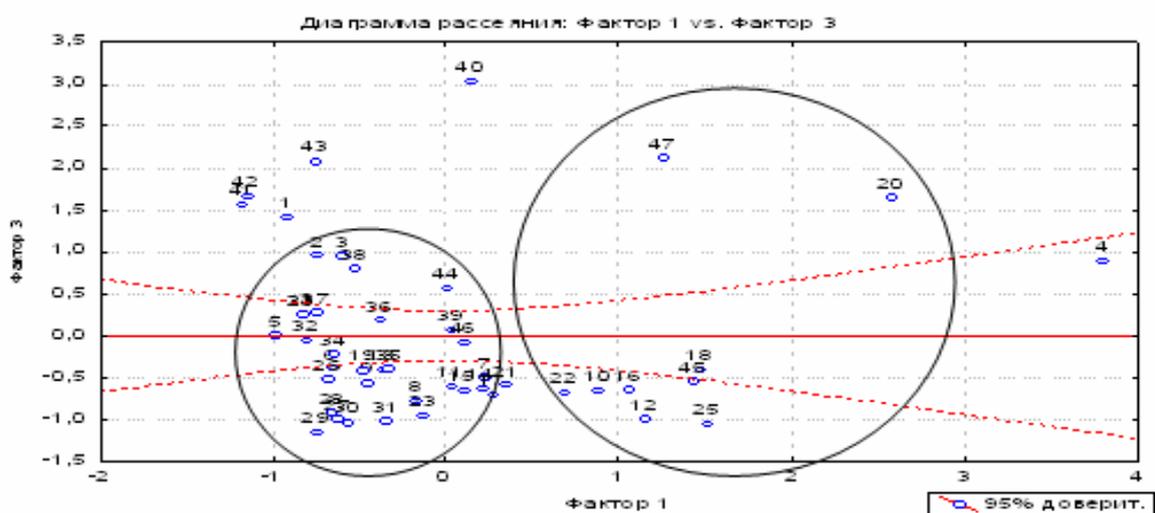
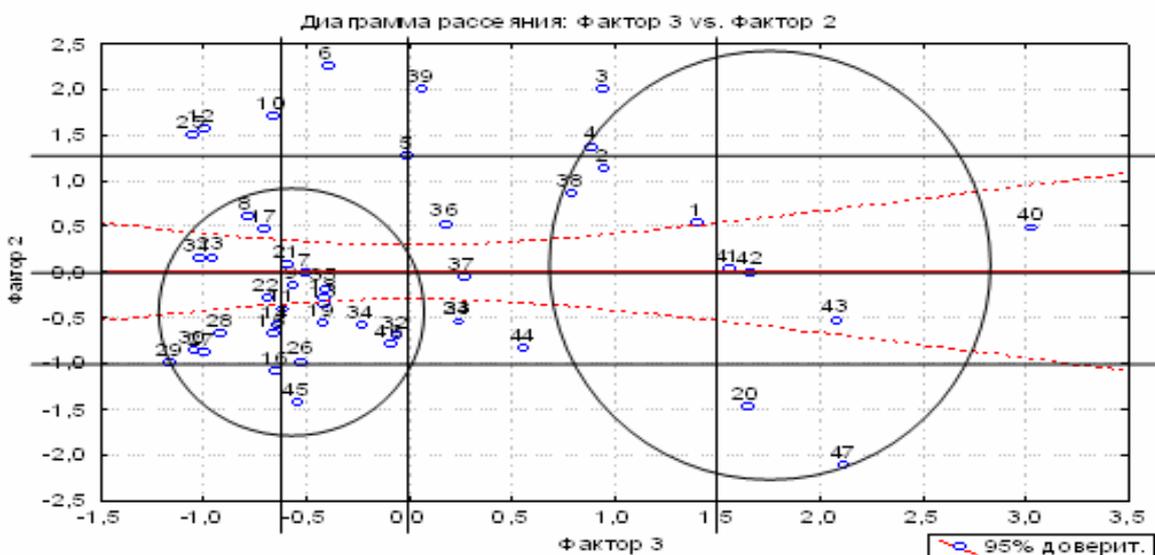
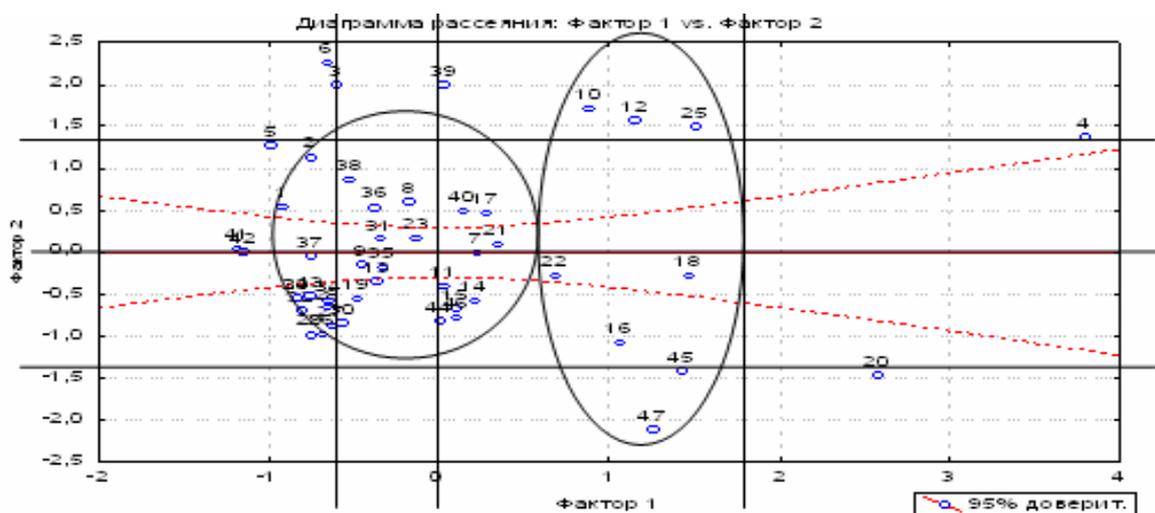


Рисунок 4.17 Кластеры регионов в факторном пространстве

На второй схеме отображено размещение регионов по факторам 3 и 2. Левый нижний квадрант объединяет регионы, для которых граница носит усиленный барьерный характер. Это регионы Северного Кавказа, для которых актуальны вопросы охраны границ и противодействию проникновения людей через границу.

В то же время регионы Дальнего Востока, которые граничат с такими странами как Япония и США, показывают большое значение фактора 3. При этом открытость границы не имеет значения. Кроме того затруднена логистика, что является ограничением для положительного влияния страны-соседа.

В правый верхний квадрант попали регионы, для которых соседство с сильным соседом наряду с открытостью границы играют большую роль в их развитии. К ним относятся регионы Северо-запада России, соседями которых являются страны-участники Евросоюза.

Наибольшее число регионов попало в сектор близкий к нулю по обоим показателям. Это говорит о том, что для них характерна слабая активность страны-соседа и, как следствие, малая активность по трансграничному сотрудничеству.

В левый нижний квадрант попали регионы, для которых граница носит барьерный характер. Это, прежде всего, Северный Кавказ, а также регионы северной группы, не имеющие сухопутной национальной (государственной) границы.

Третья схема описывает слабое влияние комплекса «Фактор 3 – Фактор 1». Они расположены в районе нуля по обоим показателям. В правом верхнем квадранте, где выявляется положительное влияние фактора развития экономики страны-соседа на общие показатели расположены Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область и Санкт-Петербург. Из них можно выделить только Санкт-Петербург как региона, на который действительно имеет влияние соседство с экономически активным соседом. Левый нижний квадрант включает регионы, для которых граница несет барьерную функцию. То есть ограничивает от влияния сопредельной страны.

Основным выводом, который следует из проведенного анализа, является утверждение, что граница сама по себе еще не является исключительно позитивным или негативным фактором развития приграничного региона. Более того, полагаем, она вообще не является фактором. Важным условием реализации и использования границы является, конечно, ее открытость, контактность, прозрачность, но самое главное значение имеют именно фундаментальные характеристики экономического пространства.

**Таким образом, границу надо воспринимать как элемент пространства, который стимулирует (в геоморфологическом смысле) рельефообразование и возникновение геонвариантов в экономическом и социокультурном пространстве. Поэтому далее исследуем морфогенез – процессы и причины, порождающие рельеф и соответствующие системные риски развития приграничных регионов, а также проанализируем их влияние на рельефообразование геоэкономического пространства.**

В ходе эволюции экономического пространства сложились разнообразные экономические районы, в которых характер экономических процессов определяется теми или иными способами экономической координации субъектов, а также технологическими, социальными, историческими и иными условиями. В частности имеет безусловное значение концентрация экономической активности и специализации российских регионов (см. анализ концентрации экономической активности и специализации российских регионов (Растворцева, 2013, Коломак 2014; Колесников, Толстогузов 2014, 2015).

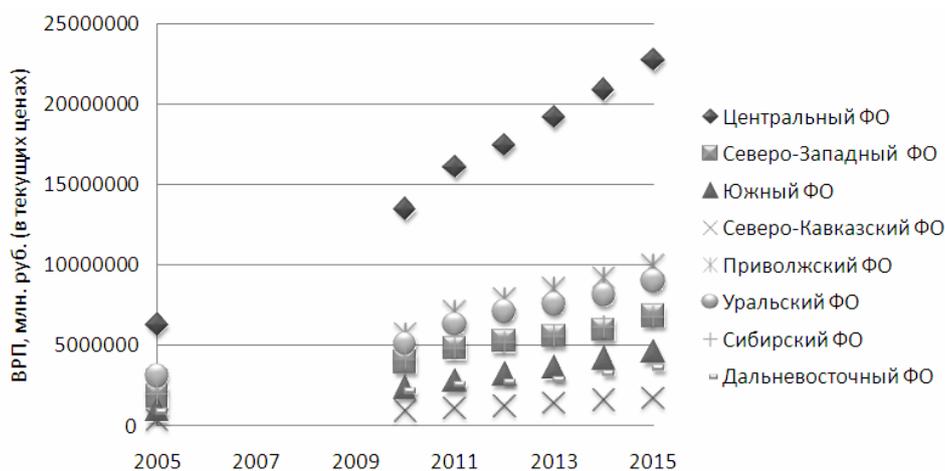
Кроме того, природные ресурсы, имеющиеся у территории, при благоприятных условиях стимулируют экономическую активность, но с другой стороны необходимо принять также справедливость и того, что развитие межрегиональных отраслевых рынков и возрастающая отдача (и ее распределение в пользу центра как результат действия экстрактивных институтов) являются альтернативным объяснением региональной специализации по отношению к фактору запаса ресурсов периферийных территорий.

Трансформация экономического пространства имеет долгосрочные последствия в виде глубоких структурных изменений экономики. Может ли промышленность в приграничных регионах в таких условиях выступать источником, призванным обеспечить структурные преобразования с целью выведения экономики на путь модернизации и реиндустриализации?

Не требует доказательства тезис о том, что путь экстенсивного наращивания эксплуатации природных ресурсов исчерпан. Данный вызов простимулировал определенные политические действия и интенсивное институциональное строительство, направленное на стимулирование инновационной активности и импортозамещение в России. В то же время результаты действий и сформированных институтов оцениваются далеко неоднозначно. С одной стороны, несомненно, имеются успехи в создании инновационных продуктов за счет концентрации интеллектуальных и иных ресурсов в крупных агломерациях, инновационных зонах (таких как «Сколково»), с другой – деградирующая (как в эко-

номическом, так и в инновационном смысле) периферия. Если посмотреть на карту России, то видно, что пояс возникших и возникающих индустриальных парков и иных инновационных зон географически совпадает с крупными агломерациями и промышленными районами с развитыми устойчивыми энерго-производственными циклами, определяющими их специализацию. В данных регионах происходит не просто трансформация структуры экономики, но изменения, стимулирующие дальнейшее индустриальное развитие.

На рисунке 4.18 представлены изменения ВРП по федеральным округам (ВДС в текущих основных ценах) в течение 2010–2015 гг. Несмотря на то, что в этих данных не учтена инфляция, тем не менее, график показывает синхронное изменение ВРП (при доминировании вклада Центрального федерального округа), но не отражает различия в структуре экономики. В то же время, к сожалению, он создает видимость того, что показатели структурно одинаковы, чем провоцирует однообразность управленческих решений. Однако регионы имеют разные условия, разную ритмику и разный потенциал развития.



**Рисунок 4.18** Валовой региональный продукт по федеральным округам Российской Федерации в текущих ценах 2000–2013 гг., млн руб. Источник: Составлено автором по данным Росстата

Чтобы в этом убедиться, далее рассмотрим элементную структуру ВРП. Полагаем, что масштаб производства (и запасы его факторов) не является единственным и безальтернативным объяснением развития экономики, характера и динамики торговли. Полагаем, что межрегиональная торговля определяется также характером экономических процессов и изменяющейся рыночной структурой, выявив и оценив которые сможем найти убедительную аугментацию для изменения стратегий развития регионов в условиях трансформации экономического пространства. Для этого проведем анализ изменений пропорции «потребление-накопление» и тенденций развития отраслевых рынков, по нашему мнению, демонстрирующих структурную деформацию экономики.

Валовое накопление основного капитала характеризует инвестиционную деятельность и представляет собой вложение резидентными единицами средств в объект основного капитала для создания нового дохода в будущем путем использования их в производстве. Будем считать, что преобразование экономической ренты в инвестиции происходит одинаково для всех точек пространства. Следовательно, изменение инвестиционной компоненты ВРП прямо пропорционально изменению извлекаемой ренты.

На рисунке 4.19 представлены аппроксимации колебаний показателя «валовое накопление основного капитала, в % к итогу ВРП».

При построении графика мы исходили из следующей гипотезы: амплитуда показателя изменяется в соответствии с изменением инвестиционного процесса (в соответствии с обобщенным бизнес-циклом региона). В отсутствие сигнала (вызывающего инвестиционную активность) амплитуда уменьшается относительно своего немодулированного уровня в соответствии с падением модулирующего сигнала. В то же время, чем больше амплитуда модулирующего сигнала, тем сильнее изменяется амплитуда показателя. Модулированный показатель имеет огибающую, в точности повторяющую форму модулирующего сигнала. Именно эта линия выделяется как полезный сигнал, который несет в себе информацию о бизнес-цикле (фазе, амплитуде, периоде колебаний).

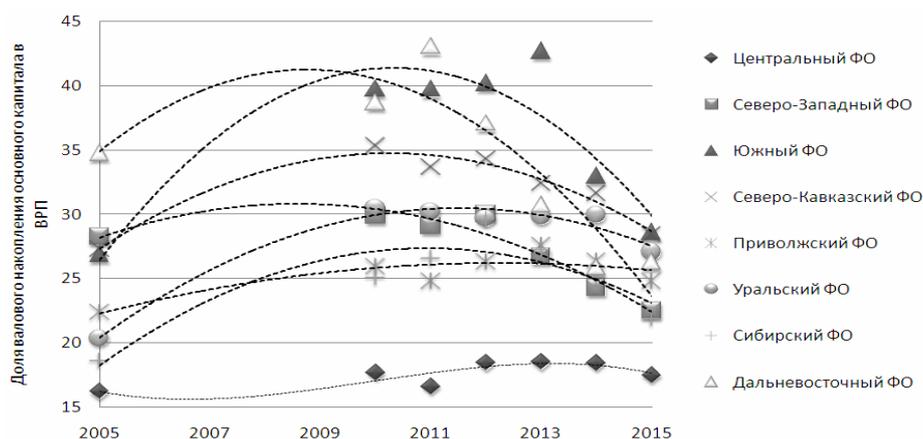


Рисунок 4.19 Аппроксимация колебаний показателя «валовое накопление основного капитала, в % к итогу» по макрорегионам. Источник: Составлено автором по данным Росстата

В частности, по данным 2000–2016 гг. (в разрезе федеральных округов) данный период, по нашим расчетам, должен составлять от 15 до 25 лет. Разница интервалов зависит по нашему мнению от того, какая промышленная база составляет ядро округа. Так наличие пирометаллургического энергопроизводственного цикла увеличивает данный интервал до 25 лет.

Вернемся к анализу обобщенных бизнес-циклов. Графики на рисунке 3.19 показывают, что макроструктурные изменения идут разнонаправленно – бизнес-циклы не совпадают по фазе. Так Приволжский и Центральный округа находятся в стабильной фазе, причем Центральный – в фазе подъема. Остальные округа – в фазе спада. Это ведет к тому, что инвестиционные ресурсы будут вымываться из северной и восточной периферии. В то же время территории страны – это не конкуренты, а составные части единого экономического пространства, объединенного общими социально-экономическими интересами и стратегией страны в целом. В то же время глобальная трансформация таит в себе реальную возможность смены функций региона (вопреки стратегии страны) и возникновения системного кризиса (вопреки стратегии региона) в результате эндогенных дисбалансов отраслевых рынков и всей региональной экономической системы.

Не требует доказательства тезис о том, что путь экстенсивного наращивания эксплуатации природных ресурсов исчерпан. Очевидной альтернативой является модернизация экономики. Действующий кризис еще острее обозначил данную дилемму.

Дискуссия по поводу влияния межрегиональной кооперации и конкуренции, межотраслевой и внутриотраслевой конкуренции, распределения эффектов межрегиональной экономической интеграции активно продолжается, несмотря на, казалось бы, безальтернативность влияния фактора межрегионального разделения труда. Причиной развития региона может выступить новый фактор, например, открытие минеральных месторождений или развитие экспорта местной продукции (как проявление естественного конкурентного преимущества). В то же время причиной может стать производство дифференцированного продукта (как реализация искусственного конкурентного преимущества), развитие новых технологий и иной подобный фактор, который стимулирует (в результате эффекта масштаба выпуска регионального продукта) повышение капитализации региональных активов, процесс диффузии инноваций, осуществляемой в целях реиндустриализации региона.

Имеющиеся знания и опыт приводят к убеждению, что с одной стороны справедливо утверждение, что природные ресурсы, имеющиеся у территории, при благоприятных условиях (обеспечивающих высокий рыночный потенциал) притягивают экономическую активность, но с другой стороны необходимо принять также справедливость и того, что развитие межрегиональных отраслевых рынков и возрастающая отдача (и ее распределение в пользу центра как результат действия экстрактивных институтов) являются альтернативным объяснением региональной специализации по отношению к запасу ресурсов периферийных территорий.

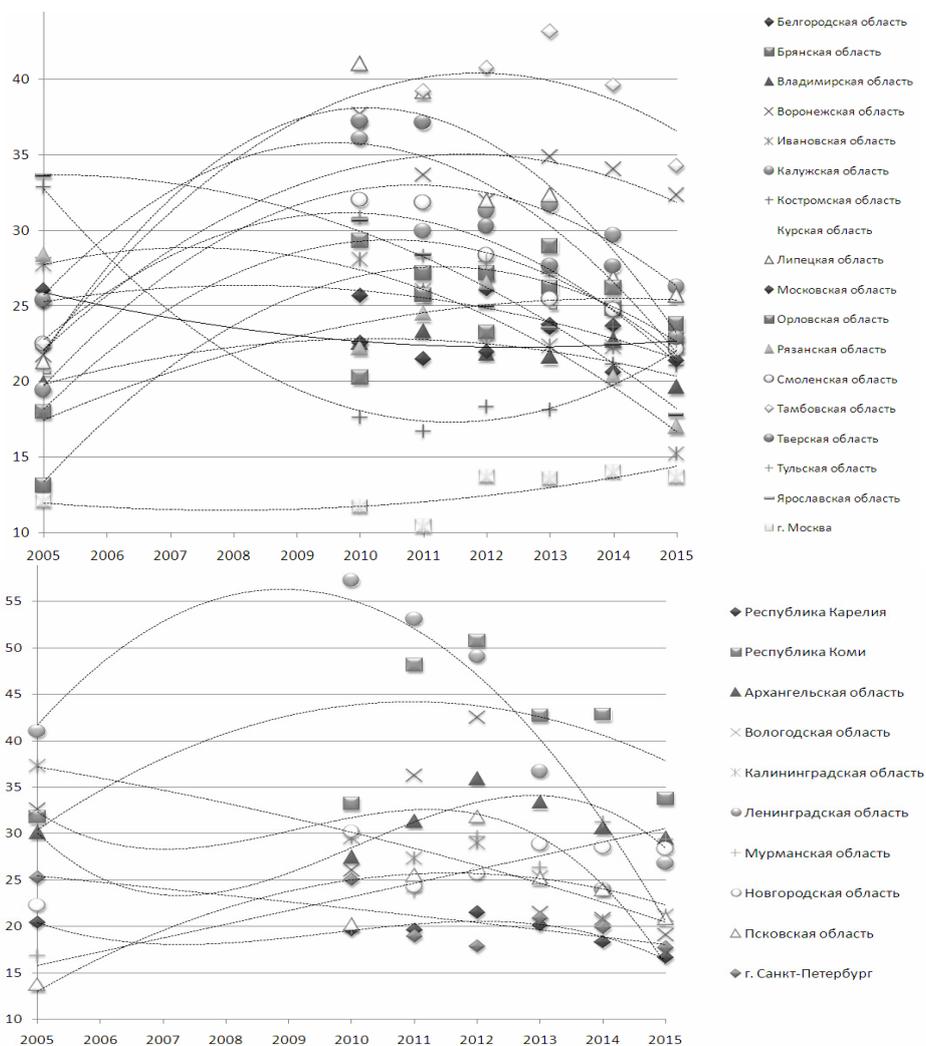
Например, **небольшое расстояние до рынков**, обеспечивающее доступность на рынки – безусловно, важное условие для роста экономики (частное проявление конфигурации географического пространства). Регионы с высоким ресурсным потенциалом в силу наличия проектов крупным компаниям и магистралей имеют довольно высокий рыночный потенциал, как за счет экономии масштаба, так и сравнительно невысоких затрат на транспортное плечо за счет близости к промышленным зонам (как например, Карелия к Санкт-Петербургу и Финляндии или нефтяные регионы Западной Си-

бири к густонаселенному Уралу и Китаю, как глобальному потребителю природных ресурсов). Однако сократить эффективное расстояние до рынков путем масштабных инвестиций в транспортные системы очень сложно. Периферийные регионы очень чувствительны к инфраструктурным ограничениям. Поэтому очень высоки инвестиционные риски.

Следующее несомненное благоприятное условие – это хорошая **предыстория (генезис экономического пространства)** – точнее наличие определенного базиса развития (энергопроизводственные циклы, система воспроизводства знаний, кадров и т. д.). Если какой-то город (особенно крупный) возник где-то, то даже при сильных внешних обстоятельствах эта промышленная база не даст ему умереть. Концентрация населения, экономических агентов, транзакций создает определенный рыночный потенциал, который движет развитием города и привлекает инвестиции. Трансформация пространства не может сразу переломить его экономические тренды.

В то же время пространственная трансформация постоянно и постепенно меняет структуру экономики регионов. Пространственное развитие имеет долговременные тенденции, факторы и барьеры также имеют долговременный характер (в том числе они связаны с институциональной и социальной укорененностью). Последние обуславливают разобщенность агентов, которая возникает в результате действия факторов и ведет к «разрыву» экономического пространства.

На примере Центрального и Северо-Западного федеральных округов рассмотрим структурную деформацию экономики моноцентрического макрорегиона и ее негативные последствия для периферийных регионов. На рисунке 4.20 представлены аппроксимации – модулирующие сигналы, информирующие о фазе бизнес-цикла в регионах.



**Рисунок 4.20** Аппроксимация колебаний показателя «валовое накопление основного капитала, в % к итогу» по регионам Центрального и Северо-Западного федеральных округов. Источник: Составлено автором по данным Росстата

Как видно из графика регионы находятся в разных фазах обобщенного бизнес-цикла. При этом инвестиционная часть капитала уходит не только в другие отрасли (в добычу полезных ископаемых, как это происходит в Республике Коми и Мурманской области), но и из дискриминационных регионов в другие регионы (в Санкт-Петербургскую и Московскую агломерации) и страны. При этом политика диверсификации и действующая инвестиционная политика в периферии в условиях дисбаланса рынков как метод их нейтрализации не действует. Данные обстоятельства лишь усиливают инвестиционные риски и негативно влияют на инвестиционную привлекательность периферийного региона. Может ли (и как) промышленность в таких условиях выступать если не основным, то важнейшим источником, призванным обеспечить структурные преобразования с целью выведения экономики на путь устойчивого развития?

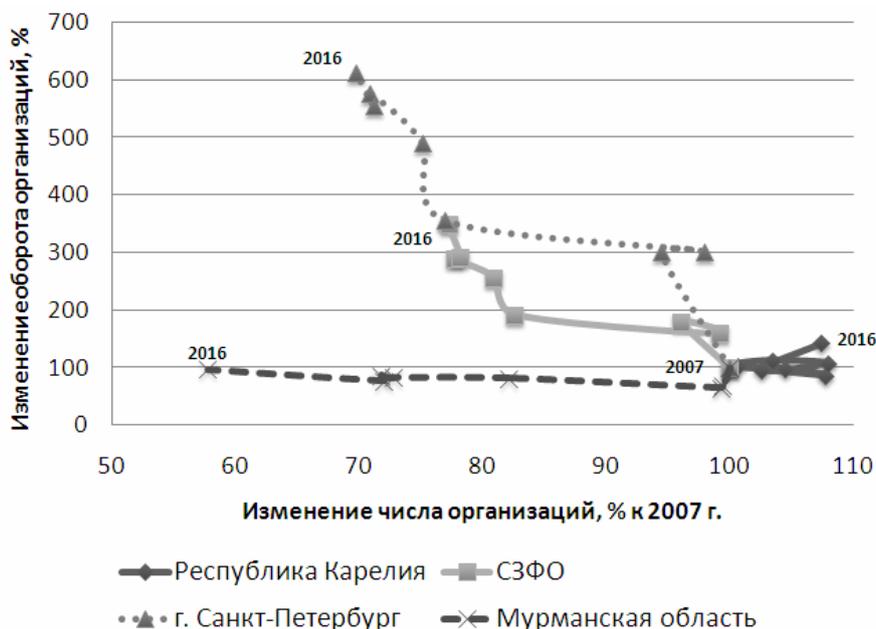
Оттоку экономической ренты из регионов в центр способствует также институционально установившийся порядок хозяйствования. Развитие межрегиональных отраслевых рынков в рамках экстрактивных рыночных институтов ведет к росту аффилированности лиц, дискриминации резидентов периферии, увеличению концентрации экономической деятельности и, как следствие, к формированию рынков чемберлинского типа с перераспределением экономической ренты в пользу сильного субъекта. Концентрация требует пристального внимания в той мере, в какой она является предпосылкой для искажения механизма цен, продуцирующую информацию, необходимую для принятия решений властью и хозяйствующими субъектами по поводу производства, продажи, покупки товаров на конкретных отраслевых рынках.

Основной вопрос заключается в понимании причин, как возникновения развития регионального хозяйства, в первую очередь за счет возрастающей отдачи на отраслевых рынках, так и ее пространственного распределения. Первая часть вопроса объясняется моделями организации и структурой межрегиональных отраслевых рынков, во многом сформированными под воздействием общественного разделения труда и традиционным размещением производительных сил. Вторая часть фокусирует внимание на роли факторов, влияющих на процесс создания инноваций и распределения возрастающей отдачи, непосредственно вызванной данными инновациями и пространственным распределением эффекта их внедрения. В результате внедрения инноваций (появившихся как в результате диффузии – перетока знаний и технологий из внешней среды, так и генерации – появления собственных изобретений и иных объектов интеллектуальной собственности) регион может получить серьезный источник экономической ренты, причем эффективность его экономики определяется не только величиной ренты, но и ее распределением, регулируемым существующими формальными и неформальными институтами. Источником искусственного конкурентного преимущества и соответственно ренты являются инновации, появляющиеся в результате коммерциализации знания, реализации процесса «от знания – к практике». Остается открытым вопрос: как эффективно организовать это процесс, причем не только в центре, но и в периферии?

Создаваемые фирмы (если речь идет не о крупных сырьевых проектах) создаются и имеют больше шансов выжить в течение 5–10 лет преимущественно в регионах с высоким рыночным потенциалом (доступом к рынкам) и при отсутствии больших институциональных или экономических барьеров входа на рынок (т. е. при наличии рыночной власти, достигаемой как за счет структуры и природы рынков, зачастую чемберлинского типа, так и за счет административных ресурсов). Инвестиции «центра» – будь то граничащая с периферийным регионом европейского страна или российский мегаполис – стимулируют исключительно поток природных ресурсов к обрабатывающим производствам, сконцентрированным в том же «центре».

Поскольку природа фирмы характеризуется минимизацией общего уровня издержек (и трансформационных, и транзакционных), то условием ее расширения является меньшая затратность на осуществление деловых операций внутри фирмы по сравнению с аналогичными расходами при рыночной форме хозяйствования. Как только транзакционные издержки на управление внутри фирмы начинают превышать затраты на рыночные транзакции вне ее, фирма становится в этом отношении неэффективной. Поэтому в периферии сложившаяся институциональная матрица сдерживает расширение масштабов производственной деятельности и **ограничивает размеры фирм**. В условиях постоянного давления менеджмент вынужден либо сокращать ее размеры (упразднить лишние управленческие процедуры, сокращать наименее рентабельные направления деятельности) либо менять статус резидента или иным образом институциональное состояние, при которых суммарные издержки выпуска продукции достигают своего минимального значения. Таким образом, фирме легче уменьшать издержки, создавать возрастающую отдачу и вертикально или горизонтально расширяться в условиях географической близости с зонами высокой концентрации экономической деятельности и институциональной близости с центрами принятия решений.

С одной стороны превращение национальных и региональных товарных рынков в рынки чемберлинского типа и усиление монополизации ведут к накоплению ликвидности в центре, которая должна перетекать в основной капитал (см. рис. 4.21). Изменение ситуации на отраслевых рынках происходит путем сговора или установления личных и дружеских связей между конкурентами или продавцом и покупателем, установления системы долговременных связей, приобретения контрольного пакета акций, развития франчайзинга и аутсорсинга, слияния предприятий и т. д.



**Рисунок 4.21** Монополизация сектора экономики (агрегат «обрабатывающие производства» СЗФО). Источник – составлено автором

Основное воздействие сделок по слияниям и поглощениям на отраслевой рынок или сектор экономики проявляется в росте количества и размеров фирм, и соответствующем усилении концентрации на рынке. Данная тенденция развития отраслевых рынков подтверждает динамика показателей (число и оборот организаций) сектора «обрабатывающие производства» в СЗФО и в его регионах, причем демонстрирует определенную тенденцию. Поэтому концентрация рыночной власти требует пристального внимания государственных органов в той мере, в какой она является предпосылкой для искажения механизма цен, продуцирующую информацию, необходимую для принятия решений властью и хозяйствующими субъектами по поводу производства, продажи, покупки товаров и услуг на конкретных отраслевых рынках. Устойчивое повышение концентрации и несправедливое (с точки зрения периферии) распределение экономической ренты является основанием для внедрения элементов дирижистской политики.

С другой – экономика сырьевой периферии остается в состоянии инвестиционного голода и искусственного торможения капиталоемкого производства, стимулируя отток бизнеса с высокой добавленной стоимостью в центр. Поэтому периферийная промышленность (за исключением проектов крупных корпораций, как правило, связанных с добычей и первичной переработкой природных ресурсов) повсеместно испытывает дефицит ликвидности. А отсутствие оборотных кредитов вводит их в состояние шока. В результате происходит вытеснение добавленной стоимости из периферии в центр и стягивание к центру обрабатывающей промышленности, отраслей. Исправить ситуацию (осуществить согласование стратегий регионов), на наш взгляд, возможно через сопряжение производственных циклов, всей системы разномасштабных цепочек транзакций, экономических, технологических, энерго-производственных циклов и других элементов, которые в совокупности формируют бизнес-циклы регионов. К таким интегрированным структурам возможно более адресное и эффективное применение мер по преодолению недостатка финансовых средств и инвестиционных ресурсов.

После перехода к рыночной экономике и реализации ее либерального формата в России происходит отток производительных ресурсов с востока на запад (один вектор) и с периферии в мегаполисы (второй вектор). Первый вектор осознается и проявляется в виде управленческих решений по

развитию востока страны. В то время второй вектор, хотя и видится на уровне макроэкономического анализа, однако не осознается на уровне причин и не имеет соответствующих управленческих решений. Игнорирование его ведет к необратимости системных рисков, которые определим как вероятность деструкции и/или дисфункции при отклонении экономической системы из равновесия в процессе ее эволюции, приводящих к каскадным процессам в отраслевых рынках, возникающих от реализации кооперативных и некооперативных стратегий агентов или от внешних шоков. В итоге высокие издержки производства ведут к высоким системным рискам, недостаточности ликвидности, к дефициту денежной массы, недостатку инвестиционных ресурсов и, в конечном счете, к рецессии (и стагнации) экономики периферии. В настоящее время уже не вызывает никаких сомнений то, что неконтролируемые локальные риски достаточно легко могут трансформироваться в нерегулируемые системные риски, представляющие серьезную угрозу для финансовой стабильности и экономического роста как отдельных экономик, так и мировой системы в целом, и приводящие ее в нестабильное состояние.

Трансформационные преобразования экономических систем (пространства) регионального уровня осуществляется при непрерывном воздействии фундаментальных факторов, причем некоторые из них в определенные временные периоды становятся **лимитирующими**. Поэтому утверждаем, что «развитие экономики региона детерминировано действием именно лимитирующих факторов» (**теорема «лимитирующего фактора»**).

Лимитирующими факторами могут быть не только состояние дефицита того или иного ресурса, но и даже их избыток, лимитирующий высокой стоимостью ресурсов или недостаточной инновационностью. Диапазон между двумя состояниями составляет предел резистентности системы в пределах ее кривой жизнедеятельности. Следствием долговременного действия лимитирующего фактора является дисфункция системы (деструкция пространства): глубокие структурные изменения, потеря функций системы, появление результатов, противоположных ее прямому функциональному назначению (например, неэффективное распределение и использование общественных ресурсов и непредоставление общественных благ населению в рамках общественного сектора). Также дисфункция проявляется и в поведении населения (голосование ногами) и бизнеса (теневой сектор).

Дисфункция (деструкция) определяется действием того или иного лимитирующего фактора, который можно инструментально определить путем группировки переменных по вкладу в их совокупную дисперсию.

Анализ развития регионов России показал, что в результате трансформационных процессов экономического пространства возникают серьезные различия в темпах роста между регионами – в зависимости от того, в какой пространственный кластер они попадают. Все это приводит к структурным сдвигам в экономике регионов и возрастанию системных рисков (Толстогузов, 2016, Колесников, 2015).

## 4.2 СИСТЕМНЫЕ РИСКИ ЭКОНОМИКО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Структурные изменения, происходящие в период кризиса в экономике в тесной связи с трансформацией экономического пространства, привели к необходимости понимания **системного риска** и поиску причин и закономерностей возникновения и распространения рисков по экономической системе.

Термин **«системный риск»** появился в финансовой среде как риск, при котором то, или иное событие способно вызвать потерю доверия или потерю экономических параметров, сопутствующих росту существенной части финансовой системы, которая в свою очередь является настолько значительной, что может оказать неблагоприятное воздействие на реальный сектор экономики (Group of Ten, 2001). ЕЦБ (European Central Bank, 2009. The concept of systemic risk. Special Feature in the December Financial Stability Report) рассматривает системный риск как риск наступления и распространения существенного системного события, которое негативно влияет на большое число системообразующих финансовых посредников или рынков (Каурова, 2011).

Ограничиваясь неким общим пониманием системного риска как вероятности нежелательных процессов в финансовых сетях, зачастую не учитывают тот факт, что в условиях нестабильной экономики понятие «системный риск» должно расширить «финансовые» рамки и стать более широким комплексным понятием, учитывающим и микро- и мезоэкономические свойства экономического пространства.

Поэтому в дополнение к традиционному определению системного риска определим **системный риск** как вероятность *деструкции* или *дисфункции* (проявления лимитирующего фактора) при отклонении экономической системы из равновесия в процессе ее эволюции, приводящих к каскадным процессам в отраслевых рынках, возникающих от реализации кооперативных и некооперативных стратегий агентов или от внешних шоков. Высокие издержки производства ведут к высоким системным рискам, недостаточности ликвидности, к дефициту денежной массы, недостатку инвестиционных ресурсов и, в конечном счете, к рецессии (и стагнации) экономики периферии.

Системные риски, в силу увеличения и связности глобальной экономики (что показала взаимосвязь трансформации и изменения структуры экономики регионов), при отсутствии понимания причин снижают эффективность управления развитием экономической системы. В настоящее время уже не вызывает никаких сомнений то, что неконтролируемые локальные риски достаточно легко могут трансформироваться в нерегулируемые системные риски, представляющие серьезную угрозу для финансовой стабильности и экономического роста как отдельных экономик, так и мировой системы в целом, и приводящие ее в нестабильное состояние (Каурова, 2011).

Системный риск должен рассматриваться как макроэкономическое свойство экономической региональной системы, которое возникает в результате трансформации экономического пространства и эндогенных причин (на микроэкономическом уровне), в частности из-за институциональной и социальной укорененности, стратегического взаимодействия агентов на межрегиональных отраслевых рынках.

Стимулирование экономического роста и накопление капитала реализуются посредством успешной стратегии размещения капитала в пространственно-временном аспекте и с учетом нивелирования рисков. Требуется обеспечение фундаментального фактора капитализации – дисконтированной ожидаемой доходности инвестиционных проектов, обеспеченной оптимистическими ожиданиями и условиями стратегических контрактов, минимизацией транзакционных издержек и рисков.

При анализе понимания природы возникновения и распространения системных рисков, выявлению основных триггеров (переход к состоянию дисфункции) и каналов распространения рисков необходимо исходить из объяснения трансформации и эволюции региональной экономической системы.

Далее рассмотрим наиболее вероятные проявления системных рисков, имеющие серьезные последствия в виде дисфункции экономической региональной системы (деструкции экономического пространства) (рисунок 4.22): финансовые, технологические (инновационные), институционально-экономические, инфраструктурные.

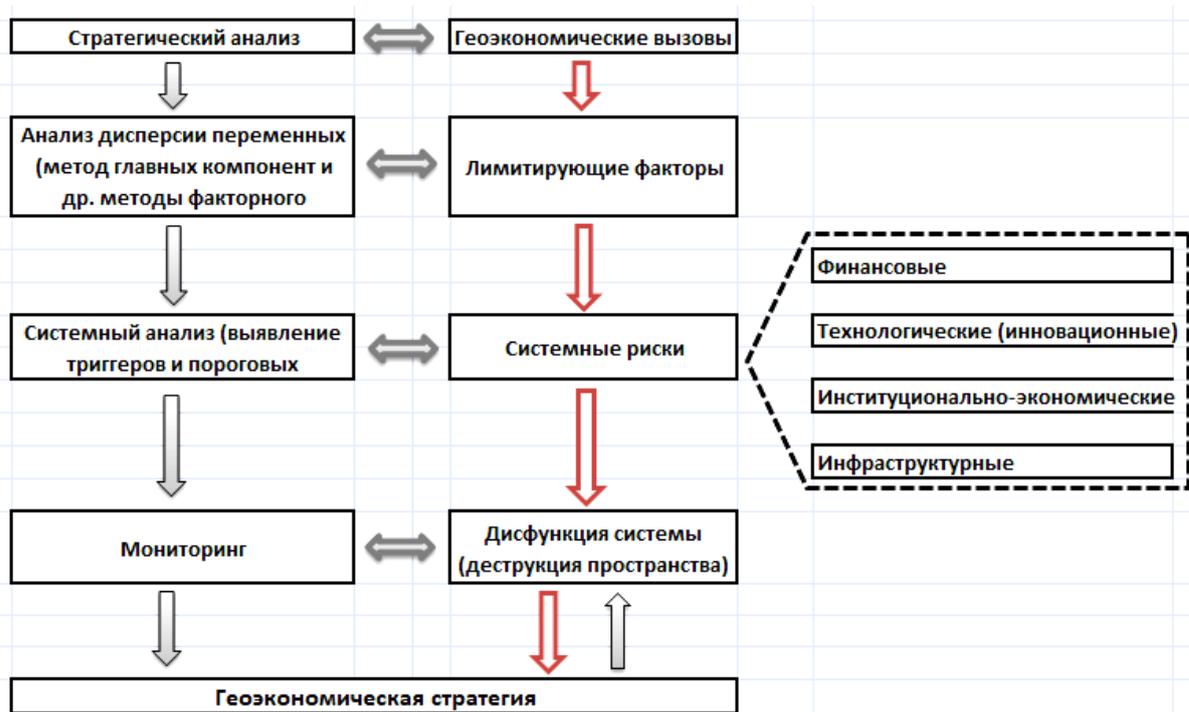


Рисунок 4.22 Подход к определению системных рисков (производных геоэкономических вызовов)

Таким образом, определили системный риск как вероятность деструкции или дисфункции (проявления лимитирующего фактора) при отклонении экономической системы из равновесия в процессе ее эволюции, приводящих к нарушению равновесия отраслевых рынков, возникающих от реализации кооперативных и некооперативных стратегий агентов или от внешних шоков.

Для активного экономического роста необходимо обеспечение общих фундаментальных условий, стимулирующих в целом экономическую деятельность в периферии. В том числе и развитие финансового рынка. В то же время освоенные правительством маневры на относительно коротких временных треках (2–3 года), в частности попытки прижать прирост инфляции за счет сужения денежной массы), уже не столь эффективны, особенно если учесть, что их влияние затухает на более длинном горизонте. Результатом является снижение уровня монетизации. Так Л.А. Сахарова показала, что уровень монетизации экономики (отношение денежного агрегата М2 к ВВП) в России ниже по сравнению с Еврозоной в 2 раза, с Великобританией в 3 раза, с Японией в 5 раз (Сахарова, 2015).

На рисунке 4.23 показаны результаты финансовой политики с 1998 по 2014 гг. Представлены тренды цены на нефть, ВВП, обменный курс, а также изменений денежной массы (агрегат М2) и инфляции. Результатом действий правительства является снижение уровня монетизации (это видно при сравнении траектории роста ВВП и агрегата М2).

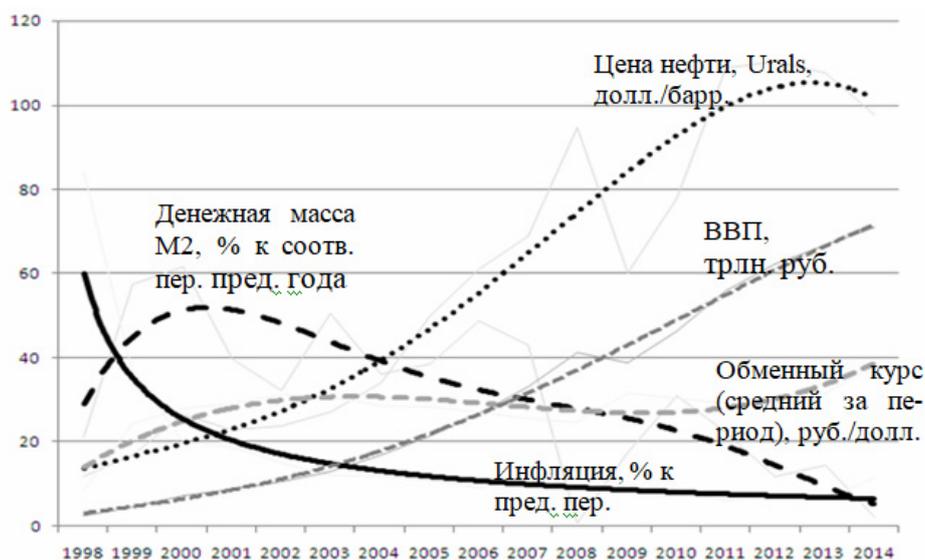


Рисунок 4.23 Тренды результатов российской финансовой политики (диаграмма составлена автором на основе данных Росстата)

Основные проблемы отечественного социально-экономического и промышленного развития становятся все более тесно связанными с инвестиционными ресурсами (Ежегодный, 2011, Колмыкова, 2015). Поэтому, если учесть санкции, меры ФРС, давление на фондовые рынки, активное использование международных структур типа МВФ и иные действия США, изымающие ликвидность из мировой экономики, то у производителей в России практически нет альтернативы дорогим банковским кредитам (исходно, отечественный рынок заимствования являлся дефицитным).

При этом дефицит длинных денег в условиях неполной занятости ресурсов выступает искусственным тормозом экономического развития и препятствует достижению значимых успехов в вопросе межрегиональной и международной конкуренции и специализации, так как именно дефицит длинных денег ограничивает инвестиционные процессы в реальном секторе экономики, а вместе с тем и отрицательным образом сказывается на предпринимательской уверенности. Особенно это проявляется в части таких составляющих, как уровень предпринимательской мобильности и инициативы в вопросах производства новых видов продукции.

Учитывая перекосы в распределении ликвидности на финансовых рынках и их сверхволатильность, все это ведет к перекосам в пространственном распределении доходов, денежных потоков и неразвитости оборота ценных бумаг и их производных и деловой активности в целом в реальных секторах периферии, а также снижению доходов населения и бюджета регионов (в выводах опираемся на результаты исследования (Толстогузов 2016б)). Т. е. где большая экономическая актив-

ность (концентрация экономической активности и рыночной власти), там и доходы, и расходы бюджета на душу населения гораздо выше. Следовательно, социальные обязательства государства более обеспечены (что показывают расходы бюджета).

Поэтому закономерно, что объем денежной массы в периферийных территориях находится в большем дефиците (чем в мегаполисах), причем и темпы роста денежной массы ниже инфляции. Следовательно, при дефиците денег этих самых денег не хватает даже на обслуживание текущих операций, не говоря уже об инвестициях развития. Периферийная промышленность (за исключением проектов крупных корпораций, как правило, связанных с добычей и первичной переработкой природных ресурсов) повсеместно испытывает дефицит ликвидности, а отсутствие оборотных кредитов вводит их в состояние шока. Высокая стоимость привлечения денежных ресурсов, а также завышенная маржа коммерческих банков, способствуют существованию крайне высокого уровня процентных ставок по кредитам для конечных заемщиков. В результате, сложившаяся ситуация вызывает нехватку денег в экономике, что в условиях неполного использования производственных ресурсов ведет к искусственному торможению производства и, в первую очередь, промышленного – как одного из наиболее капиталоемких (Сахарова, 2015).

В то время как промышленность выступает основным источником, призванным обеспечить структурные преобразования с целью выведения экономики на путь устойчивого развития, что особенно подчеркивается в исследованиях ЮНИДО (Ежегодный, 2011).

Таким образом, у производителей в России практически нет альтернативы дорогим банковским кредитам, т.к. исходно, отечественный рынок заимствования является дефицитным. Причем дефицит длинных денег в условиях неполной занятости ресурсов выступает искусственным тормозом экономического развития и препятствует достижению значимых успехов в вопросе межрегиональной и международной конкуренции и специализации, так как именно дефицит длинных денег ограничивает инвестиционные процессы в реальном секторе экономики, а вместе с тем и отрицательным образом сказывается на предпринимательской уверенности. Особенно это проявляется в части таких составляющих, как уровень предпринимательской мобильности и инициативы в вопросах производства новых видов продукции.

В рамках эконометрического моделирования сходимости (конвергенции) регионов была проверена гипотеза о наличии  $\beta$ -конвергенции (по известной модели Баумоля в применении к доходам бюджетов регионов), в которой однако предполагалось, что в долгосрочном периоде регионы развиваются не просто по синхронизированным траекториям, а при предположении существования аттрактора (Толстогузов 2016б).

При этом показано, что высокие доходы населения обеспечиваются большей экономической активностью в регионе и, в конечном счете, большими бюджетными расходами (сопряженными с бюджетными доходами). Т. е. где большая экономическая активность (концентрация экономической активности и рыночной власти), там и доходы, и расходы бюджета на душу населения гораздо выше. Следовательно, социальные обязательства государства более обеспечены (что показывают расходы бюджета).

Показание модели Баумоля демонстрирует доказательство гипотезы безусловной  $\beta$ -конвергенции. Происходит конвергенция траекторий изменения бюджетов периферийных субъектов. Поэтому дефицит их бюджетов является закономерным следствием сложившейся ситуации, объяснение которой возможно в рамках модели центр-периферийных взаимодействий.

Таким образом, полагаем, что общая тенденция, выраженная в том, что США (посредством действий ФРС, санкций, протекционистских мер, давления на фондовые рынки, использования международных структур типа МВФ) изымает ликвидность из мировой экономики (в серьезной степени и из России), а российские и транснациональные корпорации (посредством лоббируемого ими правительства и др. органов власти) в свою очередь изымают ликвидность с периферийной территории, создают огромные системные риски для российского экономического и социального порядка, имеющие серьезные последствия в виде дисфункции экономических региональных систем (дефицита инвестиций, денежной массы, снижения сбережений населения и расходов домохозяйств).

Материальной основой изменения структуры регионального хозяйства является старение основного капитала и его перенакопление, т. е. когда в результате старения технологии, насыщения рынка, падения спроса на продукцию традиционной отрасли при слабой дифференциации продукции (например, рынок щебня) предельная производительность капитала становится практически нулевой. Поэтому замена основного капитала происходит крайне медленно. Низка предпринимательская и инвестиционная активность. Инвестиционная часть капитала уходит не только в другие отрасли, но и из

дискриминационных регионов в другие регионы. Дисбалансы накапливаются в течение длительного времени и вызывают затем резкие обострения серьезных проблем в отраслевом рынке (например, целлюлозно-бумажной промышленности) или секторе экономики (например, лесопромышленном комплексе), или сфере экономики (например, рынке труда) и затем посредством каскадного эффекта переносят системные риски в другие региональные и межрегиональные отраслевые рынки. В результате – депрессия не только ряда ключевых отраслевых рынков, но и деформация локального экономического пространства в целом. При этом политика диверсификации и действующая инвестиционная политика в периферии в условиях системных рисков как метод их нейтрализации не действует. Поэтому избежать убытков в ходе осуществления капиталовложений крайне сложно. Данное обстоятельство негативно влияет на инвестиционную привлекательность периферийного региона. В конечном счете, это ведёт к еще большей поляризации экономического пространства: экономическом усилении крупных агломераций и деградации периферии.

Помимо инвестиционного голода резидентов и сжатия денежной массы наблюдается отток средств населения, так как значительная часть потребительских расходов приходится на товары и услуги, экспортируемые или создаваемые резидентами иных территорий, поставляемых в рамках межрегиональных отраслевых рынков.

Это актуализирует как никогда необходимость политики протекционизма (альтернативы агломерационному, поляризационному подходу). Рыночное распределение ренты (возрастающей отдачи, эффекта масштаба и других эффектов) не эффективно.

Таким образом, поляризация экономического пространства вкупе с усилением рыночной власти крупных компаний усиливают контрасты между развитым центром и ослабленной периферией; обуславливают в последней набор типичных проблем: депопуляция населения, дефицит бюджета, низкий инвестиционный потенциал, бедность, изношенность инфраструктуры. Следствиями сложившегося поляризационного развития является падение экономической активности и снижение качества трудовых ресурсов в периферии и отток населения в крупные агломерации, и, в конечном счете, переход периферийных регионов в разряд депрессивных.

В то же время полагаем, что социальная справедливость как принцип государственной политики социального государства должна соблюдаться не только в крупных агломерациях, но и на периферийных территориях, испытывающих жесткий пресс пространственной трансформации. Для достижения каждым гражданином достойного уровня жизни и сглаживания социальных различий требуется иная региональная политика, альтернативная поляризационному развитию (имеющему следствием активно развивающийся мегаполис и деградирующую периферию).

Сказанное является причиной усиливающегося внимания российской региональной политики на вопросах социально-экономического и пространственного развития периферийных регионов в целях возложения на них ответственности за выполнение важных экономических и социальных функций в новых геополитических условиях. В то же время если не изменить принципы аллокации экономической ренты (и тем самым вернуть в регионы эндогенный источник роста), то вряд ли можно достичь эффективного решения периферийными территориями текущих социально-экономических задач и тем более обеспечить их перспективы и роль в российских геополитических проектах.

Исправить ситуацию (т. е. нивелировать финансовые причины системных рисков), на наш взгляд, возможно через сопряжение воспроизводственных циклов с финансовыми (по ритму, амплитуде и т. д.), но не в формате мирового цикла, а национального (странового). Признаком и предпосылкой появления новой (национальной!) финансовой системы будет отсоединение национальных ритмов от модуляции мировой политики, инструментам которой являются макропараметры энергетического, интеллектуального и финансового рынков. Для этого требуется формирование новой (в контексте защиты национальной безопасности) модели экономики России, в которой сопрягается система разномасштабных цепочек трансакций, экономических, технологических, энергопроизводственных циклов и других элементов, формирующих потенциал и ритмику экономического пространства в целом.

Глобальная трансформация таит в себе реальную возможность смены функций региона и возникновения системного кризиса в результате эндогенных дисбалансов отраслевых рынков и всей региональной экономической системы. Причем дестабилизация рыночного равновесия в регионах связана не только с возрастающей отдачей межрегиональных рынков, но и с инновационной деятельностью. Последняя вызывает как реструктуризацию основного капитала в экспортноориентированной отрасли, так и ее дисбаланс, поскольку эффект масштаба распределяется (вследствие действия права распоряжения) в пользу центра, принимающего решения, и в ущерб периферии.

В результате внедрения инноваций (появившихся как в результате диффузии – перетока знаний и технологий из внешней среды, так и генерации – появления собственных изобретений и иных объектов интеллектуальной собственности) регион может получить серьезный источник экономической ренты, причем эффективность его экономики определяется не только величиной ренты, но и ее распределением, регулируемым существующими формальными и неформальными институтами. Источником искусственного конкурентного преимущества и соответственно ренты являются инновации, появляющиеся в результате коммерциализации знания, реализации процесса «от знания – к практике». Остается открытым вопрос: как эффективно организовать это процесс, причем не только в центре, но и в периферии? Ответ на вопрос – в следующих разделах.

#### **4.3 АНАЛИЗ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ И СВЯЗНОСТИ ПРОСТРАНСТВА**

Научно-технологическое развитие регионов необходимо рассматривать в контексте их эволюции, стадий развития, циклов отраслевых рынков и т. д. Исходя из существенной неоднородности в области научно-технологического развития и инноваций, при организации исследования опираемся (в рамках геопространственной парадигмы) на утверждение, что в трансформационном состоянии находится не только сам объект исследования – экономика территории, но и иницилирующее эти процессы экономическое пространство, поэтому в фокусе внимания – его существенные изменения и циклические закономерности. Сбой (или смена) ритмов развития деформируют старые структуры и подготавливают условия для формирования нового каркаса региона (и страны в целом). При этом импульс развития экономики региона порождается в первую очередь возрастающей отдачей (экономией масштаба и т. д.) межрегиональных и международных отраслевых рынков и градиентами концентрации экономической активности, а не столько запасами природных ресурсов или различиями в технологиях.

Интеграция или дезинтеграция экономического пространства в первую очередь обусловлена связностью территорий. Связность обеспечивают инфраструктурные элементы и энергопроизводственные циклы (ЭПЦ). Под ЭПЦ понимаем совокупность производственных процессов последовательно развёртывающихся в регионе, на основе сочетания имеющегося вида энергии и сырья, от первичных форм (добычи и облагораживания) – до получения готовой продукции, которую можно производить на месте, исходя из приближения производства к источникам сырья и энергии, потребителю и рационального использования всех компонентов сырьевых и энергетических ресурсов (Осипов, 1988).

Связанность как свойство экономического пространства определяет пространственное распределение ресурсов и достижение эффективности их использования. Влияние на уровень связанности экономического пространства позволяет изменять степень концентрации благ и уровень экономической активности регионов. Необходимость учета связанности экономического пространства региона в контексте регионального развития обусловлена наличием единого и целостного народнохозяйственного комплекса, разрыв связей внутри которого снижает эффективность экономической деятельности, разрушая воспроизводственную цепочку на территории.

В своих работах А.Г. Гранберг (2000) к ключевым свойствам экономического пространства были выделены плотность, размещение и связанность. Согласно материалам Всемирного банка, наиболее значимыми свойствами экономического пространства выступают плотность, расстояние и разобщенность. При этом сопротивление низкой плотности и большой разобщенности пространства оказывают следующие характеристики территориального сплочения: концентрация, экономическая активность, связанность и взаимодействие (Growing, 2007).

Дифференциация экономического пространства обуславливает наличие у него метрических и топологических свойств. К метрическим относятся количественные и измеримые свойства, а топологическим – качественные, такие как: многоуровневость, связанность, плотность, размещение, емкость и пр.

Экономическое пространство Российской Федерации сформировано из территорий, значительно различающихся по многим параметрам. Различные природные и климатические условия, наличие в регионах факторов производства и, как следствие, их специализация – все это в значительной степени приводит к тому, что уровень социально-экономического развития варьируются от региона к региону. Связано это с тем, что Россия так и не отладила механизмы управления и регулирования комплексного развития страны.

Дезинтеграция экономического пространства в первую очередь обусловлена ее несвязностью территорий по ряду показателей, что подтверждается многочисленными исследованиями. Л.С. Черновой отмечает, что территория Российской Федерации в настоящее время не представляет собой единого экономического пространства, при этом происходит нарастание различий по уровню экономического развития регионов (Чернова, 2007). Л.Б. Вардомский (2000) определил эту тенденцию, как «сжатие пространства», что подразумевает сокращение размеров территории с благоприятными условиями для ведения бизнеса и проживания населения. Более того, существенная дифференциация регионов, усиливавшаяся на протяжении всего перестроечного периода, привела к тому, что регионы, обладая разными стартовыми конкурентными возможностями, сейчас характеризуются существенно различающимися качественными показателями.

Такой дисбаланс подтверждает, что в Российской Федерации механизмы развития всей территории не действуют. Столь существенная разница в уровне развития территорий стала следствием проводимой государственной политики. С 2012 года ситуация усугубилась в результате вступления в силу института консолидированных групп налогоплательщиков (КГН), дал право объединять разные организации в единый холдинг для уплаты налога на прибыль. Эта система должна была способствовать выравниванию доходов регионов. Согласно данным Министерства финансов Российской Федерации, 62 региона выиграли от введения новой системы КГН. Однако не все регионы получили выигрыш от нововведения, 23 региона получили отрицательный эффект. В относительном выражении больше всех потеряла Республика Карелия, лишившись при этом крупнейшего налогоплательщика "Карельский окатыш", который с 2013 года вошел в консолидированную группу "Северстали" и теперь платит налоги в бюджет Вологодской области. Таким образом, регион лишился пятой части всех налоговых поступлений.

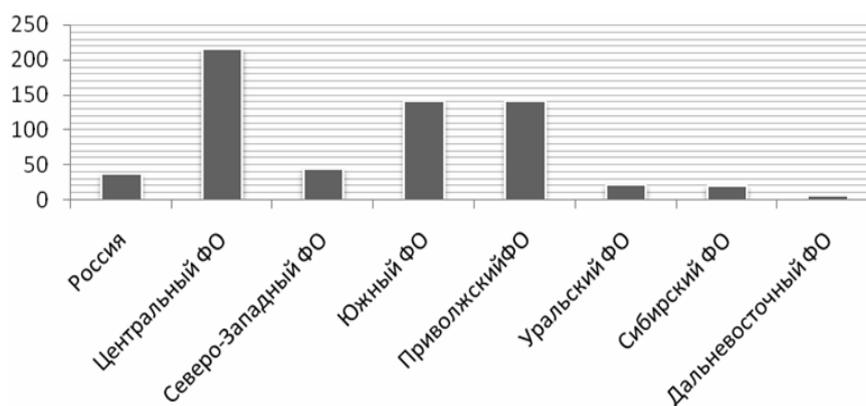
Сама система распределения доходов между регионами и центрами является не эффективной. Действующее налоговое законодательство предусматривает, что большая часть налоговых отчислений и платежей разных категорий поступает в федеральный бюджет. В свою очередь в регионах, где осуществляется экономическая деятельность, местные бюджеты зачастую остаются дотационными. Для развития всего экономического пространства Российской Федерации и выравнивания неравенства по уровню развития его регионов и территорий стоит большую часть отчислений и платежей оставлять в региональных бюджетах. Это даст экономический толчок к развитию экономики непосредственно на местах. Отсутствие дефицита в региональных бюджетах позволит улучшить уровень инфраструктуры на местах и улучшить социально-экономическое положение. В целом такая система распределения отчислений и платежей даст регионам материальную заинтересованность в развитии экономики на своей территории, так как большая часть доходов от этой экономической деятельности останется на местах. При этом произойдет выравнивание уровня развития в регионах не только по уровню экономического развития, но и по качеству инфраструктуры и социальных институтов.

Для улучшения связности территории необходимо уменьшить дифференциацию регионов по уровню экономического и социального развития, а также синхронизировать энергопроизводственные циклы.

Экономическое пространство обладает большим количеством параметров, и транспортный фактор определяет один из них. В этой связи представляется целесообразным рассматривать связность не только через призму удаленности объектов друг от друга, но и с позиций наличия институциональных предпосылок к взаимодействию. Очевидно, что разработка рекомендаций по повышению уровня связности за счет изменения конфигурации пространства на базе трансформаций невозможна без оценки пространственного взаимодействия объектов и распределения социально-экономических процессов и явлений на территории.

Современная регионализация создает центры экономической деятельности, прокладывает маршруты товарных, финансовых и информационных потоков. Особенность аутсайдеров, обусловлена еще также и тем, что экономика и обустройство территории в России тесно взаимосвязаны. Так, освоенность пространства автодорожной сетью в Европе и США характеризуется высоким значением (соответственно, 1500 км/1000 кв.км, и 682 км/1000 кв.км), в то время как в России – 37 км, т. е. весьма низким значением. Кроме того по регионам разброс данного параметра чрезвычайно велик (рис. 4.24).

В современных условиях дорожная труднодоступность периферии частично компенсируется другими способами связи, в частности с помощью сотовых телефонов, компьютеров и т. д. В среднем в России по данным (Страны и регионы, 2009) насчитывается 112 абонентов стационарной и мобильной телефонной связи, число пользователей Интернета 18 (на 100 чел.). В то же время в Финляндии, соответственно, 144 и 55,5, в США – 135 и 69,5, в Германии – 168 и 46,9. В России значительная часть территории оторвана от систем связи.



**Рисунок 4.24** Густота автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (2008 г.), км. дорог на 1000 кв. км. территории

Неравномерность освоения территории, и социально-экономическая поляризация пространства привели к контрастам по осям север-юг и запад-восток, сформировав обширную зону проблемных территорий, образующую внешнюю периферию страны и занимающую около 2/3 ее территории. Управлять таким разнородным пространством при таких масштабах проблемных территорий централизованно невозможно. Необходимо понимать пространство и уделить его изучению в рамках региональных исследований особое внимание

При этом, как уже было выявлено ранее наличие того или иного производства связано технологически с целым комплексом других производств это и определяет связанность. Таким образом, связанность экономического пространства необходимо исследовать на межрегиональном и внутрирегиональном уровнях с учетом определяющих ее факторов. Оценка связанности экономического пространства позволяет выявить направления взаимодействия субъектов, его причины и следствия, что создает информационную базу для обоснования развития региона с учетом данного свойства экономического пространства.

Связанность определяет существование не только единого экономического пространства Российской Федерации, но и эффективность реализации комплексной экономической политики при наличии территориального многообразия. Становится очевидно, что сохранение и укрепление однородности невозможно без стратегического планирования пространственного развития. Как отмечает С.В. Кузнецов (2011), «стратегическое видение горизонтом в 25–30 лет, которого придерживаются европейские страны, США, Япония и Китай, позволяет разрабатывать национальные программы и проекты с временным лагом на 15–20 лет, под них выстраивать бюджетирование, создавать соответствующие институты. У нас, как известно, горизонт стратегического планирования значительно короче – для бизнеса это 3–5 лет, а для госсектора из-за жестких рамок бюджетного процесса – 1–3 года. Хотя цикл “исследование – разработка – внедрение” занимает 7–8 лет, и это следует планировать» (Кузнецов (2011)).

Управление связанностью экономического пространства должно реализовываться в рамках кластерной политики через поддержку отраслевых ориентиров, выступающих фактором позитивной территориальной динамики. С целью повышения эффективности управленческих процессов целесообразно определить кластеры как формы отражения связанности экономического пространства региона и сопоставить полученные результаты с целевыми ориентирами, представленными в рамках региональной политики. Анализ научной литературы позволяет констатировать, что выделение кластеров возможно по географическому или отраслевому критериям, что позволяет выделить пространственные или промышленные кластеры.

На уровень связанности экономического пространства государственная политика способна оказывать существенное влияние. Согласно материалам Всемирного банка, развитие инфраструктурного компонента является одной из основных территориально-связующих мер, которые определяют связанность экономического пространства.

Одним из основных суждений пространственной парадигмы является значительная роль транспортной связанности территории. При таком подходе связанность пространства определяется исключительно уровнем развития транспортных сетей, в то время как институциональная связанность, зависящая не только от удаленности объектов, остается без внимания. Транспортные сети выступают в качестве важнейших элементов транспортной инфраструктуры региона. Их расположение, протяженность,

доступность и особенности размещения обуславливают развитие экономической деятельности и задают архитектуру пространственного распределения объектов в регионе. На транспортных коридорах строится формирование программ развития регионов. Однако транспортная сеть не является единственной мерой пространственной связанности территорий.

Энергетическая отрасль выступает основой развития всей промышленности, определяющей прогресс развития производства. В промышленно развитых странах темпы развития энергетики как отрасли опережают темпы развития других отраслей. Мировое развитие характеризуется увеличивающейся потребностью в топливно-энергетических ресурсах. *Топливо-энергетическое хозяйство* России, является одной из наиболее сложных и динамично развивающихся сфер экономики и представляет собой единую систему, сложный взаимосвязанный межотраслевой народнохозяйственный топливно-энергетический комплекс (ТЭК). Основная цель, поставленная перед энергетической инфраструктурой, обеспечение жизнедеятельности населения и устойчивую работу всей промышленности на всей территории страны.

Энергетическое хозяйство – это совокупность технических средств для обеспечения бесперебойного снабжения предприятий и населения всеми видами энергии. В его состав входят:

- электросиловой сектор – понижающие и повышающие подстанции, генераторные и трансформаторные установки, электросети, аккумуляторное хозяйство;
- теплосиловой сектор – котельные, паровые и воздушные сети, компрессоры, водоснабжение и канализация;
- газовый сектор – газовые сети, газогенераторные станции, холодильно-компрессорные и вентиляционные установки;
- печной сектор – нагревательные и термические печи;
- слаботочное хозяйство – АТС, радиосеть, диспетчерская связь;
- службы по техническому обслуживанию, ремонту и модернизации энергетического оборудования;
- контрольно-надзорные органы.

Все эти составляющие элементы можно объединить понятием «энергетическая инфраструктура». Энергетическая инфраструктура представляет совокупность элементов – взаимодействующих сегментов и объектов (здания и сооружения), технических средств и технологии, обслуживающего персонала необходимых для решения задач добычи (производства), первичной переработки, хранения, транспортировки и сбыта различных видов энергии, предназначенной для нужд поддерживающих сферы жизнедеятельности и производства. Современная энергетическая инфраструктура включает системы: электроснабжения, теплоснабжения и газоснабжения территории региона.

Энергетическая инфраструктура в приграничном регионе, как правило, развивается в соответствии с Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2030 г.

Конкретные мероприятия по приграничному региону увязываются со стратегиями и программами социально-экономического развития самих регионов, программами и генеральными схемами развития отраслей топливно-энергетического комплекса.

Развитие и надёжное функционирование топливных отраслей и электроэнергетики на территории приграничного региона содействует реализации проектов сотрудничества, предусматривающих:

- увеличение доли экспорта продукции с высокой степенью добавленной стоимости;
- решение экономических, энергетических, социально-демографических и других проблем приграничных территорий;
- создание условий, способствующих ускоренному прохождению экспортных и импортных товаров через приграничную территорию Российской Федерации.

Энергетическая инфраструктура в каждом северном приграничном округе имеет свои особенности, сложившиеся исторически под воздействием социально-экономических факторов. Данные, характеризующие состояние энергетической инфраструктуры приведены в таблице 4.15.

Энергетика и энергетическая инфраструктура приграничных северных регионов очень различается по своему техническому уровню, и мощности. Большинство регионов имеют дефицит электроэнергии, который сдерживает их развитие. Самодостаточными по производству электроэнергии являются Чукотский автономный округ, Камчатская, Мурманская и Сахалинская области. Традиционно энергодефицитными являются Магаданская область, Приморский, Хабаровский, Забайкальский края, Республики Бурятия и Карелия где за счет собственных генерирующих мощностей покрывалось примерно 70 % – 95 % внутрирегиональных потребностей в электроэнергии.

Таблица 4.15.

## Обобщающие данные энергетической инфраструктуры северных приграничных регионов

№ п/п	Субъекты РФ	Производство электроэнергии Млн кВт-ч	Использование мощностей	Состояние	Связь ЕЭС России	Перспективные направления
1	Мурманская область	17186,3	Избыточна	Реконструкция	Переток электроэнергии	Альтернативная энергетика
2	Республика Карелия	5067,5	Самодостаточность 70 %	Строительство подстанций и ЛЭП	Переток электроэнергии	Малые ГЭС, реконструкция
3	Чукотский автономный округ	400 млн	Избыток (70–80 %)	модернизация	автономность	Альтернативная энергетика
4	Сахалинская область	39000	Самодостаточна (100 %)	модернизация	Изолированность	Новое строительство
5	Камчатская область	573,3	Самодостаточность (200 %)-	модернизация	автономность	
6	Приморский край	10438,0	Самодостаточность (80 %)	модернизация	Переток энергии	Новое строительство
7	Хабаровский край	7475,5	Самодостаточность (95 %)	удовлетворительное	Часть энергосистемы	Реконструкция
8	Амурская область	13478,8	Самодостаточность (95 %)	модернизация	Переток энергии «ЕЭС России».	Новое строительство Альтернативная энергетика
9	Магаданская область	211,0	Самодостаточность (85 %)	Реконструкция	автономность	Новое строительство
10	Забайкальский край	6940,8	Самодостаточность (80 %)	реконструкция	Изолированность	Новое строительство, модернизация
11	Республика Алтай	427	Полный дефицит (100 %)		Переток электроэнергии	Новое строительство Малая энергетика
12	Республика Бурятия	5092,7	Самодостаточность (76 %)	Модернизация	Переток электроэнергии	Новое строительство Малая энергетика и альтернативная
13	Республика Тыва	183	Самодостаточность (27 %)	модернизация	Переток электроэнергии	Нетрадиционная и альтернативная энергетика
14	Тюменская область.	12258,0	100 %	Самодостаточность	Переток электроэнергии	Новое строительство и малая энергетика.

Недостающая электроэнергия поступала из других регионов через ЕЭС России. Республика Алтай не имеет генерирующих мощностей, а Республика Тыва обеспечивает себя лишь на 27 %. В силу своего географического положения энергетические системы Чукотского автономного округа, Камчатской и Магаданской областей работают в автономном режиме от ЕЭС России, а энергетика Сахалинской области полностью изолирована от материка. Из Магаданской области возможны небольшие перетоки энергии в самые северные районы Якутии и в Чукотский автономный округ.

Другие энергосистемы входят в различные системы ЕЭС России, что позволяет регулировать энергетический баланс в регионах с рядом ограничений. Большинство регионов обладают достаточно высокой степенью централизации электроснабжения.

В качестве основных индикаторов развития энергетической инфраструктуры были выбраны три показателя: энергоёмкость ВРП, среднее значение цены на электроэнергию и обеспеченность региона собственной электрической энергией (табл. 4.16).

В целом развитие энергетической инфраструктуры северных приграничных территорий Российской Федерации находится на средне-российском уровне (1,04). При сопоставлении со средними значениями РФ были получены следующие значения:

- средний показатель энергоёмкости экономики региона (соотношение затраченной энергии на выпуск 1 рубля ВРП) для северных приграничных территорий незначительно превышает средне-российский уровень (1,14);
- среднее значение цен на электрическую энергию (1,05);
- среднее значение обеспеченности электроэнергией (соотношение выработанной электроэнергии к затраченной) незначительно ниже среднего значения по РФ.

## Показатели развития энергетической инфраструктурой северных приграничных регионов РФ

№	Приграничный регион	Энергоемкость ВРП	Цена на электроэнергию	Обеспеченность электроэнергией	Значение индикатора уровня развития энергетической инфраструктуры
1	Мурманская область	0,48	1,42	1,37	1,10
2	Республика Карелия	0,40	1,28	0,58	0,76
3	Чукотский автономный округ	2,16	0,53	1,03	1,24
4	Сахалинская область	3,41	0,80	1,00	1,74
5	Камчатский край	1,59	0,73	1,00	1,10
6	Приморский край	0,93	1,31	0,83	1,02
7	Хабаровский край	1,08	0,88	0,94	0,97
8	Амурская область	0,66	1,03	1,79	1,16
9	Магаданская область	0,76	0,68	1,07	0,84
10	Забайкальский край	0,62	1,40	0,89	0,97
11	Республика Алтай	1,12	0,83	0,01	0,65
12	Республика Бурятия	0,68	1,00	0,97	0,88
13	Республика Тыва	1,12	1,33	0,08	0,84
14	Тюменская область	1,05	1,54	1,10	1,23
Российская Федерация		1	1	1	1

Не смотря на то, что среднее значение развития энергетической инфраструктуры находится на среднероссийском уровне, ее развитие у северных приграничных территорий не равномерный как. Среднее значение обобщающего показателя варьируются от 1,74 в Сахалинской области до 0,65 в Республики Алтай.

По энергоёмкости ВРП лидирующее место в рейтинге северных приграничных регионов занимает Сахалинская область (3,41), аутсайдером этого рейтинга является Республика Карелия (0,40) и Мурманская область (0,48). Таким образом, разброс среди регионов по показателю энергоёмкости ВРП (количества затраченной энергии на выпуск единицы ВРП) составляет более чем восемь раз.

Характер пространственного размещения ресурсов обуславливает разную по регионам и в целом низкую энергетическую эффективность российской экономики при высокой энергоёмкости. Это обусловлено разной производственной ориентированности регионов. В одних регионах энергоёмкость экономики очень высокая, так как в их экономической деятельности преобладают энергоёмкие производства с низкой добавленной стоимостью относительно затраченных энергетических ресурсов (сырьевая направленность без глубокой переработки). В других значительно лучше развиты менее энергоёмкие виды деятельности, в том числе добыча и продажа энергоносителей. Сравнение энергоёмкости регионов СЗФО (а также сравнение с Финляндией) показано на рис. 4.25.

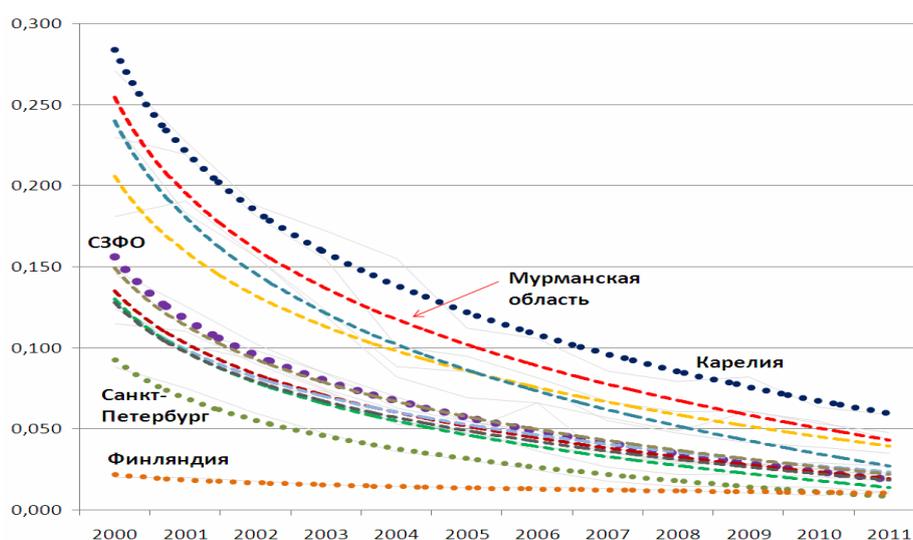
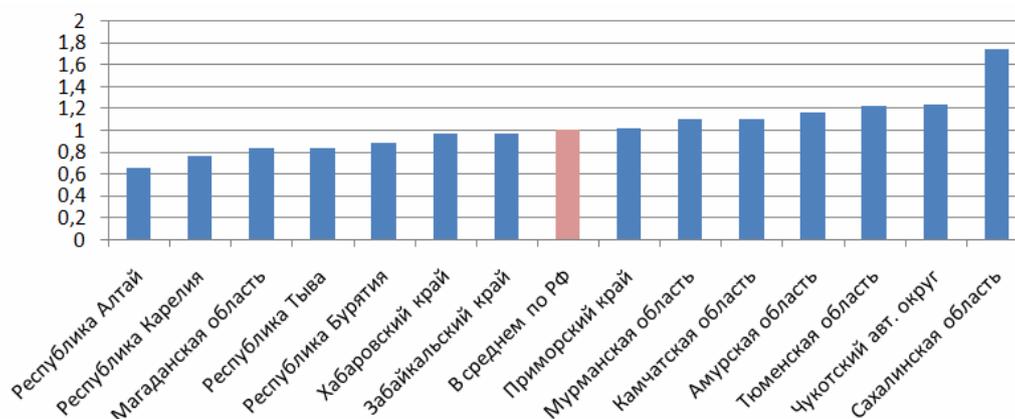


Рисунок 4.25 Энергоёмкость экономики регионов СЗФО и Финляндии, кВтч/руб.

По показателю цен на электрическую энергию разброс существенно меньше от 1,54 в Тюменской области до 0,53 в Чукотском автономном округе, т. е. около трех раз. Это связано с тем, что в разных регионах стоимость 1 кВтч не одинаковые. Так в Мурманской области основной объем электроэнергии вырабатывается на атомных электростанциях АЭС, в Тюменской области выработка электроэнергии происходит на одних из самых крупных в мире ГРЭС, которые используют в качестве топлива попутный газ. С другой стороны в Чукотском АО наблюдается самая высокая цена на электрическую энергию. Это связано с удаленностью региона от основных топливных ресурсов, и как следствие высокой стоимостью доставки.

Соотношение показателя, характеризующего соотношение выработанной электрической энергии к потребленной, варьируется от 1,79 в Амурской области до 0,01 в Республике Алтай, т.о. разница между самым энергоизбыточным и энергодефицитным регионом составляет 179 раз. При этом в Амурской области выработка производится на крупных ГЭС и объема полученной энергии достаточно для покрытия собственных потребностей, а излишки экспортируются в другие регионы. В то время как Республика Алтай (значение показателя равно 0,01) и Тыва (значение показателя равно 0,08) практически полностью зависят от внешних поставок электрической энергии, таким образом ставит регион в большую зависимость от внешних производителей электроэнергии, что при неблагоприятных условиях может негативно сказаться как на инвестиционной привлекательности, так и развитии региона в целом (рис. 4.26).



**Рисунок 4.26** Индикаторы уровня развития энергетической инфраструктуры северных приграничных регионов

Для более полного понимания сущности дифференциации регионов по уровню энергопотребления и энергобезопасности в условиях изменения структуры экономики целесообразно проанализировать взаимосвязь промышленной специализации территорий (макрорегионов и регионов России), энергопотребление секторов экономики и действующих энергопроизводственных циклов. Дифференциация регионов по этим параметрам определяется ресурсным обеспечением – природными, трудовыми, финансовыми и другими ресурсами. Таким образом, по воздействию комплекса факторов происходит формирование экономики регионов, которые являются составной частью национальной и государственной экономики (Горохова, 2004).

Теоретическое обоснование дифференциации регионов и экономического районирования получили наибольшее развитие в работах Н.Н. Колосовского. Ключевым понятием в теории экономического районирования Н.Н. Колосовского было понятие энергопроизводственного цикла. Под энергопроизводственным циклом следует понимать всю совокупность производственных процессов последовательно развёртывающихся в регионах, на основе сочетания имеющегося вида энергии и сырья, от первичных форм (добычи и облагораживания) – до получения всех видов готовой продукции, которые можно производить на месте, исходя из приближения производства к источникам сырья и энергии, потребителю и рационального использования всех компонентов сырьевых и энергетических ресурсов (Осипов, 1988).

В современном понимании энергопроизводственный цикл рассматривается в качестве совокупности производственных процессов, взаимосвязанных с основной разновидностью сырья и энергии. Современная система энергопроизводственных циклов включает 14 основных циклов: пирометаллургический, пирометаллургический цветных металлов, нефтегазоэнергохимический, углеэнергохимический,

горнохимический, лесозенергохимический, теплоэнергпромышленный, атомозенергопромышленный, гидроэлектропромышленный, машиностроительный, текстильно-промышленный, рыбопромышленный, индустриально-аграрный, индустриально-промышленный. В зависимости производственно-территориального сочетания в экономической деятельности регионов присутствует определенный набор энергопроизводственных циклов. При этом каждому региону присуща своя специализация.

Наличие набора энергопроизводственных циклов дает возможность определить специализацию каждой территории. Это дает представление о системе связей по каждому из направлений. Важной и пока не решенной задачей остается создание системы способной синхронизировать энергопроизводственные циклы на территории РФ. Синхронизация циклов производственных процессов позволяет произвести минимизацию затрат и издержек. Для обеспечения конкурентоспособности предприятия возможность минимизации затрат на производство имеет, как правило, первоочередное значение.

Суть выделения ЭПЦ заключается в том, что из всего многообразия производственных сочетаний выделяются именно типичные, устойчиво повторяющиеся в разных районах совокупности, возникающие вокруг основного вида энергии и сырья. Сами по себе типичность, устойчивость, повторяемость ЭПЦ в разных экономических районах свидетельствуют о закономерности размещения производительных сил.

К числу основных свойств ЭПЦ относятся следующие (Зяблова, 2012):

Во-первых, циклы характеризуют непосредственно процесс создания готового продукта из основного сырья и определенного набора дополнительных продуктов. Внешне это выражается во взаимном технологическом приспособлении друг к другу отдельных производств и служб, составляющих взаимодействующие звенья единого производственного процесса, что позволяет преодолеть различные барьеры и реализовать единую техническую политику по всем цепочкам производств.

Во-вторых, циклы охватывают не всю совокупность производственных процессов, совместно участвующих в создании готовой продукции из главного вида сырья или энергии, а только ту их часть, которая устойчиво повторяется. Это свидетельствует об объективности и инвариантности структуры ЭПЦ, возможности построения моделей.

В-третьих, связи отдельных производственных процессов цикла между собой достаточно прочны ввиду преобладания связей технологического и производственно-технологического типа, создающих каркас структуры ЭПЦ. Построение управленческих моделей возможно как для реальных, так и для генерализованных циклов. Кроме того, могут быть построены и модели идеальных циклов, от которых можно перейти к реальным циклам, вводя информацию о конкретных условиях их работы, мощностях отдельных производств, природных и социально-экономических условий районов локализации. Такие модели могут иметь оптимизационный характер, являться эталонными при оценке функционирования реального ЭПЦ, раскрывать основные пути и направления совершенствования его состава и структуры.

В-четвертых, важно подчеркнуть, что взаимное приспособление, тяготение и взаимообусловленность производственных процессов, входящих в состав цикла является результатом не только существующими технологиями переработки продукта, но и реализации в этой совокупности производственных процессов вполне определенных и конкретных производственных отношений. Таким образом, в ЭПЦ сочетается единство разных сторон воспроизводственного процесса – от чисто технической до социально-экономической.

В современном понимании ЭПЦ рассматривается в качестве совокупности производственных процессов, взаимосвязанных с основной разновидностью сырья и энергии. Современная система ЭПЦ включает 14 основных циклов (Осипов, 1988):

- Пирометаллургический цикл – характерный для районов, имеющих значительные запасы железной руды и коксующих углей. Цикл включает добычу и обогащение сырья и топлива, металлургический передел (чугун-сталь-прокат), коксование угля, утилизация коксового газа для производства аммиака и ацетилена, производство строительных материалов из доменных шлаков (цемент, термозит), металлургическое машиностроение.
- Пирометаллургический цикл цветных металлов – цикл включает добычу, обогащение и металлургический передел сырья с многократным использованием промежуточных продуктов для добычи спутников основных компонентов; рафинирование меди, производство глинозема, утилизация сернистого ангидрида; машиностроение, связанное с использованием цветных металлов.

- Нефтегазоэнергохимический цикл, характерен для районов имеющих нефть и газ. В связи с распределением трубопроводного транспорта может формироваться вдали от районов добычи сырья и ориентироваться на потребителя.
- Углеэнергохимический цикл – включает добычу, обогащение, коксование угля, производство аммиака и азотных удобрений, производство горношахтного оборудования.
- Горнохимический цикл формируется в районах, имеющих запасы минерального сырья для химической промышленности (каменные и калийные соли).
- Лесоэнергохимический цикл выражен в богатых лесами районах. Включает заготовку и механическую обработку древесины, химическую переработку древесины, гидролиз дешевого сырья (производство ацетона, спирта, уксуса).
- Теплоэнергпромышленный комплекс. Характерен для районов, имеющих дешевое топливо – открытые разработки каменного и бурого угля. На базе этого комплекса формируются энергоемкие производства.
- Атомоэнергпромышленный цикл состоит из двух территориально разделенных блоков: добыча и обогащение урана в местах его залегания, функционирования АЭС в районах потребления электроэнергии. Возможность размещения АЭС в необходимых регионах благодаря абсолютной транспортабельности сырья благоприятствует развитию вблизи станций энерго- и теплоемких производств.
- Гидроэлектропромышленный цикл формируется в районах каскадов ГЭС. В его состав входит электрометаллургия и электрохимия.
- Машиностроительный цикл характерен для хорошо освоенных районов, имеющих квалифицированную рабочую силу.
- Текстильно-промышленный цикл ориентируется главным образом на потребителя, хотя иногда формируется в районах выращивания сырья (лен, шелк). Включает обработку сырья, прядения, ткачество, производство готовых изделий.
- Рыбопромышленный цикл характерен для приморских районов. Состоит из стационарного (рыбозаводы, судостроительные и судоремонтные предприятия, рыбные порты) и акваториально мигрирующего рыболовецкого (рыболовецкие флотилии, суда, передвижные перерабатывающие комплексы).
- Индустриально-аграрный цикл является ядром специализированных АПК: зернопромышленного, зерносахарного, мясопромышленного и т. д. Включает предприятия, обеспечивающие продукцией и перерабатывающие предприятия, сельскохозяйственное машиностроение, производство химических удобрений.
- Индустриально-промышленный цикл имеет подчиненный характер. Представлен производством ЭИБК, ориентирован на потребителя, включает машиностроение для строительной промышленности. Использует вторичное сырье металлургической, химической, топливной промышленности.

Таким образом, анализ промышленной специализации территорий (макрорегионов и регионов России), энергопотребление секторов экономики и действующих ЭПЦ выявляет дифференциацию регионов по уровню энергопотребления и энергобезопасности.

Учитывая общепризнанные ЭПЦ и входящие в их состав производства была проведена классификации макрорегионов (федеральных округов) и некоторых приграничных регионов РФ по производственной специализации (таб.4.17 и 4.18)

Индекс специализации рыбопромышленного энергопроизводственного цикла рассчитывался по формуле:

$$K = \frac{ВДС_{РФ} / N_{РФ}}{ВДС_i / N_i}$$

где:  $ВДС_{РФ}$  – объем произведенной валовой добавленной стоимости в рыбопромышленной отрасли Российской Федерации, в млн руб.;  $N_{РФ}$  – численность населения РФ;  $ВДС_i$  – объем произведенной валовой добавленной стоимости в рыбопромышленной отрасли региона, в млн руб.;  $N_i$  – численность населения региона. Аналогичным образом можно рассчитать индекс специализации регионов по остальным энергопроизводственным циклам.

Распределение энергопроизводственных циклов в федеральных округах РФ

регионы	Пирометаллургический	Пирометаллургический (цветных металлов)	Нефтегазоэнергохимический	Углеэнергохимический	Горнохимический	Лесоэнергохимический	Теплоэнергопромышленный комплекс	Атомоэнергопромышленный	Гидроэлектропромышленный	Машиностроительный	Текстильно-промышленный	Рыбопромышленный (индекс специализации)	Индустриально-аграрный	Потребление эл.энергии (на 1 руб. ВРП)	Энергопотребление на 1 человека (кВтч/год)
Российская Федерация												1		0,020	7342
Центральный ФО	+		+		+	+		+	+	+	+			0,011	5444
Северо-Западный ФО	+	+	+		+	+		+	+	+		3,8		0,019	7812
Южный ФО			+			+		+	+	+			+	0,018	4473
Северо-Кавказский ФО		+							+				+	0,017	2425
Приволжский ФО		+	+		+	+		+	+	+			+	0,023	6624
Уральский ФО	+	+	+			+		+		+				0,024	15124
Сибирский ФО	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			+	0,040	11529
Дальневосточный ФО		+	+	+	+	+	+	+	+			14,4		0,016	7308

Таблица 4.18.

Классификация северных приграничных регионов по уровню обеспеченности электроэнергией генерируемой на своей территории на 2013 г.

Энергоизбыточные (собственная генерация превышает 120 % потребности региона)	Энергообеспеченные (собственная генерация обеспечивает до 100–120 % потребности региона)		Условно энергообеспеченные (собственная генерация обеспечивает 80–99 % потребности региона)		Энергодефицитные (собственная генерация менее 80 % потребности региона)	
Мурманская область 137 %	Тюменская обл.	112 %	Респ. Бурятия	9 %	Респ. Карелия	58 %
Амурская область 200 %	Камчатский край	100 %	Забайкальский край	5 %	Респ. Алтай	1 %
	Магаданская обл.	107 %	Хабаровский край	95 %	Респ. Тыва	8 %
	Сахалинская обл.	100 %			Приморский край	5 %
	Чукотский АО	103 %				

По частному показателю энергоёмкости экономики – электроёмкости ВРП наибольшее значение прослеживаются у регионов с производственной специализацией на энергоёмкие производства (металлургия, химическое, горнохимическое, машиностроение и др. виды промышленности с высоким удельным энергопотреблением). Эта особенность подтверждается на примере Республика Карелия, которая обладает наибольшей удельной энергоёмкостью из всех рассматриваемых 14 северных приграничных территорий, при этом региону присущи энергоёмкие ЭПЦ (пирометаллургический и пирометаллургический цветных металлов, а также лесоэнергохимический и машиностроительный).

Также к числу регионов с высоким уровнем удельной энергоёмкостью относятся Мурманская область, в которой присутствуют производства с высокими удельными энергозатратами. С другой стороны территории специализирующиеся на ЭПЦ с низкими удельными затратами энергии находятся в более выгодных условиях по параметру удельной энергоёмкости экономики. В качестве примера выступает Камчатский край. На этой территории основная промышленная специализация – рыбопромышленный комплекс, который превышает среднероссийское значение более чем 68 раз.

Таким образом, в условиях дифференциации регионов необходимо разработать оптимальную стратегию развития экономики регионов с учетом их промышленной специализации и действующих энергопроизводственных циклов. При этом необходимо учитывать факторы по обеспечению регионов энергетическими ресурсами в полном объеме, надлежащего качества и по приемлемой цене. Вследствие того что большое количество регионов в значительной степени являются энергодефицитными это параметр становится одним из важнейшим в системе управления энергобезопасностью регионов, макрорегионов и государства в целом.

Не смотря на то, что большинство северных приграничных регионов обеспечивают потребность в электрической энергии за счет собственной генерации, в части регионов наблюдается большая зависи-

мость от перетока электрической энергии из других регионов, что подвергает данные территории большим рискам. Это ставит под сомнение возможность устойчивого и энергобезопасного развития экономики этих регионов. Таким образом, первоочередной задачей является обеспечение стабильного энергоснабжения, а для повышения энергобезопасности и экономической безопасности необходимо развитие собственных генерирующих мощностей, в том числе за счет местных источников энергии, а также возобновляемой энергетики, потенциал которой в настоящее время практически не используется (Щербак 2013).

Важнейшим направлением в повышении энергетической безопасности является повышение уровня энергообеспеченности. Для рассматриваемых северных приграничных регионов это: Приморский край, Республика Карелия и особенно Республика Алтай и Тыва. Этих регионы в катастрофической степени зависят от поставок электрической энергии из-за пределов собственных регионов. При этом сами территории обладают значительным потенциалом выработки собственной электроэнергии за счет собственных генерирующих мощностей, в том числе за счет использования местных видов топлива и возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Для успешного ведения внешнеэкономической деятельности в приграничных регионах выстраивается соответствующая инфраструктура. Она подразделяется на два функциональных вида: 1) *пограничная-таможенная* и 2) *транспортно-логистическая и смежные*.

Развитие таможенной инфраструктуры тесно взаимосвязано с развитием транспортно-логистической и смежных инфраструктур.

Проведена оценка уровня развития инфраструктурного каркаса 14 приграничных регионов России с экстремальными условиями жизнедеятельности была получена матрица данных таблица 4.19.

По данным этой таблицы был рассчитан и графически изображен уровень развития инфраструктурного каркаса каждого из регионов (рис. 4.27).

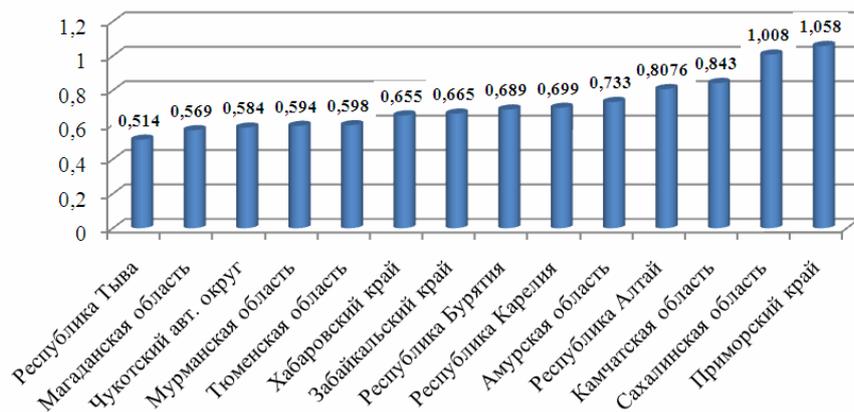
Таблица 4.19.

#### Индикаторы уровня развития инфраструктурного каркаса приграничных регионов

Вид инфраструктуры	Индекс уровня развития вида инфраструктуры региона											
	пограничная	таможенно-логистическая	транспортная	энергетическая	инновационная	информационно-коммуникационная	туристская	экологическая	финансовая	социальная	управленческая	гражданского общества
Регион	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Мурманская область	1,23	0,189	0,74	1,10	0,003	1,07	0,53	0,297	1,269	0,576	0,005	0,12
Республика Карелия	1,04	0,141	1,71	0,76	0,003	1,07	0,64	1,083	1,205	0,576	0,005	0,165
Чукотский авт. округ	0,57	1,198	0,065	1,24	0,000	1,08	0,13	0,984	0,845	0,564	0,005	0,331
Камчатская область	1,66	1,273	0,21	1,10	0,002	1,09	0,34	2,679	0,941	0,582	0,003	0,23
Магаданская область	1,54	0,846	0,065	0,84	0,001	1,11	0,16	0,323	0,975	0,606	0,006	0,354
Сахалинская область	1,00	1,997	1,76	1,74	0,028	1,01	0,57	2,099	1,233	0,475	0,002	0,183
Приморский край	0,87	3,833	1,5	1,02	0,009	0,98	1,11	1,549	1,202	0,430	0,012	0,186
Хабаровский край	1,18	0,434	0,33	0,97	0,006	1,11	0,86	1,232	0,987	0,497	0,011	0,242
Амурская область	1,09	0,633	1,13	1,16	0,003	0,91	0,7	1,734	0,639	0,390	0,008	0,400
Забайкальский край	1,25	1,447	0,85	0,97	0,002	1,00	0,81	0,261	0,878	0,434	0,007	0,081
Республика Бурятия	1,15	0,563	0,91	0,88	0,003	0,95	0,96	1,473	0,718	0,418	0,003	0,237
Республика Тыва	0,86	0,358	0,300	0,84	0,001	0,89	0,13	1,331	0,933	0,422	0,013	0,084
Республика Алтай	0,85	0,965	0,43	0,65	0,001	1,05	0,50	3,648	0,478	0,376	0,003	0,721
Тюменская область	0,72	0,523	0,13	1,23	0,016	1,04	1,92	0,745	1,647	0,402	0,037	0,0645
В среднем по РФ	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Источник: (Немкович и др, 2015)

Сравнительный анализ полученных результатов показывает, что полученные данные сопоставимы и позволяют осуществить сравнительный анализ регионов по уровню развития инфраструктурного каркаса каждого из них. По полученным данным можно осуществить идентификацию приграничных регионов. Следовательно, разработанная модель инфраструктурного каркаса приграничного региона с экстремальными условиями жизнедеятельности работоспособна и может быть рекомендована для пользования при проведении.



**Рисунок 4.27 Интегральные индикаторы уровня развития инфраструктурного каркаса северных приграничных регионов РФ.**  
**Источник: (Немкович и др., 2015)**

В стране существует проблема измеримости состояния инфраструктуры территории (региона) (Ильченко, 2012). Ввиду отсутствия общепринятой методики интегральной оценки инфраструктуры затруднена классификация и ранжирование территорий. В связи с этим предлагается методика определения интегрального показателя, индекса уровня развития инфраструктурного каркаса региона.

Расчёт базируется на официальных данных национальной государственной статистики и может быть использован как инструмент региональной экономической политики: ранжировать территории, чтобы на этой основе выстраивать приоритеты для инвестиционных инфраструктурных проектов.

В таблице 3.19 представлены результаты экспертной оценки. Далее проведена ранговая оценка. При этом предполагается, что выполнение рангового распределения типа закона Ципфа (как критерий достижения целостности или признак «правильности» (хорошей организации) распределения – в данном случае – критерий связности экономического пространства) как раз и является главной задачей для развития инфраструктуры региона.

Под ранговым распределением понимается распределение, полученное в результате процедуры ранжирования последовательности значений уровня развития инфраструктур, входящих в инфраструктурный каркас региона, поставленных соответственно рангу. Ранжирование – процедура упорядочения объектов по степени выраженности какого-либо качества. Ранг – это номер инфраструктуры региона по порядку в некотором распределении. По Б.И. Кудрину (1993), закон рангового распределения показателей в техноценозе (Н-распределение) имеет вид гиперболы:

$$W = \frac{A}{r^\beta}$$

где  $W$  – ранжируемый параметр особей;  $r$  – ранговый номер особи (1,2,3...);  $A$  – максимальное значение параметра лучшей особи с рангом  $r = 1$ , т. е. в первой точке (или коэффициент аппроксимации);  $\beta$  – ранговый коэффициент, характеризующий степень крутизны кривой распределения (наилучшим состоянием техноценоза, например, является такое состояние, при котором параметр  $\beta$  находится в пределах  $0,5 < \beta < 1,5$ ).

Отдельные элементы региональной экономической системы статистически значимо связаны в единую систему, однако тип связей в данном случае отличается от макро- и микроэкономических законов и определяется геометрией пространства. Последняя предопределяет негауссовость (т. е. несовпадение с нормальным распределением) и появление ципфовых свойств у статистической выборки параметров. Т.о.не выполняется закон больших чисел, т. е. среднее статистическое значение не сходится к математическому ожиданию..

Инфраструктура региона отражает не только свойства экономического пространства региона, но также в ней проявляются свойства экономического пространства страны (и макрорегиона) в целом. Таким образом, достижение целостности с т.з. рангового распределения и есть главная задача для развития инфраструктуры как региона так и макрорегиона и страны. Целостность (в ее миссии достигается ясностью стратегии развития страны, ее геоэкономическими и геополитическими проектами).

При этом предполагается, что выполнение рангового распределения типа закона Ципфа (как критерий достижения целостности или признак «правильности» (хорошей организации) распределения – в данном случае – критерий связности экономического пространства) как раз и является главной задачей для развития инфраструктуры региона.

Ранговый анализ включает следующие этапы-процедуры (согласно (Гнатюк, 1999)):

1. Выделение техноценоза. В соответствии с принятой моделью инфраструктурного каркаса, включаются те виды инфраструктур и регионы по которым осуществляется анализ.

2. Определение видообразующих параметров. Видообразующие параметры видов инфраструктур регионов определяются по предложенной нами методике.

3. Параметрическое описание техноценоза. Внести в матрицу конкретные значения уровня развития техноценоза каждого вида инфраструктур по регионам, входящих в инфраструктурный каркас региона.

4. Построение табулированного рангового распределения. Табулированное ранговое распределение по форме представляет собой таблицу из двух столбцов: параметров объектов  $W$  выстроенных по рангу и рангового номера объекта  $r$  (параметрического или видового) (рис. 3.23). Первый ранг присваивается объекту, имеющему максимальное значение параметра, второй – имеющему наибольшее значение параметра среди объектов, кроме первого, и так далее.

5. Построение графического рангового распределения уровней развития инфраструктурного каркаса регионов. Параметрическая ранговая кривая имеет вид гиперболы, причём по оси абсцисс откладывается ранговый номер  $r$ , по оси ординат – исследуемый параметр  $W$ . График рангового видового распределения есть совокупность точек: каждой точке графика соответствует определенный уровень развития инфраструктурного каркаса конкретного региона (рис. 4.28). Все данные берутся из рангового распределения.

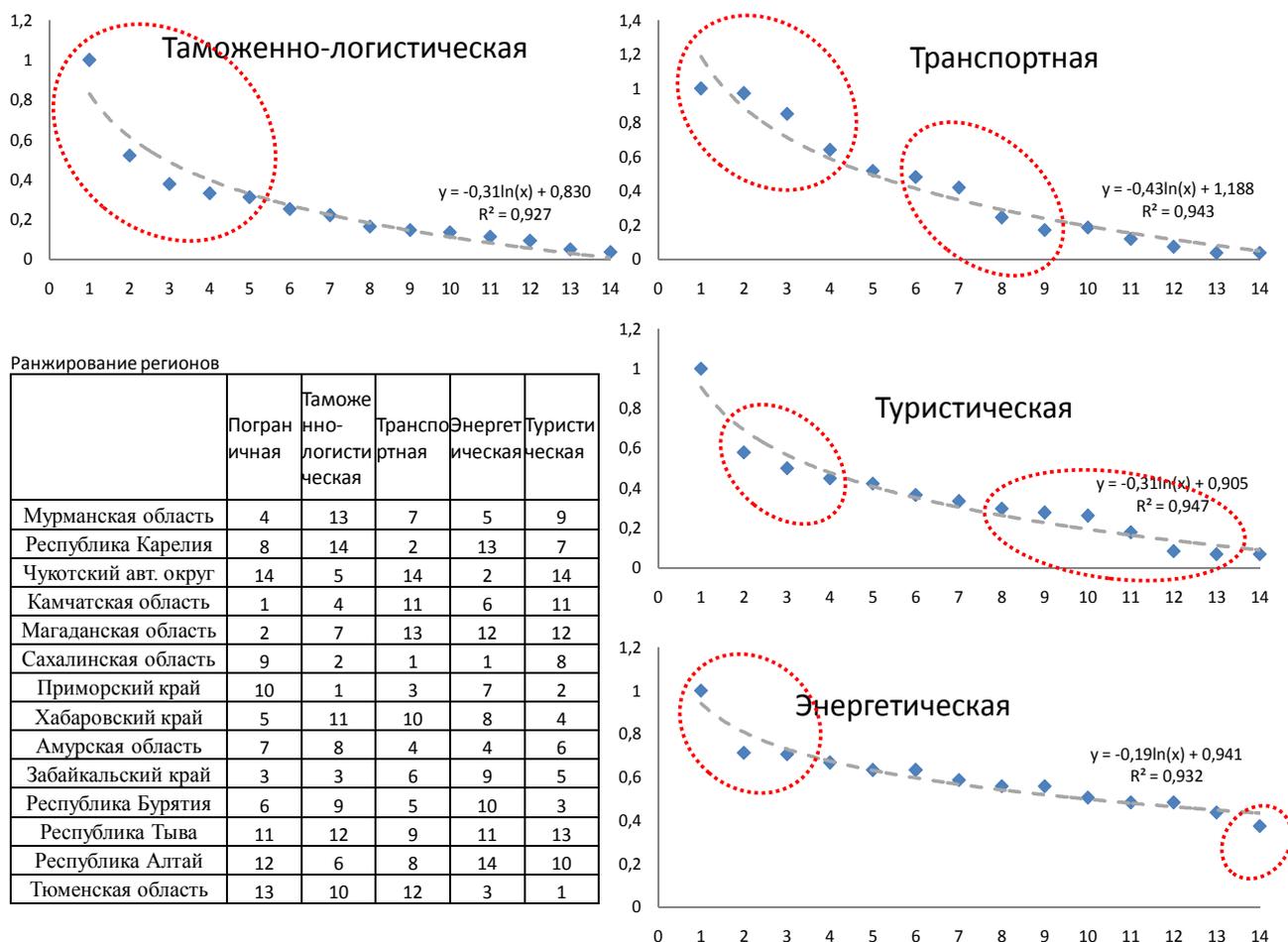


Рисунок 4.28 Табулированное ранговое распределение экспертных оценок некоторых видов инфраструктуры. Источник: (Особенности, 2015)

6. Аппроксимация распределений. Суть метода заключается в отыскании таких параметров аналитической зависимости, которые минимизируют сумму квадратов отклонений реально полученных в ходе рангового анализа социогенеза эмпирических значений  $y$  от значений, рассчитанных по аппроксимационной зависимости. Следует отметить, что произвести аппроксимацию и определить параметры выражения можно с помощью компьютерных программ. Находятся параметры кривой распределения:  $A, b$ . Как правило, для техноценозов  $0,5 < \beta < 1,5$ .

7. Оптимизация техноценоза. Оптимизация является одной из сложнейших операций ценологической теории. Процедура оптимизации системы (техноценоза) состоит в сравнении идеальной кривой с реальной, после чего делают вывод: что практически нужно сделать в техноценозе, чтобы точки реальной кривой стремились лечь на идеальную кривую.

На графике (рис. 3.29) мы видим, что реальное  $H$ -распределение отличается от идеального. Некоторые расчётные точки выпадают из идеального распределения и полученный график не является гиперболой. Но в целом расчётная кривая, имеет характер  $H$ -распределения но по сравнению с теоретической, имеют «горбы» и «впадины». Реальная кривая лежит в допустимых пределах для данного ценоза, что свидетельствует об устойчивости методики определения уровня развития инфраструктурного каркаса региона.

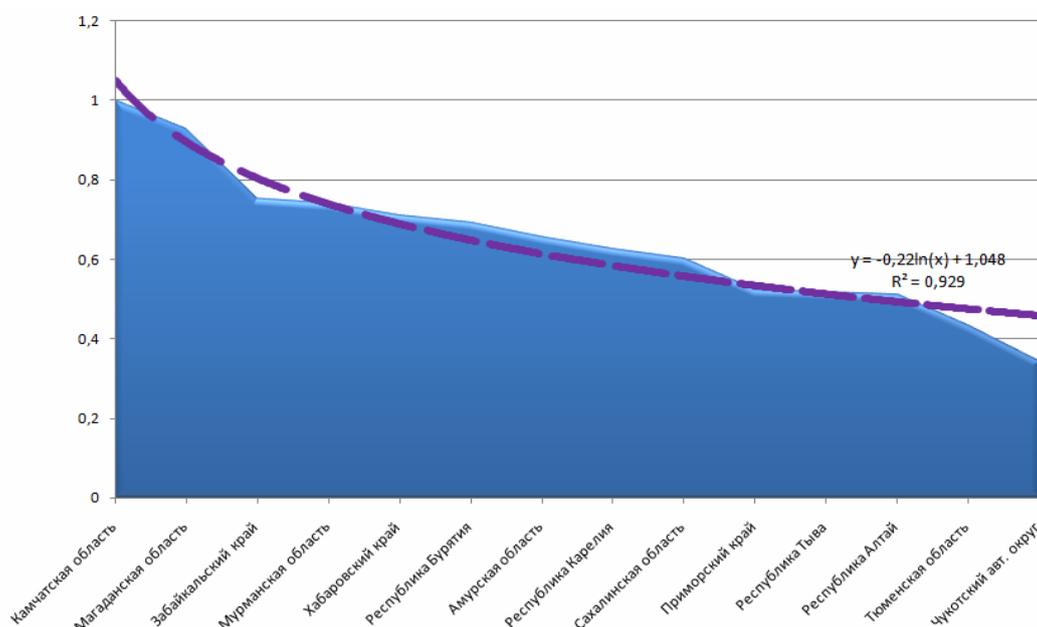


Рисунок 4.29 Ранговое распределение экспертной оценки пограничной инфраструктуры. Источник: (Особенности, 2015)

Для большей наглядности подтверждения того что предложенная модель инфраструктурного каркаса соответствует реальным условия развития и позволяет идентифицировать приграничные регионы по уровню развития инфраструктурного каркаса, а предложенная методика расчета уровня развития видов инфраструктур, входящих в инфраструктурный каркас региона позволяет достоверно оценить реальный уровень развития инфраструктуры.

Методика оценки диверсификации региональной инфраструктуры разработана на основе индекса диверсификации. Степень диверсификации инфраструктуры регионов рассчитаем по аналогии с индексом Аттона следующим образом:

$$\sum_i^n \left| \frac{r_{ij} \lambda_{ij}}{\sum_j^m \lambda_{ij}} \right|$$

$$\beta_i = 2 - 1$$

где  $i$  – регион,  $j$  – вид инфраструктуры,  $r_{ij}$  – ранг  $j$ -го вида инфраструктуры в  $i$ -м регионе,  $m$  – количество регионов,  $n$  – число видов инфраструктуры,  $\lambda_{ij}$  – экспертная оценка уровня развития  $j$ -го вида инфраструктуры в  $i$ -м регионе.

Для оценки результатов воспользуемся следующей диаграммой (рис. 4.30).



Рисунок 4.30 Изменение индекса Аттона (для сравнения уровней развития инфраструктурного каркаса приграничных регионов)

- Зона диверсифицированной инфраструктуры
- Зона недиверсифицированной инфраструктуры

Определим по значению индекса, какие регионы считаются диверсифицированными по инфраструктуре, а какие нет. В зону диверсифицированной инфраструктуры попал Дальний Восток (Сахалинская и Тюменская области, Хабаровский и Приморские края). Остальные регионы квалифицируются с недостаточной диверсифицированной инфраструктурой.

Индекс Аттона переводит неравномерные распределения в эквивалентные «идеальные» формы. Так Республика Тыва, Магаданская область и Чукотский округ могут быть представлены только четырьмя секторами.

Результаты анализа говорят, что тенденцией является усиление неоднородности распределения производительных сил в макрорегионе и формирования новой модели распределения производительных сил.

На основании гипотезы, что инфраструктура отражает не только свойства экономического пространства региона, но также в ней проявляются свойства экономического пространства страны (и макрорегиона) в целом, осуществлена предварительная типологизация приграничных северных регионов на основе оценки обеспечения связности пространства, полученной на основании анализа функций рангового распределения различных видов инфраструктур регионов как информации о внутренней структуре регионального и макрорегионального экономического пространства. Полученные результаты исследований подтверждают вывод о том, что инфраструктура регионов развита не равнозначно и не достаточно.

Соседство с экономически развитыми сопредельными странами является положительным фактором для развития приграничных регионов. В то же время использование и реализация такого фактора возможно через создание инфраструктуры трансграничного взаимодействия, как создание условий для облегчения пересечения границ гражданами страны, снижения транзакционных издержек при транспортировке грузов, привлечения иностранных инвестиций, стимулирования создания совместных предприятий и т. д.

Чтобы нивелировать системные риски и согласовать стратегии регионов, макрорегионов и страны необходимо сопрячь инфраструктуру и воспроизводственные циклы (которые составлены из разномасштабных цепочек транзакций, экономических, технологических, энергопроизводственных циклов). Инструментами в формировании разномасштабных (и сопряженных) циклов являются институционально, пространственно, экономически и технологически связанные элементы и формы организации промышленности, производительных сил. Например, в качестве мезомасштабного цикла мож-

но использовать создание промышленно-энергетической базы с воспроизводством ЭПЦ (согласованной с финансовой модальностью), на основе которой будут создаваться вертикальные индустриальные кластеры, объединяющие ряд схожих по отраслевому принципу промышленные производства и позволяющих полно реализовать технологические платформы. К таким интегрированным структурам возможно более адресное и эффективное применение мер по преодолению недостатка финансовых средств и инвестиционных ресурсов. В таком пространстве экономических отношений государство может и должно сыграть ключевую роль через механизм государственно-частного партнерства.

#### **4.4 МЕХАНИЗМ НЕГАТИВНОЙ СИНЕРГИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ РЕНТА**

Помимо очевидных инфраструктурных ограничений, напрямую разрушающих связность пространства, имеет значение соотношение (баланс) экстрактивных и инклюзивных рыночных институтов. Рассеяние позитивного эффекта трансакций (когда вместо снижения транзакционных издержек происходит их повышение) происходит пока не установится равновесное состояние как следствие результата сложившегося дизайна институциональной матрицы (определенной комбинации экстрактивных и инклюзивных политических и рыночных институтов, регулирующих трансакции в исследуемых сферах общественной жизни).

Имеющиеся знания и опыт приводят к убеждению, что с одной стороны справедливо утверждение, что природные ресурсы, имеющиеся у территории, при благоприятных условиях (обеспечивающих высокий рыночный потенциал) притягивают экономическую активность, но с другой стороны необходимо принять также справедливость и того, что развитие межрегиональных отраслевых рынков и возрастающая отдача (и ее распределение в пользу центра как результат действия экстрактивных институтов) являются альтернативным объяснением региональной специализации по отношению к фактору запаса ресурсов периферийных территорий.

Измерения структурных отношений и качества институтов показали высокую корреляцию с системными рисками, обуславливающими негативные функциональные состояния региональных экономических систем. Выявленные дисфункция системы и деформация экономического пространства проявляются в дивергентном развитии их элементов и в несоответствии функционирования системы режиму оптимального функционирования, а также институциональной организации оптимальному порядку хозяйствования. Дивергенция как конкретное проявление и реализация системного риска в итоге ведет к разрушению системных объектов (экономической системы и экономического пространства). На этом основании вырабатывается новая повестка дня для теоретических и эмпирических исследований регионального хозяйства по определению данной оптимальности, исходя из следующих соображений. Поэтому в качестве предмета анализа выделяются институты, проявляемые в контексте свойств экономического пространства, и отношения хозяйствующих субъектов, которые принято относить к категории экономических, протекающих в определенной совокупности допущений, осуществляемых субъектом исследования (Реймер, 2004), в качестве объекта исследования – «экономическое пространство» как системная категория, являющаяся проводящей средой для трансакций. В данном контексте суть исследования заключается не в сравнении статистических распределений по величине средних и дисперсии, а в выяснении причин изменений в размещении производительных сил и причинно-следственных связей трансакций – движений в экономическом пространстве.

Применение категории «экономическое пространство» в экономической науке существенно расширяет предмет исследования за счет включения в его состав ряда проблем, которые традиционно исследовались другими общественными дисциплинами: географией, социологией и др. Это, в свою очередь, позволяет представить экономические отношения во взаимосвязи с социальными, институциональными, историческими, культурными и другими определяющими их факторами.

Капиталистическое производство реализуется, не меняя своей фундаментальной сущности, в конкретно-исторических формах, обусловленных контекстами эволюционирующей природы человеческих (в том числе экономических) отношений. Поэтому феномены современной экономики (транзакционная, сетевая, цифровая и другие экономические конструкции) подталкивают к необходимости воспринимать и раскрывать категорию «капитал» (и связанную с ним категорию «рента») во временном и в геометрическом смыслах. Поэтому в результате онтологического расширения в фокус внимания входят не только экономические действия (производство, обмен, потребление, распределение), но и как существенный объект анализа – трансакции. Под трансакциями понимаем (в разных смыслах: юридическом, экономиче-

ском, социальном, информационном, политическом) процесс перехода прав собственности, обмен данными и информацией, смену стадий деятельности в технологическом процессе, акт создания стоимости, социальные действия по поддержанию институциональных рамок, в которых осуществляется экономическая деятельность, издание административных актов и другие процессы и действия, влияющие на экономическое поведение (Фуруботн, 2005). При этом трансакции требуют формирования определенной институциональной среды, определяющей экономический порядок и форматы контрактов. В конечном счете, система экономических отношений опирается на институциональную матрицу, в соответствии с которой происходит распределение ресурсов, капитала и иных результатов экономического процесса.

В ходе эволюции сформировался регион как совокупность отраслевых рынков и институтов координации экономических субъектов (посредством ценовых сигналов), протекающей в условиях спецификации прав собственности, контрактной системы и конкуренции. Поэтому региональная экономическая система – это также соответствующая ее институциональной организации совокупность распорядительных и распределительных центров, имеющих право распоряжения и упорядочивающих хозяйственные интересы при принятии решений, действующих на основании права собственности, административного права и иных институтов при осуществлении трансакций. Право распоряжения выступает как системообразующий фактор. В отличие от технических систем, каждый элемент экономической системы обладает свободой выбора в принятии решения (разумеется, в некоторых пределах). Поэтому их действия должны быть регламентированы (посредством институтов), алгоритмизированы (посредством стандартов управления и технологий) и скоординированы (посредством некоторых устройств или механизмов) для снижения трансформационных и трансакционных издержек. Развитие экономической системы, процессы и трансакции, проходящие в ней, требуют формирования определенной институциональной среды (правил игры), определяющей экономический порядок и форматы контрактов, предусматривающих установление частного порядка в дополнение к правовому порядку. Экономическая система опирается на институциональную организацию, в соответствии с которой происходит распределение ресурсов и результатов экономического процесса.

Согласно известной теореме Р. Коуза, если имущественные права четко определены и трансакционные издержки равны нулю, то аллокация ресурсов (соответствующая структуре производства и виду экономической системы) будет оставаться неизменной и эффективной независимо от изменений в распределении прав собственности. Следовательно, при минимуме трансакционных издержек восприимчивость к инвестициям, долгосрочным контрактам будет наибольшей.

В то же время такая трактовка теоремы Коуза рассматривает экономическую реальность излишне идеальной – без «трения» при движении в экономическом пространстве и потерь при осуществлении трансакций. В реальном мире потерь избежать невозможно. В то же время экономическую реальность обуславливает потери при осуществлении трансакций. Поэтому их величина влияет на распределение производительных сил.

Чтобы разобраться с механикой процессов воспользуемся методом абстрагирования объекта анализа (экономического пространства) до предельной категории. Предполагаем, что характеристики экономического пространства сводятся к одной скалярной величине – рентной функции, а также к условиям, ее институционализирующим. Тогда полагаем, что, в конечном счете, именно рентная функция ответственна за эффекты концентрации и дивергенцию свойств экономического пространства (Толстогузов, 2016).

Традиционно экономическая рента воспринимается как доход, приносимый фактором производства, предложение которого абсолютно неэластично в долговременном периоде (Новый, 2003, С. 750). Также она традиционно представляется как излишек (выигрыш) по сравнению с вероятной стоимостью предложения на рынке ресурсов, относится к затратам того или иного ресурса в производстве, который превосходит свою альтернативную стоимость (Большая, 2007, С. 544). Условием ее существования являются владение редким ресурсом и наличие ограничения в предложении (Фишер, 1993, С. 297). В соответствии с тем или иным видом ресурсов ренту называют (привязывая ее в смысле значения к объекту) интеллектуальной (взимается плата за интеллектуальный продукт – роялти), финансовой (плата за пользование финансовыми ресурсами – процент и другие регулярные денежные потоки), природной (плата за пользование природными ресурсами).

Далее для понимания механики рассмотрим в пространственно-временной трактовке процесс превращения «ренты» в «цену производства». Последняя является производной от суммы трансформационных и трансакционных издержек, среднеотраслевой прибыли и барьеров входа на рынок, анализируемых через условия действующих институтов, в том числе контрактов (Толстогузов, 2016 а, б).

По нашему мнению, основной вопрос заключается в понимании, как осуществления воспроизводства ренты (вследствие масштаба и возрастающей отдачи на межрегиональных отраслевых рынках – важнейшего фактора, ответственного за пространственную дифференциации экономической активности), так и ее распределения. Феномен возрастающей отдачи от использования ресурсов наблюдается не только в рамках международной торговли (и объясненный в контексте теорий новой торговли и новой географии (Krugman, 1991, 1995; Krugman, 1995; Fujita, 1999; и др.)), но также и в рамках межрегиональной и внутриотраслевой торговли (объясняемый в русле вышеназванных теорий).

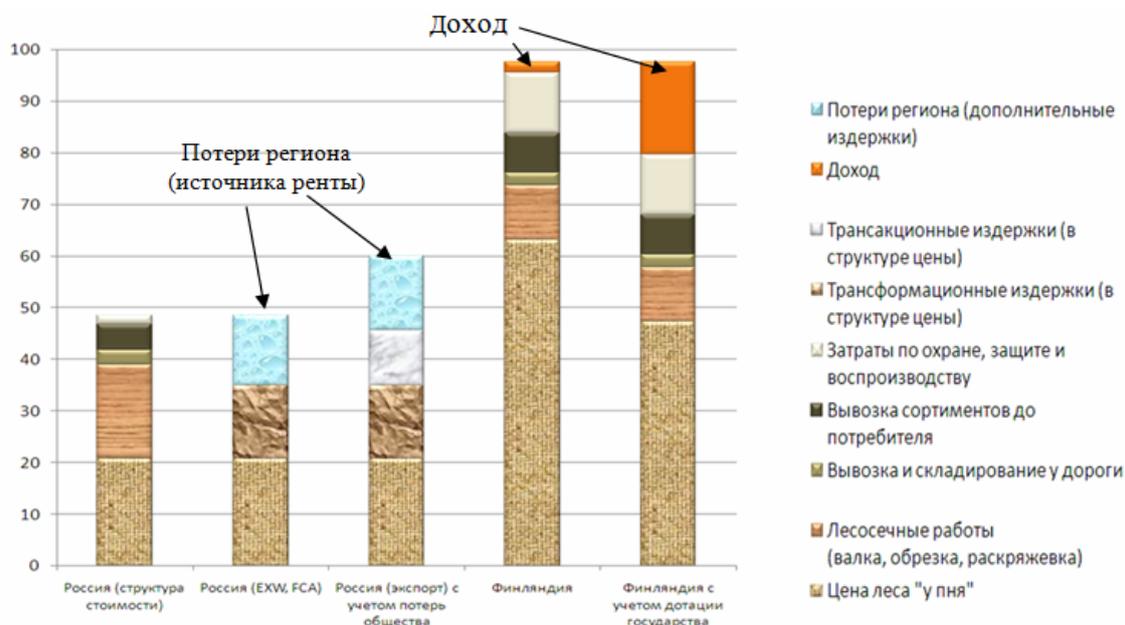
Первая часть заданного вопроса объясняется организацией и структурой межрегионального отраслевого рынка и градиентами экономической ренты. Вторая часть фокусирует внимание на роли факторов, определяющих геометрию движения капитала, происходящего в виде трансакции, и пространственное распределение экономической ренты.

Геометрическое изложение раскрывает определенные аспекты движения капитала в экономическом пространстве, способствуя в определенной степени познанию и модельному представлению сложившихся экономических отношений. Его корректность ограничена условиями допущения и существования локального равновесия, а также условием значительного превышения характеристик пространственно-временного континуума над размерами флуктуаций категории «рента». В таком случае область пространства (сохраняющая условия локального равновесия) как объект исследования и управления предстаёт как, с одной стороны, открытая система, которая обменивается с другими системами ресурсами (финансовыми, материальными, информационными). С другой стороны, в рассматриваемом случае территория (город, регион, страна) в экономическом смысле представляется совокупностью отраслевых межрегиональных рынков с границами, обусловленными геоэкономической конкуренцией и условиями устойчивости локального равновесия «оптимального региона» (в смысле Леша) (Гранберг, 2000). В настоящее время уже не вызывает сомнения то, что неконтролируемые локальные риски межрегиональных рынков могут трансформироваться в нерегулируемые системные риски, представляющие серьезную угрозу для финансовой стабильности и экономического роста как отдельных региональных экономик, так и национальной системы в целом (могут привести ее в нестабильное состояние).

Регулятивные причины (механизмы трансакций, создания и распределения ренты) будем искать в природе коллективных действий агентов как явлений экономического пространства. Полагаем (согласно работе (Уильямсон, 1994)), что в экономике существуют не просто фирмы и рынки, а связывающая их плотная сеть взаимоотношений – т. е. контрактная сеть. Полагаем (согласно работе (Дози, 2012., С. 38)), что экономика функционирует как система правил, по которым взаимодействуют экономические агенты. В результате экономическое пространство предстает как система контрактов и разного рода соглашений, посредством которых агенты реализуют свои имущественные и неимущественные права. По мере установления коллективных связей и их институционализации структура пространства постепенно упорядочивается. При этом в пространстве основную роль играют синхронизированные коллективные движения агентов. «Синхронизация» и «коллективность» их действий определяют эффективность экономического пространства в части получения экономической ренты и осуществления трансакций, а также реализации процесса превращения «ренты» в «цену производства». При этом акценты смещаются с традиционных факторов размещения (транспортные, материальные, трудовые издержки) сначала на инфраструктурные, а затем и на нематериальные (информационные, организационные) и институциональные факторы размещения. По мере усиления концентрации и взаимодействий экономических агентов неизбежно добавляются трансакции, которые не обусловлены рациональным выбором или технологической необходимостью. Они возникают в результате географической, институциональной и социальной близости. В результате коллективных действий агентов пространственный порядок приобретает определенную форму, образует зоны с разной структурой и упорядоченностью взаимодействий (в частности в отношении способов извлечения ренты).

Структура цены в действующих контрактах является результатом сложившейся системы прав собственности и трансакционных издержек. В последние включаются издержки, связанные с обеспечением контрактов, внепроизводственные издержки, поддержку исковой силы претензий и т. д. Трансакционные издержки также обусловлены наличием чувствительных административных и экономических барьеров (действий администраций территорий, таможенных органов, влияний картельных соглашений, иных кооперативных стратегий компаний), которые создают дополнительные издержки для фирм с недостаточной рыночной властью и периферийных территорий с недостаточным административным ресурсом.

Рассмотрим это на примере контрактов на лесоматериалы, поставляемых предприятиями-резидентами Республики Карелия в Финляндию (рисунок 4.31). Одним из важнейших сырьевых экспортных товаров Республики Карелия является лесопродукция. В частности, рассмотрим контракты на поставку товара «баланс березовый» за период 2005–2013 гг. При этом не будем рассматривать колебания цен, поскольку нас интересует закономерности распределения экономической ренты. Анализ контрактной системы позволяет сделать предварительные выводы по распределению ренты и рекомендации по изменению ситуации. На рисунке 4.31 отражены результаты превращения ренты в цену производства.



**Рисунок 4.31** Превращение ренты в цену производства. Структура цены 1 куб.м. березового баланса, евро. Источник: составлено автором

Структура цены (первый столбик) определяется трансформационными издержками и стоимостью леса «у пня». Гистограмма (второй столбик) показывает инверсную экономику, когда государство (регион) из-за оптимизации процесса превращения ренты в цену производства вынуждено брать на себя часть затрат и «способствовать», прикрывая провалы рынка, вывозу ренты с территории (источник ренты). При этом рентные потери и транзакционные издержки возникают не при недостаточном масштабе производства отраслевого рынка, а из-за недостаточности рыночной власти. Неизбежность данных потерь закладывается при заключении контрактов.

Структура цены в данном случае представлена как результат сложившегося четкого распределения имущественных прав и нулевых транзакционных издержек, связанных с обеспечением внешних и внутренних контрактов, поддержки исковой силы претензий и т. д. В то же время существуют весьма чувствительные административные барьеры (действия таможенных органов, администраций территорий) и барьеры входов на рынок (картельные соглашения, кооперативные и некооперативные стратегии компаний и т. д.), которые создают дополнительные транзакционные издержки, которые большей частью ложатся на компании со слабой рыночной властью и территории с недостаточным административным ресурсом, то есть на периферию.

Следовательно, при увеличении данных транзакционных издержек ценность или проводимость среды в отношении ренты, установления долгосрочных контрактов и создания новых производств с высокой добавленной стоимостью объективно будет снижаться. То есть, так называемая невидимая рука рынка строго в соответствии с либеральной экономической моделью поддерживает поляризационное развитие пространства со сложившейся аллокацией ресурсов и распределением ренты. Периферийная территория вынуждена тратить итак не столь значительные ресурсы на установление оптимального режима транзакций за счет формальных, а порою неформальных институтов, посредством которых транзакционный сектор в регионе в итоге получает дополнительную нагрузку. Как следствие, регион имеет снижение доходной части бюджета.

По предварительной оценке выпадающие доходы в бюджет Карелии из-за действующей контрактной системы в лесопромышленном комплексе составляют порядка 300 млн руб. в год. Если принять, что в горнопромышленном комплексе действует аналогичная система ценообразования и заключения контрактов, то потери регионального бюджета по выявленным причинам можно оценить в сумму не меньше 1 млрд. руб. В то же время дефицит бюджета республики в 2107 году составил 1,9 млрд. руб.

Показанная на рисунке 3.21 ситуация устраивает центр (Финляндию), обладающей рыночной властью и принимающей соответствующие решения. Даже если на территории, где сосредоточена рыночная власть, действуют несколько субъектов, то, учитывая несовершенный характер рынка, в результате некооперативной стратегии фирм поддерживается ситуация изъятия ренты. Например, такая стратегия проявляется в характере финляндских инвестиций в экономику Республики Карелия, которые большей частью нацелены в первичную обработку древесины, как раз, по сути, являются частью изъятых ренты, превращенной затем в инвестиционный пул. Инвестиции «центра» – будь то граничащая с периферийным регионом европейского страна или российский мегаполис – стимулируют исключительно поток природных ресурсов к обрабатывающим производствам, сконцентрированным в том же «центре». Каким-то образом распределенная изъятая рента затем «всплывает» в «центре» через разветвленную сеть трансакций и проявляется, в том числе, в ценовом фоне территорий (рис. 4.32).

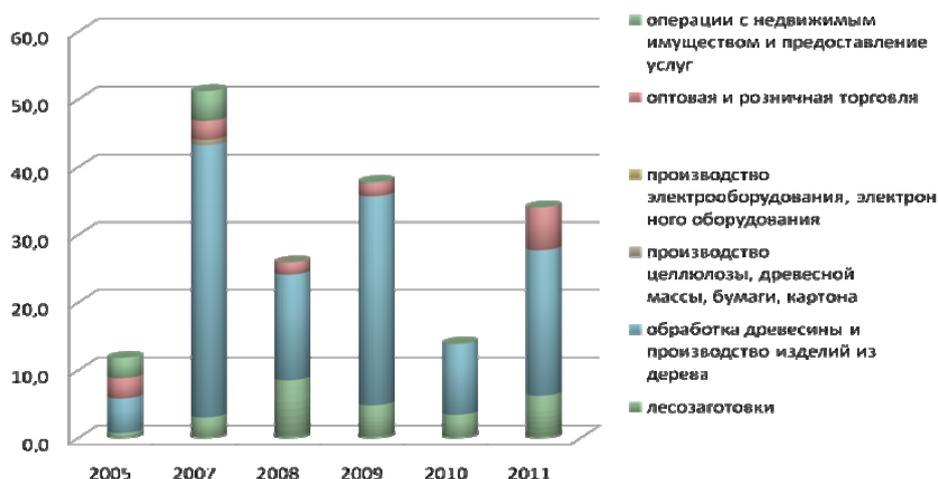


Рисунок 4.32 Структура финских инвестиций по видам экономической деятельности, млн долл. Источник: <http://www.gks.ru>

Инвестиции «центра» (будь то граничащая с периферийным регионом европейского страна или российский мегаполис) стимулируют исключительно поток природных ресурсов к обрабатывающим производствам, сконцентрированным в том же «центре». Каким-то образом распределенная изъятая рента затем «всплывает» в «центре» через разветвленную сеть трансакций и проявляется, в том числе, в ценовом фоне территорий.

Таким образом, рассмотренный в пространственно-временной трактовке процесс превращения «ренты» в «цену производства», которая является суммой трансформационных и трансакционных издержек и средней (по отраслевому межрегиональному рынку) прибыли, анализируемых через условия действующих контрактов, по сути, и есть основа действующего механизма деформации экономического пространства. В результате поляризационного развития появляются высокооплачиваемый (по величине присваиваемой ренты) промышленный центр и низкооплачиваемая периферия (рента снижается до нуля) с непрекращающимся оттоком капитала и труда.

Если фирмы ценят свое будущее, то на рынках чемберлинского типа они начинают принимать согласованные решения (объясняемые в рамках задачи с установлением равновесия в смысле Нэша (Петросян, 2012)). Изменение концентрации экономической деятельности и общей ситуации в отраслевых рынках или секторах экономики происходит путем сговора, установления дружеских связей, приобретения контрольного пакета акций, использование франчайзинга и аутсорсинга, слияния предприятий и т. д. Основное воздействие подобных сделок проявляется в росте количества и размеров фирм, и соответствующем усилении экономической концентрации на рынке.

Поскольку фирма выступает в роли структуры, минимизирующей общий уровень трансформационных и трансакционных издержек, то условием расширения ее деятельности является снижение затратности на осуществление деловых операций. Как только трансакционные издержки фирмы в рамках реализации производственного процесса начинают превышать среднеотраслевые затраты на рыночные трансакции, фирма становится неконкурентной. Таков механизм действия фактора ограничения размеров фирм – периферийных резидентов. Менеджмент будет либо сокращать размеры фирмы (оптимизировать систему управления и закрывать нерентабельные направления деятельности), либо менять статус резидента территории или иным образом трансформировать свою институциональную форму. Фирме легче уменьшать издержки, увеличивать масштаб производства, вертикально или горизонтально расширяться в условиях близости (как географической, так и институциональной) с зонами высокой концентрации экономической деятельности и центрами рыночной власти.

Таким образом, на товарных рынках чемберлинского типа вследствие действия экстрактивных рыночных институтов периферийные компании оказываются в условиях дискриминации и вынуждены функционировать по навязанным извне форматам. В итоге, с одной стороны, монополизация ведет к накоплению ликвидности в центре, с другой – экономика сырьевой периферии остается в состоянии инвестиционного голода и невозможности развивать капиталоемкое производство. В результате происходит вытеснение добавленной стоимости и вытягивание обрабатывающей промышленности из периферии в центр.

Кроме того в условиях низкой концентрации экономической деятельности («разреженного» экономического пространства) трудности в сопряжении разномасштабных и разноритмичных укладов вкупе с институциональной и социальной укорененностью стимулируют дополнительные издержки. При увеличении трансакционных издержек ценность среды в отношении экономической ренты и создания производств с высокой добавленной стоимостью объективно снижается. Поэтому периферия вынуждена изыскивать дополнительные ресурсы, чтобы поддерживать оптимальный режим трансакций. В итоге роль трансакционного сектора излишне повышается, что ведет к недостаточности доходов регионального бюджета.

По вышеназванным причинам происходит отток капитала, остановить который регион теоретически может, если только максимально отработает риски резидентов в части трансакционных издержек, основываясь на понимании их природы и соответствующего механизма изъятия экономической ренты. Для его объяснения в отношении категории «экономическая рента» уместно применить понятие «дифференциальности» и ввести по аналогии с земельной рентой «дифференциальную ренту первого и второго рода» (далее ДР1 и ДР2).

Причиной дифференциальной экономической ренты является монопольная (олигополюсная) власть, которая проявляется в структуре отраслевых рынков чемберлинского типа с соответствующими установленными правилами торговли. При этом обе формы отличаются по способу распределения и присвоения в соответствии с установленным порядком хозяйствования, действием экстрактивных и инклюзивных политических и рыночных институтов.

ДР1 связана с естественными различиями экономического потенциала территорий, с более высоким экономическим потенциалом территории и соответствующей архитектурой экономического пространства. Рента (за минусом издержек) переходит в руки реального собственника в соответствии с сформировавшимся портфелем имущественных прав и действием экстрактивных и инклюзивных политических институтов (согласно работе (Аджемоглу, 2015)).

Экстрактивные институты способствуют концентрации власти в центрах и не ограничивают его в том, как и на что это власть может употребляться. В свою очередь, центр формирует международную и межрегиональную торговлю и конструирует экстрактивные рыночные институты, которые позволяют ему откачивать экономическую ренту из периферии. Он создает административные и экономические барьеры и ограничивают круг бенефициаров рыночной экономики узким кругом субъектов, которые в целом поддерживают «экспроприацию» ренты у периферийных субъектов. Инклюзивные (распределяющие власть по политическим субъектам) политические институты будут неизбежно разрушать основу таких экономических институтов (Аджемоглу, 2015). Кроме того для эффективного развития должны использоваться переходные институты и функционировать смешанная система институтов (Полтерович, 2016).

ДР2 возникает при различной производительности добавочных вложений капитала (инвестиций) и иных трансакциях, способствующих увеличению экономической ренты. Она распределяется в соответствии со структурой рынка, экзогенных правил торговли, сформированных под действием экстрактивных и инклюзивных рыночных институтов.

Развитие экономической системы во многом определяется ее способностью генерировать самовозрастание стоимости (привлекать финансовые ресурсы). В этом и заключается суть механики ДР2. Изъятие ренты имеет следствием отсутствие такого генератора, и соответственно, снижение ликвидности в периферии при повышении ликвидности в центре.

С одной стороны ДР2 как бы предполагает интенсивное ведение хозяйства, дополнительное вложение капитала, инвестиции в новое производство. Вследствие этого можно ожидать рост экономики, увеличение экономической ренты, прибыли предприятий, регионального бюджета. С другой стороны, монополия (в общем случае аффилированные структуры) через действие экстрактивных рыночных институтов изымает дополнительный прирост ренты. Кто сегодня сможет помешать такому монополисту, как РЖД, поднять тарифы, олигопсонии, занижать цену на поставку сырья, аффилированным группам, «оптимизировать» издержки и «офшоризировать» прибыль (в ущерб периферии)?

Поэтому для справедливого распределения экономической ренты необходимо стимулировать развитие инклюзивных институтов (как политических, так и рыночных). Это возможно, если будет поставлена цель – защита национальных (в том числе и региональных интересов) в контексте национальной безопасности, а в повестку региональной политики реально войдет задача конвергенции развития различных частей экономического пространства, субъектов РФ. По нашему мнению, развитие всего экономического пространства страны (а не только мегаполисов и крупных корпораций), как раз и должно быть целью пространственного развития страны.

Сегодня институциональное установление на рынках чемберлинского типа определенного порядка присвоения имущественных прав и соответствующее присвоение монопольной прибыли и утекающей из периферии в центры с рыночной властью, является важнейшей причиной того, что периферия экономического пространства оказывается в условиях дискриминации и последующей стагнации. Поэтому концентрация рыночной власти (рассчитываемая по индексам Херфиндаля-Хиршмана, Кругмана, а также по показателям функции концентрации экономической деятельности (Толстогузов, 2016а)) требует пристального внимания государственных органов, поскольку усиление данного фактора является предпосылкой для искажения механизма ценообразования на конкретных отраслевых рынках и изъятия ДР2. Полагаем, что устойчивое повышение концентрации и несправедливое (с точки зрения периферии) распределение экономической ренты является основанием для внедрения элементов дирижистской политики.

В то же время в качестве регулятора на рынках несовершенной конкуренции (чемберлинского типа) государственная политика сама по себе плохо определена (вывод сделан в работе (Тироль, 1996)). В нашей стране она ограничивается только установленными нормами антимонопольного законодательства и некоторыми формами рыночного регулирования (налоги и субсидии, стандарты минимума качества и т. п.). Другие инструменты, такие как цены, вход на рынок или экономическое регулирование на уровне контрактов фирм и институциональных соглашений (например, институт лицензирования и другие инструменты аллокационной политики государства) используется явно недостаточно (Толстогузов, 2016а).

В результате поляризационного развития появляются высокооплачиваемый (по величине присваиваемой ренты) промышленный центр и низкооплачиваемая периферия (где ДР2 снижается до нуля). Анализ структурных изменений в экономике регионов и действующей контрактной системы позволил сделать выводы о распределении экономической ренты, точнее о «несправедливости» пространственной аллокации ренты. Трансформация экономического пространства приводит к зонам разной упорядоченности, усиливает контрасты между развитым центром и ослабленной периферией с набором типичных проблем: бедность, отток населения, изношенность инфраструктуры, дефицит бюджета, недостаток инвестиций. Итог – переход периферийных регионов в разряд депрессивных.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что, с одной стороны, территории с природными ресурсами при благоприятных условиях, обеспечивающих высокий рыночный потенциал и ДР1, притягивают экономическую активность. С другой стороны – будем считать справедливым утверждение, что развитие региональных и межрегиональных отраслевых рынков дифференцированных продуктов и возрастающая отдача от ресурсов являются альтернативным объяснением региональной специализации по отношению к фактору запаса ресурсов (обеспечивающей производство ДР2). Поэтому в сегодняшнюю повестку дня, как экономистов, так и практиков-политиков все более включается понятие «справедливости».

Таким образом, показано, что, с одной стороны, развитие локалитетов осуществляется в условиях трансформации экономического пространства, с другой – в условиях дестабилизации рыночного равновесия, что ведет к возникновению системных рисков, увеличению дисфункции, социально-экономическим издержкам при создании и перераспределении благ (**лемма «лимитирующего**

**фактора»).** В отношении приграничных регионов данная лемма имеет следующее следствие: **приграничные регионы (за исключением промышленных центров и приближенных к ним территорий) – это периферия, не имеющая даже теоретических условий для того, чтобы стать полюсом роста, и кроме того находится за рамками геоэкономической субъектности, в ослабленном статусе геоэкономического объекта,** который испытывает двойной пресс пространственной трансформации и рыночной дискриминации.

В то же время полагаем, что социальная справедливость как принцип государственной политики социального государства должна соблюдаться не только в крупных агломерациях, но и на периферийных территориях, испытывающих жесткий пресс пространственной трансформации. Для достижения каждым гражданином достойного уровня жизни и сглаживания социальных различий требуется иная региональная политика, альтернативная поляризованному развитию (имеющему следствием активно развивающийся мегаполис и деградирующую периферию). Сказанное является причиной усиливающегося внимания российской региональной политики на вопросах социально-экономического и пространственного развития периферийных регионов в целях возложения на них ответственности за выполнение важных экономических и социальных функций в новых геополитических условиях. В то же время если не изменить принципы аллокации экономической ренты (и тем самым вернуть в регионы эндогенный источник роста), то вряд ли можно достичь эффективного решения периферийными территориями текущих социально-экономических задач и тем более обеспечить их перспективы и роль в российских геополитических проектах.

Данные обстоятельства предопределяют протекционизм в отношении приграничных периферийных территорий как политику правильных стимулов и соответствующей институциональной среды, направленных на стимулирование промышленной и инновационной деятельности. При этом программа промышленного развития должна быть подкреплена не субсидиарной, а солидарной ответственностью центра и периферии и действительной конвергенцией экзогенных и эндогенных правил торговли и формированием контрактной системы, имеющей реальную исковую силу при защите интересов региона. При этом речь идет не столько о предпочтениях, а сколько о сочетании рыночных механизмов со стратегическим и государственным программированием, широком применении различных форм частно-государственного партнерства при реализации приоритетных направлений долгосрочного развития экономики, развитии механизмов финансирования и усилении государственной поддержки резидентных компаний периферии с целью увеличения их инвестиционной и инновационной активности.

В заключение предложим новые принципы аллокации экономической ренты, учитывающие интересы приграничной территории как источника экономической ренты.

Во-первых, действующая практика заключения контрактов должна быть дополнена институциональными соглашениями в контексте новой региональной экономической политики с опорой на новые формальные институты (лицензия по формату соглашения о разделе продукции, приграничной торговли, стандартизации) и неформальные институты (способствующие развитию неформальной экономики), на использовании плотности транзакций (перколяция и неформальные и формальные контракты).

Во-вторых, учитывая особенности современного этапа развития производства (ИКТ, Интернет, торговля цифровым контентом и др., что позволяет интерпретировать данный этап как постиндустриальный, характерной особенностью которого является преобладание транзакционных издержек над трансформационными), для минимизации транзакционных издержек максимально перевести сделки на формальные площадки (биржевая торговля и торговля деривативами).

В третьих, увеличение эффективности транзакционного сектора экономики за счет применения новых коммуникационных и информационных технологий, переводящих экономические процессы в онлайн-режим. Новые коммуникационные технологии, повышая эффективность транзакций, порождают инновационные модели организации, которые влияют на трансформационные процессы и формируют комплементарные институциональные и интегрированные маркетинговые технологии (Eggertsson, 2008) и, в конечном счете, снижают транзакционные издержки. В тоже время широкое применение данных технологий обязательно должно сопровождаться опережающим развитием нормативно-правовой базы в области интеллектуальной собственности и обмена информацией, обеспечением прав всех сторон, включая государство и местное сообщество.

Анализ развития российских приграничных регионов показывает, что они имеют потенциал для более успешного развития, изменения их роли в формирующихся трансграничных кластерах, где они пока являются за редким исключением поставщиками сырья. Большинство приграничных регионов имеют возможность за счет активизации трансграничного сотрудничества и региональной политики

более успешно развиваться, формировать зоны с повышенной предпринимательской и инновационной активностью, но без адекватной федеральной политики в них консервируется устаревшая структура экономики. Требуется более активная и направленная федеральная политика по отношению к приграничным регионам, которая может ускорить развитие не только их, но и соседних глубинных регионов.

В то же время нормативно-правовая база в отношении регулирования приграничного предпринимательства, которая остается одним из ключевых факторов, препятствующих максимальной реализации потенциала приграничных регионов Российской Федерации, сильно ограничена.

Российский бизнес не только формирует свои деловые сети, но и начал вписываться в сетевое мировое сообщество, что свидетельствует о том, что он прошел этап становления и должен перейти к этапу зрелости. Но при этом нужно учитывать, что современные рыночные институты России формируются в условиях новых экономических и геополитических вызовов. В свою очередь институты мировой экономики также испытывают мощные трансформации. Они очень быстро изменяются, адаптируясь к новым потребностям изменяющегося общества. Россия стремится успеть за этим процессом, но в силу институциональной инерции пока не успевает. Вместе с тем, несмотря на современные геополитические и экономические вызовы, бизнес-сообщества приграничных территорий России имеют предпосылки для цивилизованной интеграции в мировой рынок.

#### 4.5 ИНВАРИАНТЫ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

География – наука, изучающая географическую оболочку Земли. В качестве ее категории используется термин «геосистема» как совокупность взаимосвязанных компонентов географической оболочки, объединённых различными взаимосвязями. В применении к социально-экономическим явлениям часто применяется термин «территориальная система» (Алаев, 1983, С. 60). В то же время в нашем исследовании мы не воспринимаем их как синонимы, поскольку говоря о геосистемах, мы делаем акцент на локальные структурные отношения геоэкономического пространства, а говоря о территориальных системах, имеем ввиду территориальные единицы – таксоны (например, регион). К территориальным системам применимо приближение эргодичности. В то же время геосистемы – есть иерархизированные экономические системы, сопряженные с географическим пространством, находящимся в методологическом единстве «пространство-время», формируют разнородное экономическое пространство, обладающее также (как и пространство) фундаментальными характеристиками, и в целом определяемое нами как геоэкономическое пространство, обладающее свойством самоорганизации. Современный ландшафт геоэкономического пространства обусловлен антропогенным (социально-экономическим) воздействием с учетом свойств, связанных с присущими конкретным частям пространства особенностями. Каждая геосистема имеет свою структуру, упорядоченное строение, организованное хозяйство и т. д., характеризуется состоянием локального равновесия, режимом функционирования, балансом институтов и т. д. Режим функционирования – определяется по структуре экономического и социокультурного пространства. При этом существуют как старые, так и новообразованные геосистемы с заданным функциональным режимом (пример – г. Костомукша).

В методическом плане при проведении исследований мы опираемся на синтез моделей новой географии с теорией организации промышленности, нацеленный на выделение динамического аспекта и особенностей современного хозяйства, а также на поиск инвариантов геоэкономических систем и эффективных механизмов управления ими. Под **геоэкономическим инвариантом** мы понимаем с одной стороны систему эмпирически измеренных признаков, отражающих структуру взаимоотношений, относительно неизменную во временном и в пространственном измерении, с другой – совокупность когерентных (сопряженных в пространстве и синхронизированных по времени) элементов экономического пространства, типовую для условия сохранения локального равновесия экономического пространства.

Для определения закономерностей взаимосвязи пространственной трансформации и структурных сдвигов в экономике региона воспользуемся экономико-географическим подходом. В рамках геопространственной парадигмы, базируясь на идеях, положенных в основу моделей экономической географии, в качестве важнейших причин трансформации экономического пространства выделяются геоэкономические инварианты, обозначенные как «градиенты ренты» (по аналогии с «гравитационной моделью» А. Шеффле), «гравитационная волна» (по аналогии с круговой геометрии Д. Пуго и Э. Венаблеса) и «дилатация» (зона разрежения свойств экономического пространства), выраженные в определенных синхронных изменениях структуры экономики территорий, наведенных «гравитационным» центром.

В исследованиях трансформации экономического пространства опираются на различные модели. Модель "центр-периферия" была сформулирована в рамках теории развития региона или «плюсов роста» Мюрдаля, концепции неравенства и политики регионального развития Фридманна, концепции мировых систем Валерстайна, хартлендов Коэна и других схожих концепций. Она задает определенный стиль и формат взаимоотношений центральных и периферийных регионов, находящихся на различном уровне экономического, политического и технологического развития.

В управленческом аспекте центр (ядро) является субъектом управления, а периферия – объектом управления. Центр рассматривается как регион, контролирующий материальные, финансовые и информационные потоки, соответственно применяющий наиболее развитые технологии и производственные процессы с доминированием нематериальных факторов, владеющий более совершенными формами организации труда и формирующий полный цикл: от «идеи – до практики». Внутренним источником – сектором, детерминирующим развитие территории, по-прежнему, является материальный (ресурсно-сырьевой запас, технологический уклад, энерго-воспроизводственный цикл и инфраструктура), а также социальный – культурная платформа и база знаний территории, сложившиеся на сегодняшний день. Инновации и инвестиции являются проявлением свойства экономического пространства – дивергенции (конвергенции) концентрации, возникающих под влиянием гравитационных центров. Центр и периферия обмениваются потоками финансов, информации, товаров и рабочей силы. Кроме агломерационного и иных эффектов концентрации, экономическое доминирование центра обеспечивается за счет выкачивания ресурсов из периферии, постоянной инновационной деятельностью и доступом к информации.

Учитывая данные обстоятельства, предложенную выше «гравитационную» модель наполним причинами изменений, а именно и обозначим ее как полицентрическую модель «центр-периферийных взаимодействий» (рис. 4.33). Таким образом, модель объясняет деформацию экономического пространства. Центры стимулируют структурные изменения и институционально-инфраструктурные сдвиги в регионах, появление высокооплачиваемого (по величине присваиваемой ренты) инновационного промышленного центра и низкооплачиваемой (сырьевой и аграрной) периферии, включая зоны сильного «разрежения» экономического пространства (с незначительной рентой). В контексте конвергентной спецификации модели это означает, что траектории развития регионов различаются в зависимости от того, в каком пространственном фрагменте модели они оказались.

При этом приграничные регионы являются областью влияния более чем одного центра и зоной конкуренции экономических интересов центров (сопредельных территорий) и одновременно контактной зоной (контакт с сопредельными территориями). Если в моноцентрической модели выстраивается геометрия простой структуры (кольцеобразной, слоистой), то в случае полицентрической модели (нескольких центров) появляется наложение влияний центров или своего рода «суперпозиция гравитационных волн».



Рисунок 4.33 Гравитационная полицентрическая модель «центр-периферийных взаимодействий»

Рассмотрим пример моноцентрической геометрии. Таковым примером является структура экономики Северо-Западного федерального округа (СЗФО). СЗФО включает в себя как одну из крупнейших агломераций России (город Санкт-Петербург), так и малонаселённые удалённые от крупных экономических центров регионы, а также регионы, занимающие на данной шкале промежуточное положение. В связи с этим, СЗФО является репрезентативным с точки зрения исследования процессов трансформации экономического пространства.

Пространственная неравномерность экономического развития регионов СЗФО исследуется, в частности, в работе Л.И. Розановой и М.В. Морошкиной (2015), при этом показателем, по которому проводится межрегиональное сравнение, принята инвестиционная активность. В зарубежных научных изданиях исследования экономического развития регионов СЗФО представлены весьма ограниченно. В числе последних работ по данной тематике следует упомянуть статью Я. Кортелайнена и П. Раннико (2015), в которой исследуется формирование локальной модели экономического развития в приграничных периферийных регионах Северо-Запада России на примере развития сектора лесозаготовок в двух муниципальных районах.

На основе исследования изменений в структуре валового регионального продукта (ВРП) и экономической специализации регионов, входящих в федеральный округ, определим структурные изменения в экономике периферийных регионов. Статистические данные о ВРП регионов России доступны в разрезе укрупнённых отраслей («видов деятельности» – в терминологии, принятой Росстатом). Данные виды деятельности были нами сгруппированы в секторы: сектор нерыночных услуг, сектор рыночных услуг, сектор строительства, сектор обрабатывающих производств, сырьевой сектор (табл. 4.20).

Таблица 4.20.

**Группировка видов деятельности по секторам**

Виды деятельности по Росстату	Секторы экономики региона
Раздел А Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	Сырьевой сектор
Раздел В Рыболовство, рыбоводство	
Раздел С Добыча полезных ископаемых	
Раздел D Обрабатывающие производства	Сектор обрабатывающих производств
Раздел F Строительство	Сектор строительства
Раздел G Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	Сектор рыночных услуг
Раздел H Гостиницы и рестораны	
Раздел I Транспорт и связь	
Раздел J Финансовая деятельность	
Раздел K Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	Сектор нерыночных услуг
Раздел E Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	
Раздел L Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	
Раздел M Образование	
Раздел N Здравоохранение и предоставление социальных услуг	
Раздел O Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	

В сырьевой сектор были включены виды деятельности, основное содержание которых заключается в извлечении природных ресурсов, либо непосредственной эксплуатации природных ресурсов. В сектор рыночных услуг были включены виды деятельности, которые производят услуги, реализуемые преимущественно на открытом (конкурентном) рынке. В сектор нерыночных услуг были включены виды деятельности, услуги которых реализуются преимущественно на рынках с регулируемым ценообразованием. Сектор обрабатывающих производств и сектор строительства в нашей классификации совпадают с соответствующими видами деятельности в классификации Росстата.

Данные Росстата, составившие информационную базу исследования, представлены как номинальный ВРП. С целью учёта фактора инфляции, а также исключения влияния макроэкономических процессов, значения показателя номинального ВРП на душу населения в разрезе секторов по каждому региону были отнесены к соответствующему среднему значению по России, в целом, в соответствующем году:

$$\text{Индс}_{ij} = \frac{\frac{\text{ВДС}_{ij}}{P_j}}{\frac{\text{ВДС}_i}{P}} \times 100\% \quad (1)$$

где  $\text{Индс}_{ij}$  – индекс валовой добавленной стоимости  $i$ -го сектора  $j$ -го региона, %;  $\text{ВДС}_{ij}$  – объём валовой добавленной стоимости  $i$ -го сектора в  $j$ -ом регионе, руб.;  $P_j$  – численность населения  $j$ -го региона;  $\text{ВДС}_i$  – объём валовой добавленной стоимости  $i$ -го сектора в России, руб.;  $P$  – численность населения России.

Данный показатель рассчитывается для каждого исследуемого периода (года). В результате для каждого региона СЗФО были получены хронологические ряды значений валовой добавленной стоимости (ВДС) секторов экономики на душу населения, выраженной в процентах к среднему общероссийскому уровню. Полученный показатель характеризует степень развитости отдельных секторов экономики региона относительно среднего общероссийского уровня. Данному показателю в рамках настоящей работы мы присвоили наименование «индекс валовой добавленной стоимости».

Ряды значений индекса валовой добавленной стоимости за десять лет с 2004 по 2013 годы позволили выявить для всех регионов СЗФО тренды усиления или ослабления каждого сектора экономики региона относительно общероссийского тренда развития данного сектора. На основании результатов анализа были сделаны выводы о характере изменений экономической отраслевой специализации регионов СЗФО.

Важное методологическое замечание следует сделать относительно некоторых аспектов таксономии экономического пространства СЗФО. Город Санкт-Петербург и Ленинградская область в статистическом учёте представлены как два отдельных региона. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем Санкт-Петербург и Ленинградскую область как единый регион, что обусловлено необходимостью обеспечения сопоставимости исследуемых регионов при сравнительном анализе их отраслевой структуры. Очевидно, что представление в качестве равноправных объектов анализа крупного города, являющегося исключительно урбанизированной территорией, и области (республики), включающей как урбанизированные, так и неурбанизированные территории, при сопоставлении отраслевой структуры экономики является некорректным. В более широком философском аспекте объединение Санкт-Петербурга и Ленинградской области в единый объект анализа отвечает принципу пространственной континуальности.

Анализ динамических рядов показателя совокупного ВРП на душу населения показал, что он имеет тренд к увеличению относительно общероссийского уровня в Республике Коми, г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Калининградской области. Ярко выраженная тенденция к снижению данного показателя наблюдается в Вологодской области и Мурманской области. В Республике Карелия, Новгородской области и Архангельской области ВРП на душу населения не превышает 80 % от среднего российского уровня, в Псковской области – 50 %, причём динамика изменений ВРП в данных регионах свидетельствует о его фиксации в данных пределах (рис. 4.34). Лидерами по абсолютному значению совокупного ВРП на душу населения в СЗФО являются Республика Коми, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область.

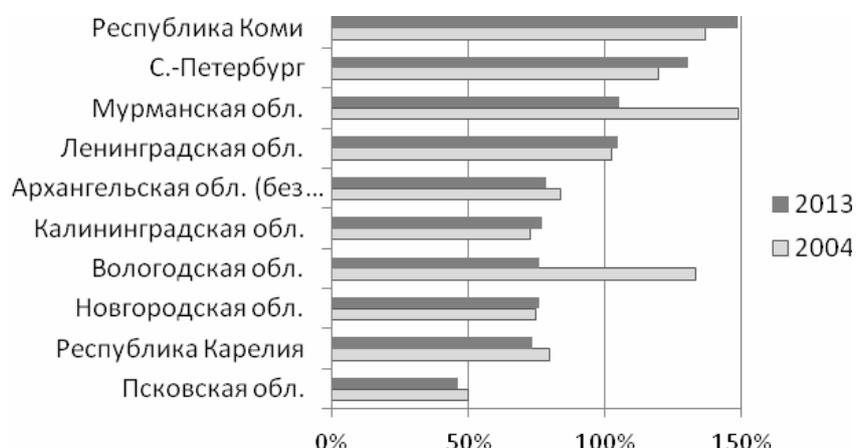


Рисунок 4.34 ВРП на душу населения регионов СЗФО, в % к среднему российскому уровню



I группа – регионы со специализацией на рыночных услугах и обрабатывающих производствах. В СЗФО к данному типу регионов относится только город Санкт-Петербург и Ленинградская область, ВДС на душу населения по данным секторам превышает средние российские уровни в 1,5 раза.

II группа – регионы со специализацией – обрабатывающие производства. Сектор обрабатывающих производств является единственным в регионах группы, который производит добавленной стоимости в расчёте на душу населения региона больше, чем этот же сектор в среднем по России. В СЗФО в данную группу регионов входят Вологодская, Новгородская и Калининградская области. Вместе с тем, сектор рыночных услуг в этих регионах развит хуже, чем в регионе I группы (г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области), и, более того, хуже, чем в среднем по России. Специализация на сырьевом секторе в регионах данной группы незначительна – ВДС на душу населения по данному сектору в 2–3 раза ниже, чем в среднем по России. Отметим, что в Вологодской области в течение исследуемого периода происходило постоянное снижение ВДС на душу населения по сектору обрабатывающих производств относительно среднероссийского уровня – с 295 % в 2004 г. до 145 % в 2013 г.

При сохранении данной тенденции Вологодская область утратит специализацию на обрабатывающих производствах. В Калининградской области наблюдается тенденция к приближению удельной ВДС по сектору рыночных услуг к общероссийскому уровню; при сохранении данной тенденции Калининградская область может перейти в состав I группы регионов.

III группа – регионы без выраженной специализации. В регионах данной группы отсутствуют рыночные секторы экономики, которые были бы развиты лучше, чем в среднем по России, то есть ВДС на душу населения по всем секторам в этих регионах ниже общероссийского уровня (исключение может составлять лишь сектор нерыночных услуг). К регионам данной группы в СЗФО относятся Республика Карелия, Псковская и Архангельская (без Ненецкого автономного округа) области. Сектором, наиболее приближенным по объёму добавленной стоимости на душу населения к среднероссийскому уровню, в регионах данной группы является сектор нерыночных услуг.

IV группа – регионы со специализацией на сырьевом секторе. В регионах данной группы наиболее развитым из рыночных секторов является сырьевой сектор. В СЗФО к регионам данной группы относятся Мурманская область, Республика Коми и Ненецкий автономный округ (рис. 4.35). Отметим значительный рост сырьевого сектора в Республике Коми, который вносит наибольший вклад в отмеченный выше «нелогичный» рост ВРП в данном периферийном регионе, то есть рост ВРП происходит за счёт усиления сырьевой специализации региона.

Соотнеся тип специализации каждого региона СЗФО с его пространственным положением, обнаружим, что специализация региона коррелирует с его пространственным положением относительно двух экономических центров – Санкт-Петербурга и Москвы, являющихся крупнейшими в России и ближайшими к регионам СЗФО (таблица 4.21).

Таблица 4.21.

**Расстояние до экономических центров и специализация регионов**

Регион	Расстояние до Санкт-Петербурга *	Расстояние до Москвы *	Сумма расстояний	Специализация региона
Новгородская область	200	530	730	обрабатывающие производства
Вологодская область	520	470	990	обрабатывающие производства
Псковская область	290	740	1030	нет выраженной специализации
Республика Карелия	420	1000	1420	нет выраженной специализации
Калининградская область	1000	1200	2200	нет выраженной специализации
Архангельская область	1400	1200	2600	нет выраженной специализации
Республика Коми	1500	1300	2800	сырьевой сектор
Мурманская область	1300	1900	3200	сырьевой сектор
Ненецкий АО	2600	2500	5100	сырьевой сектор

\* Источник: данные сервиса Яндекс.Карты, обработанные авторами

Таким образом, мы можем дополнить приведенную выше классификацию регионов, дополнив определение каждой группы регионов характеристикой пространственного положения. Центральным регионом СЗФО является Санкт-Петербург и Ленинградская область – центр данного региона непосредственно совпадает со вторым крупнейшим экономическим центром России, а в структуре экономики преобладают секторы с высокой добавленной стоимостью. «Ближними» периферийными регионами определим Новгородскую и Вологодскую области. Термин «ближний» относится как к географическо-

му положению, так и к характеру структуры экономики – во-первых, из всех регионов СЗФО Новгородская и Вологодская области географически наиболее приближены как к Санкт-Петербургу, так и к Москве, во-вторых, эти регионы близки к центральному региону по структуре экономики, так как сохранили специализацию на обрабатывающих производствах. В группу «удалённых» периферийных регионов входят Архангельская область, Псковская область и Республика Карелия – географически они удалены от экономических центров, а структура экономики характеризуется отсутствием выраженной специализации как на секторах с высокой добавленной стоимостью, так и на сырьевых секторах. «Дальние» периферийные регионы составляют Мурманская область, Республика Коми и Ненецкий автономный округ – данные регионы географически наиболее удалены от экономических центров, имея наибольшую сумму расстояний до Москвы и Санкт-Петербурга, и по структуре экономики противоположны центральному региону, имея ярко выраженную сырьевую специализацию. Особое положение занимает Калининградская область как регион-эксклав с особым экономическим режимом.

С целью анализа процесса изменения структуры ВРП регионов СЗФО в динамике сравним распределение регионов СЗФО по группам в соответствии с их типом специализации в 2004 г. и в 2013 г. В 2004 году в СЗФО преобладали регионы со специализацией на обрабатывающих производствах (рис. 4.29). Однако, к 2013 году Мурманская область, утратив специализацию на обрабатывающих производствах, переместилась в группу регионов «сырьевой» («дальней») периферии, а Архангельская область – в группу регионов без выраженной специализации. При сохранении трендов структурных изменений экономики регионов СЗФО специализацию на секторах рыночных услуг и обрабатывающих производств приобретёт Калининградская область, специализацию на секторе обрабатывающих производств сохранит Новгородская область, но потеряет Вологодская область (рис. 4.36).

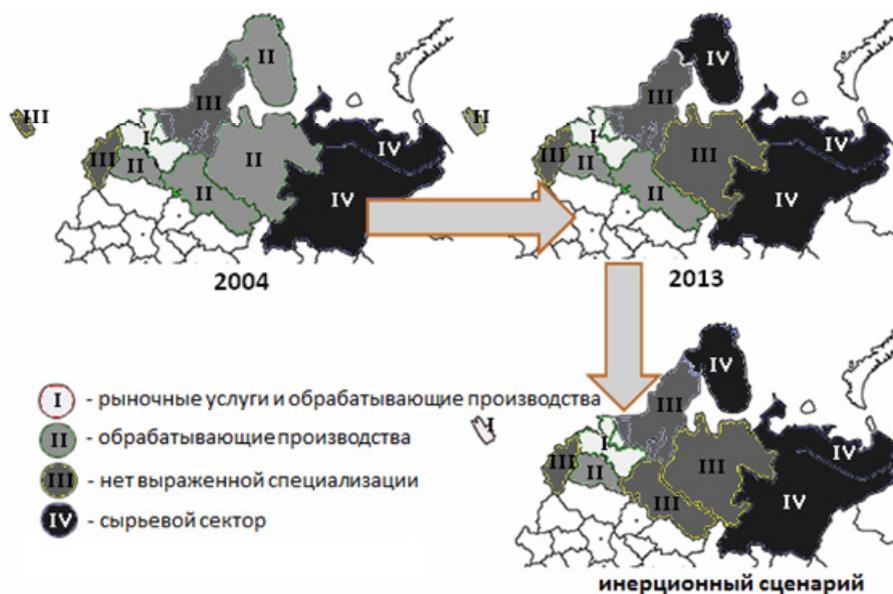


Рисунок 4.36 Динамика изменения специализации регионов СЗФО

Калининградская область является единственным исключением из общего тренда «стягивания» секторов с высокой добавленной стоимостью из удалённых регионов в центр. Объяснение данного феномена может заключаться в преимущественном положении области относительно других регионов в связи с функционированием на её территории особой экономической зоны, а также наиболее высокой степенью приграничности области по сравнению с другими регионами СЗФО (Колесников, 2012) и соответствующей вовлечённостью в трансграничные цепочки создания добавленной стоимости.

Картографическое представление обеспечивает визуальное восприятие информации, однако не обеспечивает точности. В связи с этим, выразим пространственную неравномерность структуры экономики СЗФО в количественных показателях. С этой целью определим разрыв в развитии различных секторов экономики между группами регионов, занимающих полярные положения на шкале «центр-периферия»: Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, с одной стороны, и группой регионов «дальней» периферии (Мурманская область, Республика Коми и Ненецкий автономный округ), с другой стороны. Показателем разрыва примем отношение индексов валовой добавленной стоимости дан-

ных групп регионов по секторам рыночных услуг, обрабатывающих производств и сырьевому сектору. Результаты расчётов представлены на рисунке 4.37.

Оценивая динамику изменения разрыва в развитии секторов рыночных услуг и обрабатывающих производств, можно констатировать, что в начале исследуемого периода имела место тенденция к конвергенции центра и периферии. Значения соответствующих индексов валовой добавленной стоимости группы периферийных регионов лишь незначительно – в пределах 20 % – «отставали» от индексов центрального региона. Однако с 2006-2007 года тренды развития данных секторов стали разнонаправленными, разрыв между центральным и периферийными регионами приобрёл выраженную тенденцию к увеличению, достигнув в 2013 году значения 1,8–1,9 раз (рис. 4.37).

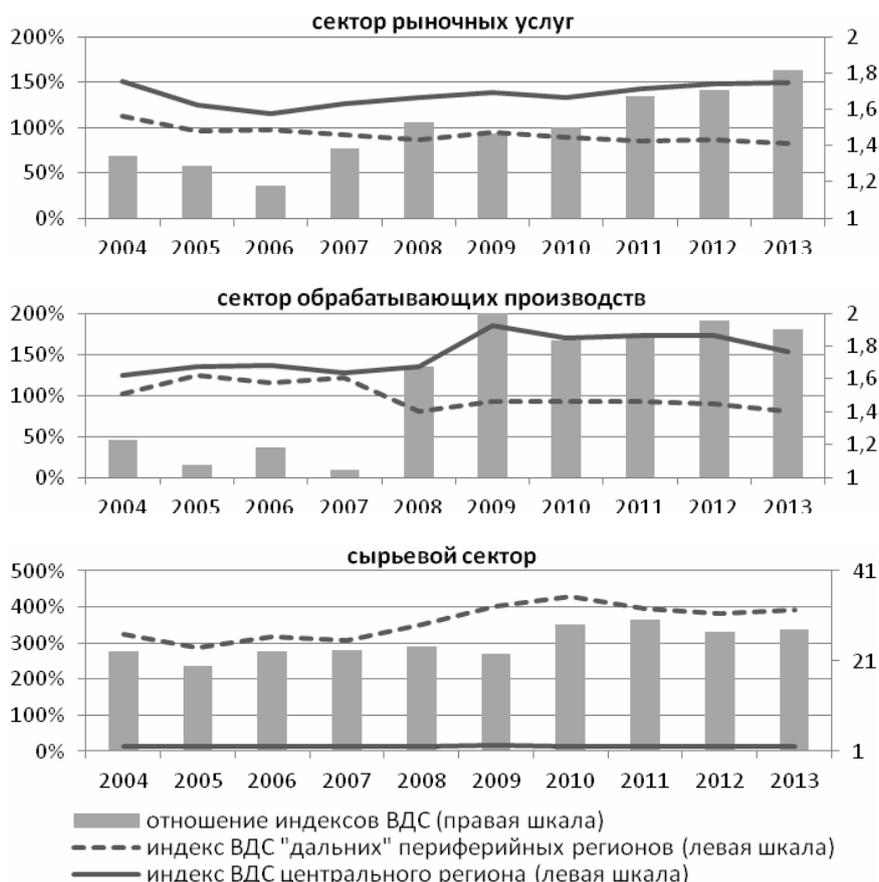


Рисунок 4.37 Индексы ВДС центрального и периферийных регионов СЗФО

Сырьевой сектор усиливает своё доминирующее положение в регионах «дальней» периферии СЗФО, что демонстрирует рост значений индекса валовой добавленной стоимости от 325 % в 2004 году до 392 % в 2013 году (рис. 4.31). Значение данного индекса в центральном регионе СЗФО относительно стабильно и колеблется в пределах 13–18 %. По степени развития сырьевого сектора мы также фиксируем тенденцию к дивергенции центра и периферии, только в роли «отстающего» выступает центральный регион.

Результаты анализа демонстрируют, что концентрация секторов-генераторов высокой добавленной стоимости в центре макро-региона и специализация удалённых регионов на сырьевом секторе имеет тенденцию к усилению.

В работах (Saito et al., 2011, Mansori, 2003, Behrens, 2011) показано, что фактором, вызывающим агломерационный эффект, в частности процесс перемещения рабочей силы и фирм с низкой производительностью в регионы, отдаленные от локализации (агломераций) фирм с высокой производительностью, является либерализация торговли. Следовательно, приграничные регионы (не только российские) с активной внешнеэкономической деятельностью неизбежно попадают в данный тренд.

Таким образом, показано, что трансформация экономического пространства СЗФО происходит в соответствии с моделью «центр-периферия», что выражается в поляризации структуры экономики центрального и периферийных регионов.

Осуществив анализ структурных изменений во взаимосвязи с пространственным положением и, шире, экономико-географическим положением регионов были выявлена направленность процессов трансформации экономического пространства. В результате выявлена инвариантная геометрия, доказывающая моноцентричность примера, демонстрирующая тенденции структурных изменений экономик регионов федерального округа.

Следствиями моноцентричности модели являются следующие.

Северо-западные периферийные (а особенно приграничные) территории России, как и другие проблемные периферии, сталкиваются с масштабным процессом глобальной трансформации. При этом периферийные регионы, не соперничая с агломерациями по величине добавленной стоимости, инвестициям и расходам домохозяйств, несут ответственность за освоение и «удержание» территории. Северо-западные регионы ведут активную внешнеэкономическую деятельность с европейскими странами, решают важную геополитическую задачу – продвижение и реализация конкурентоспособных проектов освоения территории – в условиях жесткой конкуренции с проектами развития сопредельных зарубежных территорий, в условиях системных вызовов.

Поляризация экономического пространства вкупе с излишней централизацией власти усиливают контрасты между развитым центром и ослабленной периферией и обуславливают набор типичных проблем: депопуляция населения, слабая экономическая активность, дефицит бюджета, низкий инвестиционный потенциал, бедность и дифференциация общества, недостаточная развитость городов, изношенность и недостаточность инфраструктуры. Следствиями сложившегося поляризационного развития является снижение качества трудовых ресурсов и отток населения, падение экономической активности и, в конечном счете, переход периферийных регионов в разряд депрессивных. Сказанное является причиной усиливающегося внимания российской региональной политики на вопросах социально-экономического и пространственного развития периферийных регионов.

По нашему мнению, модернизации экономики периферийного региона мешают системные ограничения, выраженные в низкой ликвидности, недостаточной инвестиционной привлекательности, институциональных особенностях, определяющих пространственное неравномерное (с сильной концентрацией в агломерациях) распределение инвестиций. Чтобы создать ликвидность, помимо самого инвестиционного проекта следует воспроизвести определенные узлы экономического пространства, включая транспортные и инженерные сети, социальную инфраструктуру, здравоохранение, образование.

Чтобы воспользоваться внешними эффектами и экстерналиями необходимо сконцентрировать усилия на управлении концентрацией и получении экономических выгод от эффекта масштаба и специализации. При этом условия периферии предполагают для воспроизводства капитала точечное использование территории и практическое включение периферии в глобальные процессы. В этой связи объектом региональной политики должны быть не столько отдельные субъекты РФ, а сколько функциональные и инновационные зоны и иные надсубъектные территориально–производственные образования. Все это в полной мере относится и к приграничным регионам, которые могут представлять геоэкономический объект – приграничный пояс России.

Неоднородность экономического пространства проявляется не только в экономических параметрах (ВРП и др.), но и в показателях **инновационной сферы**.

В европейской научной литературе, посвящённой вопросам развития периферийных территорий, инновационная активность определяется как основная детерминанта экономического развития региона. Так, например, в трудах К. Онсагера (2007), С. Вирккала (2007), Д. Долоро (2008), Д. Баумгартнера (2013), А. Исаксена и Й. Карлсена (2013) отмечается, что периферийные регионы характеризуются относительно низкой плотностью экономически активного населения, слабой внутрирегиональной конкуренцией, малым размером локальных рынков, узкой знаниевой базой, а также, по определению Ф. Тётлинга и М. Триппла (2005), «тонкой» региональной инновационной системой.

В глобализирующемся мире прослеживается тенденция повышения роли государства в развитии интеллектуального потенциала за счет применения механизмов стимулирования инновационной экономики и роста бюджетных расходов. В конечном счете, в выигрыше останутся те субъекты, которые вовремя успеют привлечь необходимые мозги и финансы и реализовать проекты, обеспечивающие лидерство в новом миропорядке. Подобная стратегия, нацеленная на формирование нового типа экономики, чётко обозначается в политике ведущих акторов глобальной экономики (ЕС, США). Нельзя не обратить внимания, что к кластеру основных научно-технических центров стремительно приближается Китай, превращающийся в третью научную сверхдержаву. При этом стратегия реализуется не только за счет субсидирования науки, но и за счет защиты национальных школ, а также за счет политики протекционизма.

Обозначились тренды увеличения, как количества исследователей, так и их сосредоточения, причём в основном в кластере стран с высоким уровнем дохода. Это объясняется введением правильных стимулов для развития национальных школ и импорта интеллекта. По данным ЮНЕСКО в мире насчитывается 7,76 млн исследователей (увеличение в 2013 г по сравнению с 2007 г. На 21 %) (UNESCO, 2015). Большая часть исследователей сосредоточена в ЕС, Китае и США. В России – 440,6 тыс. научных сотрудников (в 2013 г. по данным (UNESCO, 2015)). Их доля в мире снизилась с 7,3 % до 5,7 %. Негативный тренд приобрел долгосрочный характер. Исходя из тенденции, можно квалифицировать данную ситуацию как выдавливание кадров из сферы науки с переводом их в другие отрасли и в эмиграцию или как ликвидации непрофильных активов.

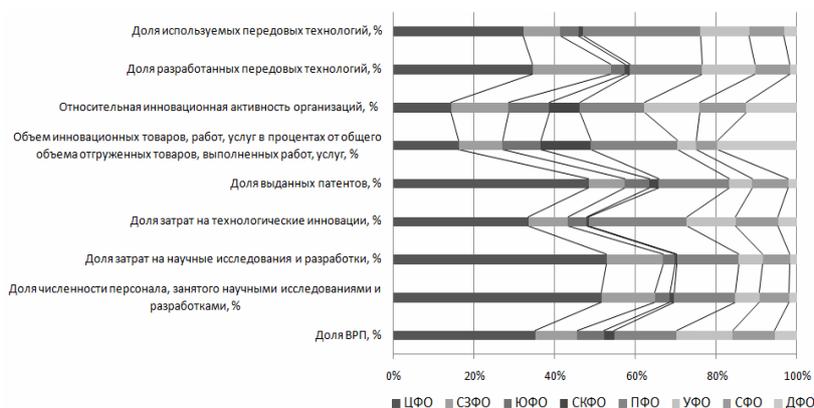
В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Стратегия, 2016) констатируется более низкая эффективность российских исследовательских организаций, чем в странах лидерах (США, Японии, Китае, Республике Корея). Сравним затраты в сферу науки (валовые затраты – ВНИОКР) в расчёте на одного исследователя. Согласно данным (UNESCO, 2015) в период 2007–2013 гг. рост мировых ВНИОКР составил 31 % (выше 20 %-го роста мирового ВВП). Лидерами являются США (рост 28 %), Китай (20 %), ЕС (19 %), Япония (10 %). На все остальные страны приходится доля, равная 23 %. При этом доля России составила всего 1,7 %. По абсолютному показателю ВНИОКР в расчете на одного исследователя (ППС в тыс. долл.) в 2013 году лидером являлось США – 313,6 тыс. долл., затем идут страны: Германия (232,3), Япония (214,1), Республика Корея (200,9), Китай (195,4)... Россия (56,3 тыс. долл.). Страны с низким уровнем доходов в 2013 году имели данный показатель, равный 37,6 тыс. долл. (UNESCO, 2015).

Все это говорит о соответствующем качестве рабочего места и условий интеллектуального труда. При этом Китай и США не только наращивают количество исследователей, но и поддерживают необходимую для высокой эффективности значительную стоимость рабочего места. Другие страны стараются только удержать необходимое качество рабочих мест. Россия, как по показателям, так и по выбранной стратегии откатывается к периферийным странам. Общий вывод: девальвация интеллекта влечет за собой серьёзный системный риск отстать от лидеров.

Происходит изменение ландшафта интеллектуального пространства. В развитых странах акцент в сфере научных открытий смещается в пользу проведения проблемно ориентированных исследований, в сфере ассигнований – на нужды прикладной науки при достаточном финансировании фундаментальной науки. Они чётко уяснили взаимосвязь между вкладом в мировые ВВП и ВНИОКР и приростом экспорта за счет развития высокотехнологичных и наукоемких отраслей промышленности.

Незначительный вклад в инновационное развитие мировой экономики периферийных стран по сравнению с вкладом лидеров объясняется тем, что в периферии накопление капитала и замена основного капитала происходит крайне медленно. При этом не только инвестиционная часть капитала, но и подавляющая часть экономической ренты уходит к лидерам, где условия для капитала более привлекательные.

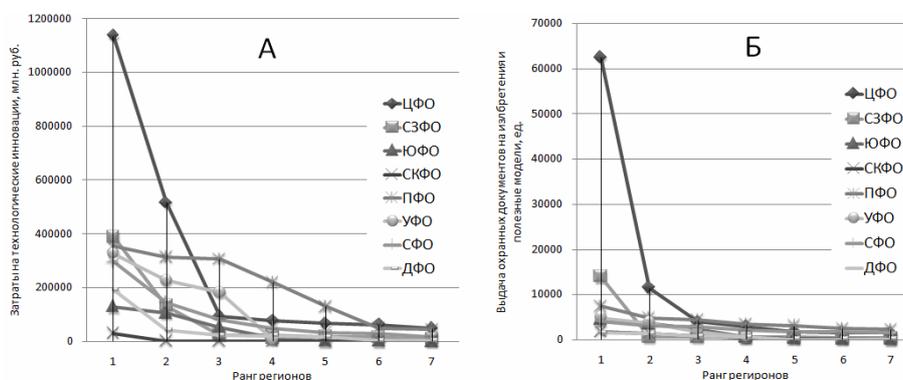
Ландшафт российского инновационного пространства, как в целом страны, так и Северо-Западного федерального округа (СЗФО) демонстрирует похожие закономерности. На рис. 4.38 представлено распределение результатов концентрации интеллектуальной деятельности в разрезе федеральных округов; на рис. 4.39 – распределение по рангам регионов (субъектов федеральных округов), имеющих наибольшее значение по таким показателям как затраты на технологические инновации (А) и выданные патенты (Б).



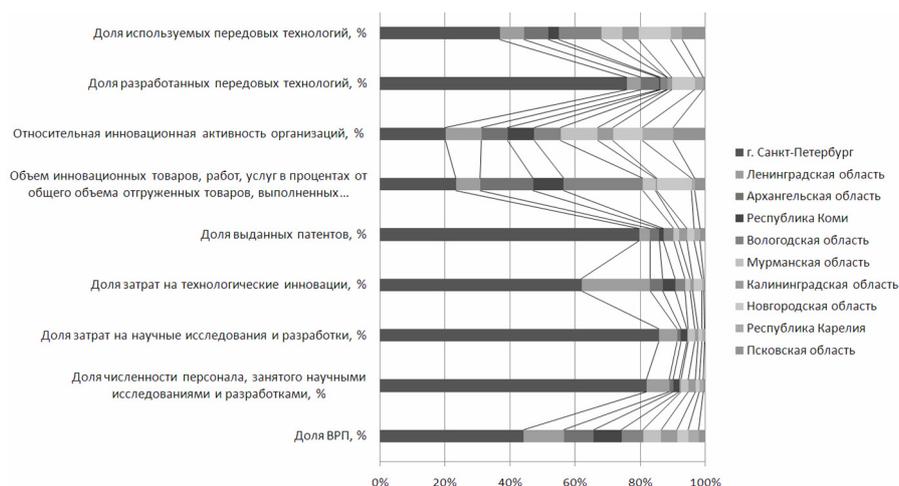
**Рисунок 4.38 Инновационный профиль федеральных округов (распределение по средним (за период 2010–2016 гг.) показателям величины ВРП, затрат на исследования и технологические разработки и т. д. Источник: составлено автором по данным Росстата**

Сравнение профилей выявляет следующую картину: выявляется наиболее инновационно развитый Центральный ФО (что доказывает превосходство в величине показателей) и все остальные округа.

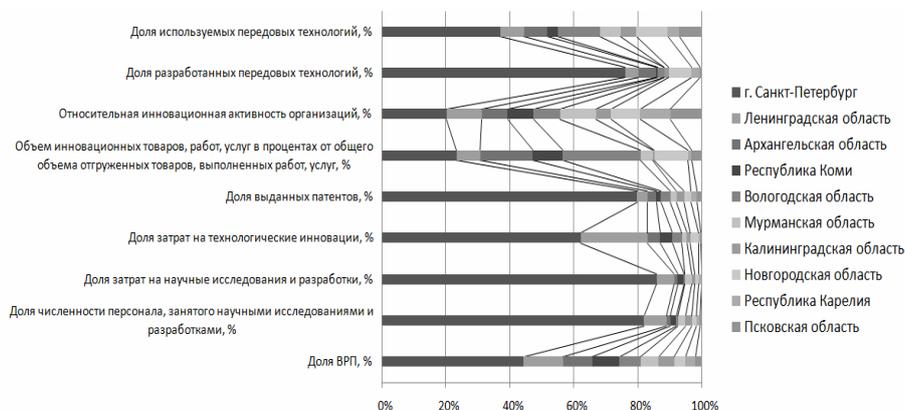
Рассмотрим, какая картина складывается в разрезе регионов. На рисунках представлено распределение результатов концентрации интеллектуальной деятельности в разрезе регионов в составе федеральных округов (рис. 4.40-4.41). Порядок расположения регионов в ряду определялся величиной ВРП (вверху – максимальный ВРП, внизу – минимальный).



**Рисунок 3.39** Распределение семи (по рангу) регионов федеральных округов (4-х Уральского федерального округа) по затратам на технологические инновации (А) и по выданным патентам (Б) (сумма за 2011–2016 гг.). Источник: составлено автором по данным Росстата

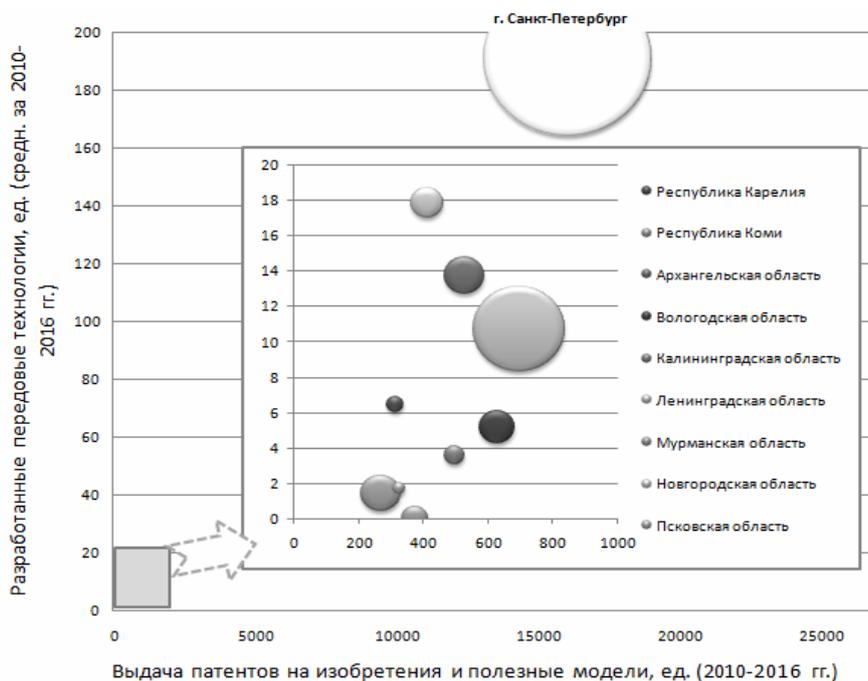


**Рисунок 4.40** Инновационный профиль регионов Северо-Западного федерального округа (средний показатель за 2010–2016 гг.)



**Рисунок 4.41** Инновационный профиль регионов СЗФО (средний показатель за 2010–2016 гг.). Источник: составлено автором по данным Росстата

На рис. 4.42 представлены данные по затратам на технологические инновации, выданным охранным документам на изобретения и полезные модели и разработанные технологии в течение 2010–2016 гг. Соотношение показателей говорит о том, что сформировался мощный инновационный центр (г. Санкт-Петербург) и отстающая от него в инновационном развитии периферия.



**Рисунок 4.42** Распределение регионов СЗФО по выданным охранным документам на изобретения и полезные модели (сумма за 2010–2016 гг.), разработанные технологии (среднее за 2010–2016 гг.), затраты на технологические инновации (площадь пузырька).

**Источник:** составлено автором по данным Росстата

Независимо от масштаба географических карт проявление подобных картин даёт основание говорить о геоэкономическом инварианте. Такая геометрия воссоздаёт не только пространственную структуру воспроизводства знаний, но и, главным образом, формирует и направляет финансовые потоки в инновационный центр. Это в свою очередь также приводит к структурным изменениям мировой системы производства знаний и, соответственно, мировой торговли. Высокая эффективность центров в создании инноваций отражает, как мы полагаем, наибольшую компетентность в инновационной активности и создании портфеля прав на промышленную собственность. К сожалению, периферия в силу недостаточности ресурсов и квалификации не может обеспечить информационное и правовое сопровождение всей цепочки «от знания – к практике» и создать «под ключ» портфель прав на инновационный продукт.

Подчеркнем важный аспект: «экономика знаний появляется тогда, когда знание становится рыночным продуктом» (Макаров, 2010, С. 8). Торговля этим продуктом в силу, как монопольного положения лицензиара, так и в силу установившихся рыночных институтов требует повышенной компетентности. Центры стремятся стать лидерами – собственниками-лицензиарами, предоставляя за интеллектуальную ренту (роялти) периферийным лицензиатам готовые технологии и информационные продукты. Причина исключительного присвоения преимуществ нового знания заключается в институционально установленном доминировании развитого инновационного лидера над периферией (что продемонстрировано на примере СЗФО в работе (Толстогузов, 2016 с).

Ведущие регионы (и страны в рамках мировой экономики) навязывают периферии свои правила игры с требованиями открытости их рынков (Виноградов, 2014). Поэтому обеспеченная этими правилами высокая эффективность в создании инноваций отражает наибольшую компетентность в инновационной активности и создании портфеля прав на промышленную собственность. Лидеры увеличивают свое превосходство в инновациях, усиливая доминирование в правовом поле, концентрируясь на удержании контроля над информационными и финансовыми потоками.

В результате концентрации ресурсов рыночной власти и действия экстрактивных институтов потоки знаний управляются лидером. У лидеров и у периферии наблюдается разное качество институтов инновационного процесса, обеспечивающих защиту интересов участников инновационной деятельности. В этом случае хорошим стратегическим решением для периферийных агентов является их интеграция в иницилируемые ими коллективные модели инновационного процесса. Тем самым создаются благоприятные предпосылки для концентрации интеллектуального потенциала и превращения его в синергию пространства.

География формируемых трансграничных потоков знаний (перемещение исследователей, права на изобретения и другие интеллектуальные объекты) и возникновение новых тенденций зависят от институциональных факторов. У лидеров и у периферии наблюдается разное качество институтов инновационного процесса, обеспечивающих защиту интересов участников инновационной деятельности. Причиной этого является навязанная экстрактивными рыночными институтами правовая, информационная и цифровая дискриминация периферии, ведущие к потере экономической ренты. Развитые геоэкономические субъекты (страны и регионы) в соответствии с выбранной геоэкономической стратегией стремятся стать собственниками-лицензиарами, предоставляя за высокую интеллектуальную ренту (роялти и др.) периферийным лицензиатам готовые технологии и информационные продукты.

Для характеристики общего изменения сложного экономического явления применяют индексные методы и эконометрические модели. Индекс инновационного потенциал характеризует способность генерации нового и способность к инновационным изменениям. Он состоит показателей, разделенных в две группы:

- **потенциал:** интеллектуальные (кадры высшей квалификации, включая их миграцию, научные и инженерные школы, коллаборация и интеллектуальные сети: фабрики мысли и т. д.) и информационные ресурсы (системы обработки информации, интернет, информатизация);
- **компетенции:** институты, инфраструктура (сопровождение цепочки «знание-продукт»),

На рисунке 4.43 представлено распределение индекса инновационного потенциала в разрезе регионов (Отчет ..., 2018). Выделяется развитый инновационный центр (Москва) и 10–15 регионов среднего уровня. Все остальные регионы – отстающие. Они отстают в силу наличия высоких транзакционных издержек, наведенных экстрактивными рыночными институтами.

Если выстроить оси развития «Север-Юг» и «Запад-Восток» (рисунок 4.44), то выявляется четкая картина: развитый инновационный центр и отстающая периферия. При этом в каждом макрорегионе проявляется принцип подобия: развитый центр, стягивающий к себе инновационную активность, и оголенная периферия.

К сожалению, периферия в силу недостаточности ресурсов и квалификации не может обеспечить информационное и правовое сопровождение всей цепочки «от знания – к практике» и создать «под ключ» портфель прав на инновационный продукт. Учитывая, что результаты финансирования НИОКР и других начальных звеньев инновационного процесса, как правило, используют третьи лица (непосредственно не участвующие в изобретательском процессе), то проследить корреляцию между объемом финансирования НИОКР и результативностью (созданием новых продуктов) на уровне фирм и регионов крайне трудно. Тем не менее, проблема присвоения преимуществ нового знания заключается в доминировании центра над периферией. В силу того, что инновационный процесс контролируется центром, где создаются инновационные продукты «под ключ», именно диффузия инноваций становится для периферии важнейшим источником нововведений. В то же время учитывать реалии межрегиональных отраслевых рынков с неравномерным распределением рыночной власти и эффектов рынка.

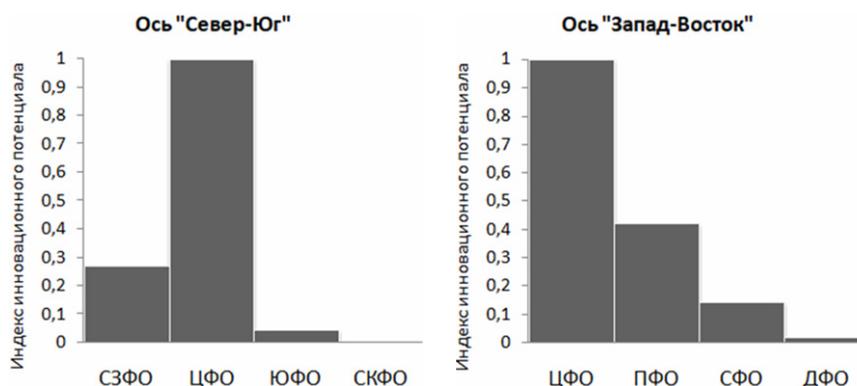


Рисунок 4.44 Ландшафт развития экономического пространства (в инновационном измерении)



Рисунок 4.43 Распределение индекса инновационного потенциала в разрезе регионов

Эконометрическое моделирование сходимости (конвергенции) регионов рассматривались разными исследователями: С. Дробышевским, А. Иодчиным, Е. Коломак, Б. Лавровским, В. Пономаренко, Н. Кизима, Т. Клебановой, R. Barro, X. Sala-i-Martin, J. Cuadrado-Roura, J. Lopez-Rodriguez и др.

В рамках эконометрического моделирования сходимости (конвергенции) регионов проверили гипотезу о наличии  $\beta$ -конвергенции, в которой однако предполагается, что в долгосрочном периоде регионы развиваются не просто по синхронизированным траекториям, а при предположении существования аттрактора. Причиной последнего выступает межрегиональное взаимодействие, а точнее центр-периферийное взаимодействие.

$$\ln \left[ \frac{\bar{X}_T}{\bar{X}_{T-1}} \right] = a + b \ln \bar{X}_{T-1} + \varepsilon$$

где  $\bar{X}_T$  – среднее значение ВРП субъектов в период времени T,  $\bar{X}_{T-1}$  – среднее значение ВРП субъектов в период времени (T-1).

Введем обозначения  $Y = \ln \left[ \frac{\bar{X}_T}{\bar{X}_{T-1}} \right]$ ,  $x = \ln \bar{X}_{T-1}$  и рассчитаем регрессионное уравнение  $Y = a + bx$ . Поскольку  $b < 0$ , то это означает наличие аттрактора в фазовом пространстве – иначе доказано наличие конвергенции траекторий развития субъектов, причем у приграничных регионов и у второй группы разные траектории развития. Далее проверим наличие дивергенции групп регионов.

Региональному развитию присуща неравномерность. Основным признаком асимметричного развития выступает динамика разброса региональных показателей (см. табл. 4.22). В таблице отражены показатели, выбранные как наиболее характерные с точки зрения дифференциации регионов.

Таблица 4.22

**Параметры нормального распределения экономических показателей характеризующих региональное развитие (2011–2016)**

	Дисперсия	Среднее значение	Медиана
ВРП на душу населения (2011–2016), тыс. руб. (без лидеров и аутсайдеров)			
Приграничные регионы	13745	286,5	283,5
Глубинные и приморские регионы	93054	427,5	329,6
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций, млн руб. (без Тюменской области и г. Москва)			
Приграничные регионы	10985997141	65762,4	26899,5
Глубинные и приморские регионы	5,03E + 11	216826,18	36515,5
Инвестиции в основной капитал, млн руб. (без г. Москва)			
Приграничные регионы	7207233855	106869,6	88103,0
Глубинные и приморские регионы	27760114553	160096,3	87524,0
Поступление прямых иностранных инвестиций – сумма сальдо, млн долл. (без г. Москва)			
Приграничные регионы	700945,1	272,3	17,0
Глубинные и приморские регионы	18406125,7	1341,9	273,0

Из приведенных данных отклонение среднего значения от медианы значительно для таких показателей региональной экономики как «сальдированный финансовый результат деятельности организаций» (рис. 4.45) и «сальдо прямых иностранных инвестиций» (рис. 4.46) – явное нарушение нормального распределения. Дисперсия для глубинных и приморских территорий гораздо выше, чем у приграничных – что говорит о более одинаковом сценарии развития последних. При этом функция распределения приграничных регионов по показателю «ВРП на душу населения» выглядит как нормальное распределение (рис. 4.47).

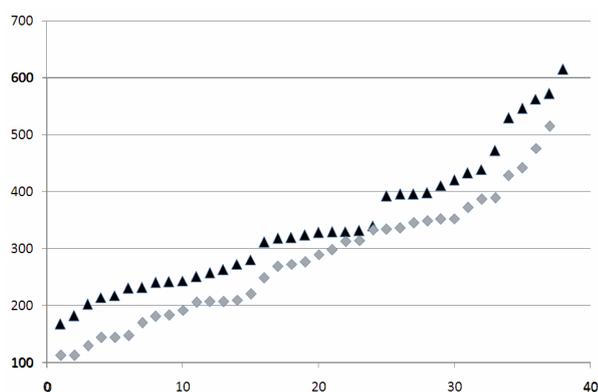
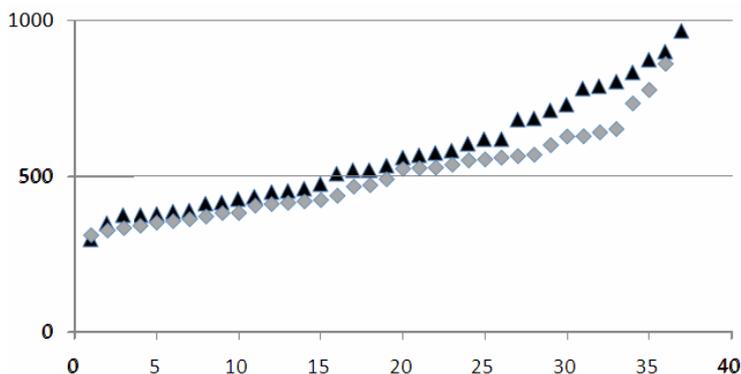


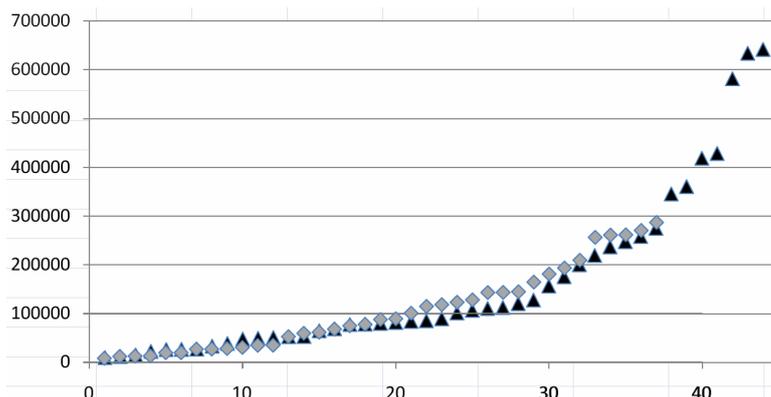
Рисунок 4.45 Серединная часть функции распределения ВРП на душу населения (2011–2016), тыс. руб. (без лидеров и аутсайдеров)

▲ Глубинные и приморские регионы  
■ Приграничные регионы

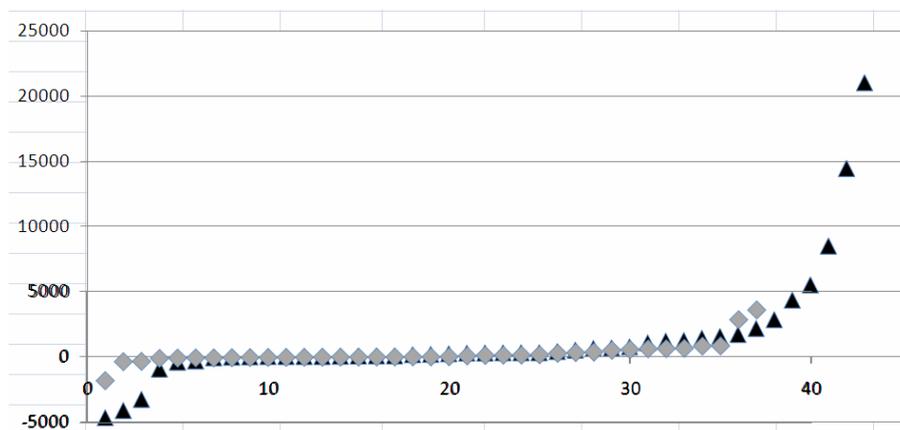
**Рисунок 4.46 Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, млн руб. (без Тюменской области и г. Москва) (2011–2016)**



**Рисунок 4.47 Инвестиции в основной капитал, млн руб. (без г. Москва) (2011–2016)**



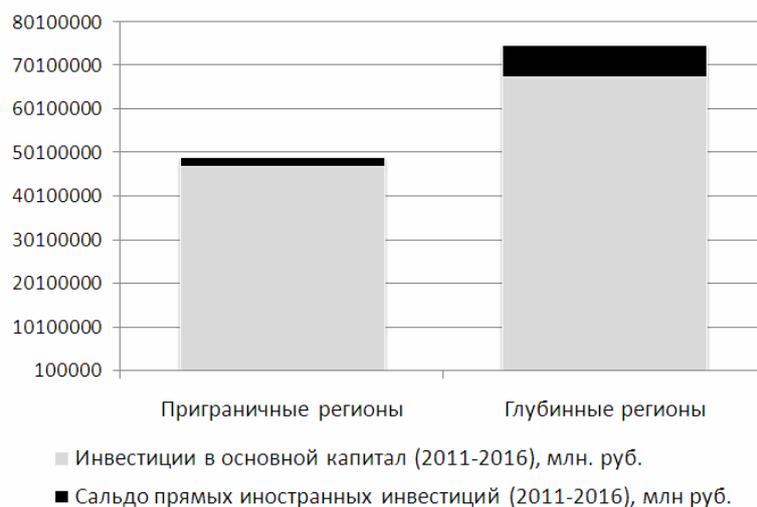
Большое отклонение (более 90 %) среднего значения и медианы для функции распределения приграничных регионов по показателю «сальдо прямых иностранных инвестиций» (рис. 4.48), говорит о том, что приграничное положение не дает преимуществ для получения иностранных инвестиций, скорее наоборот. Это демонстрирует рисунок 4.49, на котором представлены суммарные значения инвестиций в основной капитал сальдо иностранных инвестиций.



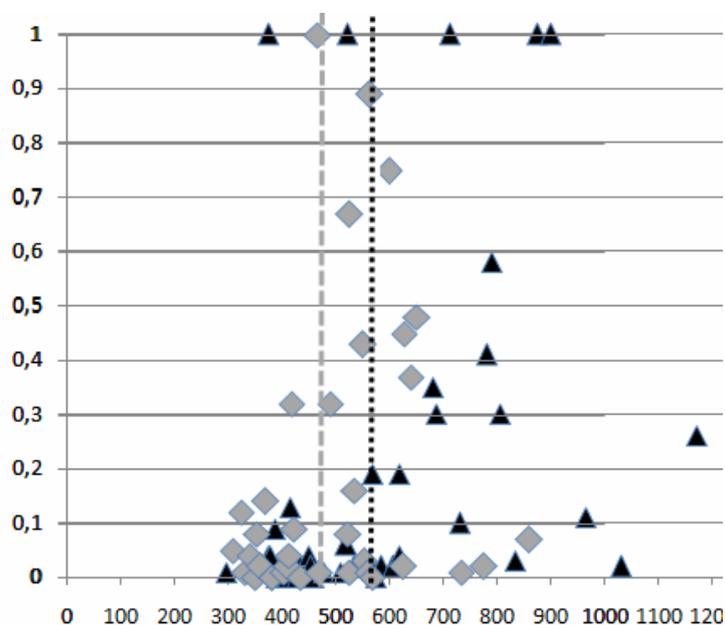
**Рисунок 4.48 Поступление прямых иностранных инвестиций – сумма сальдо, млн долл. (без г. Москва) (2011–2016)**

В то же время функция распределения по показателю «инвестиции в основной капитал» имеет одинаковый характерный вид для всех периферий (и приграничных и глубинных) – у них один сценарий развития.

Сравним распределение регионов по таким показателям как «Индекс инновационного потенциала» и «Производительность рабочего места (ВРП на 1 занятого), тыс. руб» (данные взяты из исследования (Отчет, 2018)). На рисунке 4.50 представлены распределения регионов и соответствующие медианы. Медиана приграничных регионов имеет значение 470, медиана глубинных и приморских регионов – 572.



**Рисунок 4.49 Сумма за 2011–2016 гг. инвестиций в основной капитал и сальдо иностранных инвестиций**



**Рисунок 4.50 Распределение регионов по показателям «Индекс инновационного потенциала» и «Производительность рабочего места (ВРП на 1 занятого), тыс. руб».**

Ось Y – Индекс инновационного потенциала  
 Ось X – Производительность рабочего места (ВРП на 1 занятого), тыс. руб  
 --- медиана распределения приграничных регионов  
 ..... – медиана распределения глубинных и приморских регионов

Расхождения в траектории развития рассмотренных групп регионов связано по нашему мнению с тем, что приграничные регионы являются областью влияния более чем одного центра и зоной конкуренции экономических интересов центров (сопредельных территорий) и одновременно контактной зоной (контакт с сопредельными территориями). Если в моноцентрической модели выстраивается геометрия простой структуры (кольцеобразной), то в случае полицентрической модели (нескольких центров) появляется наложение влияний центров или своего рода «суперпозиция гравитационных волн» экономического пространства.

Таким образом, приграничные регионы в рамках модели полицентрической модели центр-периферийных взаимодействий оказались не просто периферийными, но, что более важно, – под влиянием более чем одного центра.

География, а именно стабильная центрально-периферическое конфигурация пространства, оказывает заметное влияние на межрегиональное различие и экономический рост в регионах (Serina, Mureddu, 2012). Силы, приводящие к такой картине, имеют схожий характер (для подтверждения данного вывода ссылаемся на работу (Desmet, 2010)).

Поэтому независимо от масштаба географических карт проявление подобных картин (по основаниям принципа подобия) даёт основание говорить о *геоэкономическом инварианте* – эмпирически измеренных признаках, отражающих структуру взаимоотношений, относительно неизменную во времени и в пространственном измерении. Такая геометрия воссоздаёт не только пространственную структуру воспроизводства экономической ренты и знаний, но и, главным образом, формирует и направляет финансовые потоки в промышленный, торговый и инновационный центр. Это в свою очередь также приводит к структурным изменениям мировой системы производства ренты и знаний и, соответственно, мировой торговли.

Экономические экстерналии, институционально связанные в пространстве, дают не только преимущество организациям и фирмам, находящимся в непосредственной близости к источникам власти (следовательно, ренты и знаний), по сравнению с иными, отдалёнными от данных источников (аналогичная ситуация сложилась также и в Европе (Antonelli et al. 2011)). Главное, несмотря на то, что международный рынок представляет собой разветвлённую систему связей между производителями и потребителями и сложный механизм согласования интересов, в конечном счете, ведущие страны и регионы навязывают периферии свои правила игры с требованиями открытости их рынков (Виноградов, 2014). Стратегический субъект устанавливает свои правила игры.

Следствием деформации экономического пространства является поляризация вокруг ведущей отрасли. Попав в поляризованное пространство, экономический агент должен в той или иной степени испытывать принуждение, исходящее из доминирующего центра развития. В поляризованном пространстве экономические агенты ведут себя уже не как взаимозависимые партнеры, а как части целостной системы, скоординированной в направлении увеличения экономической ренты и способа ее распределения в пользу центра. Поэтому обеспеченная этими правилами более высокая экономическая эффективность отражает наибольшую компетентность и доминирование лидеров в правовом поле, нацеленных на удержание контроля над информационными и финансовыми потоками.

Новые вызовы и нестабильность экономического развития формируют новую управленческую ситуацию. Российская экономика в результате кризиса, начавшегося по причине известных внешних и внутренних факторов, дестабилизирована. Произошло ухудшение основных экономических показателей, включая спад промышленного производства, снижение уровня и качества жизни населения. После перехода к рыночной экономике и реализации ее либерального формата происходит отток производительных ресурсов в мегаполисы (один вектор) и с востока на запад (другой вектор). Модель «сырьевой державы», и раньше вызывавшая обоснованную критику в связи с отсутствием внимания к развитию обрабатывающей промышленности, инфраструктуры (кроме той, которая обслуживает сырьевой комплекс) и нерациональным расходом нефтегазовых доходов, оказалась серьезной ловушкой. Вся экономика страны, включая доходы населения, обеспечивающие потребление, оказались полностью зависимы от сырьевой конъюнктуры и поступающих в страну долларов (как единственного финансового ресурса). При этом периферийные приграничные регионы с разреженным экономическим пространством и институциональной разобщенностью, и недостаточностью ресурсов рыночной и административной власти постепенно теряют бизнес и свое промышленное значение, по своему функциональному состоянию они находятся «в тени» межстранового экономического взаимодействия, которое на российской стороне сосредоточено в крупных агломерациях и промышленных центрах. Таким образом, приграничные регионы в целом пока не способствуют эффективной интеграции и регионализации России на Евразийском континенте.

Если принять во внимание, что управленческий контур определяется не только разными институциональными условиями, но и «турбулентным» характером мировой экономики и серьезной трансформацией экономического пространства, а также санкционным режимом, введенным в отношении России, то и говорить о процессе интеграции и регионализации в отношении России надо системно.

В изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов России и ее регионам необходимо способствовать формированию и распространению собственных стандартов и культурных кодов, усиливать политику протекционизма при согласовании институтов и сохранять идентичность в межрегиональном взаимодействии. В этом заключаются требования национальной безопасности.

## 5. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ И КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО

### 5.1 УСТОЙЧИВОСТЬ СТРУКТУРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА К ВЫЗОВАМ

Категория «социокультурное пространство» является универсальной общесоциологической категорией, которая включает в себя целый спектр дефиниций, выделяющих тот или иной аспект социальных объектов и взаимодействий. При этом пространственный аспект позволяет выделить и исследовать как интеграционные связи, так и процессы регионализации, складывающиеся в новых геополитических условиях. В таком случае полагаем, что социокультурное пространство – это ареал культуры, социокультурных норм и ценностей, а также пространство взаимодействий. В последнее включаем и взаимопроникновение культурных кодов, приводящее к определенной гомогенизации участников трансграничной интеграции по таким измерениям, как культура, безопасность, экономическая политика и политический режим (Hettne, 2002), а также к формированию приграничных и трансграничных политически конструируемых пространств (кластеров) со специфическими свойствами институционального и социокультурного характера.

Социальное устройство общества чрезвычайно сложно. С одной стороны, этот трюизм в силу своей очевидности вроде бы не требует доказательств и может использоваться исключительно риторически, а с другой – оказался дискуссионным. Глобальный порядок стремится нормативно задавать рамки общего универсума (вспомним «конец истории» Фукуямы), который придавливает уникальность этносов. В то же время факторы географии и истории на самом деле никогда не были сняты с повестки дня. Сегодня они вызвали ряд известных событий и актуализировали этнокультурную идентификацию как неожиданно возникшую доминанту и серьезный идеологический императив в контексте когнитивной безопасности. Дизайнеры категориального стиля мышления правят миром!

Современная система международных отношений является трехуровневой и включает в себя надгосударственный, государственный и региональный уровни (Buzan, 2003). Теория конструктивизма рассматривает взаимодействие агентов (государств, внутригосударственных регионов, городов), создающих социальную реальность в ходе социализации, адаптации и культурного отбора на макро- и микроструктурном уровне (Шлапек, 2016а). Американский конструктивист А.Вендт в исследованиях указывает, что «характер международной жизни определяется убеждениями и ожиданиями, которые агенты имеют друг о друге, и это устанавливается социальными, а не материальными структурами» (Wendt, 1999).

Целью исследования является понять насколько субэтнос, подверженный действию факторов, способен сохранить свой узнаваемый этнокультурный профиль. Мы попытались выделить семантическую конструкцию субэтнуса как инструмента в понимании и прогнозировании – насколько субэтнос, подверженный действию внешних и внутренних факторов, способен сохранить своего рода «геитальт», который должен определять устойчивость семантической конструкции, являющейся не только аналитическим, но и прогнозным элементом в системе мониторинга. Мы не претендуем на всеобъемлющий охват общественных отношений. В то же время пытаемся показать проявление закономерностей на выбранном примере и на основе методов индукции и подобия сделать обобщение о действии влияющих на субэтнос внутренних и внешних причин.

В качестве внутренней причины рассматриваем пресс действующего политического режима, а в качестве внешней причины рассматриваем миграционные волны, вызывающие возмущения в социальной экологии, стремящиеся нарушить гомеостаз структуры общественных отношений. Действие антропогенных мобилей (перемещений людей) сегодня все больше проявляют свойство инструмента геополитики и в этой связи становятся важнейшим фактором, влияющим и на экономику и на социальную сферу, нарушающими гомеостаз структуры общественных отношений.

В качестве внешней причины рассмотрим миграционные волны и сопряженное с ними использование инструментов мягкой силы, вызывающие возмущения в социальной экологии, стремящиеся на-

рушить гомеостаз структуры общественных отношений. Миграционные процессы зависимы от структуры общественных отношений и не могут изучаться в изоляции от различных социальных, экономических и политических явлений, в которых они происходят (согласно современной теории миграции, рассматриваемой с географической точки зрения (Smith D.P., King, 2011)).

В 2017 году количество мигрантов достигло 258 миллионов человек. За последние 17 лет общее число мигрантов выросло со 173 миллионов на 49 %, говорится в отчете о международной миграции (International migration report 2017). Рост мобильности мигрантов и влияние миграционных потоков практически на развитие всех стран включают в себя проблему международной миграции.

Исследования мигрантов (включая опросы) очень важны с точки зрения анализа миграционной политики в европейских странах. Они проводят регулярные обследования мигрантов для доступа к условиям жизни мигрантов, политических предпочтений и т. д. Лучшая зарубежная практика показала, что исследования мигрантов крайне важны с точки зрения прогнозирования структурных изменений общества.

Мигранты не только влияют на динамику населения, меняют его структуру, но и в определенной степени влияют на жизнь местного сообщества: чем больше доля мигрантов, тем больше их влияние на местное сообщество.

Для получения актуальной информации как о государственной, так и социально-культурной перспективах крайне необходима грамотная разработка миграционной политики с учетом различных аспектов явления глобализации.

Поэтому необходимо исследовать механизмы включения мигрантов в местную культурную и политическую среду как условие социально-культурной устойчивости, а также публичную дипломатию как важнейший инструмент "мягкой силы", где роль мигрантов достаточно высока.

В настоящее время (как в России, так и в мире) исследование недостаточно посвящено политической коммуникации мигрантов. В частности, в России политической коммуникации изучены в следующих областях: власть как политическая коммуникация (Тимофеева, 2010), политической коммуникации, теории (Политическая, 2012), социологии политической коммуникации (Дилигенский, 1994), психологические аспекты политической коммуникации (Зимичев, 2010, Ольшанский, 2001, Шестопад, 2002, Юрьев и др., 2005), информационной безопасности влияние на политические коммуникации (Панарин, 2012), политическая коммуникация как способ развертывания политических событий заказа (Анохина, Малаканова, 2001, 2002); политическая коммуникация как самостоятельное явление не как функция, а как процесс (Соловьев, 2002); использование информационно-коммуникационных технологий (Зазаева, 2012).

В настоящее время Европа остается самым привлекательным регионом для мигрантов. Крупнейшие группы мигрантов составляют в основном выходцы из стран Ближнего Востока и Африки. В то же время миграция характеризуется неравномерностью: распределение мигрантов по Европе может характеризоваться как низкой, так и высокой концентрацией. В Северной Европе наблюдается несколько иная ситуация.

Увеличение потоков мигрантов и концентрация снижает, естественно, доля сообщества получателя: наблюдается значительный рост арабского происхождения населения во Франции, турецко-арабского происхождения в Германии, от Indopakistan и арабского происхождения в Великобритании.

Настоящим мы применяем правило Парето как для анализа, так и для оценки эффективности влияющих факторов. Превышение мигрантами более 20 % известно как порог, после которого структура социокультурных отношений существенно меняется. Интервал в размере "10–20 %" – это переходная зона. Это показывает, что мигранты увеличивают влияние до критической величины. Это не точный критерий, а скорее мнемоническое правило, определяющее важное значение, а именно серьезный сдвиг в социальной среде.

На рисунках 5.1–5.5 представлены данные по различным европейским странам и регионам, штриховка соответствует приоритетным областям. Цифры свидетельствуют о том, что в Западной и Северной Европе (в соответствии с правилом Парето) наблюдаются серьезные трудности в сохранении тренда, в то время как в Северной Европе наряду с Южной Европой наблюдаются гораздо более высокие темпы роста мигрантов. Поэтому этот регион является весьма привлекательным как с точки зрения влияния миграции на местное население, так и с учетом многочисленных экономических и культурных связей с Россией. Поэтому важно изучить некоторые возможности применения инструментов публичной дипломатии с использованием ресурсов российской диаспоры.

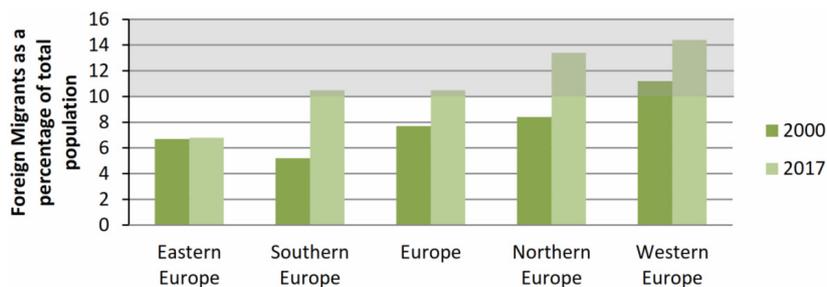


Рисунок 5.1 Иностранцы в процентах от общей численности населения Европы

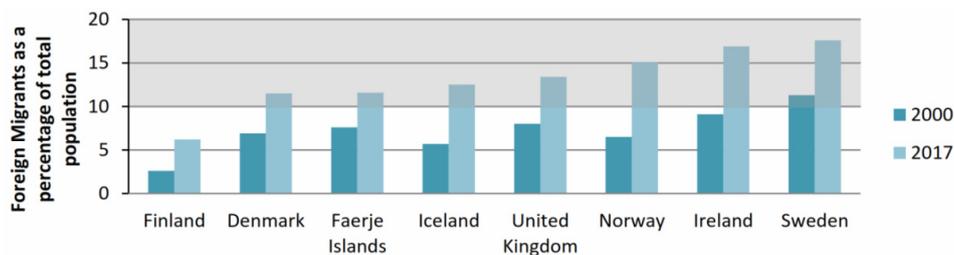


Рисунок 5.2 Иностранцы в процентах от общей численности населения Северной Европы

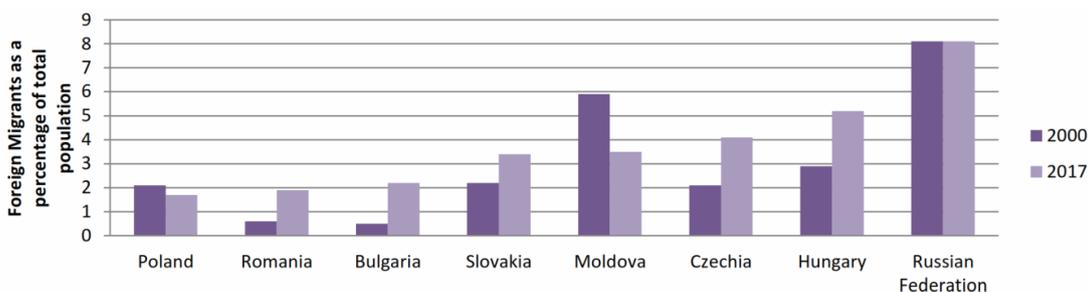


Рисунок 5.3 Иностранцы в процентах от общей численности населения Восточной Европы

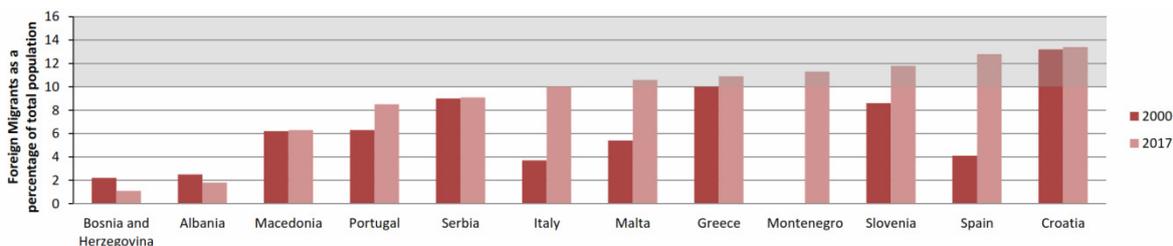


Рисунок 5.4 Иностранцы в процентах от общей численности населения Южной Европы

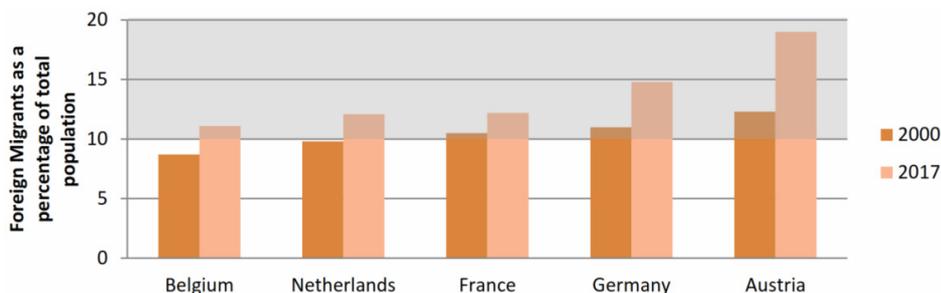


Рисунок 5.5 Иностранцы в процентах от общей численности населения Западной Европы

В качестве гипотезы примем следующее утверждение: мировоззренческие, моральные и ценностные системы являются не только фундаментальными характеристиками этноса (субэтноса), но и формируют **инварианты социокультурного пространства**. В частности в качестве таковых рассмотрим идентификационные признаки, проявленные по отношению к другим этническим группам и к религии. При этом будем считать **инвариантом** эмпирически измеренные идентификационные признаки, остающиеся относительно неизменными во временном и в пространственном измерении.

#### ***Выбор объекта исследований и методы исследования***

Проведение опросов – важнейший инструментарий, который позволяет выявить структурные изменения в обществе и оценить причины данных изменений. Опросы принимающего населения и мигрантов на предмет выявления различных этнокультурных установок позволяют не только дополнить и детализировать получаемые данные из различных открытых источников информации, но и оценить перспективные сдвиги в обществе.

В качестве объекта исследования выбран регион Республика Карелия, на примере которого предпринята попытка на эмпирическом уровне измерить устойчивость структуры общественных отношений. Важным элементом региональных исследований является отслеживание состояния общественного мнения по актуальным вопросам, которое в свою очередь является атрибутом общественного сознания. Выбор региона как аутентичного и типологического объекта исследований обоснован. Во-первых, республика – многонациональный субэтнос. Во-вторых, это приграничный регион. Это имеет особое значение при учете влияния миграционных волн и иных культурных кодов. Измеряемая этническая и мировоззренческая идентичность включает в себя совокупность сложных признаков, отражающих как способы самоидентификации, так и варианты восприятия (и отношения к ним) других этнокультурных групп.

В качестве гипотезы примем следующее утверждение: мировоззренческие, моральные и ценностные системы являются не только фундаментальными характеристиками этноса (субэтноса), но и формируют **инварианты социокультурного пространства**. В частности в качестве таковых рассмотрим идентификационные признаки, проявленные по отношению к другим этническим группам и к религии. При этом будем считать **инвариантом социокультурного пространства** эмпирически измеренные идентификационные признаки, остающиеся относительно неизменными во временном и в пространственном измерении.

Для достижения поставленных целей выбрано сочетание следующих количественных и качественных методов социологического исследования с целью наиболее эффективной и полной интерпретации их результатов: *метод широкомасштабного анкетного опроса* как количественный метод исследования и *метод экспертной оценки* для выявления наиболее сложных аспектов исследуемых проблем.

Анализ социального пространства и поведения местных сообществ проводился на основании данных мониторинга общественного мнения. В 2016-17 гг. в ходе исследования структуры общественных отношений опрашивалось 2050 жителей республики и 280 мигрантов. При построении выборочной совокупности учитывались пол и возраст респондентов, соотношение городского–сельского населения. Для проведения опроса для каждого городского округа и муниципального района была составлена своя квотная выборка, которая как модель, воспроизводит структуру генеральной совокупности в виде пропорций изучаемых признаков. Число элементов выборки с различным сочетанием изучаемых признаков определялась с таким расчётом, чтобы оно соответствовало их доле в генеральной совокупности. При этом были использованы данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия.

Выявление параметров устойчивости общества осуществлялось посредством двух типов опросов (принимающего населения и мигрантов). Ограниченность выборки мигрантов обуславливает качественный характер результатов исследования и позволяет наметить ориентиры для дальнейшего изучения, а также получить впоследствии количественные данные на более представительной выборке. Выборка составила 9 % от всех зарубежных трудовых мигрантов, проживающих в регионе.

Социологические исследования, телефонные горячие линии, информационные центры и другие формы налаживания обратной связи с населением являются источником неопределимой информации. Именно дают субъектам управления сведения о том, насколько чувствительные изменения происхо-

дят в жизни людей, какой характер, позитивный или негативный, они носят, а также в каком направлении следует двигаться дальше. При этом измеряемая этническая и мировоззренческая идентичность включает в себя совокупность сложных признаков, отражающих как способы самоидентификации, так и варианты восприятия (и отношения к ним) других этнокультурных групп.

### **Результаты исследования**

Особенности географического положения и исторического развития России и ее регионов обусловили особенности культурного построения данного социального пространства: из конфигурации разных укладов, культурных платформ и особого механизма национально-культурной саморегуляции и общекультурной интеграции общества, позволяющей поддерживать гомеостаз общественной структуры. В советский период в результате подавления механизмов саморегуляции и интеграции на основе культуры, и одновременное сочетание опоры на внутренние императивы национально-культурной саморегуляции и их давления, сформировался на определенной идеологической платформе социальный порядок (с узнаваемым гештальтом «советского человека»), в итоге обеспечивший индустриальную модернизацию страны и победу во второй мировой войне.

Карелия – многонациональная республика. В результате эволюции сформировался субэтнос с определенными характеристиками, как общего характера (например, культурные коды, объединяющие с русским этносом), так и особенных характеристик, сформированных под воздействием традиций и внешних факторов. В первую очередь выделим два свойства данного субэтноса:

- сформировалась устойчивая толерантность по отношению к другим этническим группам и национальностям (таблица 5.1),
- отчетливо проявляется ключевая компетенция местного населения – «культурный навигатор», – позволяющая быть посредником во взаимоотношениях русской и североевропейской цивилизаций (таблица 5.2).

Сегодняшнее население республики представляет собой переплавленные в жестком вихре бурного двадцатого века в единый субэтнос два структурных элемента:

- своего рода «ядро», составленное изначально из коренного населения (русские, карелы, финны, вепсы);
- миграционные волны (потоки мигрантов в основном из других регионов СССР: Белоруссии, Украины и др. в Карелию и эмиграция из региона).

Таблица 5.1.

#### **Распределение выбора суждений респондентами в отношении межнациональных (межконфессиональных) отношений, проценты**

Суждения в отношении	Позитивный ответ*	Негативный ответ**	Затруднились с ответом
Межнациональных отношений	67,8	20,2	11,9
Межконфессиональных отношений	68,4	11,5	20,0

\* Позитивный ответ получился путем суммирования суждений респондентов «отношения хорошие, есть готовность к сотрудничеству между представителями различных национальностей, этнокультурных групп (конфессий, вероисповеданий)» и «отношения спокойные, нет неприязни или раздражения к представителям других национальностей, представителей этнокультурных групп (конфессий, вероисповеданий)».

\*\* Негативный ответ получился путем суммирования суждений респондентов «Отношения внешне спокойные, но существует внутреннее напряжение между представителями различных национальностей, этнокультурных групп (конфессий, вероисповеданий)» и «отношения напряженные, возможны конфликты между представителями различных национальностей, этнокультурных групп (конфессий, вероисповеданий)».

Таблица 5.2.

#### **Распределение выбора суждений респондентами в отношении, проценты**

Суждения в отношении	Позитивный ответ*	Негативный ответ**	Затруднились с ответом
Сотрудничества с представителями других национальных (этнических) групп	68,1	21,1	10,9
Участия в открытом конфликте за интересы представителей своей национальности	22,9	65,9	11,2

\* Позитивный ответ получился путем суммирования суждений респондентов «да, готов» и «скорее да, чем нет».

\*\* Негативный ответ получился путем суммирования суждений респондентов «скорее нет, чем да» и «нет, не готов».

Эволюционирующее «ядро» вобрало в себя, если отталкиваться от начала двадцатого века, и «переплавил» мигрантов в количестве в два раза превышающее изначальную численность населения. Пик населения пришелся на 1990 год (рис. 5.6 и 5.7).

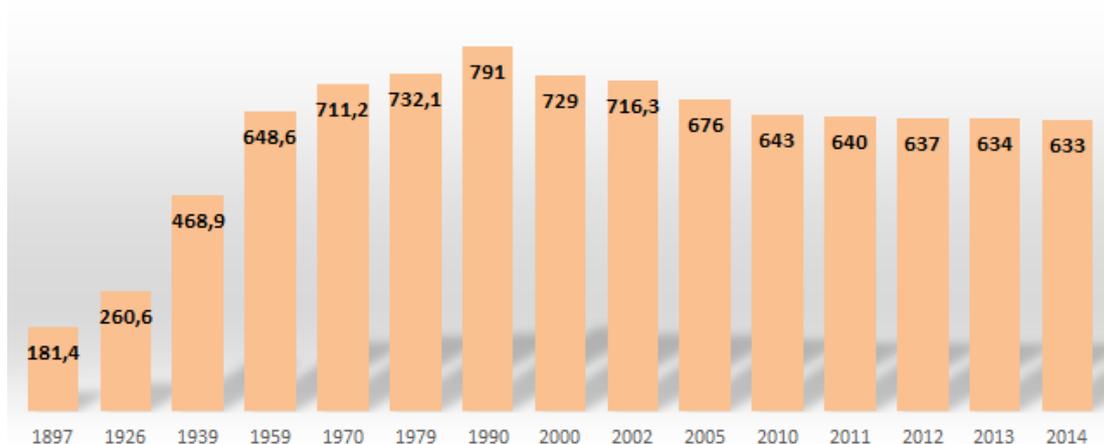


Рисунок 5.6 Изменение численности населения Республики Карелия, тыс. чел.



Рисунок 5.7 Национальный состав Карелии, в процентах и тыс. чел.

Миграционные волны были вызваны активной политикой индустриализации севера и мировой войной. Были построены Кондопожский каскад ГЭС, Сеgezский и Кондопожского целлюлозно-бумажные комбинаты и др. Последняя волна (как внутренняя миграция, так и внешняя) связана со строительством в 1977–1983 гг. горно-обогатительного комбината и города Костомукша. При этом город построен на 64-й северной широте. В этом заключается не единственная его особенность. В молодом городе за несколько десятилетий сформировалось местное сообщество, имеющее свои отличия от среднерегионального.

Рассмотрим текущую миграционную ситуацию в Республике Карелия. В таблице 3 представлены основные страны-доноры миграционных ресурсов в Россию и в Республику Карелию в сравнении. Так, основные потоки в РФ представлены Украиной, Узбекистаном и Таджикистаном, в то время как в Карелии – Украиной, Беларусью, Финляндией. Таким образом, индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) мигрантов, приезжающих в Карелию, является существенно более высоким (Украина = 0,747; Беларусь = 0,798; Финляндия = 0,883; Россия = 0,798), в то время как ИРЧП мигрантов, приезжающих в РФ (Украина = 0,747, Узбекистан=0,675, Таджикистан = 0,624), низким и даже ниже среднего (Human Development Report, 2015).

Долгое время ситуация в Карелии характеризовалась миграционным оттоком в 2 крупных экономических центра – Финляндию и Санкт-Петербург. Миграционное выбытие в Финляндию составляет на сегодняшний день 35 000 человек (данные Карелиястат). Серьезный отток из Республики Карелия приходится также на такие субъекты РФ, как 21080 (Санкт-Петербург), 14875 (Ленинградская область), 10227 (Мурманская область), 5867 (Москва), 4916 (Московская область) (Данные Росстат).

Однако в течение последних 2,5 лет миграционное сальдо мигрантов (из СНГ) становится положительным в Республике Карелия. Прежде всего, это связано с гуманитарной миграцией из Украины (Питухина, Сигова, 2015) (табл. 5.3).

Таблица 5.3.

**Страны-доноры миграционных ресурсов для России и Республики Карелия, УФМС, 2015**

Страны-доноры миграционных ресурсов для РФ (ФМС РФ, 2015)	Страны-доноры миграционных ресурсов для РК (УФМС РК, 2015)
Украина (2 417 575)	Украина (3 430)
Узбекистан (2 215 780)	Беларусь (3 145)
Таджикистан (999 169)	Финляндия (1 651)

Мигранты из России в Финляндии являлись наиболее крупной миграционной группой до 2010 года – 29500 человек. После 2010 года выходцы из России (29 800 чел.) теперь вторая по численности группа мигрантов после выходцев из Эстонии (38 000 чел.). Таким образом, доля от общего потока мигрантов в Финляндию представлена двумя многочисленными группами в следующем соотношении – 49 % эстонцев и 39 % русских (International Migration Outlook, 2015). Большинство уехавших из субъектов РФ в Финляндию – жители Республики Карелия.

В последние годы миграционные процессы в Республике Карелия приобретают характерные особенности. Несмотря на отток трудоспособного населения из региона к экономическим полюсам (Финляндию и Санкт-Петербург), миграционный приток в Республику Карелия является стабильным за счет притока мигрантов из Украины (261 000), Армении (223 000), Таджикистана (192 000) (данные Карелстат). В последние 2,5 года за счет притока мигрантов из Украины в Республике Карелия впервые зафиксировано положительное миграционное сальдо (данные Карелстат).

В настоящее время мы являемся свидетелями формирования новой реальности. «Антропогенные мобили» (перемещения людей) все больше проявляют свойство инструмента геополитики и в этой связи становятся в отношении приграничных территорий важнейшим фактором, влияющим как на экономику, так и на социальную сферу. К таким приграничным территориям и относится Республика Карелия. Из-за распада традиционных жизненных миров и увеличения жизненных концепций в современных обществах, общества становятся еще более фрагментированными. В итоге, разнородность жизненных миров и образа жизни имеет сильное влияние на общество. В зависимости от того, какие интересы, ценности являются значимыми в условиях соответствующего жизненного мира люди более или менее интересуются общественной жизнью. Таким образом, имеет очень важное значение, какие представления о жизненном мире фиксируются у людей.

Мировоззренческие, моральные и ценностные системы являются не только фундаментальными характеристиками ядра, но и формируют инварианты социального пространства. В то же время имеется и вариативная часть, возникающая в частности в результате инверсии иных ценностных систем.

Например, в таблице 5.4 представлены идентификационные признаки – отношение к другим этническим группам и к религии в Республике Карелия. В то же время отличие респондентов городского округа Костомукша заключается в том, что они себя более четко определили в отношении предложенных признаков: затруднившихся с ответом оказалось всего 1–4 %; за то, что национальная идентичность значима, высказались 42 % (при среднерегиональном значении 17,0 %).

Таблица 5.4

## Распределение выбора суждений респондентами в отношении идентичности, проценты.

Суждения в отношении значения	Позитивный* ответ	Негативный** ответ	Затруднились с ответом
Национальной идентичности	17,0	62,9	20,1
Религиозной идентичности	12,2	69,1	18,7
Национальной (или религиозной) идентичности в социальной жизни и в формировании общественного настроения	14,3	58,7	27,0

\* – Позитивный ответ получился путем суммирования суждений респондентов «существенное значение, наряду с экономическими, политическими и иными факторами» и «определяющее значение».

\*\* – Негативный ответ получился путем суммирования суждений респондентов «не имеет значения» и «несущественное значение».

Данная тематика с точки зрения населения региона (в целом) в настоящий момент не формирует повестку дня региональной политики и местной жизни. Это, несмотря на то, что сегодня в связи с отказом от «советского человека» интернационализм трансформируется через болезненные процессы национальной идентификации в какое-то иное качество.

Региональный субэтнос переживает этот процесс «малой кровью», достаточно безболезненно, хотя могут случаться отдельные эпизоды (как например, в г. Кондопога). По нашему мнению восстанавливается толерантность как региональное свойство субэтноса. Более чем сто лет назад национальная идентификация не имела существенного (доминирующего, императивного) значения в общественной жизни (лишь как частные инверсии в целом в имперском общественном сознании), за исключением революционных ситуаций и кардинальных переломных моментов в жизни этноса.

Пилотажный опрос мигрантов, прошедший в Республике Карелия в 2016 году, взаимодополняет результаты опроса принимающего сообщества, т.к. позволяет выделить два базовых фактора при оценке устойчивости карельского общества: экономический и культурный. Оба фактора являются одинаково важными при понимании такой категории, как «устойчивость общества». Диаграмма распределения респондентов, принимающих участие в опросе, представлена на рисунке 5.8.

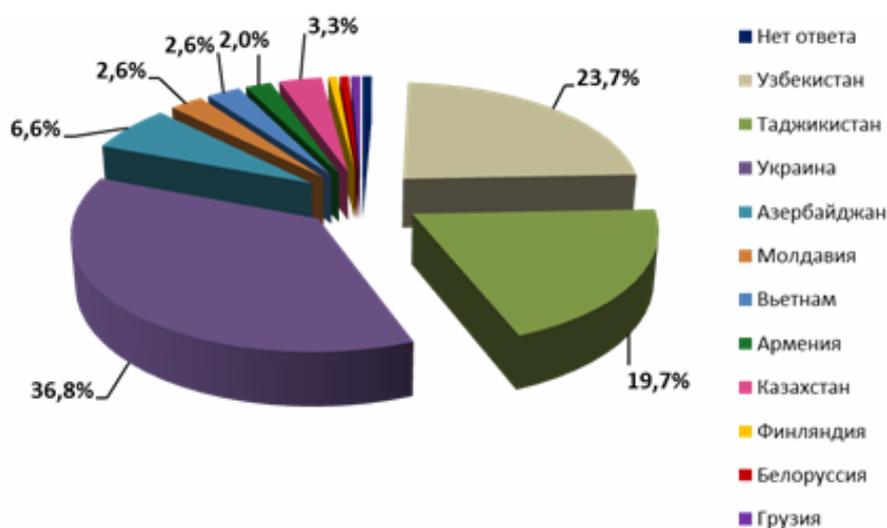


Рисунок 5.8 Распределение мигрантов по странам происхождения, 2016

Так, мигранты Карелии продемонстрировали высокие результаты в части своей экономической адаптации (рисунок 5.9): 85,5 % мигрантов довольны условиями пребывания, 79,6 % мигрантов довольны условиями труда, 73,7 % мигрантов довольны зарплатами в Республике Карелия. Второе направление оценки «устойчивости общества» представлено культурным фактором. Согласно опросам, 68,5 % мигрантов относятся положительно к другим национальностям и вероисповеданию, 84 % мигрантов общаются с жителями Республики Карелия каждый день.

Таким образом, при оценке устойчивости карельского общества (с точки зрения мигрантов) выделяются два базовых фактора – экономический и культурный. Оба фактора являются одинаково важными при понимании такой категории, как «устойчивость общества».

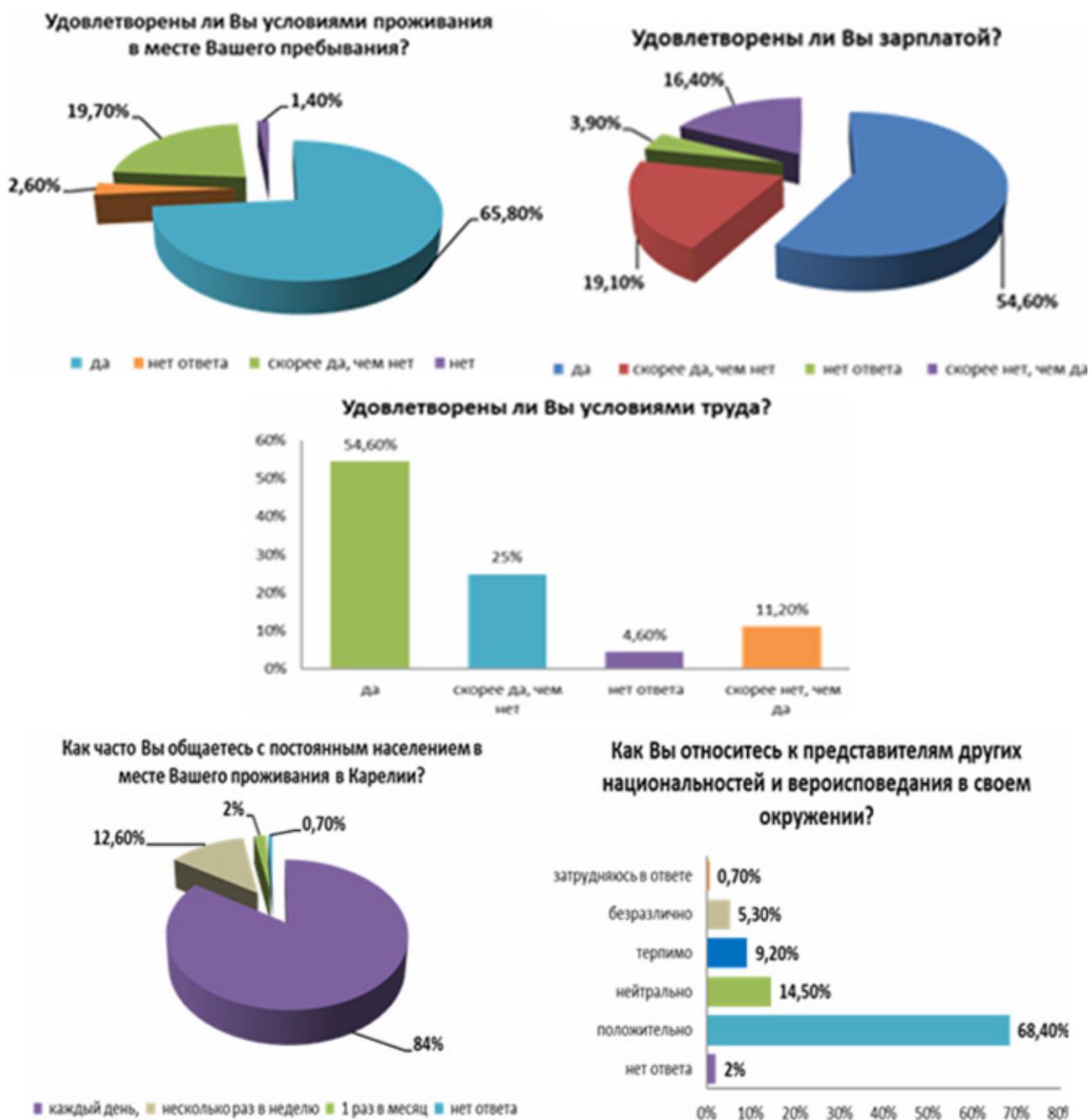


Рисунок 5.9 Экономический и культурный факторы для оценки устойчивости общества мигрантами

Политические системы и их легитимация сильно зависят от поддержки и легитимации гражданами (Easton 1957,1965) и их удовлетворения правовыми нормами, органами власти, структурой «входов» и «выходов» политической системы. Другими словами, общие убеждения управляющих и управляемых в отношении процессов и результатов управления имеют решающее значение для стабильности и сохранения политических систем (Sabatier, 1991; Holbig, 2013). Общественное (не) участие граждан в таком случае является одним из основных элементов, который детально исследуется и, соответственно, в социальных науках уже долгое время возникает вопрос касательно правильных определяющих факторов (детерминант) для анализа общественного участия и демократии (van Deth, 2009; Etzioni, 1968; Verba, Nie, 1972; Kaase, March, 1979), то есть рассматриваются структуры политических систем или отношение к ним людей.

Власть стремится упростить и стандартизировать (в том числе придавив прессом) социальный порядок, загнав его в формат таких категорий и институтов, которые делать порядок доступным и легким для контроля и управления. С другой стороны сообщество демонстрирует способность

сопротивляться навязанным сверху категориям или нажиму. На каждый тезис власти или внешнего фактора находится антитезис шумного и неупорядоченного реального мира. У любой формальной институциональной новации или пресса, давящего на народ, может появиться неформальная тень, и она может оказаться весьма значительной, просто сначала совсем незаметной, однако постепенно набирающей силу и стать как-то сразу заметным в определенный момент.

Так в конце XVIII века в Пруссии родилось «научное» лесоводство, как воплощение единообразия и стандартизации. Все деревья были сформированы в заданном порядке (по ранжиру, одной породы, прямые просеки, долой подлесок и всякое лишнее и пр.). Цель – исключительно производство. Однако лес – живой организм, он стал погибать, и своей гибелью тихо протестовал против механики упрощения.

Однако идеи «научного» прусского лесоводства благополучно переходят в проектирование социального пространства: оптимизируется пространство, выгоняют людей из провинции в центры, в поселениях доминирует серая угольно-линейная архитектура, строят монофункциональные кварталы, определяют какие-то нормы потребности человека, навязываются модели поведения. При этом функции человека понимаются механистически, исключительно как ресурс труда. В соответствии с установленными властью нормами люди должны работать, производить продукт, и воспроизводиться как рабочая сила. А результат (как и с лесом) оказывается тот же. В то же время, люди в отличие от леса погибать не торопятся, и к тому же они обладают выбором и способностью действовать – поэтому они голосуют и руками и ногами или как-то иначе проявляют свой оппортунизм.

В социологии применяют термин «экологическая ошибка» («экологическое заблуждение») (Maitland, 2001; Brewer, 2014), который означает некорректное использование сводных данных группы объектов путем переноса их на отдельные объекты, или подогнав под некие нормы. Экологические заблуждения являются следствием логической ошибки в интерпретации статистических данных, где выводы о природе лиц выводятся из вывода для группы, к которой эти лица принадлежат. Сюда же отнесем и навязывание норм и др., что нарушает социальную экологию.

В качестве внутренней причины рассматриваем пресс политического режима, действие которой оцениваем на основе измерения отношений к иным этнокультурным группам и к религии. Полагаем это важным, поскольку в связи с отказом от концепции «советского человека» интернационализм трансформируется через болезненные процессы национальной идентификации в какое-то иное качество, а долгое время доминирующий атеизм политическими инструментами вытеснял из контура самоидентификации традиционные этнокультурные ценности.

Региональный субэтнос переживает этот процесс «малой кровью», достаточно безболезненно, хотя могут случаться отдельные эпизоды (как например, в г. Кондопога). По нашему мнению восстанавливается толерантность как региональное свойство субэтноса. Более чем сто лет назад национальная идентификация не имела существенного (доминирующего, императивного) значения в общественной жизни (лишь как частные инверсии в целом в имперском общественном сознании), за исключением революционных ситуаций и кардинальных переломных моментов в жизни этноса.

В советский период в результате подавления механизмов саморегуляции и интеграции на основе культуры, и одновременное сочетание опоры на внутренние императивы национально-культурной саморегуляции и их давления, сформировался на определенной идеологической платформе социальный порядок («советский человек»), в итоге обеспечивший индустриальную модернизацию страны и победу во второй мировой войне.

Пресс атеистической пропаганды, как сущностная часть прежней идеологии, в результате кризиса 90-х был снят с повестки дня. Посчитаем измерение 1929 года за характеристику ядра, т. е. как фундаментальное свойство субэтноса, связанное с идентичностью мировоззрения. Согласно социологическим измерениям, проведенным в Республике Карелия, в среднем по региону 75 % респондентов считают себя верующими.

Посчитаем данное совпадение как не случайное, а само измерение как отражающее фундаментальное свойство субэтноса, связанное с идентичностью мировоззрения. Таким образом, после снятия пропагандистского прессы **ядро** субэтноса вернулось к своему естественному состоянию, к своим фундаментальным свойствам. При этом если принять количество респондентов, посчитавших себя верующими, за 100 процентов, то получается следующая картина:

- 91 % относят себя к православному христианству,
- 1,3 – к католическому
- 1,3 – к протестантскому.

Ислам в целом по региону в процентном отношении не заметен. Протестантство как мировоззренческий элемент более равномерно распределен по пространству, однако не столь заметно, как это можно было ожидать из-за близости протестантской Финляндии и достаточно серьезной экспансии культурных кодов оттуда на территорию региона. Очевидно, давнее соседство выработало иммунитет – устойчивость регионального субэтноса (неизменность его фундаментальных свойств) к постоянному фактору.

### ***Инверсии на мировоззренческом ландшафте социокультурного пространства***

В тоже время распределение измеренных показателей по территории – т. е. своего рода мировоззренческий ландшафт социокультурного пространства – не однородно. Анализ распределения объектов по характеристике, полученной из сравнения ответов на вопрос «Какое значение, по Вашему мнению, имеет национальная (или религиозная) идентичность в социальной жизни и в формировании общественного настроения?» и на вопрос «Какое значение для Вас имеет национальная (религиозная) идентичность?», выявил отличие от регионального инварианта. Нарушил гармонию распределения Костомукшский городской округ. Полученные результаты можно толковать следующим образом: в социальной жизни местного сообщества (в отличие от региона в целом) национальная (или религиозная) идентичность актуализирована (приобретает важное значение). Последняя миграционная волна, по-видимому, сформировала не только новообразованное сообщество (город Костомукша), но католическую и мусульманскую инверсию в мировоззренческом ландшафте социального пространства. Выделяются следующие инверсные группы:

- группа с достаточно высоким процентом людей, которые отнесли себя к католическому христианству, составили респонденты – представители Костомукшского городского округа (9,8 % от всех верующих) и соседнего с ним Калевальского муниципального района (9,7 %).
- группа с достаточно высоким процентом людей, которые отнесли себя к исламу, составили представители Костомукшского (7,6 %) и Петрозаводского (4,7 %) городских округов.

Анализ распределения объектов по характеристике, полученной из сравнения ответов на вопрос «Какое значение, по Вашему мнению, имеет национальная (или религиозная) идентичность в социальной жизни и в формировании общественного настроения?» и на вопрос «Какое значение для Вас имеет национальная (религиозная) идентичность?», выявил отличие от регионального инварианта. Нарушил гармонию распределения Костомукшский городской округ. Полученные результаты можно толковать следующим образом: в социальной жизни местного сообщества (в отличие от региона в целом) национальная (или религиозная) идентичность актуализирована (приобретает важное значение) (рис. 5.10).

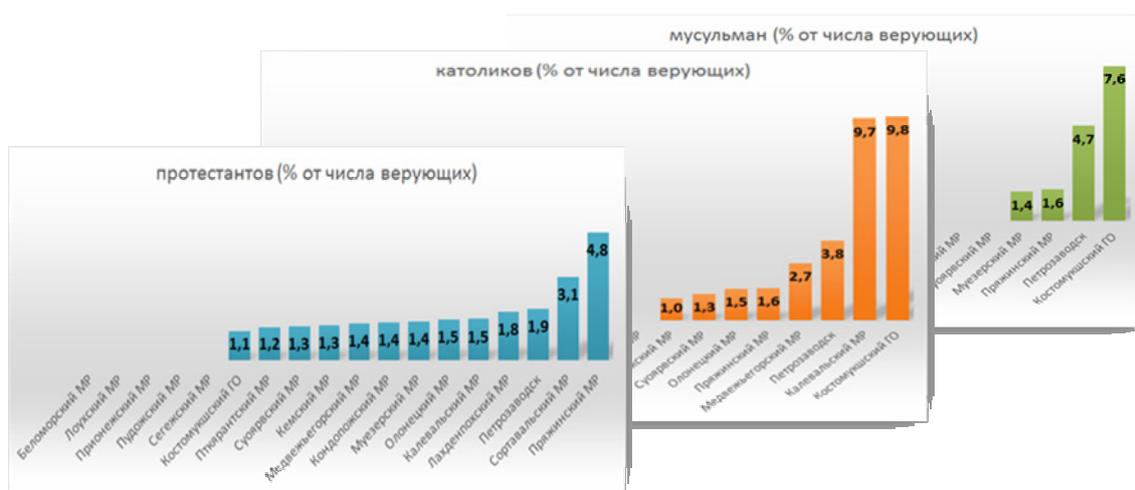


Рисунок 5.10 Ответ на вопрос «К каким религиозным взглядам вы себя относите?»

Источник – составлено автором

В чем заключается причина появления инверсии? Эволюционные ритмы структуры общественных отношений можно проследить по свойствам отдельных местных сообществ, например, по обществу города Костомукша. Поскольку промежуток времени в 30 с небольшим лет недостаточный, чтобы сообщество города совпало по всем свойствам с регионом, то вполне ожидаемо несовпадение показателей местного сообщества с общерегиональными.

Поскольку местное сообщество сформировалось недавно, то может и должно иметь отличия. Действительно, идентификация по отношению к религии, имеет отличие. Местное сообщество еще не совсем «вошло» в ритмы регионального эволюционирующего ядра. Костомукша – единственное муниципальное образование, в котором респонденты посчитали в качестве идентифицирующего признака, сближающего с людьми той же национальности, помимо «национального языка» и «традиций», также и «религиозную принадлежность».

При этом 92 % часть респондентов (опрашиваемого населения города Костомукша) идентифицировала себя как «верующий» (при среднерегиональном уровне, равном 75 %). Причем считают себя «православными христианами» 72 %, 9 % отнесли себя к католическому христианству, 1 % – к протестантскому христианству, 7 % – к исламу.

Этническая и мировоззренческая идентичность, конечно, включает в себя гораздо большую (чем рассмотрено в настоящем исследовании) совокупность признаков, отражающих как способы самоидентификации, так и варианты восприятия других этнокультурных групп. В то же время считаем, что гипотеза о наличии инвариантов подтвердилась. Таким образом, выявились эмпирически идентификационные признаки как инварианты, так и особенности социального пространства. Рассмотрев подробнее структуру общественных отношений в Республике Карелия, выделяем два типа ключевых акторов – ядро (принимающее сообщество) и мигрантов (миграционная волна).

Несмотря на обнаруженные отличия, исходя из предложенной логики, город Костомукша должен постепенно сближаться с ядром субэтнуса. Постепенно должна происходить конвергенция признаков.

Русская цивилизация или русский этнос – это содружество многих народов, которые не просто проживают совместно, имеют и уважают различные вероисповедания и религиозные воззрения, но и объединяются единым культурным кодом в целостное ядро. В силу своего генезиса это ядро имеет не только прочную фундаментальную (инвариантную) часть, но и вариативную (эволюционирующую), которая при комбинации геоэкономических и геополитических факторов, а также институциональных и социальных укоренённостей образует многообразие устойчивых субэтносов, формирующих в своем многообразии многоязычный русский этнос или даже суперэтнос (учитывая множество народов, в него входящих), который можно воспринимать и как цивилизацию, основанную на глобальной взаимозависимости этносов при сохранении культурно-этнического многообразия.

В настоящей работе исследовались особенности карельского общества в контексте его этнокультурных характеристик. Выявление параметров устойчивости общества осуществлялось посредством двух типов опросов (принимающего населения и мигрантов). Результаты исследований позволили осуществить срез карельского общества на предмет его устойчивого развития. Проведение таких взаимодополняющих опросов позволяет вскрыть специфику как ядра, так и миграционной волны, что впоследствии даёт возможность спрогнозировать структурные сдвиги в обществе.

В то же время в данном исследовании мы опирались на определенные гипотезы, по этой причине полученные выводы носят предварительный характер. Чтобы понимать истинную природу ситуаций, необходима более точная диагностика не только инвариантных, но и особенных частей субэтнуса. Поэтому важно понимать складывающиеся тенденции, их причины и последствия проектирования социального порядка, определить инварианты и особенности социального пространства региона в условиях геополитической нестабильности.

**Разработан подход к оценке влияния причин, нарушающих равновесие социокультурного пространства. Подход реализован в рамках гипотезы обладания системой общественных отношений структурой, исследуемой во временном и пространственном смыслах, в частности измеримой по отношению к иным этнокультурным группам и к религии. Выявлены инварианты (эмпирически измеренные идентификационные признаки, остающиеся относительно неизменными во временном и в пространственном измерении) и инверсии социокультурного пространства.**

## 5.2. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ: РОЛЬ И ИНСТРУМЕНТЫ

В настоящее время в разных частях мира можно наблюдать процессы интеграции, сопровождающиеся, в условиях добрососедских отношений, увеличением числа контактов в различных сферах между жителями приграничных территорий сопредельных государств. Уникальность трансграничной территории заключается в «эффекте соседства», который проявляется в формировании специфического социокультурного пространства с чертами локальных сообществ по разные стороны границы. Процессы интеграции и «эффект соседства», в частности на российско-финляндской границе, становятся предметом как публичной, так и академической дискуссии. Приграничное положение Республики Карелия (Россия) и Северной Карелии (Финляндия) способствует развитию повседневных практик соседства, появлению новых форм взаимодействия на основе сложившегося опыта в прошлом. Трансграничное взаимодействие оказывает положительный эффект на развитие добрососедских отношений и активизирует локальные сообщества не только для создания сетей сотрудничества и налаживания прямых связей, но и для развития инициатив местных сообществ, повышения взаимопонимания, доверия и осведомленности (Шлапек, Степанова, 2017б).

Усиление роли приграничных и трансграничных территорий в процессе трансформации социокультурного пространства мира обуславливает значительный исследовательский интерес к данной проблематике со стороны научного сообщества. Расширение региональной интеграции (ЕС, НАФТА, АТЭС и др.) в конце XX в. способствовало ренессансу приграничных и трансграничных исследований. Согласно Т.Н. Кучинской, взаимодействие приграничных регионов приводит к «взаимопроникновению культур, их взаимному обогащению, способствуя формированию нового социокультурного образования – трансграничного пространства» (Кучинская, 2012). Характеристикой трансграничного социокультурного пространства выступают разнообразные межкультурные взаимодействия – социокультурные практики (Абрамова, 2012). Изучение развития трансграничного социокультурного пространства представляется актуальным направлением научных исследований, обусловленных выявлением не только положительных эффектов для развития приграничных российских территорий, но и проявляющихся негативных тенденций (Морозова В., 2017).

Впервые транснациональное пространство в кросс-культурном контексте начинает рассматриваться в трудах зарубежных исследователей с XX в. с применением историко-генетических, феноменологических и иных подходов (Абрамова, 2012). Согласно С.Л. Баринову европейские исследователи наибольшее внимание уделяют предпосылкам и условиям формирования трансграничных пространств, с основным акцентом на локальный уровень взаимодействия и социокультурные коммуникации (Баринов, 2011). Проблематика исследования транснационального пространства в культурно-философском контексте раскрывается в трудах российских исследователей: А.С. Панаринова, М.М. Решетникова, А.И. Уткина и др. Методологические и теоретические проблемы исследования пространственной организации жизни общества нашли отражение в работах отечественных географов, экономистов, политологов и др. На современной этапе новый импульс развития получили относительно новые концепции соседства (Вардомский, 2017), близости и удаленности (Замятина, Пилясов, 2017), в которых потенциал взаимодействия рассматривается не только через призму физического расстояния или транспортных издержек, но и учитывается влияние нематериальных факторов: локальных институциональных условий, культурной среды, социальных сетей, делового и жизненного опыта ключевых акторов и т. д.

Для определения культурного пространства используется несколько моделей: *физико-географическая*, подразумевающая локальные культурные пространства, связанные с национальными традициями и обычаями, характерными для территории; *семиотическая модель*, рассматривающая культуру как совокупность знаковых систем, при помощи которых происходит межкультурная коммуникация; и третья модель – *социальная*, где ценности действуют в качестве структурирующего механизма, одновременно определяя границы пространств (Касаткин, 2017). Приграничное сотрудничество рассматривается как форма социализации населения сопредельных регионов в условиях культурного многообразия, формирования многоэтнического сообщества в рамках трансграничных пространств. Приграничные зоны характеризуются наличием заимствованных культурных явлений, готовностью к культурному взаимодействию, некоторой общностью мировоззренческих установок населения (Морозова, 2017).

Значительный вклад в развитие исследований трансграничного социокультурного пространства Забайкальского края РФ внесли Н.А. Абрамова, Н.С. Зими́на, Т.В. Колпакова Т.Н. Кучинская, К.С. Морозова, К.С. Дубровская и др. В рамках североевропейской регионалистики накоплен большой объем междисциплинарных работ, посвященных вопросам интеграции стран Северной Европы, субрегиональным

организациям и межрегиональному сотрудничеству. Здесь можно выделить следующих зарубежных ученых: П. Йозниemi, Дж. Скотт, М. Перкманн, А. Пааси, а также российских исследователей: К.В. Воронов, Ю.С. Дерябин, О.В. Зарецкая, Ю.В. Косов, Н. М. Межевич и др. С 1990-х гг. тема участия регионов в развитии внешних связей государства привлекает внимание российских исследователей, особенно в контексте более активного участия Северо-Западных регионов России в трансграничных инициативах Евросоюза и стран Северной Европы: А.С. Макарычев, Н.Ю. Маркушина, А.А. Сергунин, Н.К. Харлампьева, Г.О. Яровой.

Вместе с тем, несмотря на возрастающий интерес научного сообщества к проблематике приграничного сотрудничества, изучению международных контактов Республики Карелия и приграничных регионов Финляндии посвящены единичные исследования, которые сконцентрированы в основном на экономических и исторических аспектах сотрудничества. Недостаточно внимания уделяется региональной специфике и практикам трансграничного социокультурного взаимодействия в карело-финском приграничье.

### ***Предпосылки формирования трансграничного социокультурного пространства «Карелия»***

В развитии трансграничного социокультурного взаимодействия в карело-финском приграничье выделяют несколько этапов, обусловленных аспектами взаимодействия государств и спецификой развития приграничья в историческом контексте: Довоенный период, до 1940 г.; Советский период, 1940–1991 гг.; Российский период, с 90-х гг. XX в. по настоящее время (Шлапеко, Степанова, 2017б).

К историческим карело-финским практикам можно отнести корабельничество (разносная торговля), которая получила распространение в XIX–XX вв. и имела решающее значение в получении «живых» денег для большинства карельских крестьян (Шлапеко, Степанова, 2017а). В советский период истории страны государственная граница делила различные ментальные, культурные, политические и экономические миры. Идеологические установки, наряду с системой воспитания формировали представления и стереотипы в сознании жителей карело-финского приграничья по отношению к друг другу (Илюха, 2012). Вместе с тем, внешнеполитические отношения Финляндии и Советского Союза основывались на Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1948 г.) и поддерживались деятельностью общества «Финляндия – Советский Союз». В 1962 г. было образовано Карельское отделение общества, которое занималось систематическим обменом туристов, проводило показы фильмов, способствовало увеличению тиража финских журналов и газет, постановке спектаклей на финском языке и обмену культурными делегациями.

В 1994 г. Йозсуу (Северная Карелия) стал побратимом Петрозаводска, побратимские связи финский город заключил также с Сортавалой и Суоярви. Сотрудничество породненных городов создало уникальные возможности для прямого обмена опытом в таких сферах, как городское хозяйство, устойчивое развитие и применение передовых управленческих технологий. Развитие разносторонних общественных контактов способствовало взаимопониманию и формированию позитивного отношения локальных сообществ приграничных территорий.

На рубеже XX–XXI вв. социально-экономические преобразования, изменение геополитического положения России на мировой арене положили начало выстраиванию качественно нового политического, экономического и культурного диалога с зарубежными государствами. «Открытие» внешних границ, упрощение визового режима, открытие международных пунктов пропуска сыграло положительную роль в активизации трансграничной мобильности в карело-финском приграничье, включая скачок числа финских «ностальгических» туристов (до 700 тыс. чел. в год) на территории Республики Карелия, в первую очередь в приграничных ее районах (Степанова, 2014).

С вступлением Финляндии в ЕС в региональном сотрудничестве с Республикой Карелия произошли существенные изменения, что выразилось в усилении роли региональных союзов. В 2000 г. был создан Еврорегион «Карелия», который объединил Республику Карелия с финскими приграничными провинциями Кайнуу, Северная Карелия и Северная Остроботния (Еврорегион, 2018). В начале третьего тысячелетия Республика Карелия, единственная среди регионов СЗФО, приняла региональную программу приграничного сотрудничества. Программа на период 2001–2006 гг. представляла собой ответ на трансграничные инициативы Европейского Союза, в частности, программы Интеррег ШВ и Интеррег ША (включая подпрограмму Интеррег ША-Карелия). Целью совместной карело-финской программы «Наша общая граница 2001–2006» стало привлечения внимания к принятию решений по вопросам трансграничного сотрудничества на региональном уровне. В новый программный период решения по поддержке проектов стали приниматься на уровне Еврорегион «Карелия» («Добрососедство – Еврорегион «Карелия», 2006-2009 гг.). Несмотря на критику

российских еврорегионов и Еврорегиона «Карелия», в частности, привлеченные средства позволили реализовать ряд крупномасштабных проектов, в том числе по модернизации пограничных пунктов пропуска, развитию гражданского и информационного общества.

Повседневные практики соседства в современных условиях приводят к появлению новых форм трансграничного взаимодействия в карело-финском приграничье. Так, на приграничных российско-финских территориях широкое распространение получили такие практики сотрудничества, как приграничный шопинг-туризм, реализация совместных проектов и народная (общественная) дипломатия (Шлапеко, Степанова, 2017б).

Развитие приграничного шопинг-туризма представляется современным проявлением повседневных практик соседства жителей приграничных территорий. Наличие доброжелательности местного населения по отношению к жителям сопредельного государства, проявляющейся по обе стороны границы, формирует климат добрососедства и способствует усилению трансграничных контактов и обменов. Экономический, культурный, психологический и иные факторы оказывают положительное влияние на формирование трансграничного социокультурного пространства.

### ***Карелия в проектах трансграничного сотрудничества***

Сотрудничество между сопредельными регионами Финляндии и России нацелено на поддержку развития экономики и общества, укрепления предпосылок взаимодействия органов власти, коммерческих структур и граждан в этих регионах. Сначала в рамках реализации соглашения о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области осуществлялись двусторонние межрегиональные проекты на основе финского финансирования, затем с привлечением средств европейских программ, а на современном этапе и с паритетным участием Российской Федерации. Роль площадки для обсуждения инициатив и согласования планов по программам приграничного сотрудничества (ППС) выполняет Еврорегион «Карелия».

Программно-проектный подход международного сотрудничества успешно реализуется на европейском пространстве. Программы приграничного и многостороннего сотрудничества – уникальные инструменты, позволяющие развивать местные и региональные инициативы территорий. Участие в проектной деятельности предоставляет участникам конкурентное преимущество через возможность использовать зарубежный опыт и привлекать дополнительные источники финансирования. За пять лет действия ППС «Карелия» реализовано 66 проектов на сумму 42 миллиона евро, 30 % из которых было использовано на финансирование инфраструктурных проектов [Official, 2018]. Тематические задачи согласуются с государственными приоритетами развития СЗФО РФ и призваны сделать пространство реализации программы привлекательным для жизни людей и ведения бизнеса. В частности, приграничное и межрегиональное сотрудничество является одним из важнейших инструментов в реализации задач Концепции социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2022 года.

Количество проектов и финансирование заявочных раундов распределяется примерно равномерно не более 11 проектов и не более 6,3 млн евро на каждый раунд (см. таблица 5.5). В дополнение к обычным проектам, отбираемым в ходе туров, программа «Карелия» финансировала крупномасштабные (инфраструктурные) проекты, которые имеют прямое трансграничное значение и носят инвестиционный характер. Например, модернизация МАПП Вяртсиля – Нийрала позволила уменьшить время прохождения границы, также улучшилась дорожная безопасность приграничных территорий на участке Сьюваро-Париккала.

Таблица 5.5.

**Распределение проектов по темам заявочных раундов ППС «Карелия»**

Название раунда	Кол-во концепций	Кол-во заявок	Кол-во победителей	Объем финансирования, млн евро
Пространственное планирование	59	18	11	4 799 271
Туризм	25	13	11	6 151 849
Лес и энергетика	24	12	10	6 210 972
Культура	37	20	9	3 617 503
Здоровье и благополучие	19	12	11	3 698 433
Устойчивое использование природных ресурсов	–	19	9	3 957 767
Крупномасштабные проекты	5	5	5	13 915 947
Итого	169	99	66	42 351 742

Составлено авторами на основе (Official, 2018).

Например, в рамках первого заявочного тура были заложены основы формирования творческого приграничного кластера («Центр дизайна и ремесленный бизнес-инкубатор») и развития инновационной предпринимательской среды, разработаны архитектурные концепции и маркетинговые стратегии прибрежных территорий («Города у воды – новые возможности для развития бизнеса»), внедрены технологические и экологические методы освоения пространства периферийных территорий и совершенствования систем водоснабжения (Official, 2018). Реализация проектов по туристической тематике (второй заявочный тур) позволила создать семейные центры музейной педагогики, молодежный центр для предоставления туристических и образовательных услуг (Matka.ru), разработать мобильные сервисы в помощь туристу (Smart e-Tourism), открыть информационные туристские центры в муниципалитетах Республики Карелия. Среди конкретных результатов заявочного тура «Сотрудничество в лесном секторе» стало улучшение делового сотрудничества в лесной и деревообрабатывающей промышленности в регионах Кайнуу и г. Костомукша, введение в пользование более экологичного источника энергоснабжения в д.Вокнаволок. В числе представленных двусторонних инициатив по ранду культура – проекты по развитию сети этнокультурных центров, внедрению информационных технологий и новых форм работы в деятельность учреждений культуры, поддержки талантливой молодежи и сохранению культурного наследия.

Трансграничные взаимодействия становятся фактором, оказывающим ключевое влияние на мировоззрение людей, их восприятие действительности и в конечном итоге территориальное развитие. По мнению жителей Республики Карелия, ППС способствует укреплению стабильности и социально-экономическому развитию приграничных территорий (Милюкова, 2017). Проекты в значительной мере способствуют вовлеченности местных жителей в международное сотрудничество и установлению тесных контактов как между отдельными гражданами, так и между различными организациями. В общей сложности в проектах приграничного сотрудничества «Карелия» приняло участие 244 организации, среди них региональные и городские администрации, коммерческие и некоммерческие структуры, учреждения образования, науки, здравоохранения и культуры.

Таким образом, можно говорить о том, что социокультурное пространство приграничных территорий Еврорегиона «Карелия» трансформируется, благодаря реализации проектов приграничного сотрудничества, сближая население и улучшая качество их жизни. Среди значительных достижений программы можно отметить не только интенсификацию приграничного сотрудничества, но и стимулирование регионального развития и улучшение предпринимательской среды.

### ***Народная дипломатия в карело-финском приграничье***

Развитие межгосударственных отношений в последние десятилетия продемонстрировало возрастание роли народной (общественной) дипломатии. Народная дипломатия укрепляет социокультурное сотрудничество, добрососедство и атмосферу безопасности, служит инструментом «мягкой силы», повышающим привлекательности региона и страны, языка, культуры и образа жизни. Благодаря деятельности общественных организаций коренных народов Карелии, их представительству в различных международных и субрегиональных организациях (например, в Международном консультативном комитете финно-угорских народов, экспертном механизме ООН), этнокультурное развитие народов стало важной частью современной национальной политики Республики Карелия (Шлапек, 2017). Консультативный Комитет финно-угорских народов реализует множество проектов по изучению языков малочисленных народов, поддержки ремесел, народных промыслов, проводятся национально-культурные праздники, осуществляется просветительско-издательская деятельность.

Так, в Республике Карелия на финском языке выходит детский ежемесячный журнал «Kipinä» («Искорка»), а также ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Carelia». На территории Финляндии также ведется деятельность ряда СМИ на русском языке, из которых самая крупная местная русскоязычная газета «Спектр». Изучение финского языка осуществляется на кафедре прибалтийско-финской филологии ПетрГУ, в общеобразовательных школах и дошкольных учреждениях региона, а также в ряде коммерческих центров по изучению иностранных языков. Намечилась тенденция увеличения количества детей, обучающихся национальным языкам. В дошкольных образовательных учреждениях в 2017–2018 учебном году карельский, вепсский и финский языки изучали 1166 воспитанников, а в школах – 6820 учеников (Шлапек, Степанова, 2018б).

В 2017 г. в Северной Карелии насчитывается порядка 3881 иностранных граждан из 106 стран, из которых самые многочисленные – россияне (43,2 %), следующими по численности являются эстонцы (5,2 %) и сомалийцы и тайцы (совокупно 3,8 %) (Pohjois-Karjala, 2017). В столич-

ном г. Йозенсуу проживало 2 344 иностранных граждан, из них 955 человек из России при общей численности населения 76 067 человек (Joensuu kaurunki, 2017). Большинство приезжих представляют молодежь, что объясняется наличием университетов (Университет прикладных наук «Карелия», Университет Восточной Финляндии) и профессиональных колледжей (Учебный консорциум Северной Карелии), а также доступными программами обучения не только на финском, но и на английском языке.

В Северной Карелии русский язык преподается как в школах, так и высших учебных заведениях. Например, финско-русская школа Восточной Финляндии, основанная приказом Министерства Образования Финляндии в 1997 г. для поддержания и развития русского языка и культуры, является единственной в Финляндии школой со специализацией на русском языке за пределами столичного региона и имеет три отделения в городах Лаппеенранта, Иматра и Йозенсуу. Таким образом, основными источниками представлений жителей приграничных территорий друг о друге в настоящее время являются: общение с родственниками и друзьями, проживающими на территории сопредельного государства или часто посещающими данную страну; СМИ; интернет-ресурсы и социальные сети, а также личный опыт посещения Финляндии (Шлапеко, Степанова, 2018б).

В рамках сотрудничества с финскими партнерами постоянными организаторами мероприятий являются общества дружбы «Карелия – Финляндия» и «Финляндия – Россия». Например, в 2011 г. при поддержке Фонда «Русский мир» в г. Йозенсуу проходили Дни Русской культуры, включающие семинары по русскому языку и литературе, викторины и спектакли для детей, интерактивную экспозицию «Ремесло и прикладное искусство Руси», а также литературно-концертные программы и выставки. В том же году были проведены «Дни Финляндии» в Петрозаводске с участием финских ученых, музыкантов, художников и артистов. В декабре 2017 г. состоялся юбилейный фестиваль XX неделя финского кино в Петрозаводске (к 100-летию независимости Финляндии), организованный Петрозаводским отделением Генерального Консульства Финляндии в г. Санкт-Петербург. На регулярной основе осуществляется взаимная гастрольная деятельность творческих коллективов Республики Карелия и Северной Карелии. Национальный театр Республики Карелия является единственным театром за пределами Финляндии, где спектакли ставятся на финском, карельском и русском языках. Среди популярных в Финляндии карельских групп и коллективов: Myllärit, Sattuma, Santtu Karhu. Таким образом, современных сложных внешнеполитических условиях трансграничное сотрудничество НКО позволяет наладить позитивное взаимодействие между людьми, учреждениями, городами и регионами вне «большой политики» и политических противоречий.

Проведенное исследование позволило выявить несколько периодов формирования и развития трансграничного социокультурного пространства Карелия: довоенный, советский и современный, характеризующихся различным уровнем и интенсивностью взаимодействия государств и спецификой развития приграничья в исторической ретроспективе. Следует подчеркнуть, что формирование трансграничного социокультурного пространства происходит «снизу» по инициативе локальных сообществ (бизнеса, региональных и муниципальных органов власти, некоммерческого сектора и общества). Наибольшее проявление трансграничной социокультурной специфики наблюдается в следующих сферах: культура и искусство, проектная деятельность, образование, туризм, информационное пространство (Шлапеко, Степанова, 2018б).

В настоящее время в карело-финском приграничье отмечается усиление динамики трансграничных контактов. Совместная реализация проектов, ежедневная трансграничная мобильность, взаимный интерес к культуре и языку территорий свидетельствует о формировании общего пространства приграничного межкультурного взаимодействия. Резюмируя, следует еще раз подчеркнуть значимость развития приграничного социокультурного пространства для активизации локальной экономики и локальных приграничных территории в целом по обе стороны государственной границы, что подтверждается распространением практик шопинг-туризма, народной дипломатии и проектной деятельности.

### ***Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве России и Финляндии***

Стабильный интерес к участию в международных интеграционных процессах проявляют общественные организации, становясь, в терминах Джозефа С. Ная, проводниками «мягкой силы», то есть добиваясь целей с помощью привлекательности, а не подкупом и принуждением (Nye, 2004). Исследователи отмечают, что каждое государство применяет «мягкую силу» в соответствии со своими цен-

ностями: европейская модель акцентирует внимание на высоких социально-экономических показателях, американская стратегия подчеркивает привлекательность американского образа жизни, а китайский подход базируется на идеях коэволюции (соразвития), совместного построения гармоничного мира (Смирнова, Гудилина, 2015). В России в последние годы осознали важность «мягкой силы», эффект которой заметен в долгосрочной перспективе, и приступили к созданию институтов публичной дипломатии. Считается, что Российский совет по международным делам повторил во многом структуру Совета по международным отношениям (США), а Фонд «Русский мир» создавался с учётом опыта Британского совета и немецкого Института им. Гёте.

Современная общественная и публичная дипломатия осуществляются наряду с классической дипломатией государства, способствуя формированию благоприятного для страны общественного, политического и делового климата за рубежом. Ряд исследователей употребляют понятия публичной и общественной дипломатии как синонимы. Автор термина 1965 г. Эдмунд Галлион под публичной дипломатией подразумевал процесс, посредством которого субъекты международных отношений достигают внешнеполитических целей, оказывая воздействие на иностранную общественность. Другие исследователи, в частности российские и китайские, под общественной дипломатией понимают исключительно дипломатию неправительственных организаций, в то время как к агентам публичной дипломатии относят политиков, деятелей культуры, науки и образования и средства массовой информации (Шлапеко, 2017). Заметим, что СМИ, даже имея широкий охват аудитории, не создают той же меры доверия, что и личный человеческий контакт. Общественная дипломатия, в отличие от публичной, не подразумевает непосредственного государственного управления и представляет собой действия, инициированные и осуществляемые исключительно частными лицами (Мухаметов, 2014). Особая роль частных лиц и НКО во внешней политике состоит в том, что их отношения с зарубежными партнерами имеют тенденцию продолжаться независимо от межгосударственных отношений.

Однако объект и цели общественной и публичной дипломатии совпадают: объект – это международное общественное мнение, а цель – создание позитивного имиджа и налаживание долговременных добрососедских взаимоотношений.

Такие структуры, как Фонд «Русский мир», Россотрудничество, Российский совет по международным делам, телеканал «Russia Today», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М.Горчакова и другие созданы и финансируются государством. В частности, в «Концепции внешней политики РФ» отмечается, что необходимо «развивать, в том числе с использованием ресурса общественной дипломатии, международное культурное и гуманитарное сотрудничество как средство налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами» (Концепция, 2016). Названные организации, в свою очередь, оказывают информационно-консультационную и финансовую поддержку некоммерческим организациям при реализации последними социальных, культурных, образовательных, научных проектов в сфере международных отношений.

Общественная дипломатия имеет и региональное измерение. Различные геополитические потрясения, а также процессы миграции влияют на мировоззрение жителей приграничных регионов, усиливают значение институтов гражданского общества и актуальность общественной дипломатии в сохранении мира и безопасности.

Институты гражданского общества – это действительно огромный ресурс России: на сегодняшний день зарегистрировано более 100 тысяч общественных организаций, действуют 177 филиалов и представительств международных и иностранных НПО (Юсупова, 2015). В то же время, государства опасаются, что общественные организации могут стать агентами влияния, транслировать оппозиционные настроения, лоббировать интересы других стран, тем самым подрывая государственные основы. Принятие федерального закона «об иностранных агентах» в 2012 году в России привело к сокращению числа НКО на 33 % [Росстат, 2015], среди них те, которые получали зарубежное финансирование и вели политическую деятельность. Одной из таких организаций стал Совет министров северных стран, с 1997 года выделявший средства на совместные проекты НКО северных стран и Северо-Запада России. В мае 2015 года подписан закон о запрете деятельности иностранных или международных НКО, признанных нежелательными в силу угрозы основам конституционного строя, обороноспособности или безопасности страны. Филиалы и представительства международных организаций и иностранных НКО сократились с 240 в 2012 году до 177 в 2015 году (данные Росстат).

Согласно региональным приоритетам «Концепции внешней политики РФ» на первом месте находится сотрудничество с государствами-участниками СНГ и формирование Евразийского экономического союза, а затем следует партнерское взаимодействие в Евро-Атлантическом регионе (Концепция, 2016).

Европейское направление общественной дипломатии представлено большим числом НКО (Центральный и Северо-Западные федеральные округа лидируют по числу НКО (данные Росстат)) и широким спектром возможностей со стороны Европейского Союза (образовательные программы, партнерства «Северного измерения», программы приграничного сотрудничества и т. д.). Общественные организации представляют интересы разных слоев населения и работают в социокультурном пространстве по достижению социальных, благотворительных, культурных, образовательных, политических, научных и управленческих целей. Поэтому на Западе неправительственные структуры существуют за счет членских взносов, а не только на гранты от госдепартаментов. В России 15 % НКО живут только за счет членских взносов, остальные стараются диверсифицировать источники финансирования (Юсупова, 2015). Российские эксперты отмечают нехватку государственной поддержки НКО и бюрократические процедуры получения средств, так в среднегодовом бюджете российских НКО государственные вливания составляют менее 10 %, в то время как в западных странах финансирование НКО со стороны государства в среднем превышает 40 % (Зонова, 2012).

Несмотря на недостаток финансовых ресурсов, в распоряжении у НКО имеются информационные и человеческие ресурсы. Общественные организации широко используют как каналы личного общения, так интернет-СМИ для увеличения аудитории: блоги, страницы, социальные сети. В зависимости от уставных целей и задач они иницируют различные культурные, просветительские, спортивные и иные мероприятия, а также образовательные обмены. Трансграничные встречи приводят к возникновению сетей горизонтальных связей и контактов, вовлечению широкого круга участников, привлечению экспертного и академического сообщества.

В приграничных регионах значительную роль в поддержании стабильности в межэтнических отношениях играют общества дружбы и культурно-национальные автономии. Так, развитие побратимских связей и народной дипломатии обществ дружбы Республики Карелия с регионами Северной Европы заложило основу установлению двусторонних отношений на региональном уровне (Шлапек, 2013). Через культурно-просветительскую деятельность эти организации пропагандируют достижения своих национальных культур, сохраняют традиции и развивают народное творчество. Российские неправительственные организации также занимаются поддержкой соотечественников за рубежом, популяризацией русского языка и культуры за границей, проводят «Дни культуры» и научно-практические конференции, преодолевая существующие стереотипы и сближая народы. Таким образом, их деятельность носит пропагандистско-гуманитарный характер, способствуя повышению осведомленности о стране и привлечению людей в страну для туризма, учебы или бизнеса. Подготовленные в свое время в СССР иностранные кадры стали представителями научной, экономической и политической элиты в различных странах, во многом сформировав позитивный образ России за рубежом.

На пространстве Центральной Азии дополнительным ресурсом является языковой фактор, так как большая часть населения все еще владеет русским языком. Сотрудничеству приграничных территорий России и стран СНГ способствуют родственные отношениями и дружеские контакты людей. С созданием Евразийского экономического сообщества активное обсуждение общих целей развития подкрепляется исследованиями историков, экономистов, политологов в рамках специально созданных научных центров: Национальный комитет по исследованию БРИКС (РФ), Евразийский Клуб МГИМО, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Казахстан) и др. Однако, к сожалению, в настоящее время следует выделить низкую информированность населения о сути Евразийского союза, особенно в молодежной среде (Интеграционный барометр, 2015). В целях повышения общественной поддержки Евразийского союза общественные организации могли бы транслировать среди населения идеи евразийской интеграции, непосредственно активизировать общественный сектор в международных интеграционных процессах.

Помимо культуры и ценностей, общественные организации участвуют в международной коммуникации, продвигая актуальные темы через лидеров общественного мнения. По мнению П.А. Черномаз общественная дипломатия на границе Украины и России может быть использована для предот-

вращения или урегулирования конфликтов, поисков согласия и взаимоприемлемых решений (Черномаз, 2016). НКО способны выступать медиаторами, посредниками между государствами, государством и населением, различными группами населения. В связи с артикуляцией интересов существенной части общества, мнение лидеров общественных организаций признается авторитетным и учитывается властями и международными организациями при решении острых вопросов. НКО реализуют право законодательной инициативы, так национальная общественность Карелии инициировала разработку Закона Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в РК» (2003). Благодаря деятельности общественных организаций коренных народов Карелии, их представительству в различных международных и субрегиональных организациях, этнокультурное развитие коренных народов Карелии стало важной частью современной этнонациональной политики Республики Карелии (Шлапеко, 2017).

Установление деловых контактов, торгово-экономических отношений между отдельными предприятиями также становится задачей общественных организаций. Например, Шведско-Карельский информационный бизнес-центр, созданный по решению региональных властей Республики Карелия и губернии Вестерботтен (Швеция), на протяжении 7 лет осуществляет деятельность по поддержке малых и средних предприятий с использованием разнообразных средств, в том числе, участия в выставках, ярмарках, бизнес-семинарах и встречах, а также посредством реализации малых проектов.

Неправительственные организации могут выступать генераторами новых подходов во взаимоотношениях, так участие в проектной деятельности предоставляет НКО конкурентное преимущество и возможность продвигать местные инициативы, использовать зарубежный опыт и привлекать дополнительные источники финансирования. Помимо общероссийских фондов проектная деятельность НКО поддерживается в рамках программ приграничного сотрудничества ЕС и совместных программ действий с различными странами. В Республике Карелия, находящейся на границе с Финляндией, накоплен значительный опыт осуществления международных проектов и прослеживается тенденция увеличения роли гражданского общества в проектной деятельности (Шлапеко, 2013).

НКО участвуют в проектах в сфере «мягкой безопасности» – экологии, туризма, здравоохранения, развития сельской местности, охватывающих почти все категории граждан, в том числе социально незащищенные. Неслучайно, что именно на международной конференции по социально-ориентированным экологическим проблемам сопредельных территорий было положено начало сотрудничеству в рамках евразия-региона «Наш общий дом – Алтай» на стыке 4-х государств – России, Казахстана, Монголии и Китая. В частности, открытый китайский регионализм предполагает обеспечение международного и регионального окружения, благоприятного для дальнейшего мирного гармоничного развития и устойчивого роста КНР (Ярыгина, Кучинская, 2013). Определенные трудности в реализации китайско-российских гуманитарных связей создают цивилизационные различия, а также огромная разница в национальных типах поведения. Тем не менее, изменения на уровне восприятия и усвоения ценностей возможны путем привлечения внимания общественности и экспертного сообщества к обсуждению актуальных проблем сотрудничества.

### ***Направления и цели общественной дипломатии Северо-Запада России***

Несмотря на антироссийские санкции, европейское направление приграничного сотрудничества Российской Федерации сохраняет статус передового и прогрессивного во многом благодаря реализации проектов приграничного сотрудничества по программам Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП). В приграничных регионах Финляндии и России по программам «Юго-восточная Финляндия – Россия», «Коларктик» и «Карелия» за период 2007–2013 гг. было осуществлено 172 проекта (таблица 5.6). В них принимали участие НКО из Республики Карелия, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Мурманской и Архангельской областей, а также Ненецкого автономного округа. Собранные данные свидетельствуют о высокой активности НКО в международной деятельности, широком спектре компетенций и квалифицированности сотрудников. Так, международная коммуникация предполагает знание иностранных языков, осведомленность о специфике другой страны, умение налаживать контакт и договариваться. Направления приграничного сотрудничества, где участвуют НКО Северо-Запада, разнообразны, начиная от культурной среды и гражданского общества, заканчивая трансграничным бизнесом и устойчивым развитием (Шлапеко, 2017).

Таблица 5.6.

## Участие НКО Северо-западного федерального округа в проектной деятельности с Финляндией

Программы сотрудничества	Общее количество проектов	Кол-во проектов с участием НКО в качестве заявителей или партнеров	Бюджет млн евро	Общие направления программ	Функции НКО в проектах
«Юго-восточная Финляндия–Россия»	55	34	57,1	Экономическое развитие; Социальное развитие и гражданское общество.	консультации; организация и проведение мероприятий;
«Коларктик»	51	30	72,4	Экономическое и социальное развитие; Сотрудничество человек-человек и развитие самосознания/идентичности.	издательская деятельность; экспертиза; обучение.
«Карелия»	66	45	46,4	Развитие трансграничного бизнес сотрудничества; Привлекательная культурная среда; Чистый и комфортный для проживания регион.	

В ходе контент-анализа были проанализированы справки о совместных российско-финляндских проектах за период 2007–2013 гг., которые размещены на официальном портале программ приграничного сотрудничества (Проекты, 2016). Портал позволяет использовать различные критерии поиска проектов и ознакомиться с их кратким содержанием. Каждая справка представляет собой текст объемом до 2 000 знаков с информацией о ведущей организации, партнерах, сроках реализации, основных целях, мероприятиях и результатах проекта. Единицей анализа содержания проектов выступила тема, а единицей счета количество случаев упоминания. В качестве тем определены такие составляющие социокультурного пространства как культура, образование, экология и туризм, а также группы, с которыми работают НКО – общественность и молодежь (таблица 5.7). Важно отметить, что анализировались лишь проекты с участием общественных организаций.

Полученная информация позволяет сформировать общее представление о масштабах и приоритетах сотрудничества организаций российского Северо-Запада с партнерами из Финляндии.

Таблица 5.7.

## Статистические распределения тематик приграничного сотрудничества НКО по программам ЕИСП

Тема/Программа	Культура	Образование	Экология	Туризм	Общественность	Молодежь
«Юго-восточная Финляндия – Россия»	22	20	35	17	20	17
«Коларктик»	23	14	12	17	11	21
«Карелия»	22	44	28	24	31	24
Итого	67	78	75	58	62	62

Среди направлений общественной дипломатии преобладает образование (словосочетания со словами «дистанционное», «непрерывное», «дополнительное»), затем следуют экология («экологический тип мышления», «экологические риски», «экологический мониторинг»), культура («новые культурные маршруты», «сохранение культурного наследия»), а также развитие туризма («туристский потенциал», «туристские услуги»). Большая часть российско-финляндских проектов ориентирована на привлечение молодежи к международному сотрудничеству, их образовательное и профессиональное развитие и популяризацию гражданской активности среди молодежи.

Рассмотрим конкретные результаты нескольких проектов с участием НКО Северо-Запада. Например, проект развития этнокультурного туризма коренных народов Севера «НЕДА ОРДЫМ» объединил культурные ассоциации из Республики Коми, Ненецкого автономного округа и Саамского региона Финляндии для маркетинга новых туристских продуктов и обучения предпринимателей в сфере туризма. Общественная организация инвалидов «Надежда» Архангельской области инициировала проект по налаживанию сотрудничества между людьми с ограниченными возможностями в Баренцевом регионе для обеспечения равноправных условий доступа к образованию, культуре, профессиональной ориентации, рынку труда и спорту. Карельский проект «Развитие приграничной инфраструк-

туры биотоплива» АНО «Центр энергетической эффективности» был направлен на увеличение доли местных возобновляемых видов топлива в топливно-энергетическом балансе, тем самым способствовал улучшению экологической ситуации в приграничных районах.

В связи с активным участием некоммерческих организаций в проектах представляется возможным разделить их по направлениям международной деятельности:

- Социально-ориентированные НКО (например, Российская благотворительная организация «Детские деревни – SOS», Региональная общественная организация инвалидов «Надежда» и др.)
- Организации по поддержке малого и среднего бизнеса, бизнес ассоциации и объединения (например, АНО «Мурманское региональное агентство поддержки малого и среднего бизнеса», Российская гильдия собственников и девелоперов (Санкт-Петербург))
- НКО в сфере образования и культуры (например, Карельский фонд развития образования, Фонд развития творческих индустрий и культурного туризма, Ассоциация «Друзья Кинермы»)
- Организации по защите окружающей среды и устойчивому развитию (например, АНО «Центр энергетической эффективности», НП «Центр по проблемам Севера, Арктики и приграничного сотрудничества», Ассоциация центров по инжинирингу и автоматизации).

Анализируя цели проектов (Проекты, 2016), можно определить общность интересов общественных организаций: поиск дополнительных источников, популяризация российских достижений в той или иной области, помощь в налаживании сотрудничества, расширение зарубежных контактов и экспертного знания, укрепление материально-технической базы. Многие некоммерческие организации имеют положительную «проектную историю», что становится важным фактором при отборе проектов. НКО выступают учебными центрами для представителей различных профессиональных сообществ. В приграничном сотрудничестве с участием НКО преобладают молодежные и образовательные обмены и культурные события, затем проекты в социальной сфере, здравоохранении и туризме (Шлапеко, 2017).

Программы приграничного сотрудничества Россия – Финляндия обеспечивают возможность усиления взаимодействия между людьми и расширения общественных контактов на местном уровне. Такая деятельность направлена не только на создание сетей сотрудничества и прямых связей между отдельными социальными группами и неправительственными организациями, но и на развитие местного самоуправления, повышение взаимопонимания, доверия и осведомленности.

Уже сложившиеся контакты НКО и высокая концентрация проектов приводит к консолидации локальных сообществ вокруг проблем территории и может способствовать управленческим и мировоззренческим изменениям (Шлапеко, 2013). Так, особенностью проектов на Севере Европы стало их влияние на улучшение качества жизни, что заметно на примере международного сотрудничества в сфере образования, экологии, культуры и туризма. Усилиями самих организаций, расширяется диапазон целей, содержания и методов деятельности общественной дипломатии. Трансграничное сотрудничество НКО позволяет наладить позитивное взаимодействие между людьми, учреждениями, городами и регионами вне «большой политики» и политических противоречий. Подписанные в декабре 2016 года Европейской комиссией, Российской Федерацией и Республикой Финляндия соглашения о финансировании программ приграничного сотрудничества на новый период 2014-2020 гг. еще раз подтверждают высокое значение, которое придают государства развитию приграничного сотрудничества.

Социокультурное пространство приграничных территорий трансформируется с увеличением количества пересечений границы, контактов между людьми, совместных акций, а его структура становится разнообразной, открытой к взаимодействию и принятию нового (Шлапеко, 2017). Особое значение приобретает общественная дипломатия на приграничных территориях, где необходимо сохранять климат доверия, устойчивые межнациональные отношения и использовать соседство для сбалансированного социокультурного развития приграничных территорий.

### **5.3. КОММУНИКАЦИИ И КАНАЛЫ ИНФОРМАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА**

Приграничные территории и города одними из первых взаимодействуют и реагируют на происходящие изменения и вызовы, связанные с массовыми перемещениями людей и ростом культурного разнообразия. Геополитические потрясения влияют на восприятие действительности жителями приграничных регионов и ставят перед выбором культурного мира, к которому они хотят

принадлежать (Вендина О.И., 2016; Prokkola E.-K., Vainikka V., Kajan E., 2017). Современные процессы регионализации связаны не столько с экономическими и политическими интересами регионов, сколько с культурной самоидентификацией населения, сохранением их традиций. Миграционные потоки актуализируют вопросы социокультурных характеристик сообществ, привнося иную культурную и духовно-ценностную составляющую, способную изменить существующие социальные, культурные и психологические установки принимающего сообщества (Солодова Г.С., Гомзова В.В., 2013; Tartakovsky, Walsh, 2016; Пииппонен М., Вирккунен, 2017). Трансграничная мобильность, приграничные контакты и практики повседневного взаимодействия трансформируют социокультурное пространство приграничных городов и территорий в целом, одновременно становясь вызовами для их территориального развития (Käyhty, 1999; Gurova, O., Ratilainen, S. M., 2016; Шлапек Е.А., Степанова С.В., 2017). При этом в зависимости от структуры трансграничного потока и целей его участников характер взаимоотношения с приезжими часто определяется направленностью ожиданий принимающего сообщества.

Исследование коммуникации, факторов, влияющих на межличностное общение, политические и культурные коммуникации мигрантов еще недостаточно широко представлено.

В России развивается множество направлений исследования политической коммуникации (упомянем исследования Г.Г. Дилигенского, Е.Б. Шестопал, Л.Н. Тимофеевой, А.И. Соловьева, Е.Ю. Мелешкиной, Н.В. Анохиной, О.А. Малакановой, Д.В. Ольшанского и др.) (Дилигенский, 1994; Зимичев, 2010; Соловьев, 2002; Шестопал, 2002; Юрьев, Анисимова, Самуйлова, 2005).

Рассмотрим данные коммуникации на примере мигрантов в Финляндии.

Согласно Индексу интеграционной политики мигрантов (Migrant Integration Policy Index, 2014), ежегодно формируемому Центром международных отношений Барселоны (Barcelona Center for International Affairs, 2016) и Группой по миграционной политике (Migration Policy Group, 2015), Финляндия в течение последних нескольких лет занимает четвертое место в мире по привлекательности жизни для мигрантов после Швеции, Португалии и Канады. Данная общепризнанная методика, фиксирующая уровень интеграции мигрантов в принимающее общество, включает в себя следующие критерии оценки качества жизни мигрантов: включенность на рынке труда; образование; получение вида на жительство и гражданства; воссоединение с семьей; участие в политической жизни страны; антидискриминационная политика в отношении мигрантов. Расчет описываемого индекса позволяет оценить, насколько успешно в государстве соблюдаются права мигрантов, а также проанализировать интеграционную политику и разработать рекомендации по ее улучшению.

В исследовании анализируется один из шести критериев индекса интеграции мигрантов – их политическое участие в жизни общества сквозь призму политической коммуникации российских мигрантов в Финляндии.

В 2013 г. в Финляндии была принята Стратегия «Будущее миграции 2020», нацеленная на привлечение мигрантов. В Стратегии прописаны следующие пять базовых принципов миграционной политики Финляндии на период до 2020 г. (Future Strategy, 2013), включая принципы сохранения разнообразия, равенства и равных возможностей для всех, ориентации миграционной политики на рост благосостояния населения и повышение конкурентоспособности Финляндии, мотивацию мигрантов на использование своих компетенций в интересах будущего развития общества, контролируемость и прогнозируемость миграции.

С 1 января 2015 г. в стране вступил в силу Закон о недискриминации (Non-Discrimination Act, 2014), в соответствии с которым появился новый институт по защите прав мигрантов – омбудсман по ликвидации дискриминации (Non-Discrimination Ombudsman). В настоящее время в Финляндии работает уже три омбудсмана – по равенству (the Ombudsman for Equality), по меньшинствам (The Ombudsman for Minorities) и детский (the Ombudsman for Children). Так или иначе, работа этих трех институтов нацелена на регулирование миграционной политики в стране.

Миграционный кризис, охвативший в первую очередь приграничные территории Европейского Союза, представляется одним из современных вызовов развития малых приграничных городов. В этом смысле пример Финляндии показателен. В 2015–2016 гг. наблюдается значительное увеличение заявок на получение вида на жительство из стран Африки и Азии (Decisions, 2016). Мощный миграционный поток оказал существенное влияние на жизнь и быт местного населения, характеризующегося по отношению к приезжим совершенно иной культурой и ментальностью.

Материалом исследования послужили данные анкетирования и интервьюирования, проведенного авторами в августе-сентябре 2016 г. в г. Торнио по проекту «Barents movement», посвященного

проблематике мультикультурализма, миграции и глобализации. Проект реализован при финансовой поддержке Министерства образования и культуры Финляндии и Европейского культурного Фонда, а также при содействии Министерства культуры Республики Карелия. Исследование состояло из двух блоков: первый (с участием к.э.н. М.В. Дьяконовой) выявлял привлекательность города для жизни, работы и отдыха с позиции местного населения, второй – взаимодействие принимающего общества и мигрантов в городской среде.

Результаты социологического исследования «Торнио – город благоприятный для проживания, работы и туризма» (август 2016 г.)

Респондентами исследования выступили представители Администрации г. Торнио, финско-российского общества г. Торнио, университета прикладных наук Лапландии, колледжа Лаппиа и народного училища, сотрудники центральной библиотеки, музеев, различных магазинов, кафе, отелей и других организаций города (всего 73 респондента).

В возрастной структуре около 40 % приходится на возраст 31–45 лет, следующими группами (23 %) являются возрастные категории 19–30 лет и 46–60 лет. 71 % респондентов – женщины.

Одним из ключевых вопросов, позволяющих оценить привлекательность города для проживания, работы и туризма являлся вопрос о намерении изменить место жительства в ближайшей и дальней перспективе. Более половины жителей продемонстрировали желание остаться, работать и жить в г. Торнио, подтверждая привлекательность и комфортность города.

Торнио, основанный шведами как торговый город в 1621 г., в настоящее время является частью разделенной финско-шведской границей парой Хапаранда–Торнио (Хапаранда основана в 1821 г.). С 1960-х гг. между городами стало развиваться сотрудничество с совместного строительства бассейна, в 1987 г. по инициативе муниципалитетов было создано новое транснациональное образование (Provincia Bothniensis) и развитие городов стало осуществляться по единому плану. За последнее десятилетие в сотрудничестве были достигнуты значительные успехи (проект охраны окружающей среды, языковая школа, совместный центр досуга). Работа объединенного туристского центра способствует активному продвижению туристского потенциала дестинации Хапаранда–Торнио (HaparandaTornio, 2015). Вместе с тем существует и определенная специфика. Так, по границе Швеции и Финляндии проходит граница валюты (евро – шведские кроны) и часового пояса, что сказывается в работе совместного автовокзала и других организаций. Власти и бизнес подчеркивают уникальность местоположения: торговый центр «Rajalla» («на границе») на пл. Виктория (линия государственной границы), поле для гольфа с равным числом лунок на финской и шведской стороне.

Ответы респондентов подтверждают высокую ценность и иные положительные эффекты границы для жителей (рис. 5.11).



**Рисунок 5.11** Какое влияние оказывает приграничное положение города? (% от числа ответов, возможно несколько вариантов)

Ответы респондентов на открытый вопрос анкеты «Считаете ли Вы город Торнио благоприятным для проживания и почему?» выявляют высокую привлекательность и комфортность города для местных жителей. Так, практически все указали на благоприятность и комфортность проживания в г. Торнио (93,3 % респондентов). Затруднились ответить лишь 3 чел (4 %), отрицательный ответ представили 2 чел (2,7 %), обосновав суровыми климатическими условиями и малочисленностью. Положительные ответы группируются по следующим ключевым тезисам (% от числа ответов):

- маленький, красивый и уютный городок (фин. “rikku kaupunki”) – 45,3 %;
- спокойный и тихий город – 26,7 %;
- разнообразие различных видов деятельности – 25,3 %;
- приграничный город – 10,7 %;
- чистая природа – 9,35.

Также доминирующее число респондентов (более 80 %) указали комфортные условия для работы в г. Торнио. Вместе с тем в ряде ответов при положительных характеристиках города, звучал оттенок некоторого ограничения возможностей, обусловленный размерами города. Акцентировались устойчивые связи Торнио с Хапарандой, множество интересных организуемых городами совместных событий и хорошие возможности получения образования.

Результаты социологического исследования «Приезжие и принимающее сообщество: восприятие и взаимодействие» (сентябрь 2016 г.)

В 2015 г. Торнио стал крупным центром по приему беженцев на севере Европы, открыт первый в Европе центр для организации приема и размещения просителей убежища (Центр). При общей численности населения города 22,3 тыс. чел., осенью 2015 г. более 10 тыс. просителей убежища пересекли финско-шведскую границу и оказались в г. Торнио (Hotspot, 2015). На сентябрь 2016 г. в Торнио оставалось 289 просителей убежища и 32 мигранта, проживающих в Финляндии более 4 лет. Большинство беженцев – мужчины 30–40 лет. Во избежание конфликтов в Центре просители убежища расселены по этническому принципу. Несмотря на свободу перемещения по городу, они не имеют права работать, их дети не посещают дошкольные и школьные учреждения; пересечение финско-шведской границы также запрещено. Центр находится в полчасе ходьбы от центра города, где расположено самое посещаемое место среди просителей убежища – торговый центр «Rajalla» – место встречи и общения с представителями своей этнической группы.

В результате проведенного блиц-опроса жителей г. Торнио по отношению к приезжим и изменению городской среды (89 респондентов, из которых 62 % женщины и 28 % мужчины) выявлено, что женщины относятся более положительно к приезжим, нежели мужчины. Во многом это может быть обусловлено тем, что женщины (38 % от числа опрошенных) чаще, чем мужчины (20 %), общались с просителями убежища и даже подружились (17 %). Среди респондентов было четыре добровольца из Красного Креста. Мощный миграционный поток из стран Африки и Азии привнес изменения в среду города, что подтверждается ответами респондентов. Респонденты отмечают появление новых культур (21 %), шума на улицах (11 %) и арабской речи (6 %). Финские коммуникативные практики не подразумевают близкого контакта с незнакомцами, поэтому ихстораживают коллективные действия приезжих, выражающиеся в громкой, эмоциональной речи, сборах группами в общественных местах.

Положительные эмоции местных жителей отмечены при упоминании недавно открытых этнических магазинов (3 %) и летнего Фестиваля восточной кухни (2 %), организаторами которого выступили просительницы убежища из Ирака. Фестиваль прошел на открытой площадке в Центре и вызвал большой интерес со стороны местных жителей.

В рамках включенного наблюдения выявлена приверженность к сохранению традиций при приготовлении пищи, во внешнем виде и в музыкальных предпочтениях. Высокая социальная сплоченность, характерная для этнических групп мигрантов, способствует формированию системы неформальных отношений, через которые устанавливаются социальные коммуникации с окружающей городской средой (Андронов И.С., 2014). В результате часто образуются сегменты рынка профессий и услуг, тесно связанные с определенными этническими группами. Так, владельцы пиццерий г. Торнио выходцы из Турции, открылись магазин с арабскими товарами, в основном продуктами питания (рис, кофе, чай, приправы и восточные сладости). При этом интерес к этим заведениям проявляют не только приезжие, но и местные жители.

Как правило, жители демонстрируют нейтральное или позитивное отношение к просителям убежища. Однако у нескольких мужчин встречалась и крайне отрицательная реакция, подчеркивалось, что они избегают общения с приезжими. Две женщины вспомнили о конфликтах с просителями убежища,

причинами которых стали кража и ссора на детской площадке. Другие высказали замечания о том, что беженцы – бремя для финского общества, поскольку они получают большие социальные пособия, которые по праву «принадлежат налогоплательщикам, гражданам страны». Местные жители демонстрировали негативную реакцию в тех случаях, когда поведение приезжих входило в противоречие с нормами и правилами поведения принимающего сообщества.

Большинство респондентов (79 %) готовы помочь просителям убежища. Согласно ответам жителей г. Торнио, они помогали товарами для дома (21 %), советами (18 %) и даже деньгами (9 %). Ответ «помощь советами» свидетельствует о том, что довольно много жителей готовы к общению с приезжими. Однако 21 % жителей не хотят оказывать помощь, аргументируя, что «правительство уже итак помогает» или «это долг муниципалитета поддерживать их».

Один из самых важных вопросов был посвящен равным правам приезжих и граждан. Большинство респондентов (78 %) считают, что приезжие должны иметь равные права с гражданами, но при этом соблюдать правила и порядки принимающего сообщества. Более половины респондентов указали на необходимость изучения языка (72 %), принятие культуры принимающего сообщества (60 %), а также необходимость работы (38 %), требование соблюдения законов Финляндии (13 %) и уплаты налогов (11 %). Вместе с тем определенная доля мужчин (13 %) высказалась о необходимости возвращения мигрантов в их родные страны.

Резюмируя результаты проведенного исследования, следует указать, что жители г. Торнио, несмотря на испытываемый дискомфорт от пребывания просителей убежища и изменения в городской среде, в большинстве своем, открыты к общению и помощи приезжим. В то же время, усиливается фрагментация общества, так как мигранты стремятся сохранить ценности и нормы собственной традиционной культуры. Межкультуральная разница проявляется в базовых ценностях: для европейцев характерны гуманизм, справедливость, индивидуализм, уважение прав меньшинств, для переселенцев – традиционализм и коллективизм.

### ***Коммуникации в русской диаспоре в Финляндии***

В то же время, большую по численности диаспору в Финляндии составляют российские мигранты. Это имеет значение в смысле установления коммуникаций и настраивания инструментов общественной дипломатии для трансляции русского культурного кода.

До 2010 г. мигранты из России, согласно данным Международного миграционного обзора за 2013 г. (International Migration Outlook, 2013), представляли собой наиболее крупную миграционную группу (29 500 чел.). В настоящее время ситуация изменилась. Мигранты из России (29 800 чел.) – теперь вторая по численности группа мигрантов после выходцев из Эстонии (38 000 чел.). Таким образом, в настоящее время две многочисленные миграционные группы в Финляндии представлены в следующем соотношении: 49 % эстонцев и 39 % русских. Это свидетельствует о том, что за последние пять лет (2010–2015) поток миграции из России в Финляндию фактически иссяк. В течение долго периода с начала 1990-х годов и до 2010 г. основными составляющими активной трудовой миграции в Финляндию были: реэмигранты (ингерманландские финны), межнациональные браки, беженцы (Kyhä, 2011). Однако в настоящее время миграционная политика Финляндии качественно меняется – внешние потоки миграции из России сокращаются высокими темпами. Одной из базовых причин этого является полное прекращение с 1 июля 2011 г. по решению правительства Финляндии репатриации ингерманландских финнов из России (Веб-сайт посольства Финляндии, 2010).

В настоящее время русская диаспора в Финляндии мало изучена, включая особенности их политической коммуникации. Изучение характеристик ее политического участия может представлять интерес с точки зрения регулирования миграционной политики в контексте понимания последствий при изменении объема миграционных квот.

Выявление основных факторов, влияющих на обсуждение политических тем в межличностном общении российских мигрантов в Финляндии, является целью настоящего исследования и актуально, поскольку численность российских мигрантов в Финляндии обуславливает определенный потенциал их влияния на политический процесс. Здесь в первую очередь имеется в виду их право голосовать на муниципальных выборах. Согласно финскому закону об избирательном праве (Election Act, 2004), принимать участие в муниципальных выборах имеет право гражданин любого государства. Двумя дополнительными условиями являются проживание в коммуне, в которой проходит голосование (минимум 51 день до дня выборов) и проживание в Финляндии непрерывно в течение минимум двух лет.

### **Исследования проводились с помощью социологического измерения – методом опросов.**

Опросы мигрантов позволяют выявить структурные изменения в обществе, оценить причины данных изменений, дополнить и детализировать получаемые статистические данные из открытых источников информации. Так, в частности, в Финляндии персональные данные о мигрантах (возраст, пол, страна происхождения, страна эмиграции, религия, наличие брака, дата въезда в страну и т. п.), получаемые из различных источников, аккумулируются в Информационной Системе «Население» (*Population Information System*) Центра Регистрации Населения (*Population Register Center*) при Статистическом Агентстве Финляндии (Statistics Finland, 2014). Информация по мигрантам стекается в ИС из церковных приходов различных конфессий, больниц, миграционной службы. Для получения работы или медицинской помощи мигранту необходима идентификационная карта, получить которую можно только пройдя процедуру обязательной регистрации в ИС. Ежегодно сотрудниками, обслуживающими ИС «Население», проводится выборка по мигрантам и проверяется их адрес проживания. В 2014 г. у 99 % мигрантов адрес оставался прежним (Statistics Finland, 2014). Каждый месяц ИС формирует окончательные отчеты по изменениям за месяц – *Population Statistics Service*. В конце каждого квартала ИС предоставляет предварительную статистику по изменениям в населении за год (*Quarterly Population Statistics*). Публикуется статистика по мигрантам ежегодно: в электронном виде в мае и в бумажном – в июне (*Population Structure and Vital Statistics by Municipality*).

Опросы мигрантов позволяют дополнить систему сбора информации из открытых источников и могут служить дополнительным источником детализированной информации о положении мигрантов, о специфических настроениях в их среде, об их проблемах, их запросах, источниках получаемой ими информации и пр. Такие опросы выступают важным аспектом анализа миграционной политики в странах ОЭСР, где на регулярной основе проводятся опросы мигрантов на предмет доступа информации, условий жизни, политических предпочтений (European Social Survey, 2014). Изучение мирового опыта показывает, что проведение анкетирования мигрантов – это важный этап прогноза структурных изменений в обществе.

Проведенное исследование особенностей политической коммуникации российских мигрантов в Финляндии является качественным, позволяющим разработать и подготовить базу для дальнейшего, более глубокого исследования. Его целью стало выявление основных тенденций отношения этой категории лиц к политике. Авторами была разработана анкета, включающая 30 вопросов, разбитых на пять основных блоков: об источниках политической информации, о характере политического общения, об использовании информационных интернет-ресурсов, о политическом участии и о социальном статусе опрашиваемых. Вспомогательными стали вопросы, касающиеся мировых новостей, деятельности национального правительства, экономических новостей, общественных событий, содержания редакционных колонок и местных новостей. В опросник была включена также информация, позволяющая идентифицировать мигранта.

В исследовании приняли участие 22 респондента. Ограниченность выборки обуславливает качественный характер результатов исследования и позволяет использовать результаты опроса лишь в качестве ориентиров для дальнейшего изучения и получения количественных данных на более представительной выборке.

Набор интервьюеров осуществлялся при помощи метода «снежный ком». В выборку попали респонденты, живущие в Финляндии более трех лет, достигшие совершеннолетия, национальность которых по самоопределению – русские. Различия по возрасту, уровню образования и доходу респондентов не фиксировались.

В ходе интервью были выявлены некоторые дополнительные характеристики выборки. Так, десять респондентов не проявляли интереса к политике («равнодушные» респонденты). Десять других («активные» респонденты), напротив, постоянно использовали четыре канала политической коммуникации – СМИ, Интернет, телевидение и возможности общения в малых группах (семья, рабочий коллектив). Двое респондентов были настроены отрицательно к политике («негативные» респонденты), явно выражая интерес лишь к проблемам близких им людей и не видя смысла тратить свое время на политику. Из 22 интервьюеров троим респондентам удалось принять участие в голосовании на муниципальных выборах.

Различия респондентов, послужившие основой их отбора и группировки, варьировались от активной позиции, проявляющейся в ответах типа «стараясь следить за всеми новостями», «быть в курсе», до принципиального неучастия в выборах, в подписании / инициировании петиций, «потому что не поможет». Немногочисленную промежуточную позицию занимали те, кто не проявлял

интереса к новостям, но считал необходимым участвовать в выборах («конечно, обязательно, это же моя обязанность, я должна проголосовать, а дальше как сложится» или «надо же что-то делать, если все время молчать, вот такое и будет происходить»).

Систематизация результатов, полученных в ходе интервью, позволила сформировать три группы респондентов: «активных», «равнодушных» и «негативно настроенных», что в итоге облегчало анализ полученных данных и формулирование выводов исследования.

«Активный» респондент обращается к различным источникам информации, критически анализирует их, сравнивает события, интересуется политической жизнью различных стран (прежде всего стран своего рождения и актуального проживания), международной политикой.

Респонденты с высоким интересом к политическим событиям, могут быть условно разделены на две группы:

- 1) активно участвующие в обсуждении политики;
- 2) активно собирающие политическую информацию, но предпочитающие ее не обсуждать (такие респонденты считают полученные знания вкладом в личное развитие).

Была выявлена интересная закономерность: стремление к сравнению различных источников информации у активных респондентов существенно коррелирует с уровнем образования.

«Равнодушного» респондента можно охарактеризовать как индивида, который может при случае посмотреть новости, однако, не станет самостоятельно искать информацию на политические темы. Такие респонденты слушают дискуссии на тему политики и даже могут в них немного поучаствовать, но вряд ли сами заведут разговор на эту тему. Политика для них – это «параллельный мир», с которым они никогда не стремятся пересекаться, однако всегда следят за его изменениями.

«Негативно настроенного» респондента политические высказывания приводят к негативным эмоциям, и в целом у этих людей отмечается скептическое отношение к политике. Они стремятся не участвовать в ее обсуждении и стараются избегать такого рода дискуссий.

### **Каналы получения мигрантами политической информации**

В целом в арсенале российских мигрантов в Финляндии существует широкий спектр каналов получения информации. Но для некоторых респондентов незнание финского языка или низкий уровень владения им являются барьером к доступу к новостям из финноязычных СМИ. Несмотря на это считается, что наиболее благоприятные условия для мигрантов созданы именно в Финляндии, где активно ведется работа по интеграции мигрантов, в том числе русскоязычных. Подтверждением тому является широкий спектр финских новостных источников на русском языке, например, новостные интернет-ресурсы YLE и «Спектр», информационные порталы *Russian.fi*, «Фонтанка.fi», «Русская Финляндия», новостное радио на русском языке «Спутник».

Разнообразие источников, из которых респонденты получали информацию о политических событиях, сводится к следующим основным четырем каналам:

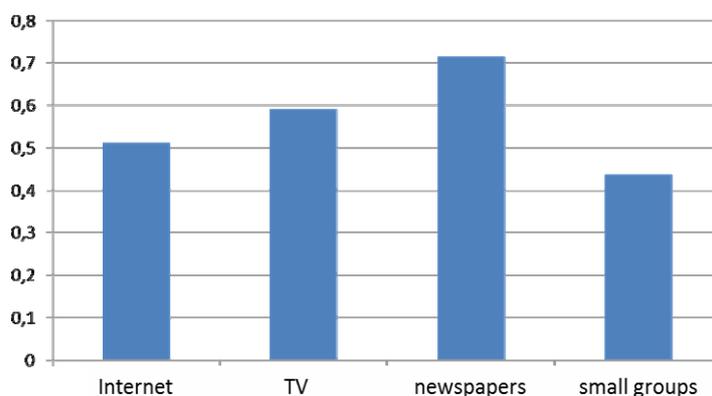
1. Газеты (печатные и электронные):
  - российские газеты: «Новая газета», «Аргументы и факты», «Сноб»;
  - финская ежедневная газета *Aamulehti* (вторая по популярности газета Финляндии после *Helsingin Sanomat* и *Turun Sanomat*);
  - русскоязычные финские ресурсы «Спектр» и YLE.
2. Телевидение – респонденты отдавали предпочтение просмотру таких российских каналов, как ОРТ, НТВ, РТР, ТНТ, 5 канал, канал «Спас». В частности, респонденты отмечали, что просматривают такие политические передачи как «К барьеру» на канале РТР и «Пятерка по экономике» на канале «Спас».
3. Интернет-источники, которыми пользовались респонденты с тем, чтобы узнать политические новости – *Newsru.com*, *Yandex.ru*, *Euronews*, *Facebook*, *Vkontakte*, *Odnoklassniki*.
4. Малые группы – еще один популярный способ политической коммуникации респондентов с участием коллег по работе и членов семьи.

По результатам проведенного анализа полученных интервью можно сделать следующий вывод. Газеты (и в электронном, и в печатном виде) используются как активными, так и нейтральными респондентами. Существует исследование, согласно которому чтение газет, так же как и участие в дискуссиях, мотивирует к участию в политической деятельности (Sotirovic, McLeod 2001, с. 287). В то же время ему препятствует просмотр развлекательных телевизионных передач. Результаты проведенного нами исследования позволяют взглянуть на ситуацию несколько иначе: люди

с более высоким интересом к политическим событиям предпочитают читать газеты и аналитические статьи, но отказываются от какой-либо политической активности. Те же, кто предпочитает телевизионные программы газетам, стараются участвовать в выборах.

Интересные результаты получены при исследовании влияния различных каналов получения информации на интенсивность политической коммуникации респондентов. В качестве показателя, характеризующего ее, использовалась частота обращения к различным информационным источникам (число дней в году, когда просматривались новостные источники, по отношению к общему числу дней в году). Так, за максимум было принято ежедневное обращение «1», за минимум принято значение «несколько раз в год», не превышающее «0,03».

Наивысшая интенсивность политической коммуникации российских мигрантов в Финляндии обнаружена при обращении к такому источнику как газеты (0,72), на втором месте по интенсивности – телевидение (0,59), далее – интернет-ресурсы (0,51) и малые группы (0,44). Чтение газет как наиболее интенсивный канал политической коммуникации мигрантов можно, отчасти, объяснить преимущественным положением финских газет в Финляндии, если речь идет о публикации детальных сведений о жизни коммуны / города. Телевидение и Интернет им уступают (рис. 5.12).



**Рисунок 5.12 Интенсивность политической коммуникации российских мигрантов в Финляндии по информационным каналам**

Роль малых групп в политической коммуникации мигрантов обычно интерпретируется согласно исследованию Д. Мутц и Дж. Мондака, пришедших к выводу о том, что наиболее вероятное место обсуждения политики – место работы (Mutz, Mondak 2006). Однако полученные в ходе интервью данные свидетельствуют о том, что для российских мигрантов в Финляндии данный вариант не вполне актуален, поскольку имеет некоторые ограничения. На рабочих местах как в смешанных коллективах (российские и финские коллеги), так и в коллективах, где работают только выходцы из России, действительно время от времени возникают обсуждения на политические темы. Среди коллег обсуждаются события не только в России и Финляндии, но и на международной арене, однако в компаниях с международным составом политическую тематику, как правило, стараются обходить стороной. Впрочем, это не является абсолютным правилом и при наличии доверительных отношений между коллегами вполне возможен обмен мнениями. Тем не менее, в кругу семьи вероятность обсуждения событий и их зачастую противоречивых интерпретаций более высока, поскольку здесь выше уровень доверия.

### ***Социальное включение мигрантов в общество***

В ходе интервью была выявлена зависимость между уровнем интеграции в принимающее общество и выбором объекта интереса среди событий в российском или финском обществе. К примеру, более молодые мигранты (студенты, недавно вышедшие на работу молодые люди), которые выросли в Финляндии и свободно владеют финским языком, обладают более высокой степенью социального включения, что позволяет им с большей легкостью понимать происходящее на политической арене.

Мигрантам, переехавшим в страну в старшем возрасте часто не хватает знания языка, опыта социализации в новом обществе (нет работы, нового образования). Они предпочитают концентрироваться на российских политических событиях, получая информацию преимущественно из российских СМИ. Однако это не строгое правило. В Финляндии проживают российские мигранты,

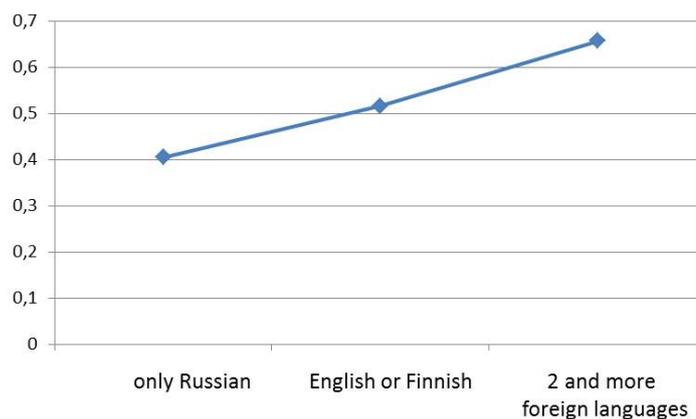
которые активны и в предпенсионном, и в пенсионном возрасте. Они продолжают знакомиться с принимающим обществом и держаться в курсе основных его событий. Для некоторых из них новостная газета «Аамулеhti» (*Aamulehti*) является основным источником информации, и они читают ее, даже если приходится постоянно пользоваться словарем.

Результаты проведенного исследования подтвердили выявленную ранее зависимость между уровнем образования и широтой политических интересов (см. напр., Hillygus 2005; Price, Zaller 1993) и показали, что мигранты с высшим образованием в целом стремятся быть в курсе более широкого спектра политических тем. Они используют для этого многочисленные источники информации, включая аналитические программы и журналы. Эти респонденты относятся к новостям критически, сопоставляя различные точки зрения.

При этом «активные» респонденты с высшим образованием чаще упоминают об анализе информации из различных (даже разноязычных) источников («Я сравниваю информацию из различных источников, в частности, финские источники – YLE, российские новостные каналы в интернете, английские источники, потом могу по скайпу у друзей спросить, как там оно на самом деле»). Анализ широкого спектра новостей дает более четкое представление о ситуации в политическом мире и может обеспечить более прочную основу для политической коммуникации и впоследствии политического участия.

Подтверждено и то, что социальное включение мигрантов в принимающее общество сильно зависит от знания языка. Для этого был проведен специальный причинно-следственный анализ влияния социальной включенности на интенсивность политической коммуникации. В качестве показателя, характеризующего социальную включенность российских мигрантов, использовался фактор дополнительного знания иностранных языков, в том числе финского и английского. Итоговым показателем, характеризующим интенсивность политической коммуникации, стала частота взаимодействия с источниками информации (обращение к интернет-источникам, чтение газет, просмотр ТВ, обсуждение в малых группах и т. п.)

В качестве минимального значения фактора социальной включенности было принято знание только русского языка. Средний уровень предполагал знание одного иностранного языка (финского или английского). Максимальным считалось владение двумя или более иностранными языками. Результат анализа показал, что интенсивность политической коммуникации мигрантов систематически возрастает с ростом уровня знания иностранных языков. Для первой категории лиц этот показатель оказался равным 0,41, для второй – 0,51, для третьей – 0,66 (рис. 5.13). Иными словами, интенсивность политической коммуникации мигрантов тем выше, чем больше иностранных языков знает и, соответственно, больше возможностей знакомиться с широким спектром разноязычных новостей имеет мигрант.



**Рисунок 5.13 Интенсивность политической коммуникации российских мигрантов в Финляндии в зависимости от знания иностранного языка**

Полученные результаты подтверждают вывод, сделанный ранее Сотировичем и МакЛеодом: «Образование дает знания и навыки, чтобы работать с информацией, и, следовательно, повышает доступ к политическому процессу, по крайней мере, делает участие более вероятным» (Sotirovic, McLeod, 2001). Действительно, как и подтвердило наше исследование, мигранты с высшим образованием и со знанием иностранных языков в целом стремятся к ознакомлению с более широким спектром политических тем, а также анализируют события более критически.

Таким образом, резюмируя результаты проведенных исследований коммуникаций российских мигрантов в Финляндии, получены следующие характеристики политической коммуникации мигрантов:

- среди опрошенных мигрантов преобладают «активный» и «равнодушный» типы политической коммуникации; число негативно относящихся к политике невелико;
- установлена связь между уровнем образования и количеством, а также качеством СМИ, которыми пользовались респонденты; например, к аналитическим журналам обращались только мигранты с высшим образованием;
- найдена положительная корреляция между количеством иностранных языков, которыми владеет мигрант, и интенсивностью его политической коммуникации;
- выявлено, что в качестве источников политической информации интернет использует 64 % мигрантов, телевидение – 45 %, газеты – 27 %; малые группы – 18 %;
- произведена количественная оценка влияния различных каналов получения информации на интенсивность политической коммуникации российских мигрантов в Финляндии;
- уточнена роль малых групп в политической коммуникации мигрантов: на рабочем месте и, в особенности, в компаниях с международным коллективом политическая тематика остается в стороне в силу проявления толерантности; напротив, в кругу семьи обсуждения политической ситуации происходят довольно часто.

Изучение особенностей политической коммуникации мигрантов могут представлять интерес с точки зрения регулирования миграционной политики в контексте понимания последствий при изменении объема миграционных квот. Полученные данные помогают также прогнозировать структурные сдвиги в обществе, оценивать уровень радикализации, создают базу для принятия своевременных управленческих решений. Также понимание коммуникаций позволяет правильно настраивать инструменты общественной дипломатии для трансляции русского культурного кода.

#### **5.4 ГРАНИЦА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА**

Важнейшим ресурсом является языковой фактор. Большая часть населения постсоветского пространства владеет русским языком. Это имеет большое значение для государств-партнёров по ЕАЭС в целях формирования позитивного образа России и евразийской идентичности, а также продвижения идеи «евразийства» на постсоветском пространстве. В конечном счете, русский язык позволит России стать не только региональным, но и глобальным альтернативным центром принятий решений.

Граница – не простая линия на карте. Это передний фронт столкновения культурных кодов, цивилизационных конфликтов. Сегодняшнее конфликтное стояние России и Запада обусловлено столкновением цивилизаций «моря» и «суши». Обострение конфликта Запада и России было неизбежно – поскольку слишком разные цивилизации с разными культурными кодами. Поэтому можно говорить, что разделение идентичностей и есть суть и основной смысл современной границы.

Граница обозначает индикаторы взаимодействий в условиях вызовов, воспринимаемых в контексте понятий *времени* и *пространства*. В этом смысле *география* (как фактор) имеет большое значение. Инструментом освоения и присвоения властью пространства выступают географические образы – устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности. В соответствии с вызовами эти образы изменяются и, как следствие, изменяются идейные основания и выстраиваются соответствующие механизмы государственного управления. Важнейшим инструментом управления являются коммуникационные технологии. Они сделали проникновение и давление вызовов более стремительным и синхронизированным по разным территориям. Типичным примером данного явления является т.н. арабская весна.

История и география территорий (попавших в зону арабской весны) – разная. Если даже возникновение вызова синхронизировано и форма его давления выглядит в принципе одинаково (как раз из-за коммуникационных технологий, того же Интернета, но главным образом из-за важнейшей геополитической причины – необходимости перенаправления финансовых ресурсов из данного региона в США), то развитие кризисной ситуации – разная. Даже если речь идет о сопредельных территориях, разделенных границами, то давление вызова в силу коммуникационных технологий действует одновременно, однако реакция на вызов – разная. Она определяется культурным кодом и идентичностью, институциональной и социальной укоренённостями и т. д. При этом одни субъекты могут воспользоваться вызовом как возможностью для усиления геополитического потенциала территории, в то же время другие могут проспать и ослабить серьезно свой геополитический потенциал. По крайней мере,

США добились тактического успеха: ослабили конкурентные финансовые центры (например, Лондон – вот для чего нужны были теракты, являющиеся следствиями арабской весны!) и направили основные инвестиции к себе, как к самому безопасному месту для инвесторов.

В процессе национального и государственного строительства и в результате национальных конфликтов определяются и переопределяются границы, как административные так и идентичностные, формируются новые приграничные зоны и переформируются отношения между соседями. В экономическом обзоре Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выделила четыре основных фактора, которые являются критичными для развития трансграничного сотрудничества (OECD, 2009):

- 1) культура сотрудничества (готовность кооперации, реальные возможности и ограничения сотрудничества, стандарты взаимодействия);
- 2) юридическая база (качество и полнота институтов для защиты своих интересов и продвижения кодов вовне);
- 3) финансовая основа (перераспределение финансовых потоков);
- 4) распределение полномочий между участниками (субъектность, меры и зоны ответственности).

На первое место ОЭСР поставила задачу кооперации, которая напрямую зависит от стратегических интересов территории и государства.

На основании результатов проведенных исследований (Колесников, Толстогузов, 2016; Толстогузов, 2016б) изменим систематизацию факторов (которые являются критичными для развития приграничных регионов и приграничного и трансграничного сотрудничества) с целью определения контура стратегии приграничной территории. Таким образом получили следующий стратегический контур, очерчивающий круг проблем, требующих глубокого стратегического анализа и детальной проработки механизмов их решения:

- 1) трансформация экономического пространства, регионализация;
- 2) порядок хозяйствования (и соответствующая финансовая основа);
- 3) институциональные и социальные укорененности и институциональный инжиниринг, ведущие к оппортунизму или сотрудничеству;
- 4) идентичность (и соответствующая культура сотрудничества).

В этой связи необходимо не только соответствующее институциональное строительство, а также эффективное применение инструментария мягкой силы. Последнее имеет значение не только по причине стабильного развития социокультурного пространства, но и по причине увеличения антропогенных мобилей (перемещения людей), которые сегодня все больше проявляют свойство инструмента геополитики и в этой связи становятся в отношении приграничных территорий важнейшим фактором, влияющим и на экономику, и на социальную сферу. Поэтому начальным пунктом стратегических исследований современных границ, на наш взгляд, должно быть изучение возникновения и эволюции территориальных идентичностей. До сих пор при стратегировании развития территорий к ним подходят как к производственному цеху, в котором трудится абстрактная рабочая сила. В то же время общество – это сложный организм, поддающийся (а зачастую и не поддающийся) измерениям.

В новой парадигме приграничные регионы представляются форпостом национальной идентичности и плацдармом для трансляции культурных кодов во вне (в пекло конкуренции культурных кодов) в целях формирования и удержания не только географического контура русского мира, но и его пространственно-временного континуума как целостной системы. В таком случае глубина стратегических решений определяется масштабом оценки последствий действия «географии» и необходимой проработанностью механизмов управления экономическим пространством, формируемым на платформе идентичности в контексте национальной безопасности и эффективного использования *геополитического потенциала* территории, формируемого в конкретном экономическом пространстве на платформе российской и региональной идентичности в контексте национальной безопасности страны.

Определим **геополитический потенциал** как способность территории адекватно отвечать на глобальные вызовы, нивелируя системные риски и не теряя устойчивости развития (что возможно сделать лишь на базе идентичности при правильном использовании институциональных и социальных укорененностей), также как способность устанавливать и поддерживать взаимовыгодные экономические, культурные и прочие связи с сопредельными территориями и синхронно и сопряжено (с другими игроками) встраиваться в формируемые геополитические проекты, в региональные форматы с достаточной глубиной стратегических решений региональной элиты. При этом в качестве важнейших аспектов геополитического потенциала выделим следующие:

- *геополитические* (подчеркивают роль в геополитическом проекте России, в регионализации и интеграции России, контроль лимитрофа);
- *геоэкономические* (отражают сопряжение результатов традиционного (советского с некоторыми новациями, связанными с открытием границы) размещения производительных сил с новыми торговыми путями и жесткими требованиями мировой экономики, сдвигами в экономическом пространстве);
- *социокультурные* (показывают, как с помощью социальных институтов происходит закрепление найденных способов решения конфликтов и соответствующих механизмов мягкой силы и иных социальных технологий кооперации для формирования социокультурного пространства).

Геополитический потенциал приграничных регионов определяет, имеют ли они сильный или слабый иммунитет к проникновению иных идеологических и культурных кодов (рис. 5.14). При этом одни субъекты могут воспользоваться вызовом как возможностью для усиления геополитического потенциала территории, в то же время другие могут проспать и ослабить серьезно свой геополитический потенциал.

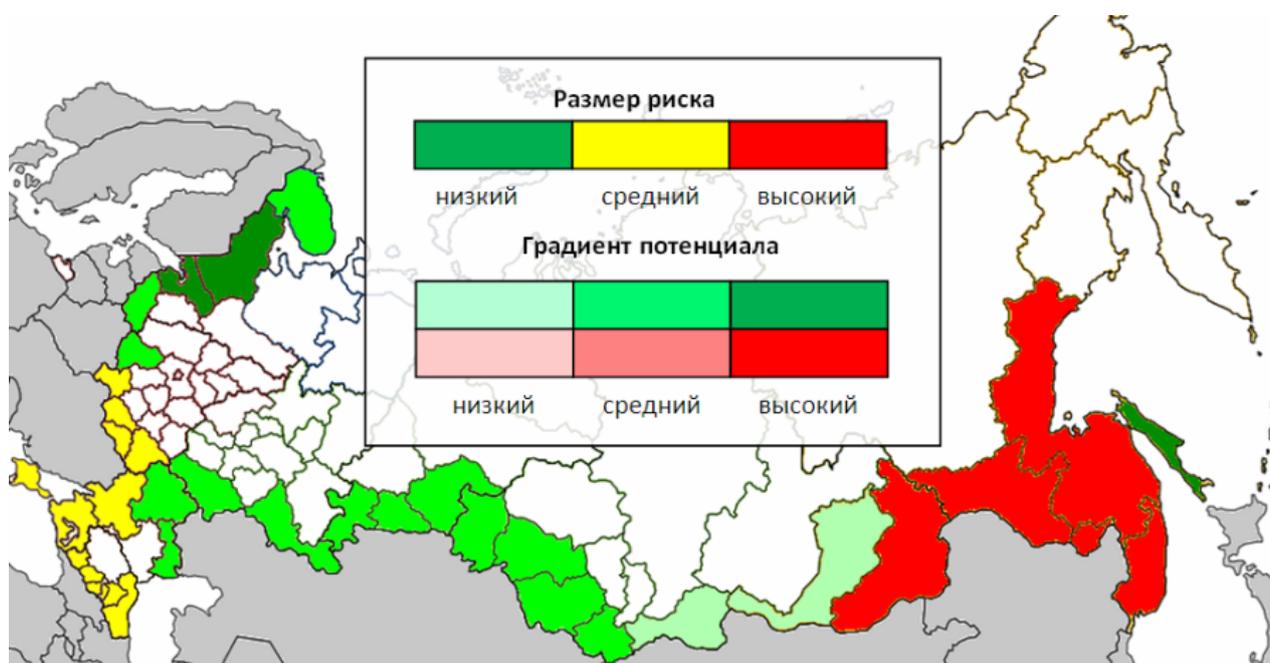


Рисунок 5.14 Геополитический потенциал приграничного пояса России

Источник – составлено автором

Сильный приграничный регион – это сильный форпост и плацдарм в противостоянии цивилизаций. Это неперемное условие с точки зрения национальной безопасности и маркер силы или слабости платформы, на которой формируются идентичности региона (субэтнуса) и нации (этнуса). Приграничные регионы становятся не просто институционализированными (включая согласование институтов сопредельных территорий) в определенном контексте национальной безопасности, но и будучи достаточно глубоко интегрированным в глобальные конструкции, формируемые на основе «расширения» контактной функции границы, выполняют важнейшую геополитическую роль России – поддерживая пространственные (географические) образы и культурные коды «русского мира». В этом смысле и надо понимать введенное понятие – «приграничный пояс России». Поскольку, стратегия развития территории имеет географическое измерение, то в новых геополитических условиях к приграничному поясу России надо подходить как к единому стратегическому объекту, находящемуся под постоянным геополитическим воздействием, выполняющим геополитическую роль зоны контроля лимитрофа и форпоста в реализации российских геополитических проектов, а также пояса защиты своих (российских и региональных) интересов.

## 6. ПРИГРАНИЧНЫЙ ПОЯС РОССИИ: СТРАТЕГИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

### 6.1 СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

#### *Обеспечение национальной безопасности*

В условиях геополитической нестабильности и трансформации производственно-хозяйственных связей на первый план выходит требование к достижению национальной и, в частности, экономической безопасности регионов страны. Обеспечение достойного качества жизни и недопущение сепаратизма станет основой реализации интересов личности и государства. В настоящее время вопросы безопасности достаточно широко освещаются в средствах массовой информации и научной литературе (Б. Кострова, В.Н. Минат, 2014, Ларионов и др., 2017, Модернизация, 2014), особое внимание уделяется исследованию влияния глобализации на экономическую безопасность (см., например: Andruseac, 2015, Hough, 2005, Kahler, 2004).

Национальная безопасность рассматривается как общественное благо, инвестиции в которое могут иметь низкий или даже отрицательный ожидаемый уровень доходности (Murphy, Topel, 2013). Все страны имеют свою особую политику по национальной безопасности (см., например: Bilyk, 2016, Цейковец, 2016).

Обеспечение национальной безопасности в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности», принятым Государственной Думой 7 декабря 2010 г. (далее – Федеральный закон) (ранее действовала редакция от 1992 года). Интересно, что в действующей редакции, по сравнению с утратившей силу, отсутствуют определения безопасности, субъекта её обеспечения и угрозы. Изменён статус Совета Безопасности с «конституционного» на «конституционный совещательный» орган. Однако, несмотря на отводимую совещательную роль, согласно пункту 3 статьи 18 Федерального закона, решения Совета Безопасности, ступившие в силу, обязательны для исполнения. При этом процедура взаимодействия федерального и региональных Советов Безопасности неотработана, вследствие чего информация о региональных проблемах, в частности, в северных и приграничных территориях, у Президента страны может отсутствовать.

Другим документом в сфере национальной безопасности до 2009 года являлась Концепция национальной безопасности Российской Федерации (далее – Концепция) в редакциях 1997 и 2000 годов. Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года №537 была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (далее – Стратегия 2009 года). После введения и продления санкций в отношении России группой других государств была разработана и утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683 новая редакция данного документа, где в названии уже не ограничивался временной период её действия («Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», далее – Стратегия 2015 года).

В отличие от Концепций, в Стратегии 2009 года чётко определена цель и критерии состояния национальной безопасности, расширены направления её обеспечения. В Стратегии 2015 года, по сравнению со Стратегией 2009 года, основной акцент сделан не на участии России в процессах глобализации, а на реализации и защите национальных интересов. Допускается использование военной силы, если ненасильственные меры не позволили получить требуемый результат. Особое внимание уделено контролю информации и доступу к ней. На первый план выходит не «расширение доступа... к лучшим образцам отечественной и зарубежной культуры и искусства», а «сохранение и приумножение традиционных российских ценностей».

Декларируется, что Федеральный закон закрепляет принципы безопасности и содержание деятельности по её обеспечению, однако преимущественно речь идёт о статусе субъектов. Стратегия направлена на определение основных целей и контуров деятельности в данной сфере.

Основные положения обеспечения экономической безопасности были закреплены Указом Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. №608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)». В июле 2015 года в связи с внешнеэкономической нестабильностью и ростом конкуренции в рамках заседания Совета Безопас-

ности Российской Федерации было принято решение о необходимости обновления основных положений. В результате Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. №208 была утверждена «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». В рамках данного документа дано определение экономической безопасности, а также чётко разграничены такие категории, как угроза, вызов и риск:

- Экономическая безопасность – это «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство её экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации».
- Угроза экономической безопасности – «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере».
- Вызовы экономической безопасности – «совокупность факторов, способных при определённых условиях привести к возникновению угрозы экономической безопасности».
- Риск в области экономической безопасности – «возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере в связи с реализацией угрозы экономической безопасности».

В четвёртом разделе предложено создание национальной системы управления рисками, а в пункте 27 – перечень показателей состояния экономической безопасности. Отметим, что это не первая попытка построения национальной индикативной системы экономической безопасности. Так, в 1996 году Советом безопасности Российской Федерации был принят перечень из 22 показателей, затем – из 19. Автором первого стал С.Ю. Глазьев, основным автором второго – В.К. Сенчагов (2008). В силу произошедших экономических и политических изменений в стране оба перечня были обновлены (Сенчагов 2010, Глазьев, Локосов, 2012), но вновь официально не принимались.

В то же время система показателей, предлагаемая в рассматриваемом документе, несвободна от недостатков: показателей слишком много – 40 штук, и среди них есть те, чью динамику сложно оценить как положительную или отрицательную (например, оборот розничной торговли). При этом показатели не проранжированы, что также затрудняет анализ. Можно предположить, что на современном этапе развития общества, когда всё больше значения приобретают знания, умения и навыки людей, в качестве ключевых должны быть выбраны показатели человеческого капитала.

С точки зрения автора, обеспечение национальной экономической безопасности должно строиться на так называемом принципе «слабого звена». Данный принцип, выделяя общность всех систем, предложил А.А. Богданов: прочность цепи определяется не самым крепким, а самым слабым звеном. Соответственно, в первую очередь необходимо не развитие сильных звеньев, а укрепление слабых (Богданов, 1989).

Рассмотрим реализацию этого принципа применительно к отдельным типам регионов Российской Федерации.

### ***Политика экономической безопасности в приграничных регионах***

С точки зрения А.Н. Молостова (2013), в федеративном государстве слабыми звеньями являются приграничные регионы. Это определяется территориальными притязаниями граничащих стран, миграционными потоками, а также особенностями производственно-хозяйственной деятельности.

В экономике приграничных регионов большую роль играет внешняя торговля: как официальная, так и «теневая», например, «челночная», позволяющая ввозить товары без уплаты пошлин. С одной стороны, внешнеторговая деятельность приводит к росту доходов бюджета, предприятий и граждан, с другой – несёт определённые угрозы. Так, например, открытость Калининградской области привела к резкой зависимости от импорта. Среди северных регионов схожая ситуация наблюдается в Приморском крае.

Интересно, что внешний товарооборот в приграничных регионах, в сравнении с внутренними, обеспечивает большую долю в доходах бюджета, но составляет меньший процент от ВРП. В отношении большинства приграничных территорий причиной этого являются их неразвитость и отсутствие нефтегазовых месторождений (Аветисян, Сердюкова, 2016).

Геополитическое положение приграничных регионов привело к принятию ряда законодательных актов, которые определяют особенности нормативно-правового поля. Так, например, органы местного самоуправления должны предоставлять земельные участки для обеспечения безопасности границы,

а также оказывать содействие государственным контролирующим органам<sup>2</sup>. Для осуществления хозяйственной деятельности или проведения массовых мероприятий в пограничной зоне в пределах пятикилометровой полосы местности необходимо получения разрешения, в остальной части – уведомление пограничных органов<sup>3</sup>. Для недопуска переноса заразных болезней через государственную границу запрещено или ограничено содержание и выпас скота в карантинной полосе вдоль Государственной границы<sup>4</sup>. Административно-правовые нормы, определяющие развитие внешней торговли, зависят от степени экономической интеграции стран: зона свободной торговли, таможенный союз и т. д.

Принятые законы и нормы направлены на обеспечение безопасности приграничных регионов и государства в целом. Однако для хозяйствующих акторов они являются и источником риска. Ширина пограничной зоны не раз менялась и может быть изменена вновь. Интеграционные процессы могут быть приостановлены, программы приграничного сотрудничества – закрыты. Вспомним, как в 2015 году офис Совета Министров Северных стран на Северо-Западе России был внесён Министерством юстиции Российской Федерации в реестр «иностранных агентов», в результате чего его деятельность приостановили. О возобновлении программы сотрудничества с Северо-Западом России было объявлено лишь в феврале 2016 года, причём процедура взаимодействия существенно усложнилась (Новая программа).

Риск в области экономической безопасности региона может быть связан и с изменением институтов сопредельных регионов. Так, с 15 августа 2016 г. Финляндия ввела запрет на ввоз табака из стран, не входящих в Европейскую экономическую зону, в случае, если время пребывания в стране составляет менее 24 часов. Ранее финны часто ездили в Карелию, чтобы купить дешёвый блок сигарет. Многие из них не захотели оставаться на ночёвку, и число финских туристов в Карелии существенно сократилось (например, в мае 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2016 – на 24 %) (Карелия за год).

Соответственно, актуальной задачей является обеспечение безопасности приграничных регионов и, следовательно, всей территории страны. Однако создаваемые институты должны быть такими, чтобы риски ведения хозяйственной деятельности в приграничных регионах не превышали бы риски во внутренних.

При этом необходимо понимать, что соседство с разными странами, прохождение по территории регионов разных транспортных и экономических коридоров предопределяют различные внешние угрозы и риски. В некоторых регионах на первом плане стоит вопрос территориальных притязаний, в других – миграции или низкой конкурентоспособности товаров и услуг и, как следствие, экономической деградации региона. Как показал ряд ранее проведённых исследований, приграничные регионы также сильно дифференцированы по многим социально-экономическим параметрам (см. работы Л.Б. Вардомского (2008), О.Н. Копытовой (2015), А.В. Подгорной, Л.В. Некрасовой (2014) и др.). Сопоставлялись отдельные показатели регионов, например, их эффективность использования ресурсов (Яковлева, 2015).

Необходимость социально-экономического развития приграничных территорий Российской Федерации для обеспечения государственной и общественной безопасности отмечается в статье 48 Стратегии 2015 года.

### ***Политика экономической безопасности в северных регионах***

Другим типом «слабых» регионов являются регионы севера.

В статье 10 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. №208, указаны некоторые факторы, особо сильно воздействующие на экономическую безопасность северных регионов. В частности, глобальное изменение климата и, как следствие, возможная нехватка продовольствия и пресной воды, а также конкуренция за возобновляемые ресурсы.

<sup>2</sup> В соответствии со статьёй 82 Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», принятого Государственной Думой 16 сентября 2003 г., особенности организации местного самоуправления в приграничных регионах установлены законом, определяющим режим приграничной территории. Этим законом является Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. №4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (см. подробнее статью 37).

<sup>3</sup> Статья 18 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. №4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации».

<sup>4</sup> Статья 19 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. №4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации».

С точки зрения автора, в силу высокой стоимости факторов производства и разреженности пространства, а также моносырьевого характера экономики особым вызовом для северных регионов является повышение конкуренции во всех видах экономической деятельности.

В качестве основной угрозы экономической безопасности можно назвать депопуляцию и зачастую деградацию населения, проживающего в северных регионах. Люди стремятся переехать в крупные центральные города, падает рождаемость и растёт смертность из-за распространения алкоголизма, наркомании, психических заболеваний.

Авторский анализ уровня использования потенциала региона (Каргинова, 2016) и его энтропии показал различия в степени проявления тех или иных рисков по северным регионам. В таких субъектах, как Республика Бурятия и Сахалинская область, наиболее существенными являются административно-политические и нормативно-правовые риски. В Республике Тыва и Чукотском автономном округе на первый план выходят рыночные риски (см. таблицу 6.1). Известно, что уровень риска влияет на решения, принимаемые индивидом, в частности, на его инвестиционную активность (Каргинова, 2017). Соответственно, для устойчивого развития регионов высоким уровнем риска недопустим.

Таблица 6.1.

**Северные<sup>5</sup> регионы с наиболее высоким уровнем риска**

	Административно-политические и нормативно-правовые риски	Рыночные риски
Регионы	Республика Бурятия Сахалинская область Магаданская область Амурская область Хабаровский край	Республика Алтай Республика Тыва Чукотский автономный округ

Источник: рассчитано автором по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы<sup>6</sup>

Важность минимизации существующих рисков подтверждается и самим рассматриваемым документом. Так, например, в статье 20 подчёркивается необходимость приоритетного внимания потенциалу Крайнего Севера, Северному морскому пути для обеспечения сбалансированного развития страны и укрепления единства её пространства.

В статье 62 Стратегии 2015 года отмечается, что для противодействия угрозам экономической безопасности и решения вышеобозначенных задач в отношении северных регионов необходимо более активно использовать институт государственно-частного партнерства, а также обеспечить военную, транспортную, энергетическую и информационную инфраструктуру.

### ***Достижение экономической безопасности в контексте национальной безопасности***

Стоит отметить, что для развития как приграничных, так и северных регионов необходимо обеспечение не только экономической, но и прочих видов национальной безопасности, в частности, экологической и информационной. Дифференциация регионов предполагает кластерный подход к совершенствованию институционального устройства и внедрению новых инструментов.

При этом требуется сочетание стратегий по видам национальной безопасности. В настоящее время то, что декларируется в одних документах, вступает в противоречие с другими. В частности, существует расхождение между стратегиями экономической и экологической безопасности. Так, в подпункте 6 пункта 12 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года развитие «зеленых технологий» рассматривается в качестве вызова и угрозы экономической безопасности. В то же время в долгосрочной перспективе существует паритет значимости вопросов экономической и экологической безопасности, а также их взаимозависимость: ухудшение качества окружающей среды приводит к падению экономики, а переработка отходов позволяет экономить на материалах и топливе. И достижение синергетического эффекта возможно с помощью корректного расчёта платы за экологический ущерб.

<sup>5</sup> В рамках проводимого исследования в качестве северных регионов рассматривали субъекты Российской Федерации, которые в соответствии с законами Российской Федерации полностью или частично отнесены к районам Крайнего Севера или местностям, в правовом отношении приравненным к ним. Регионы отсортированы по убыванию уровня риска.

<sup>6</sup> Валовой региональный продукт в основных ценах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33379.do>. Внеоборотные активы по данным бухгалтерской отчетности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37176.do>. Оборотные активы организаций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31482.do>. Просроченная дебиторская задолженность организаций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31372.do>.

В целом же можно отметить особенность стратегии экономической безопасности по сравнению со стратегиями других видов национальной безопасности, в частности, экологической. В экономике не существует одного общепризнанного вектора развития. Соответственно, любое целеполагание будет односторонним.

Множественность акторов, действующих на территории, и их интересов существенно ограничивают возможности нормативных актов (императивного регулирования) в сфере обеспечения экономической безопасности. Соответственно, возникает необходимость дополнения федеральных и региональных стратегий общественными стандартами безопасности. В данном случае речь идёт об общественном договоре, который может стать основой для диспозитивного регулирования. Его преимуществом является возможность активного подключения частных инициатив и отход от жёсткой и единообразной кодифицируемости норм.

В настоящее время стандарты обеспечения экономической безопасности принимаются на предприятиях (существенным подспорьем для этого стали разработанные сотрудниками Финансового университета при Правительстве Российской Федерации единые государственные стандарты по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов), но на уровне отдельных территорий стандартизация развивается слабо, общественные стандарты отсутствуют. Однако можно вспомнить национальный общественный стандарт «Экологическая безопасность Арктики» (Дадалко и др., 2014).

Кроме того, стоит учитывать, что хозяйствующие акторы характеризуются различным восприятием неопределённости и риска. Это связано как с объективными факторами (например, с политическим устройством или существующими экономическими связями), так и с субъективными, социо-культурными.

В частности, можно говорить о существовании неких национальных и межрегиональных особенностей восприятия неопределённости и риска: оно различается у населения как граничащих стран, так и северных и южных регионов.

В качестве показателя, позволяющего провести сопоставление между различными нациями, используется индекс избегания неопределённости. Данный индекс был введён Г. Хофстеде и предполагает шкалу от 1 до 120: чем выше величина показателя, тем больше стремление контролировать происходящие изменения.

В таблице приведены значения индекса неопределённости в Российской Федерации и некоторых государствах, имеющих с ней сухопутную границу (см. таблицу 6.2).

Таблица 6.2

**Значение индекса избегания неопределённости по странам**

Государство	Индекс избегания неопределённости
Россия	95
Норвегия	50
Финляндия	59
Эстония	60
Латвия	63
Литва	65
Польша	93
Украина	95
Китай	30

Источник: составлено автором по данным (The hofstede centre)

Видно, что в настоящее время россияне более склонны избегать неопределённости по сравнению с гражданами, проживающими в граничащих с Российской Федерацией странах. Одним из следствий этого является желание создать жёстко кодифицируемое пространство. Существующие институты должны строго регламентировать институциональную роль каждого актора, а также его поведение в рамках отведённой институциональной роли.

При этом для ряда приграничных территорий, в частности, для Финляндии, характерно более мягкое институциональное устройство, а действующие акторы в большей мере склонны к проведению рискованных операций.

Тем не менее, важно отметить, что в настоящее время Российская Федерация в большей степени относится к развивающимся странам, Финляндия – к развитым. В развивающихся странах существует большое число институциональных пробелов, ряд формальных институтов не созданы или недос-

таточно проработаны, и их заменяют неформальные, часто менее эффективные. В тоже время в развитых странах качество институционального устройства, а именно полнота и проработанность институтов, существенно выше.

Вследствие этого, хозяйствующие акторы Российской Федерации при организации различных форм приграничного сотрудничества более склонны к кодифицируемости устанавливаемых норм, акторы Финляндии – менее. При этом акторы Российской Федерации часто не могут формализовать определённый перечень норм из-за неполноты и противоречий российского законодательства и существующих практик хозяйственной жизни. В тоже время при выходе на российский рынок акторы Финляндии сталкиваются с большим числом непредвиденных противоречий и институциональных ловушек и также начинают стремиться к кодифицируемости.

Однако важно отметить и особый вид институтов, а именно стимулирующие и дестимулирующие институты, существующие в рамках каждой территории (см. подробнее (Каргинова, 2016а)). Установление жёстких стимулирующих и дестимулирующих институтов, безусловно, на определённый период времени обеспечит эффективное приграничное сотрудничество. Но само установление поощрений и наказаний предполагает, что известна модель общественно-желательного поведения, в то время как на практике:

- 1) Знания о модели общественно-желательного поведения часто отсутствуют. В силу множественности и тесноты экономических связей, а также развития техники и технологий, неизвестно, как именно целесообразнее всего использовать имеющиеся ресурсы: в какие отрасли перспективнее вкладывать, какие технологии использовать и т. д.
- 2) Общественно-желательное поведение трансформируется. Зачастую то, что в данный момент представляет общественное благо, в будущем не только не имеет никакой ценности, но и может угрожать благосостоянию всей системы.
- 3) Со временем институты превращаются в институциональные ловушки. Они способны лишь поддерживать существующий вектор развития системы и не могут обеспечить его трансформацию при изменении условий эффективности системы.

Таким образом, существующее институциональное пространство может ограничить поведение хозяйствующего субъекта некими жёсткими рамками, которые ни для кого нельзя будет назвать эффективными.

В тоже время в отношении одного деяния может быть установлено несколько стимулирующих механизмов. Причем их различие может найти выражение не только и не столько в их объективной величине, например, потенциальной финансовой экономии или размере материально-денежной поддержки. Различие может быть качественным: предоставление налоговых льгот или пониженной ставки тарифов на коммунальные услуги, налоговых льгот или налоговых каникул и т. д. Выбрав один из вариантов стимулирующих механизмов, хозяйствующий субъект будет понимать, что он не получит преимущества другого. В частности, воспользовавшись налоговыми льготами, а не налоговыми каникулами, хозяйствующий субъект будет иметь большие издержки на первых этапах реализации проекта. Соответственно, для повышения своей конкурентоспособности он будет вынужден искать пути и методы снижения первоначальных издержек. При этом отсутствие синхронизации действий хозяйствующих субъектов обусловит нахождение новых, более эффективных практик кем-то из них. В дальнейшем данные практики могут стать новыми институтами (см. подробнее (Каргинова, 2016б)).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о предпочтительности жестких институциональных форм в рамках приграничного сотрудничества в случае, если одной из сторон являются акторы развивающейся страны с несовершенным институциональным устройством. В случае, если обе стороны представляют развитые страны, степень кодифицируемости норм должна соответствовать их склонности к неопределённости и риску, определяемой, в частности, на основании индекса избегания неопределённости. При этом как в первом, так и во втором случае необходимо обеспечить вариантную систему стимулов, предполагающую индивидуальный выбор силы и направления воздействия институтов.

Указанный подход станет основой эффективного приграничного сотрудничества и может быть использован при формировании и совершенствовании институтов региональных экономических систем.

Сравнительно-правовой анализ законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности показал, что всё большее значение приобретают усиление оборонного потенциала страны, закрепление национальной идентичности. При этом непроработанность процедур взаимодействия федерального и региональных Советов Безопасности не позволит в полной мере учесть интересы

приграничных и северных регионов при формировании государственной политики. В работе отражены и другие недостатки нормативно-правового поля: большое число показателей для оценки экономической безопасности, расхождения стратегий по видам национальной безопасности и т. д.

Соответственно, актуальными задачами являются, во-первых, устранение названных законодательных недостатков, а, во-вторых, трансформация институционального устройства по кластерам регионов. В настоящее время некоторые институты обеспечения экономической безопасности сами выступают источниками риска. Невозможность прогнозировать и согласовывать цели в рамках долгосрочного периода требует отказаться от программно-целевого подхода в пользу системного. Частично это может быть реализовано за счёт принятия общественных стандартов в области экономической безопасности. Кроме того, при выборе степени жёсткости институтов стоит учитывать особенности восприятия и склонность акторов к риску.

## **6.2 ИНТЕГРАЦИЯ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: СТАНДАРТ ТИПА «О.С.Е.» И КОНТЕКСТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Интенсивное и инновационное развитие региона и модернизация способа хозяйствования представляют собой кроме всего также и вызов угрозы нарушения баланса природо-хозяйственных отношений. Поэтому при определении типовых решений размещения производительных сил пристального внимания требует принцип рационального природопользования. Поэтому программа инновационного развития (новая повестка дня) региона должна предусматривать связь с природными и энергопроизводственными циклами, с производственно-территориальными системами (комплексами), имеющими особые региональные сочетания производительных сил и обуславливающими промышленную специализацию отдельных территорий, а также с новыми технологическими платформами с активным применением информационно-коммуникационных технологий, формирующими искусственные конкурентные преимущества в условиях рационального природопользования. Инфраструктурное и институциональное обеспечение промышленного развития и инновационного процесса должно быть нацелены на встраивание регионального хозяйства в глобальные обмены в новых условиях, определяющих распределение экономической ренты (создание удаленных рабочих мест, оффшоринг, аутсорсинг и др.), на ликвидацию дискриминации периферийных компаний в рамках межрегиональных отраслевых рынков и получение соответствующих компенсаций<sup>7</sup> регионами, на формирование единого экономического и информационного пространства и формирование инновационного процесса «от знаний – к практике» в интересах всех его участников. При этом оптимальное функционирование регионального хозяйства может быть осуществимо лишь при сочетании с адекватными системой институтов и справедливой аллокацией экономической ренты, действительным достижением конвергенции экзогенных и эндогенных правил торговли и формированием контрактной системы, имеющей реальную исковую силу в отношении региональных интересов.

Данные обстоятельства предопределяют протекционистскую политику в отношении северных периферийных территорий как политику правильных стимулов и соответствующей институциональной среды (правил игры), направленной на стимулирование промышленной и инновационной деятельности в северной периферии в целях модернизации всей российской экономики и продолжения институционального реформирования страны в контексте национальной безопасности. При этом программа промышленного и инновационного развития должна быть подкреплена не субсидиарной, а солидарной ответственностью центра и периферии. В долгосрочном периоде разрушение промышленного базиса и энергопроизводственных циклов периферии ведет к стратегическим проигрышам, поскольку увеличивают стратегические риски и снижают глубину стратегических решений и геополитические амбиции страны. Также теряется научная школа и промышленная платформа для разработки новых технологий.

Другая проблема заключается в том, мировая торговля это торговля по правилам и стандартам, причем не нами установленным. Например, стоит ли вслепую применять «западные» стандарты без учета собственных интересов. Стандарты ради стандартов? Например, стандарты «Окружающая среда для Европы» (ОСЕ).

---

<sup>7</sup> Речь идет не только об экологических платежах и штрафах, но и о доле продукции, роялти и др.

С начала развития процесса «Окружающая среда для Европы» (ОСЕ) в 1991 году политический и экономический ландшафт мирового хозяйства (включая и отдельные регионы ЕЭК ООН, ЕВРАЗЭС, России) в значительной мере изменился. Контекст новой регионализации, усиливающейся информационной войны и войны за новый миропорядок все отчетливее проявляют желание форматировать любые глобальные конструкции, включая и процесс ОСЕ, в контексте определенных национальных интересов и мировоззренческих ценностей. Поэтому логика создания и внедрения новых стандартов должна учитывать как концепцию устойчивого развития, так и новые реалии и, следовательно, требования национальной безопасности.

Поворот России на восток и формирование евразийского проекта, конечно не снимают вопросы сотрудничества на принципах добрососедства и пр. и интеграции с ЕС, институционального строительства в рамках ОСЕ, однако серьезно смещают акценты с европейских институтов на российские и евразийские. Особенно данное обстоятельство имеет значение в отношении отдельных отраслей, территориально-производственных комплексов и субъектов РФ, если их рассматривать системно с учетом внешнеэкономической деятельности и в целом приграничного и трансграничного сотрудничества. Международные связи субъектов РФ зависят от внешней политики России в отношении сопредельного государства, от исторически сложившихся связей между территориями, от позиции руководства субъекта Федерации и активности локальных сообществ по обе стороны границы.

При этом интеграционные процессы в европейской и азиатской частях России значительно отличаются, однако, их объединяет то, что они являются политически и экономически конструируемыми, базирующимися на цивилизационной комплементарности и формировании зон взаимодействия. В то же время на основе анализа внешнеполитических стратегий России, Европейского союза, Китая и Казахстана выявлены институциональные особенности данных процессов.

На микроуровне регионализация приводит к появлению вертикально и горизонтально интегрированных структур, интернационализации производства, а также образованию региональных политико-экономических общностей. Так, в Северной Европе выявлена разветвленная сеть институтов, которые выступают структурами поддержки сотрудничества с Россией, предоставляют финансовую помощь в реализации совместных инициатив, при этом придерживаются определенных ценностных ориентаций, в том числе и при реализации стандартов ОСЕ. В изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов России и ее регионам необходимо способствовать формированию и распространению собственных стандартов и культурных кодов, усиливать политику протекционизма при согласовании институтов и сохранять идентичность в межрегиональном взаимодействии, в том числе и в сфере ОСЕ. В этом заключаются требования национальной безопасности.

Рассмотрим стандарты природоохранной деятельности и экологические стандарты. Как указано в документах ООН (по процессу «Окружающая среда для Европы») в разных территориях имеются различные институциональные механизмы и инструменты для решения конкретных проблем окружающей среды. В рамках международного права эту специфику надо учитывать, не пренебрегая национальными интересами, одновременно предлагать правильное решение юридических коллизий. Так, с одной стороны, Конституцией РФ закреплено верховенство международного права над российским. Т.о. международный договор по статусу выше федерального закона или закона субъекта РФ. С другой стороны, Конституционный суд РФ в 2013 году высказался за то, что решения международных судов могут быть исполнены в России, только если они не противоречат Конституции РФ и, следовательно, ее национальным интересам.

Нормы международного права и международные договоры РФ (согласно ч.4 ст.15 Конституции РФ) являются составной частью российской правовой системы. Однако согласно ч.1 той же статьи Конституция РФ имеет высшую юридическую силу. То есть международные нормы и договоры (и следовательно общепризнанные стандарты – те же ОСЕ) не имеют приоритета перед Конституцией РФ и национальными интересами.

Если принять во внимание, что управленческий контур определяется не только разными институциональными условиями, но и «турбулентным» характером мировой экономики и серьезной трансформацией экономического пространства, а также санкционным режимом, введенным в отношении России со стороны приверженцев процесса ОСЕ (как форс-мажорными обстоятельствами, снижающими обязательность и строгость норм), то и говорить о процессе ОСЕ в отношении России надо системно.

Необходимо учитывать тенденции трансформации экономического пространства России и Евразии, взаимосвязи механизмов трансформации экономического пространства и изменений структуры экономики разных его частей. Для этого через сопряжение воспроизводственных циклов (по ритму,

амплитуде и т. д.) в целях реиндустриализации страны необходимо восстановить всю систему разно-масштабных цепочек трансакций, экономических, технологических, энергопроизводственных циклов и других элементов, которые в совокупности формируют бизнес-циклы страны и регионов.

Поскольку стандарты ОСЕ имеют определяющее значение для сырьевой экономики с целью перевода ее на новые стандарты, то необходимо учесть и специфику экономики северной периферии России.

Внедрение нового стандарта типа ОСЕ ударит по периферийным регионам России. Сегодня имеющиеся технологии и запас природных ресурсов при благоприятной конъюнктуре обеспечивают высокий рыночный потенциал и притягивают экономическую активность на периферию. Внедрение новых стандартов может разбалансировать отраслевые рынки и привести к негативным процессам (депрессии экономики регионов). Институциональное установление нового порядка присвоения имущественных прав и соответствующее присвоение природной ренты еще сильнее усугубит положение периферии (экономика которой итак сегодня еле дышит).

Рыночное распределение ренты, как показали наши исследования (Колесников, 2016; Толстогузов 2016), в условиях либертарианской модели экономики и действия экстрактивных институтов приводит к разрушению промышленного базиса и энергопроизводственных циклов периферии, к потере научной школы и промышленной платформы для разработки новых технологий. Это ведет к стратегическим проигрышам, поскольку увеличивают стратегические риски и снижают глубину стратегических решений. Данные обстоятельства предопределяют протекционизм в отношении российских периферийных территорий как политику правильных стимулов и соответствующей институциональной среды, направленных на стимулирование промышленной и инновационной деятельности в периферии в целях ее модернизации, а также введение своих стандартов, адаптированных под российскую действительность, а не слепое подражание Европе.

«Экологические интересы» Европы нацелены на создание на российской территории буферных природоохранных зон (национальных парков, заказников, природных резерватов и т. п.), способствующих улучшению экологической обстановки как в России, так и на территории Евросоюза. Расширение мировых экологически чувствительных рынков лесопродукции является существенным стимулом для включения российского бизнеса в процесс сертификации лесов. В этой связке находятся и так называемые «модельные леса», распространению которых активно содействуют международные экологические организации. Кроме того, «...следует ожидать, что экологические требования по всей цепочке жизненного цикла продукции будут ужесточаться, а законодательство РФ будет постепенно приводиться в соответствие с международными нормами» (Шкиперова, 2012). Нормы экологизации производства создают для российского бизнеса перспективы стать полноценным участником международной кооперации.

В тоже время в сложных геополитических условиях внедрение европейских экологических стандартов и ужесточение экологических норм может выступать как инструмент конкурентного давления и шантажа. Так, лесные компании, наряду с объективными препятствиями (высокие издержки на выполнение экологических и социальных требований; высокая цена процедуры прохождения лесной сертификации) сталкиваются с проблемой отсутствия в России квалифицированных аудиторов, аккредитованных при международных центрах сертификации. Здесь таится еще одна опасность – развитие рынка сертифицированных услуг может пойти по теневому варианту. Но основная претензия российского лесного бизнеса связана с тем, что под видом прогрессивной идеи проводится политика его дискриминации. Эту позицию разделяют многие предприниматели и представители правительственных структур. Если учесть, что лесная отрасль еще жива только благодаря экспорту, то складывается впечатление, что началась блокада российской лесопродукции, чтобы уничтожить конкурентов» (Писаренко, 2005). Под предлогом лесной сертификации зачастую проводится бойкот со стороны зарубежных потребителей отечественных лесных товаров. В результате скорейшее проведение лесной сертификации в регионах с большими объемами лесного экспорта равнозначно победе или поражению в борьбе за европейский товарный рынок. Такая ситуация может негативно повлиять на формирование еще очень не устойчивых деловых практик российских лесных компаний.

Противоречивый характер внешних и внутренних факторов, связанных с совокупностью экономических, экологических и политических интересов стран, имеющих с Россией социально-экономические отношения, обуславливает состояние и перспективы развития трансграничных процессов в российских приграничных территориях и оказывает существенное влияние на экономическую политику государства. В данном контексте для снятия негативных последствий от преимущественно

утилитарных интересов сопредельных стран государственная политика должна быть нацелена на улучшение качества формирующихся институтов, регулирующих международные торговые отношения. В настоящее время низкое качество институтов существенным образом осложняет экономическую деятельность бизнеса, включенного в систему международного разделения труда

### **6.3 ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ**

Глобальный мир быстро меняется. Происходит усиление геополитической напряженности, постепенная смена форматов мировой торговли, формирование нового экономического уклада в сочетании с новыми формами движения капитала. В условиях нестабильной экономики происходит непрерывная трансформация экономического пространства и общественных институтов, которые определяют контуры экономически и культурно самоорганизованных больших пространств, элементы которых соединены в экономические процессы, объединенные общими социально-экономическими интересами и стратегическими целями. Исходя из сложившихся геополитических и геоэкономических условий, должна выстраиваться стратегия приграничных регионов России.

Конец прошлого века создал иллюзию универсума, сотканного по единым стандартам, ценностным установкам. Либеральный глобализм стал как бы единственной доминантой в системе мировых отношений, своего рода метатеорией, причем неоспоримой и не терпящей дискуссий, что позволило, Ф. Фукуяме говорить о конце истории (2007). Таким образом, то, что не соответствовало доминанте, подлежало ассимиляции, проходящей как в мягкой форме (присоединение к ЕС и НАТО), так и жесткой (в виде бомбежек). Фактор географии, который был слегка замазан флёротом глобализации и пресом либерального тоталитаризма, на самом деле никогда не был снят с повестки дня. Он сегодня показывает себя во всей накопленной мощи.

В прошлые времена граница выполняла функцию барьера для материального проникновения жесткой силы. Сегодня барьер преобразуется в активную мембрану, противодействуя проникновению идеологических кодов и, в свою очередь, продвигая свою культуру с помощью мягкой силы. В результате глобализации и действия коммуникационных технологий граница становится маркером идентичности. Граница обозначает индикаторы взаимодействий в условиях вызовов, воспринимаемых в контексте понятий времени и пространства.

Инструментом освоения и присвоения властью пространства выступают географические образы – устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности. В соответствии с вызовами эти образы изменяются и, как следствие, изменяются идейные основания и выстраиваются соответствующие механизмы государственного управления.

Приграничный пояс России составлен в основном из периферийных территорий, которые менее заселены и недостаточно развиты в социально-экономическом отношении. Экономико-географический анализ показал, что разреженность экономического пространства приграничных регионов, высокие хозяйственные риски и отсутствие необходимой динамики в их развитии нарушает связность экономического пространства страны, создает наряду с внешними дополнительный вызов экономической безопасности России. В экономическом смысле они выступают как бы структурным барьером, препятствующим эффективному вхождению России в мировую экономику.

Приграничные периферийные регионы с ослабленным «иммунитетом» становятся более уязвимыми к внешней культурной и идеологической экспансии. Чтобы усилить их «иммунитет» необходимо разрешить системные противоречия в институциональном дизайне государственного управления. Необходимо разрешить системное противоречие между принципами федерализма, централизацией власти в России и необходимостью увеличения автономности региональных и особенно местных властей в целях повышения эффективности их экономик за счет внешних экстерналий, в том числе за счет приграничного сотрудничества. Необходимо увеличить вариативность институтов приграничного сотрудничества, вплоть до институционального принятия приграничной торговли. Сегодня уровень местного самоуправления (учитывая их полномочия и ресурсы) недостаточен, чтобы эффективно участвовать в приграничном сотрудничестве. В то же время именно местное самоуправление в европейской практике является активным игроком приграничного взаимодействия. По этой причине в России большое количество актов взаимодействия в сфере приграничной торговли уходит в тень и не становится системообразующим фактором местной экономики. В этом случае требуется найти

специальные решения для устранения противоречий и решить институциональные задачи, например в виде создания зон территориального или опережающего развития. Если приграничные муниципальные районы смогут получить статус зон территориального развития, то это даст возможность в условиях действующего законодательства для приграничных территорий предоставить определенные преференции. Кроме того в рамках действующего законодательства имеется возможность за счет придания преференций резидентам функциональных зон и форм государственно- и муниципально-частного партнерства разрешить возникшие институциональные и социально-экономические проблемы.

Успешное развитие приграничных регионов в значительной степени зависит от эффективного использования приграничного и трансграничного сотрудничества и элиминирования угроз, связанных со вступлением региона в систему международных экономических отношений с определенным экономическим и культурным базисом, соответствующим сложившемуся социально-экономическому генотипу, основой которого выступает определенный тип воспроизводства, региональные интересы, устойчивая региональная идентичность. В условиях динамичной трансформации экономического пространства реализация потенциала контактной (приграничной) зоны может и должна создать источник возрастающей отдачи и положительных экстерналий для решения проблем периферийных приграничных территорий и придать дополнительный серьезный фактор их социально-экономического развития.

Новые вызовы и нестабильность экономического развития формируют новую управленческую ситуацию и актуализируют дискуссию по выбору стратегии страны и ее регионов (особенно приграничных). В то же время анализ региональных стратегий выявил системные факторы и риски в развитии и недостатки существующих подходов в отношении периферийных регионов (Толстогузов, 2015).

В действующих региональных стратегиях территория представляется, как правило, в виде производственного цеха с номенклатурой технологий, рабочей силы и природных ресурсов. Логика такого подхода приводит исключительно к производственной специализации региона, причем с акцентом на дотрансформационные экономические тренды. В то же время геополитика и геоэкономика существенно меняют структуру глобального пространства и определяют новое разделение труда с повышенными требованиями к компетенциям, технологическим стандартам и общественным коммуникациям с приоритетом сетевых технологий, сконцентрированных вокруг человека как конечного потребителя. При этом необходимо учитывать геоэкономические особенности разных частей пространственно-структурированной территории страны и непростые геополитические условия, в частности обострение глобальной конкуренции за мировые рынки и действия дискриминационных факторов, влияющих на международную торговлю (санкции, снижение доступности финансовых рынков и др.). В этих условиях приграничные регионы обязаны эффективно выполнять важную геополитическую задачу – продвигать конкурентоспособные проекты освоения территории и трансляцию определенных культурных кодов вовне – в лимитроф.

Основополагающий тезис «перманентный рост идет сам по себе и при условии мобильности факторов производства и благоприятных институтах влечет за собой исключительно экономические выгоды» – не очевиден для периферийных территорий (особенно для тех, кто обладает негативным фактором разреженного экономического пространства, усугубляющего свое влияние из-за серьезных инфраструктурных ограничений, цифрового неравенства и недостаточных общественных коммуникаций). К сожалению, такой макроэкономический тезис является доминирующей в решениях российского экономического кабинета. Следуя данной логике, макроэкономическая стабилизация и институциональное управление должны привести к экономическому росту, оживлению инвестиционного процесса и укреплению социальной стабильности в регионах. Однако так ли это?

По поводу данного тезиса представлю несколько возражений.

Во-первых, трансформация экономического пространства имеет долгосрочные последствия в виде глубоких структурных изменений экономик регионов (Колесников, 2016, Толстогузов, 2016). После перехода к рыночной экономике и реализации либеральной идеологии происходит отток производительных ресурсов в мегаполисы и с востока на запад. Модель «сырьевой державы», и раньше вызывавшая обоснованную критику в связи с отсутствием внимания к развитию обрабатывающей промышленности, инфраструктуры (кроме той, которая обслуживает сырьевой комплекс) и нерациональным расходом нефтегазовых и иных «сырьевых» доходов, оказалась серьезной ловушкой. При этом периферийные регионы с разреженным экономическим пространством и институциональной разобщенностью, недостаточностью ресурсов рыночной и ад-

министративной власти постепенно теряют население, бизнес и свое промышленное значение. Как и где найти эндогенные источники экономического роста и превратить их в механизмы развития, используя синергию экономического пространства?

Во-вторых, нужно учитывать не только экономическое но и социокультурное измерение пространства. Социальную систему можно рассматривать как хаотическую в том смысле, что силы конвергенции, направленные на сохранение и поддержание целостности системы, и силы дивергенции, ведущие к ослаблению центральных связей, взаимодействуя между собой, порождают центры активности, содержащие элементы, как порядка, так и беспорядка. Гражданское общество (с новыми технологиями коммуникаций) способствует развитию этих тенденций. Вопрос, какой тенденции и в какой степени?

На основании проведенных исследований влияния приграничных и трансграничных обменов на социум и экономику приграничных регионов сделали вывод, что в условиях геополитической нестабильности и трансформации экономического и социокультурного пространства на первый план выходит требование к достижению безопасности территории.

В-третьих, усиление геополитической напряженности проявляется, в том числе через активное вмешательство в ценностные системы, мотивы поведения социума и т. д. Как позиционировать себя сообществу в новой регионализации и как управлять процессами формирования и трансляции идентичности?

Для ответов на эти вопросы необходимо подготовить соответствующее системное решение. Поэтому при планировании необходимо одновременно учесть следующие аспекты глобальных вызовов и сфокусировать усилия на превентивных (по отношению к системным рискам) действиях:

1) В контексте геополитических аспектов необходимо удержать свою роль в геополитических проектах России, в регионализации и интеграции России на евразийском континенте, в установлении контроля лимитрофа, для чего поддерживать взаимовыгодные экономические, культурные и прочие связи с сопредельными территориями и синхронно и сопряжено (с другими регионами) встраиваться в формируемые геополитические проекты, в мировые региональные блоки с достаточно проработанной глубиной (как в пространственном так и во временном отношении) стратегических решений. Инструментом реализации стратегии (способа освоения и присвоения властью пространства) выступают географические образы – устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности. В соответствии с вызовами эти образы изменяются и, как следствие, изменяются идейные основания и выстраиваются соответствующие механизмы государственного управления.

2) В контексте геоэкономических аспектов, помимо ответа на технологический вызов и становления экономики знаний, требуется сопряжение результатов традиционного (с некоторыми новациями, связанными с открытием границы) размещения производительных сил с новыми торговыми путями и жесткими требованиями мировой экономики, сдвигами в экономическом пространстве, поскольку разреженность экономического пространства и высокие хозяйственные риски нарушают связность экономического пространства страны, создают наряду с внешними дополнительный вызов национальной безопасности России.

Геоэкономические вызовы определяют вектор, в направлении которого должна выстраиваться стратегия поведения региона и страны для удержания своих конкурентных позиций. На основе стратегического анализа предлагается три подхода структурной модернизации экономики периферийного региона, различающиеся в выборе стратегических ресурсов.

Первый подход заключается в выборе стратегии усиления позиции на отраслевых рынках на основе еще большего усиления специализации экономики региона, фокусирования усилий на отдельных секторах экономики и технологий с одновременным повышением эффективности производств с учетом их включенности в глобальные цепочки создания добавленной стоимости и активном привлечении внешних инвестиций. Происходит отбор специализации и кооперирования, включения в межрегиональные и международные производственные цепочки, финансовые потоки. В этом случае происходит фокусирование внимания на инвестиционном процессе, его организационном и институциональном обеспечении, акцентировании внимания на добавленной стоимости резидентных агентов в производственно-технологических цепочках, специализации и кооперировании. Как справедливо отмечает В.И. Часовский, «не лишено смысла и стимулирование миниатюризации форм деятельности, ведь высокотехнологичное малое предприятие вписывается в среду регионов разных рангов» (Часовский, 2015).

Второй подход в модернизации экономики заключается в ее структурной диверсификации на основе развития производственно-технологической и транспортно-логистической инфраструктуры и встраивания в глобальные цепочки создания добавленной стоимости. Ожидаемый результат: создание предпосылок для диффузии инноваций, заимствования инновационных управленческих инструментов, диверсификации экономики, повышения инвестиционной привлекательности региона, в конечном счете – реализация инновационно-технологического развития. Основной упор делается на разработку мер по использованию возможностей развития, которые предоставляет внешняя среда (внешние инвестиции и экстерналии).

Выбор между специализацией и диверсификацией как концептуальными подходами к региональному экономическому развитию исследуется многими авторами, и вывод об однозначном преимуществе одного из этих двух подходов до сих пор не поучен. Вместе с тем, Т. Кемени и М. Сторпер (Kemenu, 2015) отмечают, что усиление специализации региона имеет положительную взаимосвязь с уровнем заработной платы. Кроме того, специализация и диверсификация региональной экономики рассматриваются как взаимообусловленные процессы (Noseleit, 2015).

Третий подход в чистом виде не выделяется, но его элементы могут быть использованы в рамках первого и второго подходов в виде создания функциональных зон и новых технологий и технологических платформ, замещающих традиционные элементы цепочек создания добавленной стоимости в условиях консолидации местного сообщества. Учитывая заданный императив – создание инновационной экономики – нам представляется, что направленность действий должна заключаться в объединении усилий представителей бизнеса, науки и государства. На этой основе и на основе долгосрочного прогноза развития науки и техники, выявления критических технологий и прорывных направлений разрабатываются стратегические программы исследований, а также дорожные карты использования инновационных механизмов (технологические платформы, промышленные парки и т. д.).

3) В контексте социокультурных аспектов необходимо сформировать правильную политику в ответ на демографический вызов и влияние антропогенных мобилей (перемещения людей, которые сегодня все больше проявляют свойство инструмента геополитики), при этом следует обратить пристальное внимание на развитие общественных коммуникаций, на то, как с помощью социальных институтов закреплять найденные способы решения конфликтов и развить соответствующие механизмы «мягкой силы» и иные социальные технологии кооперации для формирования социокультурного пространства в контексте национальной безопасности.

Вызовы требуют сопряжение результатов традиционного (советского с некоторыми новациями, связанными с открытием границы) размещения производительных сил с новыми торговыми путями и жесткими требованиями мировой экономики, сдвигами в экономическом пространстве, поскольку разреженность экономического пространства и высокие хозяйственные риски нарушают связность экономического пространства страны, создают угрозу национальной безопасности России и ее регионам.

Обеспечение устойчивого и безопасного развития регионов предполагает новый институциональный дизайн управления их экономическим потенциалом, как на государственном уровне, так и уровне отдельных субъектов. В частности, необходимо обеспечить геоэкономическую субъектность регионов, предполагающей учёт и нивелирование системных рисков (рисунок 6.1).

Стратегия страны должна не ограничиваться базовыми технологиями, но и охватывать замыкающие технологии, т. е. гуманитарные. В изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов необходимо способствовать консолидации российского и местного сообщества в российском идеологическом ключе, экспансии своих культурных кодов, усилению политики протекционизма в условиях трансформации социокультурного пространства. Это создает новый контур для общественного договора, интегральным субъектом которого является гражданское общество.



**Рисунок 6.1** Геоэкономические вызовы развитию России и направление формирования геоэкономической стратегии экономико-пространственного развития регионов

Социальную систему можно рассматривать как хаотическую в том смысле, что силы конвергенции, направленные на сохранение и поддержание целостности системы, ее единой идеологии, и силы дивергенции, ведущие к ослаблению центральных связей, взаимодействуя между собой, порождают центры активности, содержащие элементы, как порядка, так и беспорядка. Гражданское общество (с новыми технологиями коммуникаций) способствует развитию этих тенденций. Вопрос, какой тенденции и в какой степени?

Гражданское общество – это сборка пассионарной энергии в контексте национальной безопасности. Речь идет о зависимости формирования структуры и качества общества от глобальных коммуникаций при наличии существенных проблем, в частности из-за снижения уровня критичности мышления. Это накладывает особые требования к институту доверия и государственной политике по формированию нового социального порядка, адекватного новым геополитическим вызовам. Учитывая, что самоорганизация общества проходит на фоне постоянного осознания процесса эволюции общественного сознания – т. е. он находится в состоянии рефлексии, то это создает условия для самоконтроля. Поэтому Интернет или «разрывает» (конфликт личного и публичного) гражданское общество или становится центром и площадкой взаимодействий между знанием (экспертами) и властью, гражданским обществом и властью.

Также необходимо учитывать действие антропогенных мобилей (перемещений людей), которые сегодня проявляют свойство инструмента геополитики и в этой связи становятся важнейшим фактором, влияющим и на экономику и на социальную сферу, нарушающими гомеостаз структуры общественных отношений. Поэтому в контексте национальной безопасности как доминанты стратегии в исследовании интеграционных процессов наибольшее значение приобретает региональная и трансграничная идентичности. Последние выражаются через систему культурных кодов, культурную самоидентификацию народов, включающую в себя социальную деятельность, модели поведения, традиции, обычаи, религиозные верования и др.

Необходимо учитывать, что приграничный пояс России – линия геополитической напряженности. Особенно важны «блоковые» «разломы», вдоль которых геополитическая напряженность чрезвычайно усиливается. Особенность приграничных регионов в том, что через приграничные территории проникают экстерналии, при этом помимо экономических сделок идут иные влияния, проникновение культурных кодов, идеологические экспансии. Это имеет значение в условиях информационной войны (борьбы за «головы»).

Так, в Карелии функционируют структуры поддержки трансграничного сотрудничества, предоставляющие финансовую и организационную помощь в реализации совместных инициатив, отражающих североевропейские интересы, а также проводимых исключительно в контексте европейских ценностных ориентаций. Данные обстоятельства, как результат влияния мягкой силы, имеют важное значение в контексте национальной безопасности. Поступательное развитие сотрудничества приводит к консолидации локальных сообществ, а его формы эволюционируют от побратимства к новым институциональным образованиям. В изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов необходимо способствовать утверждению культурных кодов российской нации, ее экспансии, усиливать интегративность сообщества и политику протекционизма при согласовании институтов сопредельных территорий.

Учитывая трансформацию социокультурного пространства и необходимость управления этим процессом (как стратегического направления), то в механизмы реализации стратегии должны быть включены как политические технологии, контролирующие каналы и средства передачи информации, нацеленной на создание или трансформацию идентичности, так и инструменты «мягкой силы», воздействующие на население через СМИ, неправительственные организации, осуществляющие общественную дипломатию, учреждения образования, реализующие международные культурно-образовательные программы и т. д. Сегодня НКО участвуют в проектах в сфере «мягкой безопасности» – экологии, туризма, здравоохранения, развития сельской местности, охватывающих почти все категории граждан, в том числе социально незащищенные. Поэтому гражданское общество становится субъектом стратегии региона. Необходимо учесть, что для приграничных территорий особое значение приобрела общественная дипломатия, направленная на сохранение климата доверия и сбалансированного социокультурного развития данных территорий.

Таким образом, наряду с традиционно планируемыми стратегическими направлениями развития приграничных регионов, таких как устранение инфраструктурных ограничений, разрешение системных противоречий в институциональном дизайне порядка хозяйствования и приграничного сотрудни-

чества, необходимо также прорабатывать сбалансированность развития социокультурного пространства на базе российской и региональной идентичностей за счет применения разных механизмов, в том числе инструментов «мягкой силы» (в идеологическом контексте российского государства).

Одним из критичных (в отношении развития приграничных территорий) является фактор идентичности и соответствующей культуры сотрудничества. При этом приграничные регионы с ослабленным «иммунитетом» становятся более уязвимыми к внешней культурной и идеологической экспансии. Учитывая, что поступательное развитие сотрудничества приводит к консолидации локальных сообществ в рамках трансграничных конструкций, то в изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов необходимо способствовать консолидации местного сообщества в российском идеологическом ключе, экспансии своих культурных кодов, усилению политики протекционизма в условиях трансформации социокультурного пространства.

Поэтому стратегии страны и регионов не должны ограничиваться базовыми технологиями, но и охватывать замыкающие технологии, т. е. формирующие не просто обслуживающий базовые технологии персонал, но и устойчиво (с сохранением устоев) развивающие сообщество (поскольку речь идет об организации деятельности людей, то данные технологии по общему смыслу являются гуманитарными). В изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов необходимо способствовать консолидации российского и местного сообщества в российском идеологическом ключе, российской и региональной идентичности. Последние выражаются через систему культурных кодов, культурную самоидентификацию народов, включающую в себя социальную деятельность, модели поведения, традиции, обычаи, религиозные верования и др. Это создает новый контур для общественного договора, стратегическим субъектом которого выступает гражданское общество.

Дано следующее определение в рассматриваемом ключе: стратегия – это выбор геоэкономического вектора развития и сопряжение разномасштабных экономических циклов, политических и социальных процессов в контексте национальной безопасности. Она является инструментом повышения геоэкономической субъектности, освоения и присвоения региональной властью экономического пространства. Сделан вывод, что инструментом реализации стратегии (способа освоения и присвоения властью пространства) выступают географические образы – устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности. В соответствии с вызовами эти образы изменяются и, как следствие, изменяются идейные основания и выстраиваются соответствующие механизмы государственного управления.

Учитывая трансформацию экономического и социокультурного пространства, нами определен стратегический контур развития российских регионов (рис. 6.2), состоящий из следующих элементов:

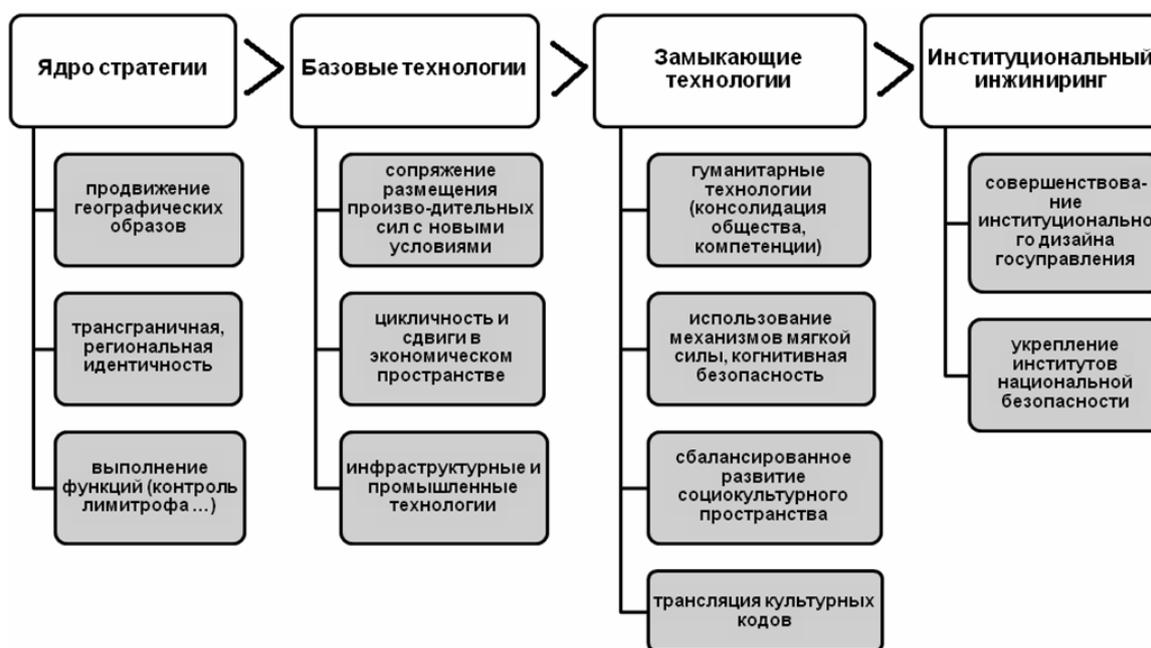


Рисунок 6.2 Стратегический контур развития приграничного региона

- **ядро стратегии** (продвижение географических образов на основе трансграничной и региональной идентичности и выполнение функций (контроль лимитрофа и т. д.);
- **базовые технологии** (сопряжение результатов традиционного с некоторыми новациями, связанными с открытием границы размещения производительных сил, с новыми торговыми путями и требованиями мировой экономики, сдвигами в экономическом пространстве);
- **замыкающие технологии** (гуманитарные технологии, социальные институты, закрепляющие найденные способы решения конфликтов и кооперации, механизмы «мягкой силы» и иные социальные технологии, способствующие сбалансированному развитию социокультурного пространства);
- **институциональный инжиниринг территорий** (совершенствование институционального дизайна государственного управления и укрепление институтов национальной безопасности).

Смысловое обоснование применения термина «институциональный инжиниринг» проделано в работе (Толстогузов, 2017). Инжиниринг находится между наукой и производством, формируя технологическую (в т.ч. научную и техническую) базу производственной деятельности. Он нацелен на создание модели промышленного объекта и управление процессом ее воплощения – от замысла до ввода в эксплуатацию с подтверждением соответствия фактических параметров расчетным характеристикам. Внедряемый сегодня подход программного бюджета напрямую перекидывает мостик для перехода в систему инжиниринга – т. е. от решения частных задач к комплексному решению проблем.

Сложившаяся экономическая и социальная реальность требует системных ответов на современные вызовы, перехода системы государственного управления на управление целями (стратегическими и тактическими) и, соответствующими проектами в целях формирования институтов современного хозяйственного уклада и социального порядка. В этом случае создается («под ключ») не промышленный объект, а целая жизнеобеспечивающая зона экономического пространства с заданными показателями в рамках моделей организация пространства, нацеленных на создание преимуществ «второй природы» через инфраструктуру, институты, человеческий капитал. Поэтому необходимо инвестировать не только финансовые, но и промышленные, энергетические, транспортные, инженерные, правовые, социокультурные, политические и другие компетенции.

Для снижения системных рисков требуется системное институциональное выстраивание экономического и социального порядка, доведение институционального дизайна в области государственного планирования до максимально возможной детализации, обеспечение синхронизации действий субъектов с учетом субсидиарной и солидарной ответственности иерархизированных уровней власти (федерального, регионального, муниципального).

Эффективность и результативность инжинирингового проекта определяется свойствами созданного в результате его реализации экономического пространства, а не исключительно производственными показателями промышленного объекта. Достигаемая путем институционального инжиниринга системность решений обеспечивает требуемую координацию (синхронизацию, согласование и т. д.) действий участвующих во взаимодействии агентов в режиме конкретного экономического пространства и времени. Данные действия, в конечном счете, помогут преодолеть системный кризис государственного управления и повысить его эффективность.

Эффективность и результативность инжинирингового проекта определяется свойствами созданного в результате его реализации экономического пространства, подготовленного к эффективным ответам на современные вызовы.

На основании проведенных исследований выделены три типа стратегий (рис. 6.3): инкорпорирование в макрорегион и макрообщность (включение в глобальные цепочки создания стоимости по унифицированным стандартам); выживание как геоэкономического объекта (путь сырьевой периферии); обретение геоэкономической субъектности (накопление системных инноваций и усиление преимуществ в геоэкономической конкуренции).

При отсутствии активных действий со стороны РФ и региона экономические, социальные и внешнеполитические интересы фактически будут навязываться внешними субъектами. Данное обстоятельство предопределяет дальнейшую последовательность действий и событий, в результате которых республика сохраняет статус сырьевой провинции, территориальный каркас формируется как ресурсно-ориентированный (рис. 6.4):

- Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность Карелии будут ориентироваться, преимущественно, на добычу и поставки сырья.



Рисунок 6.3 Типы геоэкономических стратегий. Вектор повышения конкурентоспособности приграничной территории



Рисунок 6.4 Геоэкономическая модель сырьевой провинции (периферийного приграничного региона)

- Инфраструктурный комплекс ориентирован на развитие инфраструктуры сырьевых территорий и развитие транзита ресурсов.
- Развитие получают территории, связанные с добычей ресурсов и их первичной переработкой (или предпродажной подготовкой). На аутсорсинг местным предприятиям будут передаваться только технологические операции, создающие незначительную добавленную стоимость.
- Размещение производительных сил будет происходить в направлении сворачивания перерабатывающих производств. Инвестиции будут вкладываться в развитие сырьевых производств и приобретение мобильных ресурсодобывающих комплексов (лесозаготовительной, карьерной техники). В перспективе освоение территории примет вахтовый характер.
- В конечном итоге на территории остается минимум трудовых ресурсов, необходимых для выполнения технологических операций по добыче и первичной переработке, предпродажной подготовке ресурсов, по обслуживанию добывающих производств и содержанию необходимых инфраструктурных объектов.

Обеспечить повышение качества жизни населения возможно только за счет максимального использования потенциала территории и сбалансированного развития экономики как эффективного и перспективного региона России (в контексте ее стратегической цели – достижения уровня экономического

и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы, занимающей передовые позиции в глобальной конкуренции).

Если регион выступает на глобальных рынках как стратегический субъект управления, то это дает ей возможность попасть в зону макропространственных изменений. В этом случае становится возможным изменение роли и функций в системе международного и межрегионального труда, модернизация экономики региона и создание условий для значительного повышения производительности труда и капитала. Алгоритм развития приграничного региона в этом случае представлен на рис. 6.5 как перверсная модель. В соответствии с данным подходом приграничный регион становится сильным рубежом сильной России, территорией взаимодействия культур для развития эффективного партнерства России с региональными комплексами Евразийского континента.



**Рисунок 6.5 Перверсная геоэкономическая модель развития периферийного приграничного региона**

В основе – региональная идентичность. Важное значение имеет подготовка высококвалифицированных кадров, способных выступать в качестве посредников между иностранным и национальным бизнесом.

Для модернизации экономики необходимо сформировать условия для капитализации территории, создания эффективного рынка недвижимости, создание и развитие экономики знаний и широкое применение современных ИКТ. Также для повышения инвестиционной привлекательности территории необходимо решить вопросы ее обустройства (создание имущественных комплексов, совершенствование системы расселения).

На основе вышеотмеченных факторов формируется территориальный каркас развития, точки роста и коридоры развития. Каркас развития выступает основой для наиболее эффективного размещения производительных сил. При участии государства формируется инфраструктура под точки роста: энергетические сети, связь, транспорт, дороги, пограничная и таможенная инфраструктура, инженерная инфраструктура и т. д.

Для эффективной интеграции в систему международного разделения труда и трансляции интересов на внешних рынках необходимо обеспечить стандарты качества, обустроить приграничную инфраструктуру и освоить процедуры международного торгового права.

На основе нового образа развиваются проекты в области международного партнерства и торговли на взаимовыгодных условиях с внешнеэкономическими агентами. Региону удастся модернизировать экономику и сделать территорию привлекательной для бизнеса и проживания. Она становится территорией взаимодействия культур для развития эффективного партнерства России с другими странами.

## 6.4 СТРУКТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ПРИГРАНИЧНОГО ПЕРИФЕРИЙНОГО РЕГИОНА

В сложившихся условиях и тенденциях причиной развития региона может и должен выступать фактор, который способен стимулировать экономический рост в результате эффекта масштаба выпуска регионального продукта и увеличения регионального капитала. Источником искусственного конкурентного преимущества и соответственно экономической ренты являются инновации (возникающие в результате процессов генерации и диффузии новшеств), а не только фактора наличия и запаса природных ресурсов. Только в этом случае периферийный регион становится источником экономической ренты (за счет возрастающей отдачи) и способен на ее основе провести реиндустриализацию. В то же время свойства экономического пространства влияют на инновационный процесс, т. е. на создание, передачу и коммерциализацию нового знания, на распределение роялти между участниками процесса. Поэтому инновационная активность, порождающая возрастающую отдачу, по сути, отражает внутреннее состояние региональной экономической системы (географическую, институциональную, социальную укоренённости, весь ее определенный «генотип»), действующие институты и степень внешнего воздействия, влияние которого определяется складывающимися отношениями и рыночной властью, установившимися на межрегиональных отраслевых рынках.

Реиндустриализация, модернизация регионального хозяйства, инновационная деятельность должны опираться на прочный пространственный каркас и определенную промышленную базу с устойчивыми энергопроизводственными циклами. Суверенитет государства и его экономическая основа – импортозамещение в первую очередь должно начинаться с производства средств производства и восстановления энергопроизводственных циклов, формирующих территориально-производственное ядро того или иного экономического района и определяющих специализацию региона. Для этого требуется развитие всего экономического пространства, и центра и периферии, которая сегодня чрезвычайно чувствительна к инфраструктурному (восстанавливающего и обеспечивающего связность и единство пространства) и инновационному (дающего импульс развитию экономики региона) факторам.

Данные обстоятельства предопределяют протекционистскую политику в отношении северных периферийных территорий как политику правильных стимулов и соответствующей институциональной среды (правил игры), направленной на стимулирование промышленной и инновационной деятельности в северной периферии в целях модернизации всей российской экономики и продолжения институционального реформирования страны в контексте национальной безопасности. При этом программа промышленного и инновационного развития должна быть подкреплена не субсидиарной, а солидарной ответственностью центра и периферии.

Таким образом, для реализации модернизации экономики мешают системные ограничения экономики периферийного приграничного региона, выраженные в низкой ликвидности, недостаточной инвестиционной привлекательности, и институциональные особенности, определяющие пространственное распределение инвестиций. Чтобы создать ликвидность, помимо самого инвестиционного проекта следует воспроизвести определенные узлы экономического пространства, включая транспортные и инженерные сети, социальную инфраструктуру, здравоохранение, образование, а также преодолеть устаревшие стереотипы как со стороны зарубежных партнеров, так и российских.

С этой целью предлагаем три подхода структурной модернизации экономики приграничного периферийного региона.

**Первый подход** заключается в выборе стратегии *усиления позиции на отраслевых рынках* на основе *усиления специализации* экономики региона, фокусирования усилий на отдельных секторах экономики и технологий с одновременным повышением эффективности производств с учетом их включенности в глобальные цепочки создания добавленной стоимости и активном привлечении внешних инвестиций. Происходит отбор специализации и кооперирования, включения в межрегиональные и международные производственные цепочки, финансовые потоки.

В этом случае происходит фокусирование внимания на инвестиционном процессе, его организационном и институциональном обеспечении, акцентировании внимания на добавленной стоимости резидентных агентов в производственно-технологических цепочках, специализации и кооперировании. Следовательно, основные мероприятия данной стратегии будут связаны с оптимизацией структуры затрат, внедрением новых производственных технологий и оборудования, предоставлением преференций и заключением долгосрочных контрактов с инорегиональными и зарубежными партнерами, разработкой и внедрением иных механизмов развития предметной и технологической специализации и кооперирования.

В этих условиях привлекательным является создание кластеров и технопарков на базе действующих предприятий и научно-образовательной организаций, в рамках которых происходит развитие не только базисных секторов, но и развитие комплекса поддерживающих видов деятельности. К ним относятся отраслевые НИОКР, проектировочная деятельность, подготовка и переподготовка кадров, маркетинговая деятельность и др.

Второй подход в модернизации экономики заключается в ее структурной диверсификации на основе развития производственно-технологической и транспортно-логистической инфраструктуры и встраивания в глобальные цепочки создания добавленной стоимости в рамках трансграничных кластеров. Ожидаемый результат – создание предпосылок (в частности за счет развития приграничного сотрудничества) для диффузии инноваций, заимствование инновационных управленческих инструментов, диверсификации экономики, повышения его инвестиционной привлекательности региона и через этот процесс – реализация инновационно-технологического развития.

Основной упор делается на разработку мер по использованию возможностей развития, которые предоставляет внешняя среда (внешние инвестиции и экстерналии). К ним могут быть отнесены возможности для кооперирования и включения в существующие транспортные, торговые, финансовые, туристские логистические схемы, использование выгод географического положения, благоприятной рыночной конъюнктуры, а также бенефициарные фонды, международные программы и т. д.

Реализация данного подхода к модернизации экономики предполагает создание функциональных зон в виде инвестиционных и технологических площадок, технопарков или особых зон на базе бывших и действующих предприятий с предоставлением производственных помещений, подводом коммуникаций, транспортных путей и т. д. В результате формируется «набор» компактных инвестиционных площадок с необходимой инфраструктурой. Посредством специальных институциональных мер в них создается особый режим хозяйствования.

Предложенные стратегии позволяют полученные регионом внешние импульсы развития трансформировать во внутренние экономические процессы посредством новых проектов, формирования своих цепочек и контрактной сети, увеличения транзакций, создания специальных пространственных локальностей (особые экономические зоны и др.) и нового опорного каркаса регионального хозяйствования. В этом смысле термину «регион» придается экономическое значение как *формы организации производительных сил территории*.

**Третий подход** в чистом виде не применяется, но его элементы могут быть использованы в рамках первого и второго подходов в виде создания функциональных зон и новых технологий и технологических платформ, замещающих традиционные элементы цепочек создания добавленной стоимости в условиях консолидации местного сообщества.

Учитывая, что инновационная экономика не является широко распространенным явлением в ресурсно-ориентированном регионе, то очевидно недостаточно заявленных организационных усилий в рамках предложенных выше подходов развития экономики. Тогда требуется применение специальных методов по выбору прорывных направлений и концентрации усилий всего общества именно в этих прорывных направлениях. Речь идет о консолидации местного сообщества (получении *синергии*) в целях достижения стратегических целей.

Учитывая заданный императив – создание инновационной экономики – нам представляется, что тогда и направленность действий должна заключаться в объединении усилий представителей бизнеса, науки и государства, и на основе этого объединения выработке приоритетов на основе долгосрочного прогноза развития науки и техники в мире, стране и регионе, выявления критических технологий и прорывных направлений, разработке стратегических программ исследований и разработок и их реализации, на основе использования механизмов, например, таких как «технологические платформы», промышленные парки и т. д.

В качестве одного из возможных инструментов реализации приоритетов научно-технологического развития и развития научно-производственных связей можно рассматривать формирование т.н. «**технологических платформ**» (ТП). При этом какие-то из платформ позволят уточнить приоритеты в рамках существующих инструментов государственной поддержки инноваций. На основе других сформируются новые научно-производственные кооперации, что позволит уточнить состав и механизмы реализации бюджетных целевых программ, реализуемых на условиях частно-государственного партнерства. Его особенность – возможность использовать весь набор современных технологий управления научно-технологическим развитием, от государственных и межгосударственных проектов до мягких форм, связанных формированием совместного видения перспектив научно технологи-

ческого развития у всех его участников – государства, частных компаний, научного сообщества. Эффективность инструмента ТП определяется рядом факторов: сфокусированностью на решение конкретных задач развития бизнеса или публичного сектора; сильное представительство бизнеса в управлении ТП; четкие и прозрачные «правила игры» для всех участников, открытость платформы для «входа» новых участников.

Новые вызовы и нестабильность экономического развития формируют новую управленческую ситуацию. Российская экономика в результате кризиса, начавшегося по причине известных внешних и внутренних факторов, дестабилизирована. Произошло ухудшение основных экономических показателей, включая спад промышленного производства, снижение уровня и качества жизни населения. После перехода к рыночной экономике и реализации ее либерального формата происходит отток производительных ресурсов в мегаполисы (один вектор) и с востока на запад (другой вектор). Модель «сырьевой державы», и раньше вызывавшая обоснованную критику в связи с отсутствием внимания к развитию обрабатывающей промышленности, инфраструктуры (кроме той, которая обслуживает сырьевой комплекс) и нерациональным расходом нефтегазовых доходов, оказалась серьезной ловушкой. Вся экономика страны, включая доходы населения, обеспечивающие потребление, оказались полностью зависимы от сырьевой конъюнктуры и поступающих в страну долларов (как единственного финансового ресурса). При этом периферийные регионы с разреженным экономическим пространством и институциональной разобщенностью, и недостаточностью ресурсов рыночной и административной власти постепенно теряют бизнес и свое промышленное значение. Для преодоления негативных тенденций необходимо учитывать все системные риски.

Приграничные регионы становятся не просто институционализированными (включая согласование институтов сопредельных территорий) в определенном контексте национальной безопасности, но и будучи достаточно глубоко интегрированным в глобальные конструкции, формируемые на основе «расширения» контактной функции границы, выполняют важнейшую геополитическую роль России – поддерживая пространственные (географические) образы и культурные коды «русского мира». В этом смысле и надо понимать введенное понятие – «приграничный пояс России». Поскольку, стратегия развития территории имеет географическое измерение, то в новых геополитических условиях к приграничному поясу России надо подходить как к единому стратегическому объекту, находящемуся под постоянным геополитическим воздействием, выполняющим геополитическую роль зоны контроля лимитрофа и форпоста в реализации российских геополитических проектов, а также пояса защиты своих (российских и региональных) интересов.

Приграничный пояс России составлен в основном из периферийных территорий, которые менее заселены и недостаточно развиты в социально-экономическом отношении. Экономико-географический анализ показал, что разреженность экономического пространства приграничных регионов, высокие хозяйственные риски и отсутствие необходимой динамики в их развитии нарушает связность экономического пространства страны, создает наряду с внешними дополнительный вызов экономической безопасности России. В экономическом смысле они выступают как бы структурным барьером, препятствующим эффективному вхождению России в мировую экономику.

Приграничные периферийные регионы с ослабленным «иммунитетом» становятся более уязвимыми к внешней культурной и идеологической экспансии. Чтобы усилить их «иммунитет» необходимо разрешить системные противоречия в институциональном дизайне государственного управления. Необходимо разрешить системное противоречие между принципами федерализма, централизацией власти в России и необходимостью увеличения автономности региональных и особенно местных властей в целях повышения эффективности их экономик за счет внешних экстерналий, в том числе за счет приграничного сотрудничества. Необходимо увеличить вариативность институтов приграничного сотрудничества, вплоть до институционального принятия приграничной торговли. Сегодня уровень местного самоуправления (учитывая их полномочия и ресурсы) недостаточен, чтобы эффективно участвовать в приграничном сотрудничестве. В то же время именно местное самоуправление в европейской практике является активным игроком приграничного взаимодействия. По этой причине в России большое количество актов взаимодействия в сфере приграничной торговли уходит в тень и не становится системообразующим фактором местной экономики. В этом случае требуется найти специальные решения для устранения противоречий и решить институциональные задачи. Если приграничные муниципальные районы смогут получить статус особых зон, то это даст возможность в условиях действующего законодательства для приграничных территорий

предоставить определенные преференции. Кроме того в рамках действующего законодательства имеется возможность за счет придания преференций резидентам функциональных зон и форм государственно- и муниципально-частного партнерства разрешить возникшие институциональные и социально-экономические проблемы.

Успешное развитие приграничных регионов в значительной степени зависит от эффективного использования приграничного и трансграничного сотрудничества и элиминирования угроз, связанных со вступлением региона в систему международных экономических отношений с определенным экономическим и культурным базисом, соответствующим сложившемуся социально-экономическому генотипу, основой которого выступает определенный тип воспроизводства, региональные интересы, устойчивая региональная идентичность. В условиях динамичной трансформации экономического пространства реализация потенциала контактной (приграничной) зоны может и должна создать источник возрастающей отдачи и положительных экстерналий для решения проблем периферийных приграничных территорий и придать дополнительный серьезный фактор их социально-экономического развития.

В изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов необходимо способствовать утверждению культурных кодов российской нации, ее экспансии, усиливать интегративность сообщества и политику протекционизма при согласовании институтов сопредельных территорий.

Экономический и социальный порядок находятся в процессе активной трансформации. При этом роль все больше играют не только особенности конкретного общества, но и процессы экономической и социальной инженерии. Это имеет значение в условиях постмодернизма и глобализации, формирующей новый мировой порядок, и регионализации, которую рассматриваем в контексте формирования социокультурных и экономических связей на основе не только географической близости и расположенности территорий, но и институциональной и социокультурной близости (или степени неразобъединенности) и идентичности.

Такой подход позволяет вычлениить нечеткие формы в регионализации, найти пути в согласовании и гармонизации институтов и культурных кодов. Тогда граница – ключ к решению глобальных проблем, возникающих в контексте создания региональных комплексов безопасности. Последние понимаем в контексте концепции Б. Бузана(1991) и необходимости сопряжения институциональных дизайнов на региональном уровне (в пределах полномочий сопредельных территорий). При этом обязательно принять во внимание, что международные нормы и договоры не имеют приоритета перед Конституцией Российской Федерации и национальными интересами. Согласно ч.1 ст.15 Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящие исследования являются результатом комплексных исследований, проводимых в течение 2016–2018 гг. в соответствии с государственным заданием № АААА-А16-116122810228-6.

Актуальность работы обусловлена современными вызовами приграничной периферии России, необходимостью разработки теоретических оснований и аргументации в практической реализации путей и источников модернизации экономики и превращения периферийного пространства с его огромными территориями и запасами ресурсов в важнейший долгосрочный фактор развития страны, ее эффективная интеграции в мировое пространство.

В то же время ситуация в приграничной периферии, сложившаяся в результате совокупного действия внешних и внутренних тенденций, может быть охарактеризована скорее как ограничивающая возможности и роль регионов как полноправных участников геоэкономических и геополитических проектов. В этой связи отметим противоречие между функциональной ролью приграничной территории как своеобразного моста для взаимодействия и интеграции и ее проблемным состоянием, при котором трансграничное сотрудничество до сих пор остается практически слабо реализованным ресурсом. Намечился тренд выпадения приграничной периферии из общего эволюционного ритма развития российского пространства, что является причиной снижения геоэкономической субъектности и ослабления данных регионов. Кроме того, данное обстоятельство объективно провоцирует культурные и экономические экспансии на их территории со стороны сопредельных соседей.

В прошлые времена граница выполняла функцию барьера для материального проникновения жесткой силы. Сегодня барьер преобразуется в активную мембрану, противодействуя проникновению идеологических кодов и, в свою очередь, продвигая свою культуру с помощью мягкой силы. В результате глобализации и действия коммуникационных технологий граница становится маркером идентичности. Граница – не простая линия на карте. Это передний фронт столкновения культурных кодов, цивилизационных конфликтов. Граница обозначает индикаторы взаимодействий в условиях вызовов, воспринимаемых в контексте понятий *времени* и *пространства*. В этом смысле *география* (как фактор) имеет большое значение. Инструментом освоения и присвоения властью пространства выступают географические образы – устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности. В соответствии с вызовами эти образы изменяются и, как следствие, изменяются идейные основания и выстраиваются соответствующие механизмы государственного управления. Важнейшим инструментом управления являются коммуникационные технологии.

Интеграционные процессы, происходящие по периметру российских границ, относятся к макроструктурным возможностям для становления внутригосударственных регионов Российской Федерации в качестве акторов трансграничного сотрудничества. В то же время последнее до сих пор остается практически нереализованным ресурсом. Обязательным условием активизации трансграничного сотрудничества и успешного развития является адекватная федеральная политика, направленная на изменение устаревших базиса и структуры экономики, исправление фрагментарности экономического пространства. Российское законодательство в области внешней политики обеспечивает правовую основу международной политики субнациональных акторов, но без учета особенностей отдельных субъектов Федерации. Если в Европе приграничное и трансграничное сотрудничество воспринимается как компетенция региональных и местных властей, то в России сохраняется контроль международных связей региона со стороны государства.

Тем не менее, полагаем, что собственно приграничный регион обладает субъектностью (властные полномочия, введение институтов), однако как объект он не является монообъектом, т. е. скорее он есть результат фазового перехода или пересечение и соединение разных геоэкономических процессов (с пространственно-временной непрерывностью с не просто одинаковыми, но когерентными свойствами), синхронно эволюционирующих. Этот процесс отражается в некоей геометрической фигуре (инварианте) – области компетенции (не совпадающей с областью властных полномочий) и геоэкономического действия (расширяемого через интеграционные процессы, приграничное сотрудничество, глобальную инфраструктуру, новую регионализацию и т. д.), определяющего контуры формирования зоны влияния.

Экономический и социальный порядок находятся в процессе активной трансформации. При этом роль в новой регионализации все больше играют не только особенности конкретного общества, но и процессы экономической и социальной инженерии. Это имеет значение в условиях постмодернизма и глобализации, формирующей новый мировой порядок, и регионализации, которую рассматриваем в контексте формирования социокультурных и экономических связей на основе не только географической близости и расположенности территорий, но и институциональной и социокультурной близости (или степени неразобоченности) и идентичности.

В этой связи необходимо не только соответствующее институциональное строительство, а также эффективное применение инструментария мягкой силы. Последнее имеет значение не только по причине стабильного развития социокультурного пространства, но и по причине увеличения антропогенных мобилей (перемещения людей), которые сегодня все больше проявляют свойство инструмента геополитики и в этой связи становятся в отношении приграничных территорий важнейшим фактором, влияющим и на экономику, и на социальную сферу. Поэтому начальным пунктом стратегических исследований современных границ, на наш взгляд, должно быть изучение возникновения и эволюции территориальных идентичностей. До сих пор при стратегировании развития территорий к ним подходят как к производственному цеху, в котором трудится абстрактная рабочая сила. В то же время общество – это сложный организм, поддающийся (а зачастую и не поддающийся) разным измерениям.

В новой парадигме приграничные регионы представляются форпостом национальной идентичности и плацдармом для трансляции культурных кодов во вне (в пекло конкуренции культурных кодов) в целях формирования и удержания не только географического контура русского мира, но и его пространственно-временного континуума как целостной системы. В таком случае глубина стратегических решений определяется масштабом оценки последствий действия «географии» и необходимой проработанностью механизмов управления экономическим пространством, формируемым на платформе идентичности в контексте национальной безопасности и эффективного использования *геополитического потенциала* территории, формируемого в конкретном экономическом пространстве на платформе российской и региональной идентичности в контексте национальной безопасности страны.

Приграничные регионы становятся не просто институционализированными (включая согласование институтов сопредельных территорий) в определенном контексте национальной безопасности, но и будучи достаточно глубоко интегрированными в глобальные конструкции, формируемые на основе «расширения» контактной функции границы, выполняют важнейшую геополитическую роль России – поддерживая пространственные (географические) образы и культурные коды «русского мира». В этом смысле и надо понимать введенное понятие – «приграничный пояс России». Поскольку, стратегия развития территории имеет географическое измерение, то в новых геополитических условиях к приграничному поясу России надо подходить как к единому стратегическому объекту, находящемуся под постоянным геополитическим воздействием, выполняющим геополитическую роль зоны контроля лимитрофа и форпоста в реализации российских геополитических проектов, а также пояса защиты своих (российских и региональных) интересов.

**Таким образом, граница – зона сопряжения (в целях дивергенции или конвергенции пространств) институциональных матриц, осуществляемого в целях реализации коммуникаций экономически и культурно организованных пространств в контексте формирования региональных комплексов. Границу и приграничность надо воспринимать как элемент пространства, который стимулирует (в геоморфологическом смысле) рельефообразование и возникновение геоинвариантов в экономическом и социокультурном пространстве. Поэтому далее исследуем морфогенез – процессы и причины, порождающие рельеф и соответствующие системные риски развития приграничных регионов, а также проанализируем их влияние на рельефообразование геоэкономического пространства.**

Это становится чрезвычайно актуальным в условиях современных вызовов периферии России, когда ситуация в периферии, сложившаяся в результате совокупного действия внешних и внутренних тенденций, может быть охарактеризована скорее как ограничивающая возможности и роль регионов как полноправных участников геоэкономических и геополитических проектов РФ. В этой связи отметим устойчивые тренды: 1) декаплинг активно развивающихся центральных и отстающих периферийных территорий; 2) «выпадение» приграничной периферии из общего эволюционного ритма развития российского пространства, – что является причиной снижения

геоэкономической субъектности и ослабления данных регионов. Данные обстоятельства объективно провоцирует культурные и экономические экспансии на приграничные территории со стороны ближних соседей. Учитывая практику постоянного «продавливания» (своих интересов) со стороны США и других стран западного блока, можно ожидать уже в ближайшем будущем нарастающий вал территориальных претензий соседних с Россией стран и активизацию когнитивной войны (первый этап которой проявляется в нарастании экспансии культурных кодов извне на российскую территорию для создания инверсий в ее социокультурном пространстве).

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамова Н.А. Формирование трансграничного социокультурного пространства в условиях российско-китайского приграничья // Вестник ЗабГУ. 2012. № 9 (88). С. 80–84.
- Абрамова Т. Проблемы и перспективы туристской индустрии в России. Вестник Института экономики РАН, 2011, № 4, сс. 193–208
- Аветисян Р.И., Сердюкова Е.В. Особенности торговли в приграничных регионах // Экономическая наука сегодня: теория и практика: Материалы V Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 3 декабря 2016 г.). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – С. 144–149.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 693 с.
- Актюбинская область и Оренбургская область намерены усилить сотрудничество. [Электронный ресурс]. URL: <http://kazembassy.ru/en/mekonomika/8169-2017-04-28-07-05-04> (29.05.2017).
- Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
- Александрова А.Ю. Политико-административные границы: от барьера к туристскому ресурсу. Вестник Московского университета. Серия 5. География, 2012. № 3, сс. 15–20.
- Александрова А.Ю., Ступина О.Г. Туристское регионоведение: влияние региональной интеграции на мировой туристский рынок. М.: КНОРУС, 2014. с. 176.
- Александрова Н.В. Математические термины. М.: Высшая школа, 1978. 190 с.
- Алексеев И., Тимофеев И. Евразийское направление внешней политики России: интересы, возможности и ограничения. Режим доступа: [http://russiancouncil.ru/inner/?id\\_4=7018#4](http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7018#4) (23.03.2016).
- Андронов И. С. Мигранты в социокультурной структуре населения мегаполиса // Социология и право. 2014. № 1. С. 55–60.
- Анохина Н. В., Малаканова О. А. Политическая коммуникация // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: сб. учеб. материалов / под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М.: Инфра-М, 2001. 321 с.
- Анохина Н.В., Малаканова О.А. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: учебно-методическое пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 36 с.
- Аттокурова Н.С., Макеева М.Т. Возможности SWOT-анализа при исследовании проблем экономической интеграции // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. 2016. Т. 16. №2. С. 183–186.
- Бабина В.А., Уваров В.А. Международный опыт управления приграничной торговлей. // Власть и управление на Востоке России, 2010, № 3. С. 20–28.
- Базегский Д.В. Законодательство России и Финляндии в карельском коробейничестве в XIX – нач. XX вв. // Вопросы истории европейского севера. Сборник научных статей. Петрозаводск, 1993. С. 43–51.
- Байдулин М.С. Обеспечение экономической безопасности ЕАЭС на основе развития экономической интеграции стран СНГ: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 2017. 355 с.
- Балтийское море: от координации стратегий к процветанию макрорегиона / под ред. Ахутиной Д. В., Совершаевой Л. П. СПб.: НИУ ВШЭ. 2013. 99 с.
- Баринов С.Л. Барьеры приграничных социокультурных коммуникаций в зоне нового западного приграничья России // Известия РАН. Серия географическая. 2011. №1. С. 45–54.
- Барыгин И.Н. Теория международных отношений и регионоведение в контексте основных научных парадигм // ПОЛИТЭКС. 2005. №3. С. 114–123.
- Бевз В.Н. Инвариантный аспект пространственно–временной организации склоновых ландшафтов // Вестник Воронежского ГУ. Серия: География. Геоэкология. 2002. №1. С. 48–52.
- Богданов А.А. Тектология (Всеобщая организационная наука): в 2 кн., кн. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.
- Большая экономическая энциклопедия. М., Эксмо, 2007
- Большечев О.Н., Гуменюк И.С., Кузнецова Т.Ю. Роль местного приграничного передвижения в развитии розничной торговли в Калининградской области Российской Федерации и приграничных регионах ЕС // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 135–149.
- БРИКС вместо «большой восьмерки». [Электронный ресурс]. URL: [http://http://izvestia.ru/news/574261#ixzz3k6oRz09N](http://izvestia.ru/news/574261#ixzz3k6oRz09N) (10.09.2015)
- Буданова И.А. Еврорегионы как акторы мировой политики, Материалы 4-го Конвента РАМИ Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. 2007. Т.1. С. 2–7.
- Бударин Г. Еврорегионы с участием России: история создания и перспективы развития // Материалы XIV конференции "Мастерская будущего" (Германия). М., 2009. С. 34–42.
- Бураковский И.В. Экономическая интеграция и безопасность на постсоветском пространстве // Мечи и орала: экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / под ред. Р. Легволда, С. Уолландер. М.: Интердиалект, 2004. С. 193–224.

- Буфетова А.Н. Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России // *Пространственная экономика*. №3. 2016. С. 38–56.
- Бухер С. Конкурентоспособность России на глобальном туристическом рынке / *Экономика региона*, 2016. Т. 12. Вып. 1. С. 240–250.
- Вавулинская Л.И. Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса) [Электронный ресурс]. URL: [http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2008/granitsa\\_065-76.pdf](http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2008/granitsa_065-76.pdf)
- Валовая М.Д. БРИКС и ЕАЭС: экономические перспективы новых региональных форматов. Режим доступа: [ukros.ru/wp-content/uploads/2015/12/валовая.doc/](http://ukros.ru/wp-content/uploads/2015/12/валовая.doc/) (03.03.2016).
- Вардомский Л.Б. Приграничный пояс России, проблемы и тенденции развития // *Россия и современный мир*. 2000. №2. С.133–151.
- Вардомский Л.Б. Проблемы регионального развития в контексте российского федерализма // *Будущее российского федерализма: политический и этнический факторы (25–26 февраля 2000 г.)*. [Электронный ресурс]. URL: <http://federalmcart.ksu.ru/conference/konfer1/vardomskii.htm>
- Вардомский Л.Б. Межрегиональная дифференциация социально-экономического развития в России (на примере приграничных регионов) // *Мир перемен*. 2008. №2. С. 47–60.
- Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
- Вардомский Л.Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // *Пространственная экономика*. 2017. № 4. С. 23–40. DOI: 10.14530/se.2017.4.023-040.
- Вардомский Л.Б., Скатерщикова Е.Е. Внешнеэкономическая деятельность регионов России. М.: КНОРУС, 2010. 448 с.
- Веб-сайт посольства Финляндии в Москве. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finland.org.ru/public/default.aspx?contentid=205730&contentlan=15&culture=ru-RU> (проверено 27.01.2016).
- Величкина А.В. Проблемы развития туристской инфраструктуры региона (на примере Вологодской области) // *Проблемы развития территории*, 2013. №. 4 (66). С. 40–48.
- Вендина О.И. Города на границе: испытание этнокультурным разнообразием // *Городские исследования и практики*. 2016. Т. 1. № 3 (4). С. 7–30.
- Веселова Э.Ш. Россию «разрежут» по-новому // *ЭКО*. 2018. №6. С. 7–19.
- Виноградов Б.А., Пальмов В.Г. Оборонная промышленность и российские вузы. СПб: Изд-во Полит. ун-та, 2014. 346 с
- Возвращение Срединной империи. Режим доступа: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/vozvraschenie-sredinnoy-imperii> (14.03.2016).
- Вызовы евразийской безопасности в XXI в. и Евразийская идея. Режим доступа: <http://eurasian-movement.ru/archives/18520> (18.04.2016).
- Выступление Министра иностранных дел Финляндии Эррки Туомийя <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentId=307428&nodeId=49150&contentlan=2&culture=en-US>
- Галиуллина Г. С., Воцкий А. З. Геоэкономическое пространство конкуренции региональной экономики // *Вестник ЧелГУ*. 2006. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geoekonomicheskoe-prostranstvo-konkurentsii-regionalnoy-ekonomiki> (дата обращения: 05.10.2018).
- Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2012. Т. 22. №4. С. 22–41.
- Глазырина И.П., Колесникова А.В., Монич И.П. Развитие приграничной экономики: динамика в период роста и первые итоги кризиса // *Экономика природопользования*. №1. 2010. С. 20–34.
- Глушенко К.П. Исследования неравенства по доходам между российскими регионами // *Регион: экономика и социология*. 2010. № 4. С. 88–119.
- Гнатюк В.И. Оптимальное построение техноценозов. Теория и практика // Вып. 9. «Ценологические исследования». М.: Центр системных исследований. 1999. 272 с.
- Горохова З.Н. Экономическая география и регионалистика: Учебное пособие. Новосибирск: СибАГС, 2004. 220 с.
- Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. М.: ГУВШЭ, 2000. 495 с.
- Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю. Сцилла и Харибда региональной политики // *Вопросы экономики*. 2008. №2. С.83–98
- Громцев Н.А., Дружинин П.В., Кухарева Т.В. Республика Карелия – экспортоориентированный приграничный регион // *Север и рынок*. 2003. №2. С. 32–38.
- Громцев Н.А., Кухарева Т.В., Дружинин П.В. Влияние внешнеэкономических связей и приграничного положения Карелии на развитие экономики // *Карелия в процессе перемен*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2004. С. 22–31.
- Грунт Е.В. Потребительское поведение населения российского мегаполиса при занятии шопингом // *Социум и власть*. 2015. №2 (52). С. 12–18.

- Гурова О. Ю. Почему петербуржцы отправляются за покупками в Финляндию? Исследование трансграничного шоппинга // Экономическая социология. Т. 13. № 1. Январь 2012. С. 18–37.
- Гурова О., Ратиланен С. «Турист с Востока»: очерк о восприятии российского потребителя финской прессой // Экономическая социология. 2015. Т. 16. № 3. С. 26–45.
- Гуселетов Б.П. О перспективах трансформации постсоветского пространства и его роли в системе международной безопасности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spravmir.ru/speeches/301-o-perspektivakh-transformatsii-postsovetskogo-prostranstva.html>.
- Дадалко В.А., Лебедев И.А., Трунцевский Ю.В. Единые государственные стандарты по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов Российской Федерации / под ред. В.К. Сенчагова, В.М. Безденежных, В.И. Авдийского. СПб: Образовательный центр «СоветникЪ», 2014. 160 с.
- Дворядкина Е.Б., Кайбичева Е.И., Гончарова Н.И. Управление пространственным развитием региона: опыт, наследие и задачи на будущее // Вестник АГТУ. Серия Экономика. №4. 2017. С. 60–67.
- Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. 289 с.
- Дмитриева, Т. Е. Периферийность: содержание, оценка, экономические следствия // Проблемы приграничных регионов России. М.: ИГ РАН, 2004
- Дмитриева, Т. Е. Северное измерение ресурсопользования // Север как объект комплексных региональных исследований / отв. ред. В.Н. Лажнецов. Сыктывкар, 2005.
- Дози Дж. Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы // Вопросы экономики. 2012. №12. С. 31–55.
- Доклад о мировом развитии 2009: новый взгляд на экономическую географию. М.: Издательство «Весь мир», 2009. 384 с.
- Дроздов К.А. Инвариант как одно из важнейших свойств ландшафта // Вестник Воронежского отделения Русского Географического общества. 1999. Т.1, вып. 1. С. 44–45
- Дружинин П.В. Развитие экономики приграничных регионов в переходный период. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. 245 с.
- Дружинин П.В. Прогнозирование развития экономики приграничного региона: проблемы и методы // Экономика Северо-запада: проблемы и перспективы развития. 2006. №4. С. 36–44.
- Дружинин П.В. Сравнительный анализ развития приграничных регионов Юга и Севера Европейской части России // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы. Вып. 8. Волгоград: ВГУ, 2007. С. 233–244.
- Дружинин П.В., Кухарева Т.В. Развитие приграничных регионов: теория и карельская практика // Региональная экономика: теория и практика. 2012. №8. С. 2–9.
- Дугин А. Экономическая безопасность постсоветского пространства // Вестник аналитики. 2008. №3. С. 104–110.
- Зимичев А.М. Психология политической борьбы. М.: Ломоносов, 2010. 208 с.
- ЕАЭС и Новый Шелковый путь могут объединить усилия по созданию коридора между Европой и КНР. Режим доступа: <http://www.dialogi.ru/discussions/62/2445.html> (19.02.2016).
- Еврорегион Карелия. URL: <http://www.euregiokarelia.com/ru/web/euregiokarelia/> (17.07.2018)
- Ежегодный доклад ЮНИДО, 2011 год // Организация объединенных наций по промышленному развитию (ЮНИДО). 2012. С.39–63
- Емельянов В.Е. Перспектива трансформации промышленных комплексов в транснациональные кластеры // Поиск. Выпуск 10. Серия «Экономические исследования». Мурманск: МГТУ, 2005. С. 50–55.
- Зазаева Н.Б. Политические коммуникации в современной России // Власть. 2012. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-kommunikatsii-v-sovremennoy-rossii>.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 3. С. 8–21.
- Зимичев А.М. Психология политической борьбы. М.: Ломоносов. 2010. 208 с.
- Зонова Т.В. Публичная дипломатия и ее акторы. НПО – инструмент доверия или агент влияния? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – 7.08.2012. – Режим доступа: [http://russiancouncil.ru/inner/?id\\_4=681](http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681) (17.07.2018)
- Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5279> (дата обращения 06.08.2018).
- Зяблова О.В. Ресурсные энерго-вещественные циклы как инструмент регионального анализа // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 418–419.
- Изард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 660 с
- Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. №3. 2013. С.123–160.
- Илюха О.П. Повседневность советско-финляндского пограничья 1930-х годов в воспоминаниях о детстве // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. №4. С. 124–133.
- Илюха О.П., Муллонен И.И. Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов Серия: Гуманитарные исследования. Петрозаводск. 2008. С. 65–76.

Ильченко А.Н., Ма Цзюнь. Интегральная оценка уровня развития социально – экономической инфраструктуры региона. Экономические науки «Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение». № 4 (32). 2012.

Интеграционный барометр ЕАБР // Евразийский банк развития. URL: [http://www.eabr.org/general/upload/СН%20-%20izdania/2015/Barometr-2015/EDB\\_Centre\\_Report\\_33\\_Analytical\\_Summary\\_RUS.pdf](http://www.eabr.org/general/upload/СН%20-%20izdania/2015/Barometr-2015/EDB_Centre_Report_33_Analytical_Summary_RUS.pdf) (4.06.2016 г.).

Искакова Г.К. Взаимодействие и сотрудничество государств-членов ШОС в контексте региональной безопасности: уроки, вызовы и перспективы. *Экономика региона*. 2012. № 4. С. 237–243.

Каким был Великий шелковый путь? Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2981708> (22.01.2016).

Каледин Н. В., Корнеевец В. С. Трансграничное сотрудничество в Балтийском регионе – к новым пространственным формам международной экономической интеграции // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2007. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgranichnoe-sotrudnichestvo-v-baltiyskom-regione-k-novym-prostranstvennym-formam-mezhdunarodnoy-ekonomicheskoy-integratsii-1> (дата обращения: 06.01.2019).

Камински Б., Митра С. Клубок шелка: безграничные базары и приграничная торговля в Центральной Азии. URL: <http://static.akipress.org/127/.storage/analytics/files/f451bbf33ae4a55f76b98dc9803112cd.pdf> (дата обращения 11.10.2015)

Капралова Н. Л., Карасева Л. А. Челночный бизнес в российской экономике: роль и оценка масштабов // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 9, N 3. С. 400–411.

Карачев И.А. Региональное геоэкономическое пространство России через призму кластерного подхода // Приоритетные направления развития науки и образования. № 3 (6). 2015. С. 309–313.

Каргинова В.В. Методические подходы к комплексной оценке экономического потенциала региона и уровня его использования // Экономический анализ: теория и практика. 2016. №8. С. 86–97.

Каргинова В.В. Особенности экономической политики по согласованию интересов региональных акторов // Современная экономика: проблемы и решения. 2016а. Том 3. С. 96–111.

Каргинова В.В. Вариантность институтов как фактор перехода к устойчивому развитию // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики», 20–22 апреля 2016 г., г. Санкт-Петербург / СПб.: Стратегия Будущего, 2016б. Том 2. С. 50–54.

Каргинова В.В. Склонность к риску при управлении личными и корпоративными средствами // Финансовый менеджмент. 2017. №2. С. 43–51.

Карелия за год потеряла четверть финских туристов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fontanka.fi/articles/34329/>.

Касаткин П.И. Культурное пространство: аксиологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 145–156.

Каурова Н.Н. Системные риски в новой экономике // Вопросы инновационной экономики. 2011. № 8 (8). С.3–9. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/14573/>

Килин, Ю.М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. Петрозаводск, 2012. 162 с.

Кирдина С.Г. Методологический институционализм как новый принцип анализа сложных социальных систем на мезоуровне // TERRA ECONOMICUS. 2016. Т.14. №1. С. 98–108.

Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И. Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // Журнал институциональных исследований. 2017. Т.9. №3. С. 6–23.

Клейнер Г.Б. Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6, № 3. С. 27–50

Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец "Рах Americana" / А.Б. Кобяков. – М.: Вече, 2003. 368 с.

Колесников Н.Г. Приграничность и периферийность как факторы экономического развития региона // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. Т. 3. № 31. С. 117.

Колесников Н.Г., Толстогузов О.В. Структурные изменения экономики СЗФО: вызовы и возможности периферийных регионов // Материалы Научно-практической конференции с международным участием, посвященная К.И. Арсеневу "Вопросы экономической географии и статистики пространственного развития". Петрозаводск, Из-во КарНЦ РАН, 2014. С. 185–187.

Колесников Н.Г., Толстогузов О.В. Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект // Балтийский регион. 2016. Т.8, №2. С. 30–47.

Колмыкова Т.С., Ситникова Э.В., Третьякова И.Н. Кредитные ресурсы в решении задач модернизации национальной экономики // Финансы и кредит. 2015. №14. С. 2–11.

Коломак Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. №2. С. 132–150.

Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная Экономика. 2014а. № 4. С. 82–99.

Коломак Е.А. Эволюция пространственного распределения экономической активности в России // Регион: экономика и социология. № 3. 2014б. С. 75–93.

- Коломак Е.А., Трубехина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области / Первые чтения памяти профессора Б.Л.Овсиевича «Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии». Санкт-Петербург: Нестор-История. 2013. С.99–102.
- Колосов В.А. Политическая география. Проблемы и методы. М., 1988. 190 с.
- Колосов В.А. Теоретическая лимнология // *Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ* / Отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатуров. М., 2005. С. 98–127.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
- Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 1997. № 5. С. 106–113.
- Конвенция о приграничном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств. Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=2510> (05.03.2017)
- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
- Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248) (4.01.2017 г.).
- Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года. Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5135> (05.03.2017)
- Копытова О.Н. Дифференциация западных приграничных регионов РФ по уровню социально-экономического развития // *Актуальные вопросы развития национальной экономики: Материалы Международной заочной научно-практической конференции* (Пермь, 15 апреля 2015 г.). Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2015. С. 266–279.
- Корнеев В.С., Семенова Л.В. Кластерный подход в развитии туризма Калининградской области. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 2013, № 9, сс. 153–159.
- Костайнен А. Политический туризм между Финляндией и СССР в период между 1950–1980 гг. // *Туристские фирмы*. Вып. 15. СПб.: ОЛБИС, 1997. С. 247–248.
- Кострова Ю.Б., Минат В.Н. Региональная экономическая безопасность и антикоррупционная политика: оценка, управление, совершенствование. Рязань: ООО «Издательство «Концепция», 2014. 312 с.
- Кочетов Э.Г. Инновационное обустройство глобального мира. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2014. № 3 (9). С. 53–67.
- Кретьинин Г., Осташкова Т. Малое приграничное движение как предмет исторического исследования и современность // *Acta humanitarica universitatis Saulensis*, 2012. Т. 14. с. 314–321
- Кропинова Е.Г., Зайцева Н.А. Разработка сценариев развития туризма в Калининградской области до 2030 года. *Региональные исследования*, 2015, № 4 (50), сс. 126–131.
- Кругман П.Р. Пространство: последний рубеж // *Пространственная экономика*. 2005. №3. С. 121–126.
- Кругман П.Р., Обстфельд М. *Международная экономика: теория и политика*. СПб.: Изд-во «Питер», 2004.
- Кудрин Б.И. *Введение в технетику*. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. 552 с.
- Кузнецов, С.В. Стратегия научно-технического развития Северо-запада как инструмент региональной политики // *Экономика региона*. 2011. № 3. С. 23–28.
- Кучинская Т.Н. Трансграничье как потенциальное пространство соразвития России и Китая // *Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра*. 2012. № 11. С. 51–59.
- Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века // *Сравнительная политика*. 2015. Т.6. №2 (19). С.16–21.
- Ламашева Ю. А. Факторы формирования транснациональной идентичности в Северо-Восточной Азии, Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. №2(30). С. 42–50.
- Ларионов И.К., Овчинников В.В., Гуреева М.А. Синергия управления безопасностью и прогрессом в социально-экономическом развитии России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2017. 512 с.
- Лаумулин М. Безопасность Центральной Азии в контексте ситуации в Афганистане после 2014 года. *Центральная Азия и Кавказ*. 2013. т. 16. вып. 3. С. 7–23.
- Лачининский С.С. Эволюция экономического пространства России в начале XXI века: геоэкономический подход // *Социально-экономическая география: вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*. 2012. №1. С. 258–268. [Электронный ресурс]. URL: [http://ecgeo.spbu.ru/doc/economic\\_space\\_evolution.pdf](http://ecgeo.spbu.ru/doc/economic_space_evolution.pdf)
- Лебедева, Т.Н. Определение критериев оценки взаимодействия центра и периферии в экономическом пространстве // *Труды научных сессий МИФИ. Т.13 «Экономика и управление»*. 2007. С. 40–42
- Лепешев Д.В. Евразийская цивилизационная идентичность: к определению понятия. *Наука и бизнес: пути развития*, 2014. №4 (34). с. 28–31.
- Ли Синь. Конкуренция между Великим Шелковым путем и Трансевразийским поясом развития уже снята. Режим доступа: <http://www.gudok.ru/transport/zd/?ID=1278551> (22.01.2016).
- Лисоволик Я.Д. *Конкурентная Россия в мире «конкурентной либерализации»*. М.: Изд-во «Экономика», 2007. 446 с.
- Ломакин В.К. *Мировая экономика: учебник*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 735 с.
- Лукин Ю.Ф. *Великий передел Арктики*. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. 400 с.

- Макаров В.Л. Угроза перерождения экономики знаний под воздействием либерального рынка // Экономика региона. 2010. №3. С. 7–19.
- Макарычев А.С. Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности. Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 3. С. 137–150.
- Маркушина Н.Ю. «Северная модель» и политика России // Обозреватель. 2011. №5. С. 51–59.
- Мартынов В.Л. Коммуникационная среда и региональное развитие России. СПб.: Гидрометеоздат, 2000. 160 с.
- Мартышенко Н.С. Туристский потенциал Приморского края и перспективы развития туристской индустрии на его территории // Народное хозяйство. Вопросы инновационного развития. 2011. – №1. – С. 74–88.
- Материалы Международной конференции «Пятые Арсеньевские чтения». Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2009.
- Межгосударственный статистический комитет СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisstat.com/>.
- Международный кодекс для судов, эксплуатируемых в полярных водах, 2017 <http://www.imo.org/en/MediaCentre/HotTopics/polar/Documents/POLAR%20CODE%20TEXT%20AS%20ADOPTED.pdf>
- Межевич Н.М. Развитие приграничных российских регионов в свете Концепции МРР РФ // Российское экспертное обозрение. 2006. №4. С.10–15.
- Межевич Н. М. Муниципальная внешнеэкономическая политика // Космополис. 2008. № 2. С. 153–157.
- Межевич Н. М. Приграничное сотрудничество и практика деятельности еврорегионов на Север-Западе России и в Республике Беларусь. СПб.: Изд-во «Левша. Санкт-Петербург», 2009. 260 с.
- Межевич Н.М., Черняк С.Я. Специфика стратегического планирования в приграничных городах и регионах. [Электронный ресурс]. URL: [http://notabenenord.net/sites/default/files/event\\_files/87.pdf](http://notabenenord.net/sites/default/files/event_files/87.pdf).
- Межевич Н.М., Ткачев С.А. Приграничное сотрудничество: новое положение в системе факторов регионального развития Северо-Запада России // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. №1. 2017. С.69–74.
- Мелехин В.А., Кротов А.В., Мамешина Н.С. Евразийская идентичность как фактор интеграции российского общества. Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве, 2015. № 3–1. с. 37–41.
- Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Северным Советом Министров об учреждении Информационного бюро Северного Совета Министров в г. Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/9050335>
- Милюкова И.А., Терентьев К.Ю., Такала И.Р., Кулешова А.В., Лапшин А.А. Финляндия глазами жителей Республики Карелия: социологический опрос 2017 // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2017. Выпуск 2. DOI: 10.15393/j103.art.2017.785
- Минц А.А., Преображенский В.С. Функция места и ее изменение // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1970. №6. С. 118
- Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. А.Д. Вознесенского. М.: ИНФРА-М, 2014. 416 с.
- Михайлов С. А., Васильев В. М., Помогаев В. Ф. Повышение энергоэффективности как ключевой фактор достижения энергетической безопасности в России // Энергосбережение. 2006. № 5. С. 52–56.
- Михеев В., Луконин С., Чже С. Многовариантность: большой стратегический ответ Си Цзиньпина. Мировая экономика и международные отношения. 2015. т. 59. № 12. С. 5–14.
- Михеева Н.Н. Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок? // ЭКО. 2018. №5. С. 158–178.
- Мишучков А.А. Цивилизационная перспектива Евразийско интеграции. Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 9 (184). С. 4–10.
- Модернизация и экономическая безопасность России / под ред. акад. Н.Я. Петракова. – М.-СПб.: Издательство Нестор-История, 2014. 482 с.
- Молостов А.Н. Политико-экономическая кластеризация ресурсов приграничных регионов как необходимое условие безопасности Российской Федерации // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. №5. С. 292–296.
- Морозова В.С. Восточный вектор России в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия Российская Федерация – Китайская народная республика: интеграция, соразвитие или диалог? // Российско-китайские исследования. 2017. № 1. Т. С. 63–71.
- Морозова Т.В. Карельская модель трансграничного сотрудничества и развитие приграничных местных сообществ // Экономическая наука современной России. 2006. № 1. С. 73–89.
- Морской Шелковый путь. Бросок к Индийскому океану. Режим доступа: [http://dergachev.ru/analit/The\\_Great\\_Silk\\_Road/11.html#Vv1PPeKLTIU](http://dergachev.ru/analit/The_Great_Silk_Road/11.html#Vv1PPeKLTIU) (18.03.2016).
- Муратшина К.Г. Программа сотрудничества приграничных регионов России и Китая в контексте перспектив и рисков в межрегиональном взаимодействии двух стран. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3167#comment-713> (дата обращения 15.11.2015)
- Мухаметов Р. С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 84–90.

- Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006. 397с.
- Немкович Е.Г., Шмуйло Т. П., Степанова С.В. Методические подходы к оценке инфраструктурного каркаса северного приграничного региона России // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 400. С. 231–237 – DOI: 10.17223/15617793/400/37
- Нестерова И.С. Карельские торговцы в великом княжестве Финляндском // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа. Петрозаводск, 2012. С. 301–308.
- Нестерова И.С. Приграничная торговля сельского населения Великого княжества финляндского и Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. №5. С. 24–29.
- Николаевская Ю.В. Состояние инфраструктуры туризма в Приморском крае // Вестник ТГЭУ. 2009. №4. С. 21–31
- Новая программа сотрудничества Северных стран и России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.norden.org/en/nordic-council-of-ministers/ministers-for-co-operation-mr-sam/russia/nordic-co-operation-with-russia/novaia-proghramma-sotrudnichiestva-sieviernykh-stran-i-rossii-about-the-nordic-co-operation-with-russia>.
- Новый экономический и юридический словарь. М., Институт новой экономики, 2003.
- Нойманн И. Создание регионов: Северная Европа. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство. 2004. С.157–191.
- Оболенский В. Глобализация регионализма: вызовы и риски для России. Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 9. С. 5–13.
- Огородников Е., Ремизов М. За краем нефтегазового горизонта // Эксперт №42. 2018. С. 24–37.
- Окунева А. В., Яковенко Г. В., Рябов Д. В. Типологические характеристики приграничных районов Российской Федерации // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2012. Выпуск № 2. Том 3. С. 248–251.
- Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.
- Осипов В.А., Шарыгин М.Д. Энергопроизводственные циклы: проблемы теории и практики. Л.: Наука, 1988. 120 с.
- Особенности социально-экономического развития и модернизации приграничного региона / под общ. Ред. Ю.В. Савельева, О.В. Толстогузова. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2015. 490 с.
- Отчет НИР по теме «Регионы России в меняющемся мировом пространстве: производство знаний как фактор геоэкономической конкуренции». Петрозаводск, 2018.
- Официальный сайт МИД РФ «Председательство РФ в СБЕР» <http://beac-russia.com/priority>
- Официальный сайт Правительства Архангельской области <http://dvinanews.ru/>
- Официальный сайт Правительства Республики Карелия [http://gov.karelia.ru/gov/News/2015/11/1126\\_09.html](http://gov.karelia.ru/gov/News/2015/11/1126_09.html)
- Официальный сайт Федерального агентства по туризму. URL: <http://www.russiatourism.ru/>. (Дата обращения: 17.04.2017).
- Павлов Е.В. Политическая система переходного общества в условиях глобализации: центральноазиатская специфика. Москва, Бишкек: Издательство КРСУ, 2008. 208 с.
- Павлов П.В. Приграничная торговля как особый режим осуществления внешнеторговой деятельности: правовое обеспечение и государственное регулирование // Юрист – Правоведь. 2009, № 3. С. 29–33.
- Павлов П.В. Приграничная торговля как часть приграничного сотрудничества России с иностранными государствами: проблемы административно-правового регулирования // NB: Административное право и практика администрирования, 2013. № 2. С.1–71.
- Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. 34 с.
- Пашков А.М. Коробейники. URL: <http://ptzgovorit.ru/encyclopedia/kk/korobeiniki> (Дата обращения 30.01.2017)
- Пашковская И. Г. Деятельность Европейского Союза в России по программе ТАСИС. Мировая экономика и международные отношения. 2007. №8. С.42–51.
- Перельгин Ю.А. Граница должна стать инфраструктурой для развития. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ids=132&ida=1359&idv=1361>
- Периль Б. Приграничное сотрудничество на Северо-Западе России // Российское экспертное обозрение. 2006. №4. С.20–22.
- Петросян Л.А., Зенкевич Н.А., Шевкопляс Е.В. Теория игр. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 432 с.
- Пилясов А. Н. Новая экономическая география и её потенциал для изучения размещения производительных сил России // Региональные исследования. 2011. №1. С. 3–31.
- Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 544 с
- Писаренко А.И., Страхов, В. В. Лесное хозяйство России: от использования к управлению. М.: Юриспруденция. 2005. 551 с.
- Питухина М.А., Сигова С.В. Ключи к успеху: опыт миграционной политики в Финляндии // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 35–38.
- Подгорная А.В., Некрасова Л.В. Методологические аспекты оценки дифференциации уровня социально-экономического развития приграничья // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2014. №1. С. 91–94.

Покровская В.В. Приграничная торговля как составляющая внешнеэкономической политики государства // Российский внешнеэкономический вестник, 2013, №3, С. 28–46.

Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / ред. Л.Н. Тимофеева. М.: Российская Ассоциация политических наук (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012.

Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 34–56.

Пресс-релиз МИД РФ, 2016. [http://www.mid.ru/foreign\\_policy/news/-/asset\\_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2015251?p\\_p\\_id=101\\_INSTANCE\\_cKNonkJE02Bw&\\_101\\_INSTANCE\\_cKNonkJE02Bw\\_languageId=en\\_GB](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2015251?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB)

Приграничное сотрудничество Карелии с Финляндией / Стат.сб. Карелиястат, Петрозаводск, 2006. 18 с.

Приграничное сотрудничество Карелии с Финляндией (внешнеэкономические связи) / Стат.сб. Карелиястат, Петрозаводск, 2011. 31 с.

Продажи среди россиян в Лаппеенранте выросли на треть. URL: <https://colibris.ua/countries/finland/news/2175/> (Дата обращения: 17.04.2017). Prodazhi sredi rossijan v Lappeenrante yrosli natret'. [Sales among Russians in Lappeenranta have tripled], available at: <https://colibris.ua/countries/finland/news/2175/> (accessed: 17.04.2017)

Проекты программ приграничного сотрудничества. URL: <http://www.cbcpjprojects.eu/ru> (дата обращения: 4.12.2016 г.).

Прокопьев Е.А., Дружинин П.В. Возможности формирования трансграничных кластеров в России. Международная экономическая интеграция: Материалы V Молодежного экономического форума, 14–15 ноября 2013 года. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 2013. с. 177–182.

Пузаченко Ю.Г. Инвариантность геосистем и их компонентов // Устойчивость геосистем. М., 1983. С. 32–41.

Рангаева А., Кизыма Р. Россияне заменили финский шопинг на интернет-магазины URL: [http://www.rbc.ru/spb\\_sz/06/10/2015/5613cd629a79470b2fbd6bd3](http://www.rbc.ru/spb_sz/06/10/2015/5613cd629a79470b2fbd6bd3) (дата обращения 11.10.2015)

Растворцева, С.Н. Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии. М.: Экон-информ, 2013. 131 с.

Реймер Л.А. Тенденции и проблематика региональных экономических исследований // Труды Института системного анализа РАН «Теория и практика системных преобразований». 2004. Т.10. С. 262–278

Реестр подписанных международных документов о межрегиональном и приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ. Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=19901> (05.03.2017)

Решение роли Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ в развитии межрегионального сотрудничества государств – участников СНГ. Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=4990> (05.03.2017)

Розанова Л.И., Морошкина М.В. Анализ влияния процесса концентрации на развитие регионов Северо-западного федерального округа // Экономический анализ: теория и практика. 2015. №22. С. 52–62.

Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб./Росстат. М., 2015. 728 с.

Россияне снова едут на шопинг URL:<http://fontanka.fi/articles/31620/> (Дата обращения: 17.04.2017). Rossijane snova edut na shopping [Russians again go shopping], available at: <http://fontanka.fi/articles/31620/> (accessed: 17.04.2017)

Русская Финляндия. 2016. Доступ: <http://www.vse.fi/immigration/poleznaja-informacija/98-ruskaia-finlandia> (проверено 27.01.2016).

Рыжова Н.П. Пространственные эффекты международной экономической интеграции // Пространственная экономика. 2012. №4. С. 28–48.

Рыжова Н., Журавская Т. Трансграничный шопинг на российско-китайской границе: кризис, перформативность и восприятие «себя» // Этнические рынки в России: пространство торгового и места встречи.. Иркутск. Изд-во ИГУ. 2015. 343 с.

Самарина, В.П. Проблемный регион как объект анализа и управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. № 5. С. 46–52.

Санкции подрывают приграничную торговлю с Финляндией, 27.10.2014, URL: <http://www.infotekst.ru/zhaloba-na/sankcii-podorvali-prigranichnyu-torg.html> (дата обращения 11.10.2015)

Сари Я. Связь конфликта с идентичностью на примере событий в ферганской долине. Центральная Азия и Кавказ. 2013. т. 16. вып. 4. С. 7–19.

Сахарова Л.А. Российская промышленная политика: новые организационные подходы к инвестиционным проблемам // Евразийский Научный Журнал, 2015. №9. [Электронный ресурс]. URL: <http://journalpro.ru/archive/evraziyskiy-nauchnyy-zhurnal-9> (24.03.2018)

Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад. Апатиты: Из-во Кольского научного центра РАН, 2010. 213 с

Сенчагов В.К. Методология обеспечения экономической безопасности // Экономика региона. 2008. №3. С. 28–39.

Сенчагов В.К. Экономическое обеспечение национальной безопасности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. №8. С. 31–41.

- Симутина Н.Л., Рыжова Н.П. Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск-Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. – Владивосток, 2007. №5. С. 135.
- Скриба А.С. Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. №3. С. 96–111.
- Смирнова Ю. М., Гудилина Е. Н. Институт общественной дипломатии как выражение «Мягкой силы»: современное состояние и особенности реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. №2. С. 208–214.
- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (23.03.2016).
- Солдаткина Н.В. Предпосылки развития международного автобусного туризма в Хабаровском крае / Н.В. Солдаткина // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3. С. 79–84
- Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. 2002. №3. С.5–18.
- Солодова Г.С., Гомзова В.В. Международная миграция – принимающее общество и иностранцы // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 11. Вып. 2. С. 62–67.
- Спектр. 2016. Доступ: [www.spektr.net](http://www.spektr.net) (проверено 27.01.2016).
- Спутник. 2016. Доступ: <http://radiosputnik.fi/> (проверено 27.01.2016).
- Степанова С.В. Приграничный туризм на северо-западе Российской Федерации: общие тенденции и особенности развития // Балтийский регион. 2014. № 3 [21]. С. 132–144.
- Степанова С.В. Общие тенденции и особенности развития инфраструктуры туризма российских регионов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 2016 № 3. С. 68–84.
- Степанова С.В. Развитие туризма в приграничных российских регионах // Известия ДВФУ. Экономика и управление, 2017. №4 С. 17–27 .
- Степанова С.В., Шлапек Е.А., Тенденции развития трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье // Балтийский регион, 2018, №4 .
- Сочава Б.В. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978. 319 с.
- Степанова С.В. Приграничный туризм на северо-западе Российской Федерации: общие тенденции и особенности развития // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 132–144.
- Степанова С.В. Туристический вектор развития приграничных регионов Северо-Запада России // Балтийский регион. №3. 2016. С.147–163.
- Столяров М.В. Приграничное сотрудничество как область развития международных и внешнеэкономических связей субъектов федерации. [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar2/stoljarov.htm>
- Страны и регионы. 2008. Статистический справочник Всемирного банка / пер. с англ. М.: Весь Мир. 2009
- Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 01.12.2016 №642 // [Официальный сайт]. [Электронный ресурс] URL: <http://sntr-rf.ru>
- Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010) от 22 октября 1999. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=7161>
- Строганов А.О. Новый шелковый путь: вызов российской логистике // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. №4. С. 358–362.
- Суспицын С.А. Анализ динамики пространственной структуры экономики России на основе генетического подхода // Регион. Экономика и Социология. 2011. №2. С. 80–99.
- Тарасов С. Б., Межевич Н. М. Приграничное сотрудничество как инновационная стратегия управления социально-экономическим развитием территории // Экономика и управление. 2009. № 2/5. С. 8–14.
- Тимофеева Л.Н. Власть как политическая коммуникация: материалы методологического семинара. М.: Изд. Дом РАПА, 2010.
- Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: Теория организации промышленности / Пер. с англ. СПб.: Экономическая школа, 1996. XLII+745 с.
- Толстогузов О.В. Стратегия периферийного региона в условиях ограничения информации: методология, теория, практика. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2010а. 488 с.
- Толстогузов О.В. Типология периферийных регионов и особенности граничной периферии Северо-Запад России // Региональная экономика: теория и практика. 2010б. №47. с. 6–13.
- Толстогузов О.В. Дифференциация регионов России и проблемы развития приграничных регионов // Проблемы стратегии и тактики регионального развития. 2011. Т. 2. С. 153–162.
- Толстогузов О.В. Трансформация экономического пространства и структура экономики региона // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016а. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5279> (дата обращения 06.08.2018).
- Толстогузов О.В. Аллокация экономической ренты как антисоциальный фактор // Экономическая наука и социальное государство / Отв.ред. О.А. Александрова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016б. С. 125–134.

Толстогузов О.В. Инновационная активность в регионах Северо-Запада России в условиях кризиса // *Инновации*. 2016в. №1 (207). С. 85–92.

Толстогузов О.В. Системные риски и лимитирующие факторы экономического роста периферийного региона // *Устойчивое развитие: общество и экономика: Материалы III Международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие: общество и экономика» 20–23 апреля 2016*. СПб.: Скифия-принт, 2016г. С. 399–400.

Толстогузов О.В. Государственное регулирование экономики: от системного кризиса к институциональному инжинирингу // *Государство и Бизнес. Современные проблемы экономики: материалы IX Междунар. научно-практич. конф.* СПб.: СЗИУ РАНХиГС. 2017а. Т.2. С. 8–10.

Толстогузов О.В. Системные факторы развития экономики регионов // *Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы II Междунар. научно-практич. интернет-конф.* Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017б. С. 238–244.

Толстогузов О.В. Чубиева И.В. Сравнительный анализ управленческих стратегических документов приграничных регионов // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2015. №4 [Электронный ресурс]. URL: <http://uecs.ru/uecs-76-762015/item/3447-2015-04-18-09-25-29> (дата обращения 26.03.2018)

“Транс-Евразийский пояс развития” как первый проект эпохи неоиндустриализации. Режим доступа: <http://www.dialogi.su/discussions/53/950.html>

Траут Дж., Ривкин С. Дифференцируйся или умирай! Выживание в эпоху убийственной конкуренции / пер. с англ. СПб.: Питере, 2007а. 224 с.

Траут Дж., Ривкин С. Новое позиционирование. Все о бизнес-стратегии №1 в мире / пер. с англ. СПб.: Питере, 2007б. 224 с.

Тюйр К. Базовые понятия Трансграничного Сотрудничества // *Справочник по трансграничному сотрудничеству*. Таллинн, 2004. С. 9.

Уильямсон О.И. Сравнение альтернативных подходов к анализу экономической организации // *Уроки организации бизнеса*. СПб, Лениздат, 1994. С. 51–63.

Украинский В.Н. Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем // *Пространственная экономика*. №2. 2011. С. 92–126.

Устойчивость геосистем / Сб. ст. / Отв. редакторы А. Д. Арманд, И. Ю. Долгушин. М.: Наука, 1983. 88 с.

Участники "Балтийского диалога": Общение гражданского общества и экспертов не должно зависеть от политической конъюнктуры. URL: <http://gorchakovfund.ru/news/17531/> (дата обращения 15.11.2015)

Федорченко А.В. Воздействие процессов глобализации и регионализации на территориальную организацию некоторых отраслей обрабатывающей промышленности // *Региональные исследования*. 2016. №3. С. 133–141.

Финляндия. URL: [http://www.visit-plus.com/ru/finland\\_russia](http://www.visit-plus.com/ru/finland_russia). (Дата обращения: 03.05.2017). FinlJandija [Finland], available at: [http://www.visit-plus.com/ru/finland\\_russia](http://www.visit-plus.com/ru/finland_russia).

Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи. Р. Экономика / Пер. с англ. М.: Дело ЛТД, 1993. 864 с.

Фонтанка.fi.2016. Доступ: <http://fontanka.fi/> (проверено 27.01.2016).

Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной теории. СПб.: ИД Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 702 с.

Чаевич А.В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации (политологический анализ): диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2006. 356 с.

Часовский В.И. Основные тренды территориально-отраслевых изменений в промышленности России // *Балтийский регион*. 2015. № 3 (25). С. 154–172.

Чекмарев, В.В. Экономическое пространство как объект и предмет экономической науки // *Философия хозяйства*. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. 2000. №3. [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.barrel.ru/filhoz09/statia14.htm>

Чернова Л.С. Тенденции региональной дифференциации уровней социального развития субъектов Российской Федерации // *Проблемы прогнозирования*. 2007. №6. С. 58–65.

Черномаз П.А. Возможности общественной дипломатии в трансграничном сотрудничестве// *Общественная дипломатия как инструмент приграничного взаимодействия Евразийского союза: монография / [редкол.: В.П. Бабинцев и др.]*. Белгород: «КОНСТАНТА», 2016. С. 44–46.

Шарипов Ф.Ф. Эволюция представлений о пространственной организации экономики // *Вестник университета*. №10. 2017. С.80–87.

Шарьгин, М.Д., Гагарский М.Д. Теоретические основы размещения производительных сил и экономика районов: учебное пособие. Пермь: РИО Пермского университета, 2005. 226 с.

Шестопал Е.В. Психология воспитания власти. М.: Мысль, 2002. 244 с.

Шикалов Ю.Г. История в формировании региональной идентичности жителей г. Выборга в Советский и постсоветский периоды // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 2016. № 5 (158). С. 13–20.

Шильберг З. Приграничное сотрудничество Калининградской области РФ с Литвой и Польшей: препятствия и возможности // *Балтийский регион*, 2009. №2. С. 129–135.

- Шишкин А.И., Степанова С.В. Формирование выездного и въездного туристических потоков в условиях трансформации социально-экономического пространства России на рубеже XX–XXI вв // Экономика и управление. 2013. №06 (92). С. 24–29.
- Шкиперова Г.Т. Экологизация экономического развития региона: институциональный аспект // Региональная экономика: теория и практика. 2012. №18. С. 9–15.
- Шлапеко Е.А. Геополитические интересы Китая в контексте приграничной торговли. ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016б. № 3. С. 138–145.
- Шлапеко Е.А. Международная проектная деятельность Республики Карелия как ресурс регионального развития // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2013. №3 (132). С.42–45.
- Шлапеко Е.А. Опыт регионостроительства в Северной Европе с позиций теории конструктивизма и парадипломатии// Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016а. Т. 150.2. С. 98–104.
- Шлапеко Е.А. Степанова С.В. Возможности евразийской интеграции в контексте развития Великого шелкового пути // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. № 11. С. 83–91.
- Шлапеко Е.А., Степанова С.В. Развитие приграничной торговли в России: общие тенденции и особенности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017а. Т. 23. № 1. С. 130–139.
- Шлапеко Е. А. Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017б. №1. С. 152–162.
- Шлапеко Е.А. Модели приграничного сотрудничества регионов России // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 1. С. 20–24.
- Шлапеко Е.А., Степанова С.В. Великий Шелковый путь и евразийская интеграция // Мировая экономика и международные отношения. 2018а. Т. 62. № 1. С. 43–52.
- Шлапеко Е.А., Степанова С.В. Формирование трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье (Республика Карелия, Россия – Северная Карелия, Финляндия) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018б. Т. 9, № 3. С. 39–48.
- Шлямин В.А. Стратегия внешнеэкономической деятельности в России и в Финляндии: сравнительный анализ // Международная экономика. 2017. № 4. С. 45–57.
- Шлямин В.А. Финляндия – торговый партнер России //Финляндия торговый партнер России : информационно-аналитический справочник. [авт. коллектив: В. А Шлямин и др.]; М-во экономического развития Российской Федерации, Торговое представительство Российской Федерации в Финляндии. Санкт-Петербург, 2010. С. 168.
- Щербак А.П. Роль энергосбережения в развитии экономики региона // Экономика и управление. 2013. № 7(93). С. 77–81.
- Цейковец Н.В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. №1 (29). С. 129–157.
- Экономический пояс Шелкового пути. Режим доступа: <http://aprcenter.ru/component/k2/328.html>. цупова Д. Что за зверь такой НКО?// Милосердию.ru, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/chto-za-zver-takoj-nko-2/> (4.06.2016 г.).
- Юрьев А.И., Анисимова Т.В., Самуйлова И.А. Проблемы психолого-политических речевых коммуникаций в современной России // Вестник СПбГУ. 2005. №6 (3). С. 121–129.
- Яковлева К.А. Использование лесных ресурсов в приграничных регионах: анализ социально-экономической эффективности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. №6. С. 156–165.
- Яровой Г.О. Трансграничная региональная интеграция в Европе. Проблемы и перспективы функционирования «внешних» еврорегионов»: дис. канд. полит. наук: 23.00.04. Спб., 2007. 201 с.
- Ярыгина О. А., Кучинская Т. Н. «Новый регионализм»: социокультурные практики Китая // Современные наукоемкие технологии. 2013. №7–1. С.19–20
- Andruseac G. Economic security – new approaches in the context of globalization / G. Andruseac // CES Working Papers. 2015. Vol.7. №2. pp. 232–240.
- Antonelli C., Patrucco P.P. Quattraro F. Productivity Growth and Pecuniary Knowledge Externalities: An Empirical Analysis of Agglomeration Economies in European Regions // Economic Geography, Wiley, 2011. №87. pp. 23–50.
- Bar-Kořelis D., Wiskulski T. Cross-border shopping at polish borders tri-city and the russian tourists // GeoJournal of Tourism and Geosites, 2012. q1, vol. 9. P. 43–51.
- Barcelona Center for International Affairs. 2016. URL: <http://www.cidob.org/en> (accessed 1.02.2016).
- Batyk I.M., Semenova L.V. Cross-border cooperation in tourism between the Warmian-masurian voivodeship and the Kaliningrad region. Baltic region, 2013, no. 3, pp. 107–119.
- Baumgartner D., Pütz M., Seidl I. What kind of entrepreneurship drives regional development in European non-core regions? A literature review on empirical entrepreneurship research // European Planning Studies. 2013. № 21. С. 1095–1127.

- Behrens K. International integration and regional inequalities: how important is national infrastructure? // *The Manchester School*. 2011. Vol. 79, No.5. p. 952–971.
- Bilyk R. Ensuring economic security of the regions: european experience and Ukraine // *EURECA: Social and Humanities*. 2016. №3. pp. 3–13.
- Breslin S., Breslin H., Glenn D. *Microregionalism and world order: concept, approaches and implications*. London: Palgrave Macmillan, 2003. 272 p.
- Brewer P., Venaik S. The ecological fallacy in national culture research // *Organization Studies*. 2014, Vol. 35, Iss. 7. P. 1063–1086.
- Brühlhart M., Crozet M., Koenig P. *Enlargement and the EU Periphery: The Impact of Changing Market Potential* // Hamburg Institute of International Economics. 2004. Discussion Paper 270.
- Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in Post-Cold War Era*. N.Y.; L.: Harvester Wheatsheaf, 1991. P. 190
- Buzan, B. *Regions and Powers: The Structure of International Security*– Cambridge University Press, 2003. – 569 p
- Christaller W. *Die zentralen Orte in Suddeutschland // Eine ökonomisch geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verteilung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischer Funktionen*, 1933.
- Cerina F. Mureddu F. Agglomeration and Growth with Endogenous Expenditure Shares // *Journal of Regional Science*, 2012. Vol. 52(2). pp. 324–360.
- Cohen S.B. *Geography and Politics in a Divided World*. – London: Methuen, 1964.
- Cohen D. China's "Second Opening": Grand Ambitions, but a Long Road ahead. [Электронный ресурс] URL: [http://www.ecfr.eu/page/-/China\\_analysis\\_belt\\_road.pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/China_analysis_belt_road.pdf)
- Cooperation, Environment, and Sustainability in Border Regions. San Diego: San Diego State University Press and Institute for Regional Studies of the Californias, 2001. 422 p.
- Damijan J. and Kostevc C. The Impact of European Integration on Adjustment Pattern of Regional Wages in Transition Countries: Testing Competitive Economic Geography Models // *Center for Transition Economics*. 2002. Discussion Paper 118.
- Decisions 1/2015–12/2016. Finnish Immigration Service. [Электронный ресурс] URL: <http://statistics.migri.fi/#decisions?start=540&end=551> (дата обращения: 12.03.2018).
- Denoon D., ed. *The United States, and the Future of Central Asia: U.S.-China Relations*, Vol. I, July 2015, NYU Press, 464 p.
- Desmet K. On spatial dynamics // *Journal of regional science*. 2010, Vol. 50, No. 1, pp. 43–63
- van Deth J.W. The 'Good European Citizen' Congruence and Consequences of Different Points of View // *European Political Science*. 2009. issue 2. pp. 175–189
- Dimitrov M., Petrakos G., Totev S., Tsiapa M. Cross-Border Cooperation in Southeastern Europe: The enterprise's Point of View // *Eastern European Economies*. 2003. Vol. 41 (6), pp. 5–25.
- Doloreux D., Dionne S. Is regional innovation system development possible in peripheral regions? Evidence from the case of La Pocatiere // *Entrepreneurship & Regional Development*. 2008. № 20. pp. 259–283.
- Easton D. *A Framework for Political Analysis*. Englewood; Cliffs; N.J.: Prentice-Hall, 1965. 168 p.
- Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: Wiley, 1965. 534 p.
- Eggertsson T. Knowledge and Social Progress: the Role of Social Technologies / Paper prepared for a conference «The Dynamics of Institutions in Perspective: Alternative Conceptions and Future Challenges», University of Paris, October 3–4, 2008. [Электронный ресурс]. URL: [http://economix.fr/pdf/workshops/2008\\_institutions/Eggertsson.pdf](http://economix.fr/pdf/workshops/2008_institutions/Eggertsson.pdf). P. 11
- Election Act. 218/2004. URL: <http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1998/en19980714.pdf> (assessed 27.01.2016).
- Esteban J.M., Ray D. On the measurement of polarization // *Econometrica*. №4. 1994. pp. 819–851.
- Etzioni A. *The active society*. N.Y., 1968
- European Social Survey. 2014. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (assessed 27.01.2016); Migrants perceptions of Australia. 2013. URL: [https://www.ames.net.au/files/file/Research/Report%20Perceptions%20of%20Australia%20survey%20summary%20report\\_FINAL.pdf](https://www.ames.net.au/files/file/Research/Report%20Perceptions%20of%20Australia%20survey%20summary%20report_FINAL.pdf) (assessed 27.01.2016).
- Fiani R. Increasing Returns, Non Traded Inputs and Regional Development // *Economic Journal*. 1984. P. 308–323.
- Forslid R., Ottaviano G.I.P. An analytically solvable core-periphery model // *Journal of Economic Geography*. 2003. Vol. 3, №.3. Pp. 229–240.
- Friedmann, J. *Regional Development Policy*. Boston, 1966.
- Friedmann, J., Alonso W. *Regional Development as a Policy Issue* // *Regional Development and Planning*. Cambridge (Mass.), 1964.
- Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992. 418 p.
- Fujita M. The evolution of spatial economics: from Thunen to the new economic geography // *The Japanese Economic Review*. 2010. Vol. 61, No. 1, p. 1–32.
- Fujita M., Mori T. Structural stability and evolution of urban systems // *Regional Science and Urban Economics*. 1996. V. 27. P. 4–5.

- Fujita M., Mori T. *Frontiers of the New Economic Geography* // Published in IDE Discussion Paper. 2005. No 27. P. 377–405.
- Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. The MIT Press, 2001. 384 p.
- Future Strategy of Migration 2020. 2013. URL: [http://issuu.com/sisaministerio/docs/maahanmuuton\\_tulevaisuus\\_2020\\_eng\\_1](http://issuu.com/sisaministerio/docs/maahanmuuton_tulevaisuus_2020_eng_1) (accessed 27.01.2016).
- Gardiner B., Martin R. L., Tyler P. Spatially unbalanced growth in the British economy // *Journal of Economic Geography*. 2013. № 13. C. 889–928.
- Gilbert A. Gugler J. *Cities, Poverty and Development: Urbanization in the third world*. Oxford: Oxford University Press, 1982.
- Global Blue Oy [Official web-site Global Blue Oy], [Электронный ресурс] URL: [http://localservices.globalblue.com/fi\\_su/local-news/myyntitilastot-marraskuu-2014-tax-free-shopping/](http://localservices.globalblue.com/fi_su/local-news/myyntitilastot-marraskuu-2014-tax-free-shopping/)
- Globalization, Security and the Nation State: Paradigms in Transition / Ed. by E. Aydinli, J.N. Rosenau. Albany: State University of New York Press, 2005. 285 p.
- Golunov S. *EU-Russian Border Security: Challenges, [Mis]perceptions, and Responses*. London: Routledge, 2012, Part V.
- Group of Ten «Report on consolidation in the financial sector», January 2001. [Электронный ресурс]. URL <http://www.imf.org/external/np/g10/2001/01/eng/pdf/file1.pdf>
- Growing Regions, growing Europe – Fourth report on economic and social cohesion / European Commission. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. 222 p.
- Gurova O., Ratilainen S. M. From Shuttle Traders to Middle-Class Consumers: Russian Tourists in Finnish Newspaper Discourse between the years 1990–2014 // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2016. no. 16 (1). Pp. 51–65.
- Hansen, N., Higgins B., Savoie D. *Regional Policy in a Changing World*. N.Y., L., 1990.
- Hanson G. H. Integration and the location of activities – Economic Integration, intra-industry trade, and frontier regions // *European Economic Review*. 1996. Vol. 40. pp. 941–949.
- Hanson G. Regional adjustment to trade liberalization // *Regional Science and Urban Economics*, 1998. Vol. 28. pp. 419–444.
- Held D. et al. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Cambridge; Oxford: Polity Press, 2000. 515 p.
- Helsinki Treaty [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.norden.org/en/about-nordic-co-operation/agreements/treaties-and-agreements/basic-agreement/the-helsinki-treaty>
- Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster, 1997. 367 p.
- HaparandaTornio. *Borderless experiences all year round. Easy and fun to cross the border*. HaparandaTornio, 2015. 31 p.
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations*. Cambridge: Polity, 1999. 515 p.
- Hettne B., *Globalization and the New Regionalism: the second great transformation*. Basingstoke: Macmillan. 1999
- Hettne, B. The Europeanization of Europe: endogenous and exogenous dimensions // *Journal of European Integration*. 2002. Vol.24. №4. P.325–340.
- Hideaki H., Ayhan Kose M., Otrok C. Regionalization vs. Globalization / *International Monetary Fund Working Paper* [Электронный ресурс]. Режим доступа к статье: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp1319.pdf>.
- Hillygus D. The Missing Link: Exploring the Relationship Between Higher Education and Political Engagement // *Political Behavior*. 2005. Vol. 27. No. 1. P. 25–47.
- Hirst P.Q., Thompson G. *Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance*. Cambridge: Polity Press, 1996. 227 p.
- Holbig H. Ideology after the End of Ideology. China and the Quest for Autocratic Legitimation // *Democratization* 2013.20 (1). p. 61–81
- Holmes T, Stevens J. Geographic Concentration and Establishment Scale // *Review of Economics and Statistics*. 2002. V. 84. P. 682–690.
- Holmes T. Localization of Industry // *Review of Economics and Statistics*. 1991. Vol. 81. P. 314–333.
- Hoover E. *The Location of Economic Activity*. Berkshire: McGraw-Hill, 1963.
- Hotspot: the new destination of refugee buses. URL: <http://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/domestic/13543-hotspot-the-new-destination-of-refugee-buses.html> (дата обращения: 22.02.2018)
- Hough P. *Understanding Global Security*. London: Routledge, 2005. 271 p.
- Human Development Report 2015. United nations Development Programme. New York: Work for Human Development, United nations, 2015 [http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015\\_human\\_development\\_report\\_1.pdf](http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report_1.pdf)
- Pullisat Declaration [https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/080525\\_arctic\\_ocean\\_conference\\_outcome.pdf](https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/080525_arctic_ocean_conference_outcome.pdf)
- Innis H.A. *The Bias of Communication* – Toronto: University of Toronto Press, 1999
- International Migration Outlook. OECD. 2013 / Official Website [online] Available at: [https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2013\\_migr\\_outlook-2013-en](https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2013_migr_outlook-2013-en) [Accessed 6 June 2018].

- International Migration Report 2017. United Nations. Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2017. Official Website [online] Available at: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017.pdf> [Accessed 6 June 2018].
- Isaksen A., Karlsen J. Can small regions construct regional advantages? The case of four Norwegian regions // *European Urban and Regional Studies*. 2013. № 20. С. 243–257.
- Joenniemi P., Sergunin A. When Two Aspire to Become One: City – Twinning in Northern Europe // *Journal of Borderlands Studies*. 2011. Vol. 26. No 2. P.231–242.
- Joensuun kaupunki. URL: <http://www.joensuu.fi/joensuu-lukuina> (accessed: 15.05.2018)
- Kaase M. Marsh A. Measuring political action // *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies* / Ed. by S.H. Barnes, M.Kaase. Beverly Hills and London: Sage Publications, 1979
- Kahler M. Economic security in an era of globalization: definition and provision // *The Pacific Review*. 2004. Vol. 17. №4. pp. 485–502.
- Käyhty A. The Russians are Coming – and Lappeenranta Rubs Its Hands. *Helsingin Sanomat*, 1999. 20 December. URL: <http://www2.hs.fi/english/archive/thisweek/51141999.html> (Дата обращения: 03.05.2017).
- Kemeny T., Storper M. Is Specialization Good for Regional Economic Development? // *Regional Studies*. 2015. № 49, вып. 6. С. 1003–1018.
- Kortelainen J., Rannikko P. Positionality Switch: Remapping Resource Communities in Russian Borderlands // *Economic Geography*. 2015. № 91 (1). С. 59–81.
- Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991a. V. 99. P. 483–499.
- Krugman P.R. *Geography and Trade*. Cambridge, Massachusetts, Massachusetts Institute of Technology Press, 1991b. 156 p.
- Krugman P.R. *Development, Geography and Economy Theory*. Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology Press, 1995. 117 p.
- Krugman P. Elizondo R.L Trade policy and the Third World metropolis // *Journal of development Economics*. 1996. V. 49. pp. 137–150.
- Krugman P.R., Venables A.J. The Seamless World: A Spatial Model of International Specialization. National Bureau of Economic Research, Inc., NBER Working Papers. 1995. №5220. II+37 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nber.org/papers/w5220.pdf> (accessed 06.08.2018).
- Kyhä H. Educated Immigrants in Employment Markets. A Study on Higher Educated Immigrants' Employment Opportunities and Career Starts in Finland. 2011. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/72519> (assessed 27.01.2016).
- Labrianids L., Vogiatzis N Local Delocalization Across Borders: the Case of Garment Quasi – Cluster in the Balkans // *Journal of Borderlands Studies*. 2011. Vol. 26. No 1. P.35–51.
- Laine A. Karelia between two socio-cultural systems // *Russian Karelia in search of a new role*. Edited by H. Eskelinen, J Oksa, D.Austin. Karelian Institute. University of Joensuu. 1994. Joensuu. P. 13–25.
- Laine A. Suomalaisten yhteydet Neuvostoliiton Pohjois-Karjalaan 1900-luvulla toisen maailmansodan loppuun asti // *Maaseutuvakea, hengen ja ruumiin kulttuuria. Historian tutkimuksia*. Joensuu. 1991. № 8. P. 97–119.
- Lasswell H.D. *The Structure and Function of Communication in Society, The Communication of Ideas*. / Ed.: L. Bryson. – New York: Harper and Brothers. 1948. p. 37–51
- Laruelle M. The US Silk Road: geopolitical imaginary or the repackaging of strategic interests? // *Eurasian Geography and Economics*. 2015. Vol. 56. №4. pp. 360–375.
- Luttwak E. *Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1998. 290 p.
- Maitland C.F., Bauer J.M. National level culture and global diffusion: the case of the Internet / *Culture, technology, communication: towards an intercultural global village* / ed. Charles Ess; Fay Sudweeks. SUNY Press: 2001. P.90.
- Makkonen T. Cross-border shopping and tourism destination marketing: the case of Southern Jutland, Denmark // *Scandinavian journal of hospitality and tourism*. 2016. vol. 16. Supplement 1. P. 36–50.
- Mansori K.S. The geographic effects of trade liberalization with increasing returns in transportation // *Journal of regional science*. 2003. Vol.43, No.2, pp. 249–268.
- Martel F. La politique étrangère chinoise prend la route de la soie. Available at: <http://inosmi.ru/world/20150331/227228444.html> (26.02.2016).
- McCallum J. National Borders Matter: Canada–US Regional Trade Patterns // *American Economic Review*. 1995. Vol. 85 (3). pp. 615–623
- Mezhevich, N., Zhuk, N. Cross-border Specialization of Interregional Interaction: Applying New Assessment Methods. *Baltic region*, 2013, no. 1 (15), pp. 27–36. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-1-3
- Migrant Integration Policy Index. 2014. URL: <http://www.mipex.eu/> (accessed 14.12.2015).
- Migration Policy Group. 2015. URL: <http://www.migpolgroup.com> (accessed 14.12.2015).
- Molle, W. *Region Policy // Main Economy Policy Areas of the EC after 1992* / Ed. by Coffey P. 1993. P.149–178.
- Murphy K.M., Topel R.H. Some Basic Economics of National Security / K.M. Murphy, // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103. №3. pp. 508–511.

- Mutz D., Mondak J. The Workplace as a Context for Cross-Cutting Political Discourse // *The Journal of Politics*. 2006. Vol. 68. No. 1. P. 140–155.
- Myrdal G. *Economic Theory and Under-developed Regions*. London: Duckworth, 1957.
- New Non-Discrimination Act Entered into Force. 2015. URL: <http://oikeusministerio.fi/en/index/currentissues/tiedotteet/2014/12/uusiyhdenvertaisuuslakivoimaanensivuodenalusta.html> (accessed 27.01.2016).
- Nordic Cooperation on Foreign and Security Policy. Proposals presented to the extraordinary meeting of Nordic foreign ministers in Oslo on 9 February 2009. Thorvald Stoltenberg <https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/UD/Vedlegg/nordicreport.pdf>
- Noseleit F. The Role of Entry and Market Selection for the Dynamics of Regional Diversity and Specialization // *Regional Studies*. 2015. № 49. № 1. C. 76–94.
- Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs. 2004. 191 p.
- OECD territorial reviews: trans-border urban co-operation in the Pan Yellow Sea Region. Paris: OECD, cop. 2009. 224 c.
- Official web-site of the cross-border cooperation program «Karelia». URL: <http://www.kareliaenpi.eu/> (accessed: 09.07.2018).
- Ohmae K. *The Borderless World*. New York: Harper Collins, 1990. 222 p.
- Onsager K., Isaksen A., Fraas M., Johnstadt T. Technology cities in Norway: Innovating in global networks // *European Planning Studies*. 2007. № 15.C. 549–566.
- Ottaviano G.I.P., Pinelli D. Market potential and productivity: evidence from Finnish regions // *Regional Science and Urban Economics*. 2006. Vol. 36. P. 636–657.
- Panasiuk A. Tourism infrastructure as a determinant of regional development / *Ekonomika ir vadyba: aktualijos ir perspektyvos*, 2007. №1 (8). pp. 212–215.
- Perkmann M. The rise of the Euroregion. A bird's eye perspective on European cross-border co-operation. [Электронный ресурс] Режим доступа URL: <http://www.lancaster.ac.uk/sociology/research/publications/papers/perkmann-rise-of-euroregion.pdf>
- Petrakos G., Topaloglou L. Economic Geography and European Integration: The Effects on the EU External Border Regions // *Discussion Paper Series*, 2005. 12(8): 153–174. [Электронный ресурс]. URL [http://www.prd.uth.gr/research/DP/2005/uth-prd-dp-2006-8\\_en.pdf](http://www.prd.uth.gr/research/DP/2005/uth-prd-dp-2006-8_en.pdf)
- Piipponen M., Virkkinen J. Asylum seekers and security at the northern Finnish-Russian border: analyzing the “Arctic route episode” of 2015–2016 // *RUDN Journal of Economics*. 2017. № 25(4). pp. 518–533.
- Pohjois-Karjala. URL: <https://tem.fi/documents/1410877/6463080/Pohjois-Karjala.pdf/3177b387-e039-4621-be26-6197795098c3/Pohjois-Karjala.pdf.pdf> (accessed: 16.06.2018)
- Pred A.R. *The Spatial Dynamics of U.S. Urban-Industrial Growth. 1800–1914*. Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology Press, 1966.
- Price V., Zaller J. Who Gets the News? Alternative Measures of News Reception and Their Implications for Research // *Public Opinion Quarterly*. 1993. Vol.57. No.2. P. 133–164.
- Prokkola E.-K., Vainikka V., Kajan E. Everyday security and demonstrations in the border towns of Lappeenranta and Tornio // *Nordia Geographical Publications*. 2017. № 46 (3). pp. 37–48.
- Public opinion in the European Union. Standard Eurobarometer 83 Spring 2015. URL: [http://ec.europa.eu/public\\_opinion/archives/eb/eb83/eb83\\_first\\_en.pdf](http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb83/eb83_first_en.pdf) (05.03.2017)
- Puga D. European regional policies in light of recent location theories // *Journal of Economic Geography* 2002. No.2. pp. 373–406.
- Reich R. *The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism*. New York: Vintage Books, 1992. 331 p.
- Resmini L. () Economic integration and regional patterns of industry location in transition countries // 43rd ERSA European Conference. Jyväskylä, Finland, 2003.
- Rethinking Nordic Added Value in Research // *NordForsk Policy Briefs 3–2011*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nordforsk.org/files/policy-brief-3-2011-rethinking-nordic-added-value-in-research>
- Richardson H.W. *Regional Economics. Location theory, urban structure and regional change*. World University, 1969. p. 123–145.
- Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London, Newbury Park, New Delhi: SAGE. Publications, 1992. 211 p.
- Rolling back Russia's spatial disparities. Re-assembling the Soviet Jigsaw under a Market Economy. The World Bank, The World Bank Group, 2018. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29866/126805-WP-WBrollingback-PUBLIC.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 06.08.2018).
- Russian.fi.2016. Доступ: <http://www.russian.fi/news/> (проверено 27.01.2016).
- Sabatier P.A. Toward Better Theories of the Policy Process // *PS: Political Science and Politics*. 1991.24 (2). p.147–56
- Saito H., Gopinath M., JunJie Wu. Heterogeneous firms, trade liberalization and agglomeration // *Canadian journal of economics*, 2011. Vol. 44., No. 2. P. 541–560.
- Seetanah B., Juwaheer T. D., Lamport M. J., Rojid S., Sannasse R V (2011). Does Infrastructure Matter In Tourism Development? // *University of Mauritius research journal*, 17. pp. 89–108

- Shikalov Y., Hämynen T. Viipurin kadotetut vuodet 1940–1990. Helsinki, 2013. P. 241.
- Shlapeko E. A., Stepanova S.V. Cultural integration: positive and negative perceptions (case of Tornio, Finland) // *Geographia Polonica*, 2018, Vol. 91, Issue 3, pp. 301–315.
- Smith D.P., King R. Editorial Introduction: Re-Making Migration Theory // *POPULATION, SPACE AND PLACE*. Department of Geography, Loughborough University, Department of Geography, University of Sussex, Brighton, UK, John Wiley & Sons, Ltd, 2011.
- Sotirovic M., McLeod J. Values, Communication Behaviour, and Political Participation. – *Political Communication*. 2001. Vol. 18. No. 3. P. 273–300.
- Spierings, B., van der Velde, M. Cross-border differences and unfamiliarity: Shopping mobility in the Dutch-German Rhine-Waal Euroregion. *European Planning Studies*. 2013. № 21. P. 5–23.
- Statistical Yearbook of Finland. Helsinki, 2015.
- Statistics Finland. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.fi>.
- Statistics Finland. 2014. URL: <http://www.vrk.fi/default.aspx?id=39> (assessed 27.01.2016).
- Stein, R., Derek U.W. Introduction: Centers and Peripheries in Western Europe // *The Politics of territorial Identity. Studies in European Regionalism* / ed. by Stein Rokkan & Derek W. Urwin. London, Beverly Hills, New Delhi: SAGE publications, 1982.
- Stepanova S. The Role of Tourism in the Development of Russia's Northwestern Border Regions // *Baltic Region*, 2016 Vo.18, Issue3. P. 109–120.
- Stepanova S.V., Shulepov V.I. Development of tourism and recreation activities in cross-border regions of Northwest Russia: general trends and features. *Indian Journal of Science and Technology*, August, 2016 Vol. 9 (issue 29) DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i29/88684.
- Suomalais-Venäläinen kauppakamari. URL: <https://www.svkk.ru/html> (Дата обращения: 16.07.2018)
- Suorsa K. Regionality, innovation policy and peripheral regions in Finland, Sweden and Norway. *Fennia* 185: 1, pp. 15–29. Helsinki, 2007.
- Tartakovsy E., Walsh S. D. Testing a New Theoretical Model for Attitudes Toward Immigrants: The Case of Social Workers' Attitudes Toward Asylum Seekers. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2016. № 47 (1). pp. 72–96.
- Tax-free sales drop by up to 75 percent. URL: [http://yle.fi/uutiset/osasto/news/tax-free\\_sales\\_drop\\_by\\_up\\_to\\_75\\_percent/7726403](http://yle.fi/uutiset/osasto/news/tax-free_sales_drop_by_up_to_75_percent/7726403). (Дата обращения: 03.05.2017). Tax-free sales drop by up to 75 percent, available at: [http://yle.fi/uutiset/osasto/news/tax-free\\_sales\\_drop\\_by\\_up\\_to\\_75\\_percent/7726403](http://yle.fi/uutiset/osasto/news/tax-free_sales_drop_by_up_to_75_percent/7726403). (accessed: 03.05.2017)
- Territorial cooperation – extending interaction // *Nordregio report 2007:1*. [Электронный ресурс] URL: [http://www.nordregio.se/filer/Files/r200701/NR2007\\_1\\_chapter\\_4.pdf](http://www.nordregio.se/filer/Files/r200701/NR2007_1_chapter_4.pdf)
- Tervo H. Centres and peripheries in Finland: Granger causality tests using panel data // *Spatial Economic Analysis*. 2009. Vol.4. P. 377–390.
- The World Factbook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/Publications/the-world-factbook/geos/rs.html>.
- Timothy D. J. *Shopping Tourism, Retailing and Leisure*. Channel View Publications, Clevedon, 2005. P. 42–75.
- Timothy, D.J., Guia J., Berthet N. Tourism as a catalyst for changing boundaries and territorial sovereignty at an international border. *Current issues in tourism*, 2014, vol. 17, no 1, pp. 21–27.
- Tödting F., Trippel M. One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach // *Research Policy*. 2005. № 34. C. 1203–1219.
- Tömöri M. Investigating shopping tourism along the borders of Hungary – a theoretical perspective // *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 2010. Year III, №. 2, Vol. 6, November, P. 202–210.
- Topaloglou L., Kallioras D., Manetos P. and Petrakos G. (2006) A Border Regions Typology in the Enlarged European Union // *Journal of Borderlands Studies*, Vol. 20 (2), pp. 67–89.
- UNESCO Science Report: towards 2030 – Executive Summary. Paris, France: UNESCO, 2015. [Electronic resource]. URL: [https://en.unesco.org/unesco\\_science\\_report](https://en.unesco.org/unesco_science_report).
- Verba S., Nie N. *Participation in America*. New York: Harper and Row, 1972
- Virkkala S. Innovation and networking in peripheral areas – a case study of emergence and change in rural manufacturing // *European Planning Studies*. 2007. № 15. C. 511–529.
- Wallerstein I. *The Politics of the World-Economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Wallerstein, I. *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the 16-th Century*. N.Y.: Academic Press, 1974.
- Wallerstein I.M. Globalization or the Age of Transition // *International Sociology*. 2000. Vol. 15(2). №6. P. 249–265.
- Wendt A. *Social theory of international politics*. Cambridge University Press, 1999. 429 p.
- YLE. 2016. Доступ: <http://yle.fi/uutiset/novosti/> (проверено 27.01.2016).

Научное издание

**ПРИГРАНИЧНАЯ ПЕРИФЕРИЯ РОССИИ:  
ГЕОЭКОНОМИКА, КОММУНИКАЦИИ, СТРАТЕГИЯ**

Печатается по решению Ученого совета  
Института экономики КарНЦ РАН

*Издано в авторской редакции*

Подписано в печать 26.12.2018. Формат 60×84<sup>1</sup>/<sub>8</sub>.  
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 26,3. Усл. печ. л. 28,13.  
Заказ № 537

Федеральный исследовательский центр  
«Карельский научный центр Российской академии наук»  
Редакционно-издательский отдел  
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50